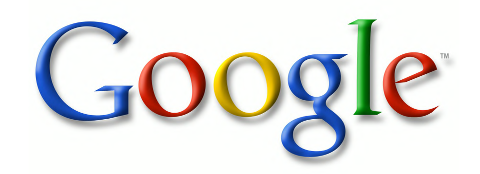

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

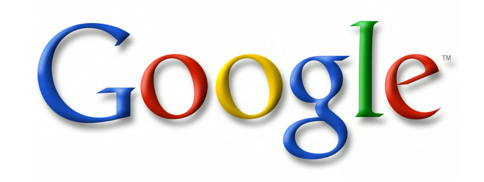
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

St. 1·40

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

18 11/III 15

Szurmay Ladislas

АМЕРИКАНКИ XVIII ВѢКА.

СОСТАВЛЕНО ПО МЕМУАРАМЪ

МИСТРИСЪ ЭЛЛЕТЪ

М. Цебриковой.

Посвящается молодымъ дѣвушкамъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Могилевская, 7.

1871.

HQ 1412
T7

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

XVIII вѣкъ былъ великой эпохой для Америки—эпохой основанія Соединенныхъ Штатовъ. Распространяться о значеніи этой эпохи совершенно излишне, потому что бѣглый очеркъ, какой только можно умѣстить въ предисловіи, не можетъ дать полнаго и вѣрнаго понятія о великихъ событіяхъ этой эпохи для тѣхъ изъ молодыхъ читательницъ, которыя мало знакомы съ исторіей Соединенныхъ Штатовъ. Тѣ же, которыя знакомы съ нею, и безъ него будутъ въ состояніи оцѣнить всю важность участія американокъ XVIII вѣка въ великой борьбѣ за независимость своего отечества. Американки дѣятельно служили всѣми силами дѣлу освобожденія отечества; ихъ вліяніе, и прямое и посредственное на судьбы его, было сильно и прочно; этому вліянію Америка обязана счастливымъ исходомъ своей борьбы за независимость почти столько же, сколько политической мудрости своихъ великихъ вождей и геройской неустрашимости своихъ гражданъ.

Три тома мемуаровъ мистрисъ Эллеѣт, которая въ свое время пользовалась заслуженной извѣстностью въ американской литературѣ, даютъ очень подробную и интересную характеристику дѣятельности американокъ въ ту великую эпоху. Наиболѣе интересные и характеристичные очерки жизни американокъ этой эпохи предлагаются въ переводѣ

молодымъ читательницамъ. Нейманъ, въ своей исторіи Сѣверо-американскихъ штатовъ, ссылается на эти мемуары, впрочемъ заподозрѣвая нѣкоторые очерки въ вымышленной романичности; но этотъ упрекъ можетъ относиться всего къ двумъ - тремъ очеркамъ, которымъ она придала форму разсказа, взявъ основу его изъ писемъ очевидцевъ и газетныхъ реляцій; но если бы эти два-три очерка и были дѣйствительно прикрашены фантазіей вслѣдствіе весьма понятнаго увлеченія автора патріотизмомъ, всетаки они не теряютъ свою цѣну, какъ картины народной и общественной жизни того времени. Сверхъ того, среди сѣренькой будничной жизни какъ - то съ трудомъ вѣрится тому, что̀ выходитъ за ея тѣсныя рамки и величавая рѣчь эпопеи покажется странной и неестественной среди суетни житейской комедіи. Дюйкинкъ въ своей энциклопедіи американской литературы, отзывается съ большой похвалой о неутомимомъ трудѣ и добросовѣстности, съ какою мистрисъ Эллетъ составляла эти мемуары по газетамъ того времени, оффиціальнымъ документамъ, частной перепискѣ и разсказамъ очевидцевъ. Весьма вѣроятно, что въ разсказы очевидцевъ, бывшихъ большею частью друзьями или родственниками героинь, равно какъ и въ переписку между близкими могло вкрасться невольное преувеличеніе, но это общій недостатокъ всѣхъ мемуаровъ. Мистрисъ Эллетъ говоритъ, что ея мемуары правдивый отчетъ истинныхъ событій, и что тамъ, гдѣ у нея не хватало матеріала для подробнаго очерка которой нибудь изъ героинь, она довольствовалась бѣглыми замѣтками; и въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые очерки до того блѣдны, что не содержатъ ничего, кромѣ дней рожденія, замужества и смерти героинь и поименнаго списка ихъ дѣтей съ ихъ женами и мужьями, да упоминанія о сохранившемся преданіи о вліяніи героизма ихъ на настроеніе духа населенія какой либо мѣстности. Эти очерки были выпущены въ переводѣ вмѣстѣ съ безконечными топографическими подробностями и безчисленными

ссылками на свидѣтельство множества совершенно неизвѣстныхъ личностей, которыя доставляли мистрисъ Эллетъ матеріалы для мемуаровъ. Но если эти блѣдные очерки, топографическія подробности и ссылки могутъ имѣть интересъ только для американцевъ, за то и неудовлетворительность первыхъ и обиліе вторыхъ выказываютъ вполнѣ осмотрительность и добросовѣстность автора и снимаютъ съ него обвиненіе въ томъ, что онъ выдавалъ вымыселъ своей фантазіи за истину. Многое изъ того, что́ говоритъ мистрисъ Эллетъ о дѣятельности американокъ этой эпохи, подтверждено въ біографіяхъ Вашингтона, въ исторіи Неймана, въ исторіи войны за независимость Ботта и въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ Э. Лабуле.

Что же касается характера самихъ мемуаровъ, то слѣдуетъ пожалѣть, что они не были составлены авторомъ, одареннымъ болѣе свѣтлымъ взглядомъ на жизнь и болѣе широкимъ пониманіемъ исторіи. Мистрисъ Эллетъ квакерша и въ сужденіяхъ ея о событіяхъ и людяхъ этой эпохи отразился узкій духъ секты, къ которой она принадлежитъ, Подъ вліяніемъ квакерскаго піэтизма она приписываетъ торжество американцевъ въ значительной степени религіозному характеру женщинъ и ихъ молитвамъ, не вслѣдствіе того вліянія, какое могли имѣть эти молитвы на одушевленіе народа, а вслѣдствіе вліянія, которое онѣ имѣли на неисповѣдимыя судьбы Провидѣнія. Она не принимаетъ въ разсчетъ, что въ непріятельскомъ лагерѣ приносились такія же молитвы, а въ Англіи епископы и члены парламента, принадлежавшіе къ епископской, такъ называемой, высокой церкви (high church), бывшіе непримиримыми врагами пресвитеріанцевъ и методистовъ, американской поповщины и безпоповщины, равнымъ образомъ возсылали молитвы и налагали посты для навлеченія гибели на ненавистныхъ мятежныхъ американцевъ, не признававшихъ ихъ власти. Мистрисъ Эллетъ прецаивно раздѣляетъ предразсудки сектаторовъ, будто ихъ секта составляетъ предметъ

исключительной заботливости Провидѣнія и не подозрѣваетъ закона исторіи, что будущее принадлежитъ народу, а не притѣснителямъ. Впрочемъ, не смотря на указанные недостатки, приходится довольствоваться этими мемуарами для того, чтобы имѣть понятіе о дѣятельности женщинъ Америки во время войны за освобожденіе. Эти мемуары, сколько извѣстно, единственные въ Америкѣ, а потому высоко цѣнились и разошлись въ пяти изданіяхъ.

Немногимъ американкамъ удалось играть видную роль въ политикѣ. Главная сила американокъ XVIII вѣка была не въ этой роли, а въ мужествѣ и самоотверженіи, о которомъ свидѣтельствуютъ и исторія и преданіе, въ томъ одушевленіи, которымъ была проникнута вся масса ихъ, въ томъ вліяніи, которое онѣ имѣли на общественное мнѣніе какъ жены и матери. Сила ихъ была сила нравственная. Нравственное вліяніе неуловимо; и въ исторіи, которая имѣетъ дѣло съ фактами, невозможно взвѣсить и опредѣлить его силу съ математической точностью. Можно сосчитать удачные удары, которыми боецъ положитъ на мѣстѣ врага, опредѣлить ихъ мѣткость и силу, но невозможно указать ощущенія, переданныя нервами мускуламъ, поднимавшимъ руку на удары. Главная причина счастливаго исхода американской войны за освобожденіе лежитъ въ общемъ одушевленіи идеями независимости всей массы народа. «Корни неувядаемыхъ лавровъ, которыми увѣнчано чело героевъ, выросли въ сердцахъ народа, были вспоены его кровью,» говоритъ мистрисъ Эллетъ. Общее одушевленіе, поднявшее народъ, было возбуждено и поддержано женщинами. Американки, посылая въ огонь мужей и сыновей, дѣля съ ними труды и опасности, воскресили въ себѣ образъ древней спартанки, которая говорила отдавая сыну щитъ: «или со щитомъ или на щитѣ.» Это вліяніе было признано и американцами и непріятелемъ. Не найдется ни одной страны, гдѣ бы вліяніе женщины было такъ сильно, *прочно* и благотворно какъ въ Америкѣ, и чтобы понять

всѣ силы великой республики, надо принять въ соображеніе и его.

Причина этого вліянія лежитъ въ энергическомъ, самостоятельномъ и практическомъ характерѣ американокъ, а такой характеръ могъ развиться только при тѣхъ соціальныхъ, политическихъ и религіозныхъ условіяхъ, при которыхъ складывалась жизнь колоній. И теперь въ Америкѣ, при возрастающемъ наплывѣ поселенцевъ, число женщинъ гораздо менѣе чѣмъ мущинъ; въ то время, при невѣрности и опасности путешествія, на которое отваживались очень немногія женщины стараго свѣта, эта разница въ числѣ была еще значительнѣе. Отношенія между мущинами и женщинами установились по извѣстному экономическому закону: чего менѣе, тѣмъ болѣе дорожатъ. Пріобрѣсти жену удалось не многимъ счастливцамъ, а при уединенномъ почти отшельническимъ образѣ жизни первыхъ поселенцевъ, ставившихъ свои бревенчатыя хижины среди пустынныхъ лѣсовъ, женитьба тѣмъ болѣе была необходимостью. Для дома нужна была работница. Каждая женщина имѣла множество обожателей, которые добивались руки ея. Она, по естественному чувству самосохраненія, останавливала свой выборъ на томъ изъ обожателей, который представлялъ ей болѣе гарантій для сохраненія ея независимости и самосостоятельности. Мужчинѣ, заподозрѣнному въ грубомъ деспотизмѣ, было несравненно труднѣе найти себѣ жену. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ способенъ уважать права другой личности, а первые поселенцы колоній были лучшими представителями умственнаго развитія Европы. Вліяніе женщины упрочивалось и оно было благодѣтельно. Въ колоніяхъ жена была для мужа не предметомъ роскоши, не гаремной одалиской, какъ свѣтскія барыни, содержаніе которыхъ раззоряетъ мужа, она была, въ полномъ смыслѣ этого слова, его помощницей. Американки того времени были достойными подругами тѣхъ неустрашимыхъ піонеровъ, которые съ ружьемъ въ одной рукѣ и топоромъ

въ другой расчищали непроходимыя дебри и складывали свои бревенчатые блокгаузы, зародыши будущихъ цвѣтущихъ многолюдныхъ городовъ Америки. Женщины мужественно переносили всѣ трудности и лишенія жизни чуждой комфорта городовъ: обработывать землю, завѣдывать многосложнымъ хозяйствомъ и домашнимъ производствомъ и часто, въ отсутствіе мужей, защищаться отъ нападеній кочующихъ племенъ и дикихъ звѣрей. Силы ихъ закалялись въ трудѣ и привычкѣ къ опасностямъ. Еще одно важное условіе вліяло на характеръ американокъ. Въ новомъ свѣтѣ земли было вдоволь, ее можно было пріобрѣтать за безцѣнокъ, или просто захватывать по праву сильнаго. Неистощенная почва платила сторицею за трудъ. При неутомимомъ трудѣ и строгой умѣренности образа жизни, который проповѣдывали пуританскія секты, довольство колоній быстро росло. На пространствѣ нѣсколькихъ сотень миль нельзя было встрѣтить ни одного нищаго. Это довольство заставило Вольтера восхвалять землю Пенна, какъ земной рай. Рожденіе ребенка въ самомъ бѣдномъ семействѣ было радостью. Отецъ зналъ, что земля обезпечивала ему средства прокормить ребенка, обезпечивала и ребенку вѣрный кусокъ хлѣба и средство прокормить родителей подъ старость. Ему не приходилось испытывать тотъ мучительный страхъ, съ которымъ европейскій пролетарій встрѣчаетъ лишняго, непрошенаго члена семьи, который отниметъ отъ другихъ и безъ того далеко недостаточную долю хлѣба. Тамъ, гдѣ рожденіе сына встрѣчается страхомъ, рожденіе дочери встрѣчается проклятіями. Сынъ можетъ разсчитывать скорѣе найти работу и, рано ли поздно, не быть обузой родителей; дочь лишнее бремя въ семьѣ. При несложности хозяйства и раздѣленіи труда мануфактурно-промышленной жизни городовъ, которое дѣлаетъ безполезнымъ и убыточнымъ домашнее производство и тѣхъ немногихъ предметовъ, которые необходимы для обихода бѣдной семьи, дѣвушка не можетъ окупать свое содержаніе

домашнимъ трудомъ; она чувствуетъ себя существомъ, которое содержатъ изъ милости. Американки того времени не знали этого мучительнаго принижающаго чувства. По отдаленности городовъ и слабому развитію мануфактурной промышленности, на ихъ долю приходилось довольно труда. Онѣ пряли, ткали, заготовляли одежду на всю семью. Внося такую значительную долю труда въ семью, онѣ не были зависимыми существами, которыхъ содержатъ изъ милости, но равноправными членами семьи. Трудъ развилъ въ нихъ самостоятельность, и этому свойству женщинъ обязана американская семья тѣмъ, что суровый пуританизмъ, охранявшій какъ святыню неприкосновенность отцовской власти, не превратилъ ее въ домостроевскую семью. Самый дикій самодуръ, самый безчеловѣчный деспотъ станетъ иначе относиться къ людямъ, которые приносятъ ему пользу, которые оплачиваютъ свое содержаніе трудомъ, нежели къ тѣмъ, которые существуютъ только по его милости. Сколько ни говорилось о родительскомъ чувствѣ, о святости долга, но люди не герои и будутъ охотно исполнять только тотъ долгъ, который въ силахъ исполнить; человѣкъ, который надрывается надъ работой, чтобы прокормить безполезное ему существо, будетъ всегда считать себя вправѣ распоряжаться этимъ существомъ по своему произволу. Этихъ безобразныхъ отношеній не было въ американской семьѣ того времени. Американки росли въ здравой средѣ труда и довольства; онѣ не знали ни гнетущаго развращающаго вліянія бѣдности, ни растлѣвающаго вліянія роскоши. Роскошь стала появляться только съ развитіемъ общественной городской жизни въ послѣдніе годы передъ революціей: она не успѣла еще такъ сильно въѣсться въ нравы общества. Огромными богатствами обладали очень немногіе колонисты Виргиніи, Южной Каролины и Мериленда, потомки кавалеровъ, бѣжавшихъ изъ Англіи при Кромвелѣ, и католиковъ аристократовъ, изгнанныхъ Елисаветою, изъ которыхъ составлялась партія торіевъ, такъ называли партію

враждебную освобожденію колоній. Но не смотря на огромныя имѣнія, которыми они обладали, образъ жизни былъ очень простъ и если богатой американкѣ не приходилось заниматься фермерскими ручными работами, она всетаки не вела праздную жизнь свѣтскихъ барынь. Она должна была вести обширное хозяйство, завѣдывать домашними мастерскими и часто вести дѣла по имѣнію. Эта общественная язва—пустыя свѣтскія барыни, которыя своими раззорительными прихотями заставляютъ мужей расхищать общественное достояніе и продавать свои голоса тому, кто дороже заплатитъ, такъ глубоко заразившая европейскія общества — была въ Америкѣ исключительнымъ явленіемъ. Сверхъ того, эти аристократы жили не среди раболѣпнаго, забитаго нищаго народа, который вѣковой зависимостью былъ пріученъ смотрѣть на аристократовъ какъ на существа высшей породы, а среди гражданъ, привыкшихъ считать себя равными передъ закономъ и которые не потерпѣли бы ни малѣйшаго оскорбленія своей личности, ни малѣйшаго нарушенія своихъ правъ. Въ аристократкахъ Америки не могло развиться ни наглое презрѣніе къ народу, ни культъ своего сословія, которые изъ аристократокъ Франціи сдѣлалъ героинь Вандеи. Освобожденіе колоній отъ метрополіи не могло отнять у нихъ никакихъ особенныхъ правъ или привилегій и большинство аристократокъ стояло за народную свободу и независимость. И въ этомъ отношеніи Америка представила для развитія характера женщинъ выгоды, которыхъ не давала Европа. Не даромъ Гёте сказалъ:

Amerika, du hast es besser
Als unser Continent das alte.
Hast keine verfallene Schlösser
Und keine Basalte.
Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützliches Errinern
Und vergeblicher Streit.

(Америка, ты счастливѣе нашего стараго материка: у тебя нѣтъ развалившихся замковъ, нѣтъ и базальтовыхъ твердынь. Тебя не остановитъ въ рѣшительную минуту жизни напрасное воспоминаніе и безполезная борьба.)

Третье условіе, имѣвшее важное вліяніе на развитіе характера американокъ — была религія. Американки были дочерьми и внуками людей, которые предпочли изгнаніе измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ, которые перенесли гонимую въ старомъ свѣтѣ свободу совѣсти въ новый, гдѣ она зажгла свѣточь гражданской свободы для цѣлаго міра. Нужно много мужества и энергіи на то, чтобы отказаться отъ выгодъ прочнаго обезпеченнаго положенія, порвать всѣ близкія кровныя связи, подвергнуться опасностямъ дальняго пути въ мало извѣстную страну, о которой ходили чудовищные слухи. Независимость, купленная такой дорогой цѣной, дѣлалась святыней, для спасенія которой не жалѣли ни жертвъ, ни жизни. Самая религія, основанная на принципѣ свободнаго изслѣдованія, освобождавшая умы отъ подчиненія авторитету, подготовляла путь гражданской свободѣ. Основаніемъ вѣры пуританъ была библія, истолкованная свободно совѣстью каждаго вѣрующаго; всякая земная власть была безсильна передъ ученіемъ библіи. Это ученіе было враждебно всякой духовной іерархіи, а такъ какъ духовная іерархія поддерживалась монархической властью, то она вела прямо къ уничтоженію послѣдней. Елизавета, сначала не обращавшая вниманія на секту пуританъ, стала впослѣдствіи преслѣдовать ихъ даже съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ католиковъ. Епископская власть была тѣсно связана съ королевской. Іаковъ II не даромъ говорилъ: no cross, no crown, т. е. нѣтъ митры, нѣтъ и короны. Ученіе пуританъ, вслѣдствіе принципа свободнаго толкованія, распадалось на секты, которыя, устраняя все болѣе и болѣе обрядность, приближались къ простотѣ первыхъ христіанскихъ общинъ. Башмачникъ Уэтъ Тайлоръ,

въ своихъ проповѣдяхъ о томъ времени, когда духъ божій соберетъ дѣтей своихъ воедино, распространялъ идеи братства и равенства; забитая невѣжественная масса народа жадно слушала его и въ своихъ вѣрованіяхъ повторяла мечтанія Платона и утопіи Томаса Мура. Народъ, руководясь здравымъ смысломъ и естественной потребностью свободы въ своихъ догматахъ доходилъ до высшаго умственнаго развитія, котораго достигли философы той эпохи. Онъ требовалъ не обрядности, не мистической метафизики, а религіи дѣла и общаго освобожденія. Духъ божій равно осѣняетъ всѣхъ, духъ дышетъ идѣже хощетъ, каждый осѣненный духомъ божіимъ имѣетъ право учить. На этомъ основаніи нѣкоторыя секты допускали проповѣдь женщинъ. Женщины, весьма естественно, сдѣлались усердными исповѣдницами религіи, которая открывала имъ широкое поле пропаганды, подвиговъ. Онѣ проповѣдывали его съ самоотверженіемъ и мужествомъ равноапостольныхъ женъ первыхъ вѣковъ христіанства. Извѣстная Анна Гётчинсонъ за свою проповѣдь о томъ, что Христосъ уничтожилъ законъ Моисеевъ и что отнынѣ христіане должны управляться однимъ закономъ любви, была изгнана изъ Массачусетта и основала колонію Родъ-Эйландъ. Одна квакерша, которую за проповѣдь вели въ тюрьму по приказанію намѣстника Джоржда Эндикота, закричала ему: «Горе тебѣ, безстыдный притѣснитель, ты убиваешь дѣтей божіихъ, второй Иродъ!» Когда квакеры подверглись гоненію въ Массачусетѣ, двѣ квакерши — Мери Фёстеръ и Анна Аустинъ проѣхали всю Европу, проповѣдуя свое ученіе. Мери прошла турецкій лагерь въ 1656 г., ее сочли сумасшедшей и пропустили, не сдѣлавъ ни малѣйшаго вреда. Мери писала противъ смертной казни. Ее выслали изъ Бостона съ угрозой смерти въ случаѣ возвращенія; она вернулась потому что считала безчестнымъ подчиняться приговору законовъ, стѣснявшихъ свободу совѣсти. Товарищей ея повѣсили, но ей было объявлено помилованіе, когда у нея была уже веревка

на шеѣ. Она отказалась отъ него, громко закричавъ народу: «Дайте мнѣ погибнуть съ братьями, или уничтожьте вашъ злодѣйскій законъ.» Ее выслали вторично изъ Бостона, она снова вернулась на проповѣдь и была повѣшена.

Разумѣется, религіозный фанатизмъ, одушевлявшій этихъ женщинъ, утратилъ большею частію свой смыслъ ко времени войны за независимость; но подъ его формою сказалась великая нравственная сила, умѣвшая крѣпко стоять за свое, стоять до смерти, сила не раздѣлявшая слова отъ дѣла. Эта сила передавалась отъ матерей дочерямъ, и когда пришло время, эта сила явилась могучимъ двигателемъ народа къ освобожденію. Не тотъ или другой способъ толкованія библіи былъ важенъ,—важны были послѣдствія, которыя повлекъ за собой принципъ свободнаго изслѣдованія. Неокрѣпшіе умы всегда кидаются на рѣшеніе мистическихъ вопросовъ, потому что трезвое пониманіе жизни доступно только созрѣвшему уму. Привычка къ теологическимъ спорамъ, которые далеко не походили на византійскія безплодныя препирательства, но имѣли подъ собой практическую подкладку, развила въ поселенцахъ колоній способность къ критическому анализу. Народъ, привыкшій работать самостоятельно надъ религіозными вопросами, не могъ уже подчиняться безпрекословно авторитету чужихъ рѣшеній. Правительство того времени своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ дѣла религіи придавало религіозный характеръ бо́льшей части своихъ мѣръ и подавало поводъ къ обсужденію ихъ съ этой точки зрѣнія. Религіозные вопросы принимали политическій характеръ. Жителямъ колоній отъ обсужденія вопроса о томъ, грѣховно или нѣтъ для вѣрующаго пуританина платить подать на содержаніе вааловой, т. е. епископской, государственной церкви,—легко было перейти къ вопросу о томъ, достойно ли свободнаго гражданина позволять облагать себя податями по произволу власти. Каѳедра проповѣдниковъ сдѣлалась трибуной ораторовъ народной независимости. Когда отношенія мет-

рополій и колоній пришли къ разрыву, эта способность анализа, выработанная религіозными спорами была съ блистательнымъ успѣхомъ обращена на обсужденіе общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Сверхъ того, самое устройство сектъ по образу первыхъ христіанскихъ общинъ ввело въ обычай собираться вмѣстѣ для обсужденія вопросовъ, касавшихся интересовъ секты и рѣшавшихся большинствомъ голосовъ; въ эпоху возстанія колоній этотъ обычай уже такъ глубоко вкоренился въ народѣ, что не встрѣчалось ни малѣйшаго затрудненія при устройствѣ въ городахъ и округахъ колоній комитетовъ, конгрессовъ, конвентовъ, какъ назывались народныя собранія той эпохи, которыя управляли народнымъ движеніемъ. Развитіе общества отразилось на женщинахъ. Большинство женщинъ въ колоніяхъ росло подъ вліяніемъ религіи, представлявшей несравненно болѣе здоровое и практическое направленіе, чѣмъ господствующая религія метрополіи. Уиклиффъ и Уайтфильдъ учили въ Америкѣ, «что религія должна состоять въ дѣлахъ милосердія, состраданія и здравомъ общественномъ духѣ, а не въ праздномъ чтеніи длинныхъ проповѣдей, молитвъ, полныхъ самой пошлой лести и комплиментовъ, на которые должны смотрѣть съ презрѣніемъ даже умные люди, не говоря о болѣе мудромъ и милостивомъ Божествѣ.» Американки догматомъ вѣры признавали, «что причиняющіе зло не отъ Бога, что государство не имѣетъ права причинять зла, и было бы глупой трусостью и совершеннымъ безуміемъ, если бы цѣлая нація дозволила одному нерадивому и честолюбивому человѣку погубить себя.» Американки выросли на преданіяхъ о притѣсненіяхъ, которыя перенесли ихъ предки, объ ихъ геройской борьбѣ съ опасностями и гоненіями. Онѣ сами умѣли живо чувствовать каждое нарушеніе правъ народа. Матери передавали сыновьямъ своимъ ненависть къ притѣснителямъ, и въ то время, когда одни дальновидные политики могли угадывать грядущія событія, у скромнаго семейнаго очага колонистовъ росла

любовь къ свободѣ, которая вспыхнула потомъ яркимъ пламенемъ, освѣтившимъ весь міръ. «Матери патріотки вскормили дѣтство свободы, говоритъ мистрисъ Эллетъ. Онѣ дали отечеству гражданъ, которые отстояли его независимость своею кровью.»

Но этимъ не ограничилось участіе американокъ въ дѣлѣ освобожденія. Многія изъ нихъ были дѣятельными членами разныхъ религіозныхъ общинъ съ равнымъ правомъ голоса и правомъ богослуженія. Онѣ продолжали религіозно-республиканскую пропаганду ученія Уайтфильда и Уиклиффа. Тѣже, которыя не принадлежали къ церквамъ эманципирующимъ женщину, не менѣе дѣятельно распространяли въ обществѣ идеи независимости и освобожденія. Онѣ составляли митинги, говорили рѣчи солдатамъ и милиціонерамъ, вручая имъ знамена, которыя сами изготовляли. Дѣятельность женщинъ, съ самаго начала столкновеній съ метрополіей и во все продолженіе войны, отличалась практичностью и энергіей. Когда Англія обложила податями всѣ товары, ввозимые въ колоніи, женщины организовали общества для прекращенія потребленія ввозныхъ товаровъ: онѣ отказались отъ нарядовъ, отъ чаю. Онѣ были въ числѣ заговорщиковъ, устраивавшихъ демонстрацію, извѣстную у англичанъ подъ именемъ чайнаго бунта, въ которой толпа молодежи и ремесленниковъ, нарядившись краснокожими, разбила выгруженные въ кладовыя ящики съ чаемъ. Женщины Виргиніи писали народу адресы, возбуждавшіе его къ вооруженію, которые читались во всѣхъ церквахъ Виргиніи. Женщины Филадельфіи собрали по подпискѣ цѣлый полкъ, который былъ извѣстенъ подъ именемъ полка филадельфійскихъ леди. Объ этомъ упоминаетъ и Ботта въ своей исторіи. Онѣ устраивали подписки, ходили по домамъ, собирая деньги на спасеніе отечества. Богатыя отказывались отъ привычекъ роскоши, бѣдныя давали что могли и трудились наравнѣ съ богатыми. По прекращеніи привоза товаровъ, женщинамъ пришлось самимъ валять шерсть, вы-

дѣлывать бумагу и ленъ, ткать матеріи и изготовлять одежду себѣ и войску. По объявленіи войны онѣ начали заготовлять войску бѣлье. Женщины многихъ округовъ, когда мущины ушли въ милицію, сами обработывали землю, сбирали и молотили хлѣбъ и заготовляли припасы для проходившихъ войскъ. Часто отряды американской арміи, вступая въ селеніе, находили столы уставленные кушаньемъ и кружками эля. Когда всѣ средства конгресса были истощены и не было подвоза провіанта въ войско, потому что англійскіе крейсеры перехватывали всѣ торговыя суда, «когда, говоритъ мистрисъ Эллетъ, «чаша бѣдствій переполнилась до краевъ и не было надежды на помощь согражданъ, которые отдали что̀ могли,—женщины Пенсильваніи и Нью-Джерсея исполнили то, что̀ считалось невозможнымъ.» Онѣ послали въ армію обозы провизіи. Эта своевременная помощь не только устранила на нѣсколько дней бѣдствіе голода, который угрожалъ деморализаціей войску, но, по отзыву одной газеты того времени, «эта помощь и сочувствіе прекрасныхъ дочерей Америки подѣйствовали какъ волшебство на сердца солдатъ, придали имъ новыя силы, поддержали поколебавшуюся надежду на успѣхъ и внушили твердую увѣренность въ близкой побѣдѣ и мирѣ.» Вашингтонъ, въ своемъ благодарственномъ письмѣ женскому комитету, говорилъ съ изысканной любезностью того времени: «Армія не должна сожалѣть о своихъ жертвахъ и страданіяхъ, когда она заслужила столь лестную награду; она не сомнѣвается, что интересы ея не будутъ забыты, какъ скоро защиту ихъ возьмутъ на себя адвокаты столько же могущественные, какъ любезные.» Послѣдніе слова были намекомъ на затрудненія, съ которыми конгрессъ колоній, подозрительно смотрѣвшій на возраставшую силу и вліяніе арміи, высылалъ деньги и продовольствіе, и эти слова въ тоже время были признаніемъ вліянія женщинъ на общественное мнѣніе. Женщины ходили за раненными, больными, носили одежду и пищу плѣннымъ, не смотря на угрожавшіе имъ

отъ англичанъ штрафы и преслѣдованія. Квакерша Дебора Франклинъ была изгнана по приказанію англійскаго генерала изъ Нью-Іорка за то, что, не смотря на многократныя запрещенія, продолжала помогать плѣннымъ. Женщины отправлялись на поля битвы отыскивать своихъ близкихъ, уносили на себѣ раненыхъ, хоронили своими руками убитыхъ. Женщины дѣлили всѣ опасности военной жизни, исполняли разныя военныя порученія. Такъ, жена генерала Шюйлера, когда американская армія выступала изъ форта Эдуарда, уходя отъ преслѣдованія Бургойня, по приказанію своего мужа зажгла свои поля пшеницы и, собравъ женщинъ всего околотка, распорядилась сожженіемъ и остальныхъ полей, для того, чтобы лишить преслѣдовавшаго непріятеля фуража. Патріотизмъ, одушевлявшій женщинъ Америки, не ослабѣвалъ, не смотря на всѣ лишенія, страданія и весь ужасъ кровопролитной войны, не смотря на частыя неудачи и пораженія армій колоній. Когда Нью-Іоркъ, Бостонъ, Чарльстонъ были въ рукахъ непріятеля и уныніе овладѣло многими членами конгресса, а въ обществѣ стали носиться слухи о неизбѣжной необходимости покорности, большинство американокъ возставало противъ мира. «Я знаю, что и свободной мнѣ не миновать одной смерти, а сдѣлавшись рабой я буду недостойна жизни», писала одна американка англійскому офицеру въ Бостонѣ. Женщины Америки служили дѣлу освобожденія отечества всѣми своими силами; онѣ отдавали на служеніе ей даже обаяніе своей своей красоты. Въ Новомъ Мекленбургѣ, въ графствахъ Гоуэнскихъ и Сѣверной Каролинѣ молодыя дѣвушки самыхъ извѣстныхъ фамилій дали обѣщаніе не принимать предложенія тѣхъ обожателей, которые не послушали призыва отечества къ оружію. Онѣ вдохновляли новыя силы на борьбу, онѣ съ негодованіемъ отворачивались отъ малодушныхъ, онѣ посылали въ огонь мужей, братьевъ, сыновей. Таже женщина, которая писала, что сдѣлавшись рабой она будетъ недостойна жизни, писала далѣе: «Я скажу вамъ, что

я сдѣлала, я послала своего единственнаго брата въ лагерь съ молитвами и благословеніями. Я надѣюсь, что мнѣ не придется краснѣть за него; я увѣрена, что онъ будетъ поступать съ честью и соревновать великимъ примѣрамъ, которые передъ его глазами. Будь у меня двадцать сыновей или братьевъ, они бы всѣ пошли до одного. Я съ радостью могу завѣрить васъ, что такъ думаютъ и поступаютъ всѣ мои сестры американки. Онѣ готовы жертвовать всѣмъ для великаго духа патріотизма, который одушевилъ всѣ сословія народа въ нашемъ пространномъ отечествѣ.» Далѣе она пишетъ: «Мы боремся не за мелкую интригу политики; эта наука доступна не многимъ; мы боремся за истину, которая извѣстна каждому крестьянину, которая понятна даже самому недалекому уму, что никто не имѣетъ права брать наши деньги безъ нашего согласія. Вы говорите, что вы не политикъ, о серъ! не нужно имѣть голову Маккіавеля, чтобы понять притѣсненіе и тиранію. Онѣ начертаны у насъ при лучахъ солнца. Каждый увидитъ и пойметъ ихъ, потому что каждый почувствуетъ ихъ на себѣ, и мы будемъ недостойны благословенія неба, если когда либо подчинимся имъ.» Мистрисъ Монгомери, по смерти своего мужа, писала, что если она, какъ жена оплакиваетъ потерю лучшаго друга и любимаго человѣка, то какъ американка она еще болѣе оплакиваетъ потерю неустрашимаго воина и защитника свободы отечества. Послѣдними словами, сказанными ей мужемъ, когда онъ уѣзжалъ въ лагерь, были: «Тебѣ никогда не придется краснѣть за своего Монгомери.» Эти слова характеризуютъ женщину, которой они были сказаны. Она писала еще: «Я надѣюсь, что скоро мое дорогое отечество, за которое пролилась *моя кровь*, будетъ предметомъ зависти непріятелей и гордости и славы патріотовъ.» Другая американка писала передъ началомъ революціи: «Я думаю, что самой неслыханной политической мѣрой, принятой въ нашемъ вѣкѣ, будетъ требованіе министерства перевозить подсудимыхъ за тысячу

миль для суда. «О Америка! Возстань! трепещи, если мы по этой сторонѣ Атлантики не въ силахъ будемъ сказать королевскому мщенію: ты дойдешь до этой черты, но не далѣе; здѣсь остановится твой гордый потокъ! Я буду торжествовать, если духъ плимутцевъ одержитъ верхъ. (Плимутъ—городъ Массачусетта, первый подавшій голосъ за независимость колоній). Въ немъ столько благороднаго безкорыстія и добродѣтели, такое благоговѣйное уваженіе къ правамъ, купленнымъ цѣною всего, чѣмъ дорожатъ люди, нашими неутомимыми героическими патріархами, которые, если бы могли быть зрителями этихъ земныхъ тревогъ, съ негодованіемъ взглянули бы на тѣхъ изъ своихъ сыновъ, такъ мало цѣнящихъ эти, такъ дорого купленныя блага.

Такъ писали женщины совершенно неизвѣстныя, не оставившія послѣ себя памяти о какомъ нибудь геройскомъ подвигѣ, ни воспоминанія о необыкновенномъ умѣ или выдающихся изъ ряда вонъ способностей, женщины обыкновенныя, письма которыхъ сохранились родными и между прочими матеріалами попали въ руки мистрисъ Эллетъ. Но тѣмъ болѣе цѣны имѣютъ эти письма, какъ отголосокъ чувствъ женщинъ Америки той эпохи. Понятно, что вліяніе такихъ женщинъ было сильно и благотворно. Оно было признано обществомъ и народными вождями. Свидѣтельства о немъ сохранились въ газетахъ и многихъ документахъ того времени. Въ Нью-Джерсейской газетѣ 1780 г. говорилось: «Ты правъ, Клеандеръ, не малую похвалу заслужитъ тотъ, кто достойно съумѣетъ прославить добродѣтели нашихъ женщинъ. За свои пожертвованія и подвиги онѣ заслужили колонну, которая затмила бы колонну, воздвигнутую римскимъ женщинамъ за то, что онѣ отдали свои драгоцѣнности на нужды отечества.» Одинъ офицеръ писалъ изъ лагеря 1780 г. «Патріотизмъ нашихъ женщинъ—предметъ разговоровъ цѣлой арміи. Еслибъ у меня былъ талантъ къ поэзіи, я написалъ бы въ хвалу имъ цѣлую оду.» Другой писалъ: «Мы не напрасно искали добра въ этомъ святи-

лицѣ, гдѣ обитаетъ добро въ сердцѣ женщины.» «Вліяніе женщины, говоритъ мистрисъ Эллетъ, было духомъ, вдохнувшимъ жизнь.»

Американки не остановились на этомъ вдохновляющемъ вліяніи и на пожертвованіяхъ для поддержанія войны. Онѣ умѣли смотрѣть не блѣднѣя въ лицо смерти; онѣ начиная отъ жены генерала и члена конгресса, до жены бѣднѣйшаго фермера, умѣли съ ружьемъ отстаивать отъ непріятеля свою крышу, часто свою честь, и не разъ важныя бумаги, депеши, или раненыхъ. Ихъ дружное одушевленіе не измѣнило имъ во все продолженіе войны. Мемуары мистрисъ Эллетъ даютъ такъ много интересныхъ очерковъ объ этомъ родѣ дѣятельности женщинъ Америки, что невольно остановишься, затрудняясь въ выборѣ самыхъ выдающихся характеристическихъ очерковъ. Въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ, деревнѣ сохранилось преданіе о геройскомъ подвигѣ, о жертвахъ, принесенныхъ женщиной освобожденію колоній. По истеченіи безъ малаго цѣлаго вѣка, когда время давно изгладило изъ памяти впечатлѣніе, произведенное этими подвигами и жертвами, невозможно оцѣнить во всей силѣ вліяніе ихъ на судьбы зарождавшейся республики. «Патріотизмъ нашихъ женщинъ, пишетъ біографъ генерала Рида, оказался во многихъ случаяхъ чище и самоотверженнѣе патріотизма мущинъ.» И справедливо. Женщинъ за него не ждали ни награды, ни почести; женщинъ не вело ни честолюбіе, ни личныя выгоды; ихъ любовь къ свободѣ была чиста отъ всякой примѣси мелкихъ своекорыстныхъ чувствъ. Женщины колоній оказались достойными дочерьми свободной страны; онѣ, не смотря на опасности, преслѣдованія, даже въ рукахъ озлобленныхъ враговъ, умѣли сохранять независимость и достоинство гражданокъ.

Вліяніе женщинъ не ослабѣвало и по окончаніи войны за независимость. Ихъ дѣло было залечивать раны, нанесенныя междоусобной войной, изглаживать слѣды кровавой *вражды и помогать* торіямъ и вигамъ, безчеловѣчно рѣ-

завшимъ другъ друга слиться въ одинъ сильный и свободный народъ. Большая часть Америки была опустошена, народъ раззоренъ; въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ, деревнѣ было множество увѣчныхъ, вдовъ, сиротъ, нуждавшихся въ помощи и призрѣніи. Это было дѣло женщинъ. Мистрисъ Эллетъ приводитъ множество писемъ женщинъ, посвятившихъ себя этому дѣлу. Героини, которыя съ ружьемъ въ рукахъ встрѣчали непріятеля, съумѣли быть и сестрами милосердія и ангелами примирителями. Америка обязана своимъ женщинамъ тѣмъ, что язва пролетаріата не смѣнила ужасовъ войны, что и по провозглашеніи мира, кровь не продолжала литься въ мелкихъ схваткахъ, которыя возмущаютъ общественное спокойствіе и послѣ прекращенія междоусобной войны, какъ зыбь рябитъ море еще долго послѣ стихнувшей бури. Гимнъ миру, который пѣлся на всѣхъ торжествахъ установленной республики, былъ написанъ женщиной. Женщины заводили гошпитали, школы, пріюты, богатыя отдавали деньги, иныя даже значительную часть состоянія, бѣдныя свой трудъ и время. Во время раздоровъ партій, грозившихъ гибелью новорожденной республикѣ, женщины были неизмѣнно на сторонѣ свободы и независимости: онѣ были матерями гражданъ, которые упрочили колебавшуюся свободу. Мистрисъ Эллетъ говоритъ: «энергія, трудолюбіе и твердость, которыя выказали женщины Америки во время войны, равно необходимы были и для того, чтобы развить характеръ и приготовить на службу республики гражданъ; научить ихъ своимъ примѣромъ великимъ принципамъ, за которые патріоты проливали кровь и положить прочное нравственное основаніе, на которомъ нація могла бы воздвигнуть величественное зданіе свободы. Какъ честно и вѣрно исполнили онѣ эту трудную обязанность, доказано цѣлой жизнью тѣхъ, кого онѣ приготовили на службу обществу. Онѣ умѣли быть чуждыми всякихъ мелочныхъ стремленій, разсчетовъ честолюбія и алчности. Духъ Мери Веллингтонъ былъ съ ними. Ихъ не соблазняли

ни отличія, ни почести, ничто, кромѣ чести быть полезными; онѣ не думали ни о славѣ, ни о власти, которыя можно добыть, служа республикѣ, но въ простотѣ сердца вѣрили, что лучшая награда патріота — сознаніе честно исполненнаго долга. Таковы были матроны первыхъ дней республики. Если бы онѣ были другими, Америка не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть.»

Нельзя не признать полной справедливости этихъ словъ. Вліяніе женщинъ какъ матерей признано всѣми. Противъ ихъ вліянія, какъ женъ, часто возстаютъ съ озлобленіемъ вполнѣ оправданнымъ, когда это вліяніе употребляется на зло и не признаютъ его изъ самолюбія, когда оно употребляется на добро. Но это вліяніе – фактъ признанный жизнью, доказанный исторіей. Алчность и честолюбіе женщинъ заставляли проливать рѣки крови. Леди Макбетъ—не созданіе одной прихотливой фантазіи поэта. Немного лѣтъ тому назадъ честолюбіе женщины, желавшей вѣнца императрицы, повело мужа на эшафотъ и погубило тысячи жертвъ. И потому нельзя не сказать честь и слава женщинамъ Америки; имъ обязана республика, что между гражданами ея не нашлось ни Цезаря, ни Наполеона.

Мистрисъ Эллетъ приписываетъ твердость, самоотверженіе, героизмъ, которые американки выказали въ войну за независимость, исключительно ихъ религіозности и семейнымъ добродѣтелямъ. Женщины Америки потому только оказались гражданками, что умѣли быть вѣрными женами, усердными членами церкви и домовитыми хозяйками. Она даже, въ подтвержденіе своей мысли, приводитъ слова одного члена наблюдательнаго комитета (committee of observation) Христофора Маршаля, въ которыхъ онъ описываетъ занятія жены:

«Такъ какъ я до сихъ поръ не говорилъ ни слова о занятіяхъ жены моей, то могутъ подумать, что они были очень ничтожны; но дѣло выходитъ совершенно иначе, и *чтобы отдать* ей полную справедливость, я долженъ сказать,

что исполненіе ея обязанностей, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, заняло бы большую часть моего времени, потому что она съ ранняго утра до поздней ночи постоянно занята работами въ семействѣ, которое за эти четыре мѣсяца очень увеличилось; къ тому же, сверхъ этого увеличенія, нашъ домъ — совершенная гостинница, полная приходящихъ и уходящихъ, изъ которой рѣдко кто уйдетъ съ пустымъ желудкомъ и сухими губами. Это требуетъ ея постояннаго присутствія не только для угощенія, но и для приготовленій на кухнѣ, печенья хлѣба и пироговъ и пр. и накрыванія на столъ. Ея дѣло — содержаніе дома въ чистотѣ, попеченіе объ огородѣ, рѣзка и сушка яблокъ, которыхъ запасены полные четверики; прибавьте къ этому приготовленіе, безъ помощи какихъ либо снарядовъ, сидра, который составляетъ постоянное питье семейства, ея присмотръ за стиркой бѣлья и глаженье ея нарядныхъ платьевъ и моихъ тонкихъ рубашекъ, чѣмъ она постоянно занимается сама; прибавьте къ этому приготовленіе двадцати большихъ сыровъ и это отъ одной коровы, молочное хозяйство, не считая уже шитья, вязанья и пр. и пр. Такимъ образомъ она исправно ведетъ хозяйство и не ѣстъ хлѣбъ въ праздности; да она простираетъ руку свою и подаетъ помощь нуждающимся друзьямъ и сосѣдямъ. Я полагаю, что ей съ тѣхъ поръ, какъ мы поселились здѣсь, пришлось быть не болѣе четырехъ разъ въ гостяхъ—у сосѣдей.»

Мудрено понять, какую связь можетъ имѣть искуство заготовлять сидръ безъ помощи снарядовъ или двадцати сыровъ отъ одной коровы съ готовностью отдать все за свободу, какъ можетъ усердное глаженье тонкихъ рубашекъ мужа быть источникомъ гражданскаго мужества. Мало ли есть женщинъ такихъ же домовитыхъ хозяекъ, и много-ли найдется между ними героинь - гражданокъ? Напротивъ, эта домовитость имѣетъ свойство съуживать ихъ понятія, закрѣплять ихъ безвыходно кухнѣ и содержанію дома въ чистотѣ, поглощать ихъ всецѣло, до того, что для нихъ

становится чуждымъ и непонятнымъ все, что не можетъ запереться въ четырехъ стѣнахъ ихъ дома. Такія женщины въ страшный часъ народной скорби съумѣютъ только дрожать за стѣны своего дома, за жизнь своихъ близкихъ. Онѣ пойдутъ на всѣ сдѣлки, чтобы сохранить дорогія имъ стѣны и дорогихъ сердцу людей; онѣ готовы будутъ купить безопасность и жизнь и свою и дорогихъ людей цѣною униженія и рабства цѣлаго народа. Между такими домовитыми хозяйками не найдутся матроны, напомнившія лучшія времена Рима и Спарты. Но не въ хозяйственныхъ добродѣтеляхъ американокъ лежитъ причина того, что въ страшный часъ народной скорби онѣ оказались гражданками-героинями. Любовь къ свободѣ, сознаніе долга гражданокъ развились въ нихъ рядомъ и совершенно независимо отъ ихъ хозяйственныхъ талантовъ. Домовитость ихъ дала имъ только привычку къ труду, развила физическія силы, когда онѣ отдались служенію свободы, то внесли въ него и практическій смыслъ, умѣнье и неутомимую дѣятельность, которыя никогда не въ состояніи были бы внести праздныя изнѣженныя свѣтскія барыни, въ жизнь не ударившія палецъ о палецъ. Точно такъ же не вѣрность женщинъ Америки ихъ пресвитеріанской или квакерской церкви была причиной ихъ гражданскаго мужества и подвиговъ. Религіозность свойственна большинству женщинъ. Жизнь дала имъ такъ мало и это малое такъ непрочно, это малое зависитъ отъ всякой случайности, что имъ тѣмъ болѣе нужна опора, утѣшеніе, и онѣ тѣмъ крѣпче держатся за эту опору, чѣмъ беднѣе, чѣмъ непрочнѣе ихъ это малое, данное имъ. Много ли найдется героинь гражданокъ между религіозными женщинами? Американки были героинями не потому, что были пресвитеріанками, методистками, квакершами, но потому, что были героинями; напротивъ, многія изъ нихъ служили войнѣ за освобожденіе наперекоръ запрещеніямъ религіи, какъ напр. квакерши, которымъ основной догматъ религіи ихъ запрещаетъ проливать

кровь или принимать какое либо участіе въ пролитіи ея. Сила не въ той или другой святынѣ, за которую стоитъ человѣкъ, сила въ самомъ человѣкѣ, въ его готовности постоять за нее до конца, вынести опасности, гоненія, смерть. Правда, что методистская и пресвитеріанская церкви подготовили свободу, но онѣ могли подготовить ее въ Америкѣ; въ Европѣ было множество послѣдователей этихъ и подобныхъ церквей въ Германіи, Шотландіи, Англіи, Швейцаріи и даже Швеціи и пр., и однако не изъ рядовъ ихъ выходятъ слуги народной свободы; напротивъ, эти люди, замкнувшись въ узкіе интересы своихъ сектъ, готовы поддержать всякій деспотизмъ, лишь бы онъ обезпечивалъ имъ личныя выгоды ихъ, давя безпощадно цѣлый народъ. Мистрисъ Эллетъ постоянно ошибается, нринимая форму за самую сущность и пренаивно приводитъ замѣчаніе одного англійскаго критика, который находитъ, что религіозности и хозяйственныхъ добродѣтелей далеко недостаточно для того, чтобы дать обществу и сестру Сиднея и мать Пемброка, и что на это нужно причины поглубже. Причины эти были указаны выше Впрочемъ, героизмъ, выказанный женщинами пограничныхъ округовъ, она объясняетъ привычкой къ опасностямъ, среди которыхъ имъ приходилось рости. Но эти опасности могли развить ихъ энергію, неустрашимость, но не создать ихъ; эти опасности могли убить силы множества женщинъ. Дѣло въ томъ, что въ женщинахъ Америки было *что́* развивать. Онѣ были дочерьми сильной, крѣпкой, энергической расы, онѣ наслѣдовали нравственныя и физическія свойства ея. Большая часть этихъ героинь умерли въ глубокой старости, сохранивъ всю свѣжесть чувствъ, всѣ силы ума и неутомимую дѣятельность; онѣ были родоначальницами многочисленныхъ поколѣній, закрѣпившихъ дѣло, дл котораго онѣ работали. Вотъ отъ чего свобода такъ крѣпко укоренилась въ Соединенныхъ Штатахъ, что даже послѣдняя жестокая междоусобная война, въ которой недальновидные политики Европы

ваются въ его землю, неся опустошеніе и смерть, когда у него изо рта вырываютъ послѣдній кусокъ хлѣба, когда мечь занесенъ надъ его головой. Въ эти дни народъ легко встаетъ какъ одинъ человѣкъ на защиту своей жизни и родины. Тогда и женщины и дѣти становятся въ ряды защитниковъ отечества и служатъ на сколько хватаетъ силъ. Но есть и другіе дни злобы, когда ядъ общественныхъ язвъ неправды, невѣжества, нищеты всасывается капля за каплей и незамѣтно подготовляетъ разложеніе общественнаго организма. Каждая страна имѣетъ свои дни злобы, бороться съ которыми нужно соображаясь съ ея условіями и временемъ. Американкамъ выпала на долю страшная, кровавая, борьба полная героизма и страданій. Другихъ женщинъ ждетъ борьба терпѣливаго неутомимаго труженичества, на которое нужно быть можетъ еще болѣе нравственныхъ силъ чѣмъ для геройскаго подвига. Велика заслуга тѣхъ женщинъ, которыя понесутъ на себѣ злобу дня своей страны и вложатъ въ сокровищницу народной жизни лепту своего ума и характера на борбу съ началами разъѣдающими жизнь. Счастлива та страна, женщины которой съумѣютъ бороться съ этой злобой дня, какъ боролись и словомъ и дѣломъ Американки 1776—1780 годовъ.

АМЕРИКАНКИ XVIII ВѢКА.

Мерси Уарренъ.

Между женщинами Америки, имѣвшими вліяніе на политическія дѣла, первое мѣсто принадлежитъ Мерси Уарренъ. Она была самой замѣчательной женщиной эпохи революціи. Мерси была старшей дочерью полковника Джемса Отиса изъ Барнстэбля, старой плимутской колоніи и родилась 25 сентября 1728 г. Дѣтство и молодость миссъ Отисъ провела въ однообразной домашней жизни. По смерти матери, на ней, какъ на старшей дочери лежали и хозяйство и обязанность поддерживать общественныя отношенія. Мерси рано отличалась страстью къ чтенію и умѣньемъ дорожить временемъ. При своихъ многочисленныхъ обязанностяхъ, она находила не только время образовывать себя, но и заниматься разными рукодѣліями, на которыя наши бабушки были такія мастерицы, и занятіе которыми считалось едва ли не одной изъ женскихъ добродѣтелей. И теперь въ потомствѣ ея религіозно сохраняется вышитый карточный столъ ея работы.

Въ то время школы были плохи вообще, а особенныхъ школъ для дѣвушекъ было такъ мало, что тамъ гдѣ ихъ не допускали въ общія школы, они не имѣли никакой возможности получить образованіе. Образованная женщина

была рѣдкимъ исключеніемъ. Миссъ Отисъ не училась въ школѣ. Въ дѣтствѣ учителемъ ея былъ пасторъ прихода, ученый и образованный человѣкъ и владѣлецъ богатой для того времени библіотеки. Его книги пробудили въ Мерси любовь къ занятіямъ литературой; по его совѣту она читала Всемірную исторію Рэлейа, которая положила основаніе ея будущимъ политическимъ и историческимъ трудамъ. Позже братъ ея Джемсъ, знаменитый адвокатъ былъ и товарищемъ и руководителемъ ея первыхъ литературныхъ опытовъ. Братъ и сестра были всю жизнь связаны нѣжной дружбой, которую ничто не могло поколебать. Мерси и въ старости брата сохранила надъ нимъ вліяніе и когда сумашествіе затмило послѣдніе годы жизни великаго патріота, только ея голосъ могъ успокоивать его даже въ самые ужасные припадки бѣшенства.

Двадцати шести лѣтъ Мерси вышла замужъ за Джемса Уаррена, плимутскаго купца изъ штата Массачусета. Выборъ ея былъ вполнѣ счастливый, мужъ ея былъ вполнѣ достоинъ ея и раздѣлялъ ея вкусы, взгляды и понятія. Новыя обязанности не помѣшали ея занятіямъ литературой; напротивъ, лучшія произведенія ея были написаны на фермѣ, которой она дала поэтическое названіе: Клифворда, и гдѣ она ежегодно проводила нѣсколько недѣль вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми. Мерси Уарренъ была живымъ опроверженіемъ предразсудка, что женщины ученыя и литераторы не могутъ быть хорошими женами и матерями. Какъ замужество не помѣшало ея занятіямъ литературой и исторіей; также и эти занятія не помѣшали ея добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей.

Изученіе исторіи развило въ Мерси политическій тактъ. Она слѣдила за столкновеніями колоній и метрополіи и съ живымъ участіемъ гражданки и съ дальновидностью политика. Она была изъ первыхъ стоявшихъ за провозглашеніе независимости колоній, и подала мужу мысль основать революціонный комитетъ въ Плимутѣ. Въ ея плимутской го-

стиной собирались главные дѣятели революціи: Самуилъ и Джонъ Адамсъ, Джефферсонъ Джерри, Ноксъ Уинтронъ м многіе другіе. По своему свѣтлому проницательному уму, Мерси Уарренъ была г-жей Роланъ этого кружка. Она вела съ ними дѣятельную переписку и изъ ихъ сохранившихся писемъ къ ней видно, что эти члены республиканской партіи часто спрашивали ея мнѣнія о томъ или другомъ политическомъ событіи, о той или другой предпринимаемой мѣрѣ. Но къ сожалѣнію эта переписка единственное доказательство ея участія въ великомъ дѣлѣ освобожденія отечества. Оффиціальныхъ документовъ, которые бы свидѣтельствовали объ этомъ участіи разумѣется не могло существовать. Мерси могла говорить только въ своей гостиной, а члены комитетовъ и конгрессовъ, предлагавшіе эти мѣры, конечно не ссылались въ доказательство ихъ полезности и цѣлесообразности на авторитетъ женщины. Имена этихъ членовъ записывались исторіей какъ имена освободителей, а о женщинѣ, имѣвшей равное съ ними право на эту славу, сохранилось только очень неполное преданіе.

Слѣдующіе отрывки изъ переписки ея даютъ понятіе о дѣятельномъ участіи, которое она принимала въ ходѣ революціи и о томъ, какъ цѣнилось это вліяніе. Генералъ Ноксъ писалъ ей: «Я былъ бы счастливъ, милостивая государыня, если бы могъ получать отъ времени до времени свѣдѣнія отъ васъ о предметѣ моего письма. Ваши сообщенія будутъ драгоцѣнны для меня. Тоже повторяется въ письмахъ Джефферсона, Джона Адамса и др. Но мистрисъ Эллетъ не говоритъ какого рода были эти свѣдѣнія. Интересенъ отрывокъ изъ письма Мерси къ Джону Адамсу передъ собраніемъ перваго конгресса; вмѣстѣ съ преувеличенной и даже ложной скромностью, которая считалась въ то время добродѣтелью, оно проникнуто горячей любовью къ свободѣ и опасеніемъ тѣхъ бѣдствій, которыя могутъ грозить ей въ средѣ самихъ защитниковъ ея:

«Хотя вы снисходите до того, что объ такомъ важномъ

кризисѣ, спрашиваете мое мнѣніе на равнѣ съ мнѣніемъ джентльмена, извѣстнаго столько же своимъ умомъ и неподкупной честностью, сколько своею преданностью отечеству и свободѣ, я не буду такъ самонадѣянна, чтобы позволить себѣ послать вамъ что либо кромѣ моихъ жаркихъ желаній, чтобы враги Америки отнынѣ и во вѣки трепетали передъ мудростью, твердостью, мужествомъ, искуствомъ и справедливостью избранныхъ депутатовъ нашихъ городовъ, такъ какъ въ древности фокіяне передъ властью амфиктіоновъ. Но если появятся между вами локрійцы, то я совѣтую вамъ остерегаться выбора въ вожди Филиппа. Подобный вождь извратитъ принципы, на которыхъ основаны наши учрежденія, разрушитъ порядокъ и созиждетъ монархію на развалинахъ нашихъ прекрасныхъ учрежденій»

Когда Англія своими несправедливыми мѣрами довела Америку до сопротивленія и оскорбленный народъ послѣ напрасныхъ требованій справедливости взялся за оружіе, мистриссъ Уарренъ такъ описывала начинавшееся возстаніе въ своихъ письмахъ къ знаменитой мистрисъ Маколей:

«Америка встаетъ вооруженная геройской рѣшимостью и правомъ; но она содрогается отъ мысли обнажить мечь противъ народа, которому обязана своимъ происхожденіемъ. Британія, какъ извергъ-родитель готовится вонзить кинжалъ въ грудь своего все еще любящаго дѣтища. Можемъ ли мы надѣяться на болѣе мягкія мѣры парламента. Вы милостивая государыня, можете дать намъ очеркъ характеровъ членовъ новаго парламента.» Изъ этого отрывка видно, какое политическое значеніе имѣла переписка Мерси Уарренъ. Далѣе она пишетъ: «Семена могущественнаго государства посѣяны въ новомъ свѣтѣ; шаръ быстро котится къ западу и хотя намъ ежедневно грозитъ грабительство британскихъ войскъ и ихъ иностранныхъ союзниковъ, вмѣстѣ съ набѣгами варварскихъ дикихъ племенъ, въ каждомъ городѣ отъ Новой Шотландіи до Георгіи, есть свои Деціи и Фабіи, готовые отдать свое имущество и жизнь, чтобы сохранить

неприкосновенно и передать дѣтямъ права человѣка, данныя имъ Богомъ природы, и привилегіи англійскихъ гражданъ, которыя американцы требуютъ себѣ въ силу святыни договоровъ.»

Въ слѣдующемъ письмѣ она пишетъ: «Я намекала, что мечь до половины вынутъ изъ ноженъ, — теперь онъ совсѣмъ обнаженъ... Каждый голосъ вопіетъ къ правосудію неба да покараетъ оно и разсѣетъ въ прахъ враговъ свободы, мира и благоденствія нашего отечества.»

Она писала Джону Адамсу: «У меня есть опасенія. Но не смотря на многочисленныя препятствія, которыя встаютъ передъ нами, намъ нельзя отступать; и я покраснѣла бы отъ стыда, еслибъ слабости моего пола позволили мнѣ смутить твердость, патріотизмъ и мужественную рѣшимость вашего. Да не угаситъ ничто славный духъ свободы. который вдохновляетъ патріота въ его совѣтѣ и героя на полѣ битвы мужествомъ отстоять правое дѣло и передать его въ наслѣдіе потомству, даже если бы имъ пришлось запечатлѣть это наслѣдіе своею кровью.»

Вотъ отрывокъ письма, въ которомъ описывалось вступленіе англійскихъ войскъ: «Кафедра, скамьи и другія принадлежности вынесены изъ Ольдъ-Саута (старая городская церковь), чтобы сдѣлать изъ нея удобное помѣщеніе для легкой кавалеріи генерала Бургойня; въ тоже время безчестный предатель докторъ Морризонъ, личность котораго вамъ должна быть хорошо извѣстна, отправляетъ богослуженіе въ церкви въ Брэтль-стритѣ, для шайки разбойниковъ, которые послѣ своихъ грабежей, неистовствъ и насилій надъ беззащитными, дерзаютъ, по крайней мѣрѣ — иные, поднимать свои святотатственныя руки и преклоняться передъ алтаремъ благости. Я дышу однимъ желаніемъ — возстановленія мира, но мира честнаго, на справедливыхъ условіяхъ; какъ бы боязлива и слаба я ни была, я не стану желать, чтобы мечь былъ мирно вложенъ въ ножны, пока Америкѣ не будетъ воздана должная справедливость.»

Когда англичане заняли Плимутъ, Мерси принуждена была выѣхать и переѣзжать съ мѣста на мѣсто въ продолженіи войны, но гдѣ бы она ни была, вездѣ защитники Америки находили пріютъ и помощь подъ ея кровомъ, вездѣ какъ и въ плимутской гостиной ея «задумывали, обсуждали и принимали разныя политическія мѣры», какъ она говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Въ своихъ письмахъ къ мистриссъ Адамсъ она описывала главныхъ предводителей американскихъ войскъ, и слѣдующіе отрывки могутъ показаться интересными нашимъ молодымъ читательницамъ:

«Генералъ Вашингтонъ, Ли. Гэтсъ, съ нѣкоторыми извѣстнѣйшими офицерами изъ главной квартиры Уатертоцна обѣдали у насъ три дня тому назадъ. Первый изъ нихъ самый любезный и совершенный джентльменъ, какъ по наружности, такъ по уму и обращенію, изо всѣхъ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть. Второй, котораго я видѣла въ первый разъ, уже не молодой мущина съ простой и даже некрасивой наружностью, небреженъ въ обращеніи, даже до невѣжливости, одежда его проста какъ нельзя болѣе, голосъ грубъ; онъ молчаливъ и угрюмъ; но онъ уменъ, ученъ, разсудителенъ и проницателенъ. Онъ много путешествовалъ и пріятно разсказываетъ про свои путешествія. Онъ ревностный и неутомимый защитникъ дѣла Америки; но гораздо болѣе изъ любви къ свободѣ и сознанія правъ всего человѣчества, нежели изъ любви или вражды къ извѣстнымъ личностямъ или странамъ. Послѣдній, храбрый воинъ, истый республиканецъ, честный человѣкъ и умный собесѣдникъ съ свободнымъ и непринужденнымъ обращеніемъ.»

Она такъ отзывается о графѣ д'Эстэнгъ, посланномъ французскимъ правительствомъ.

«Въ то время, какъ миссія, съ которою прыбылъ графъ д'Эстэнгъ должна возбуждать нашу благодарность, достоинство его обращенія внушаетъ почтеніе, и его сдержанная

привѣтливость, если я могу такъ выразиться, усиливаетъ это чувство.»

Лафайетта она характеризовала слѣдующей лаконической похвалой: «Онъ проницателенъ, дѣятеленъ, разсудителенъ, остороженъ, онъ заслуживаетъ единодушное одобреніе всей публики, а пріятность его обращенія и его общительный характеръ, дѣлаютъ его желаннымъ гостемъ каждаго гостепріимнаго дома.»

Если графъ д'Эстэнгъ явился посланнымъ изъ Франціи и Лафайетъ изъ волонтера сдѣлался начальникомъ войска, присланнаго французскимъ правительствомъ, то и этимъ Америка обязана Мерси Уарренъ наравнѣ съ членами американскаго конгресса. Слѣдующій отрывокъ письма ея къ Джону Адамсу показываетъ, что она подавала вождямъ революціи совѣтъ обратиться въ Европу за помощью, которая имѣла такое рѣшительное вліяніе на исходъ войны. Въ этомъ отрывкѣ она напоминаетъ Джону Адамсу, бывшему тогда въ Европѣ какъ уполномоченный Соединенныхъ Штатовъ, о тѣхъ словахъ, которые вырвались у него въ минуту унынія, когда онъ съ другими членами конгресса обсуждалъ отчаянное положеніе дѣлъ въ ея плимутской гостиной. «Вы сказали, что распря между Британіей и колоніями окончится только тогда, когда ваши и мои сыновья будутъ въ силахъ помогать нашей работѣ и вести переговоры съ дворами Европы. Одна дама отвѣчала вамъ на это, быть можетъ, не вслѣдствіе вѣрнаго предвидѣнія хода событій, но подъ вліяніемъ безотчетнаго предчувствія или хвастливой самонадѣянности, что это дѣло должно быть сдѣлано вами и сдѣлано безотлагательно. За свое предсказаніе она потребовала, чтобы вы въ свободныя минуты присылали ей описаніе обычаевъ, нравовъ, образованія управленія и духа тѣхъ народовъ, съ которыми мы до сихъ поръ такъ мало знакомы. Вы согласились, предсказаніе сбылось.»

Эти слова доказываютъ, что Мерси Уарренъ принадле-

жить къ числу немногихъ личностей, которыя какъ Вашингтонъ въ самое мрачное время общественныхъ бѣдствій, когда арміи колоній терпѣли пораженіе за пораженіемъ, теряли крѣпость за крѣпостью, когда раздоры и взаимное недовѣріе грозили разложеніемъ и гибелью Союзу, не утрачивали ни мужества, ни надежды на торжество свободы. Эта не поколебимая надежда на счастливый исходъ войны, была основана не на хвастливой самонадѣянности, не на безотчетномъ предчувствіи, какъ она изъ притворной скромности называла свое предвидѣніе, но на свѣтломъ пониманіи законовъ, управляющихъ судьбою народовъ, на глубокомъ знаніи силъ своего народа и сознаніи его правъ на свободу.

Тоже безотчетное предчувствіе заставило ее писать въ началѣ 1777 года къ мистрисъ Маколей: «Наступающая весна несетъ въ себѣ судьбу государствъ и колеса революціи движутся впередъ съ неимовѣрной быстротой. Они могутъ сбить корону съ чела тирана и ниспровергнуть его съ трона, когда онъ того не ожидаетъ. Голосъ льстецовъ величества всегда выслушивается охотнѣе чѣмъ голосъ пророка, предвѣщающаго бѣдствія; но когда слова: *мэнэ, текелъ* будутъ начертаны на стѣнахъ дворца, ихъ не изгладитъ рука государя, который не хочетъ ограничить себя, хотя онъ и знаетъ примѣры того, что было сдѣлано въ дни его праотцевъ.»

Всѣ письма Мерси Уарренъ отличаются силой чувства и глубиной мысли, хотя въ наше время языкъ ихъ можетъ показаться напыщеннымъ и изысканнымъ. Но таковъ былъ языкъ того времени. Это особенно замѣтно въ письмахъ, которыя она наиболѣе обдумывала. То былъ вѣкъ переписки, письма писанныя друзьямъ обыкновенно имѣли въ виду большой кругъ читателей, по рукамъ которыхъ они ходили, и потому авторъ ихъ весьма естественно не хотѣлъ явиться передъ публикой въ халатѣ, а наряжался въ парадный костюмъ того времени—фижмы, роброны, парикъ и пудру.

Но этотъ изысканный и напыщенный языкъ становился привычнымъ способомъ и выраженія и даже тѣ письма, въ которыхъ она, запросто выражала свои мысли и чувства друзьямъ, покажутся, въ наше время слишкомъ реторичными, хотя они не казались такими современникамъ Мерси. Напр. вотъ отрывокъ изъ небрежно и неразборчиво набросаннаго письма къ короткой пріятельницѣ:

«Послѣднія сотрясенія — естественныя послѣдствія напряженій борьбы генія свободы, возставшаго провозгласить свои права противъ призрака тираніи. Я не сомнѣваюсь, что этотъ свирѣпый призракъ будетъ изгнанъ изъ нашей родины: тогда западные небеса узрятъ добродѣтель (которая есть постоянный спутникъ свободы) возсѣвшую на престолъ мира, и да властвуетъ она съ нею во вѣки надъ зараждающеюся республикой Америки.»

Мерси Уарренъ дѣятельно служила дѣлу освобожденія отечества своимъ перомъ. Она была поэтъ и муза ея отзывалась на каждое событіе изъ жизни отечества. Когда въ 1774 г. Англія прислала въ колоніи лорда Бёта для сбора новаго налога на гербовую или штемпельную бумагу (Stamp tax) и давно копившееся негодованіе разразилось бурей противъ этой произвольной мѣры, Мерси своими гимнами свободѣ возбуждала и поддерживала народное одушевленіе. Ей приписываютъ лучшіе гимны свободѣ, которые пѣлъ народъ, когда торжественными процессіями шелъ жечь изображенія лорда Бёта и чиновниковъ штемпельной коммиссіи, или ставилъ деревья свободы. Гимны Мерси Уарренъ раздавались и на общественныхъ обѣдахъ вмѣстѣ съ знаменательными тостами: «За скорое удаленіе нашихъ начальниковъ, нашихъ злодѣевъ; за уничтоженіе лжи и обмана въ государствѣ и церкви, за крѣпкія петли, тѣсныя колодки и острые топоры для всѣхъ, кто того заслуживаетъ.»

Мерси сильно возбуждала общественный энтузіазмъ драмами, которыя впрочемъ не отличались драматическимъ талантомъ, но заключали многія превосходныя лирическія

мѣста, и множество весьма ясныхъ намековъ на современныя событія и лица. Особенное значеніе имѣла ея сатирическая пьеса «The group» (группа), въ которой осмѣивались вожаки партіи торіевъ, стоявшей на сторонѣ англійскаго правительства, и губернаторъ Гётчинсонъ, своими поборами и жестокостью заслужившій общую ненависть и выведенный въ пьесѣ подъ именемъ Rapatio—скареда. Слѣдующая характеристика въ напыщенномъ и фигуральномъ слогѣ того времени относилась къ нему:

But mark the traitor — his high crime glossed o'er
Cancels the tender feelings of the man,
The social ties that bind the human heart;
He strikes a bargain with his country's foes
And joins to wrap America in flames.
Yet with feigned pity and satanic grin
As if more deep to fix the keen insult,
Or make his life a farce still more complete
He sends a groan across the broad Atlantic
And with a phiz of crocodilian stamp,
Can weep and wreathe still hoping to deceive
He cries — the gathering clouds hang thick about her,
But laughs within; then sobs —
Alas my country.

«Смотри: онъ страшнымъ своимъ преступленіемъ заглушилъ всѣ нѣжныя чувства человѣка и порвалъ всѣ общественныя связи, которыя связываютъ его сердце. Онъ сторговался съ врагами своего отечества и вмѣстѣ съ ними предаетъ Америку пламени. И въ тоже время, какъ будто для того, чтобы усилить жестокое оскорбленіе и еще лучше разыграть свой недостойный фарсъ, онъ съ притворнымъ сожалѣніемъ и сатанинской усмѣшкой шлетъ тажелые вздохи черезъ обширный атлантическій океанъ; онъ можетъ проливать слезы какъ крокодилъ и увѣнчивать цвѣтами свою жертву, надѣясь постоянно обманывать ее. Онъ плачетъ и сгущающіяся тучи грозно виснутъ надъ ней, а онъ въ душѣ смѣется. Онъ рыдаетъ.... Увы моя родина!»

Эта рѣзкая сатира, сила которой ослаблена и первоедомъ и нашей непривычкой къ напыщенному языку того времени, и наконецъ трудностью вполнѣ перенестись въ ту эпоху, когда возбужденное чувство вырывалось въ горячихъ и картинныхъ образахъ, произвела сильное впечатлѣніе на общество и жестоко уронила въ его глазахъ губернатора Гётчинсона и его партію.

Какъ характеристическую черту женщинъ того времени слѣдуетъ замѣтить, что Мерси Уарренъ опасалась, что зашла слишкомъ далеко въ своей сатирѣ, вовсе не потому, что могла навлечь на себя и мужа мщеніе губернатора, а потому, что эта рѣзкость переступала за границы женственности. Предразсудокъ женственности, какъ преувеличенной кротости, мягкости, доброты, которыя будтобы должны составлять отличительное свойство женской природы и не позволять ей относиться съ негодованіемъ, хотябы къ такимъ позорнымъ преступленіямъ, какъ продажа свободы отечества за деньги и выгодное мѣсто,—существуетъ и въ наше время. Пріятельница Мерси, мистрисъ Адамсъ смотрѣла болѣе свѣтлымъ взглядомъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ успокоивала ее слѣдующими словами: «Я замѣтила, какъ вы другъ мой, мучаетесь опасеніями, что рѣзкость, съ какою написана ваша пьеса «Группа» несовмѣстна съ кротостью, которая должна быть отличительной чертой женскаго характера. Правда, что сатира въ рукахъ нѣкоторыхъ людей можетъ быть опаснымъ орудіемъ и орлиные когти — принадлежность орла (и орлицы слѣдуетъ прибавить); но когда сатира внушена любовью къ добродѣтели и ненавистью ко злу, когда она свято хранитъ истину и только достойныя посмѣянія и порочныя дѣйствія бываютъ осмѣяны ею, то сатира не только не предосудительна, но и похвальна какъ нельзя болѣе.»

Изъ драмъ Мерси Уарренъ большою извѣстностью пользовались ея «Разрушеніе Рима» (The sack of Rome) и «Женщины Кастиліи» (Ladies of Castile). Сюжетъ послѣ-

дней драмы былъ выбранъ очень удачно: возстаніе кастильцевъ противъ Карла V., въ которомъ играла такую видную роль Марія Падилья, жена предводителя кастильцевъ. Слѣдующій монологъ Маріи Падильи, обращенный къ мужу, производилъ сильное впечатлѣніе на зрителей, какъ выраженіе чувствъ свободы и патріотизма, одушевлявшихъ американцевъ.

Not like the lover but the hero talk:
The sword must rescue, or the nation sink
And self degraded wear the badge of shame.
We boast a cause of glory and renown,
We arm to purchase the sublimest gift
The mind of man is capable to taste.
'Tis not a factious, or a feudal rout,
That calls their numbers out to private war
With hearts envenom'd by a thirst of blood
Nor burns ambitious rancour of revenge,
As in the bosom of some lorddy chief
Who throws his gauntlet at his sovereign's feet
And bids defiance in his wanton rage
Tis freedom's genius, nursed from age to age
Matured in schools of liberty and law
On virtue's page from son to sire conveyed
E'en since the savage fierce barbarian hordes
Pour'd in and chas'd beyond Narvasia's mounts
The lordy chiefs, who govern'd ancient Spain.
Our independent ancestors disdain'd
All servile homage to despotic lords.

«Говори не какъ влюбленный, но какъ герой. Насъ спасетъ мечь, или народъ нашъ падетъ и униженно надѣнетъ ярмо раба. Мы встаемъ за дѣло славы и чести. Мы вооружаемся, чтобы добыть высшее благо, какимъ только можетъ наслаждаться человѣкъ. Не бунтъ, не феодальная распря призываетъ тысячи къ гражданской войнѣ и отравляетъ сердца жаждой крови; въ нашей груди горитъ не злобное честолюбіе, не мщеніе какъ въ груди надменнаго гранда, когда онъ бросаетъ перчатку къ ногамъ своего

государя и вызываетъ его въ безумной ярости. Насъ призываетъ геній свободы, взлелѣянный изъ вѣка въ вѣкъ, взрощенный въ учрежденіяхъ независимости и закона, переданный отъ отца къ сыну на скрижаляхъ добродѣтели, еще съ тѣхъ временъ, когда дикія и свирѣпыя орды варварваровъ нахлынувъ прогнали далеко за горы Нарвазіи надменныхъ властелиновъ, управлявшихъ древней Испаніей. Наши свободные предки не унижали себя рабскимъ поклоненіемъ деспотамъ.»

Въ трагедіи: «Разрушеніе Рима» она такъ описываетъ ужасы междоусобной войны:

Mongst all the ills that hover o'er mankind,
Unfeigned, or fabled in the poet 's page
The blackest scroll the sister furies hold
For red-eyed wrath, or malice to fill up,
Is incomplete to sum up human woe;
Till civil discord still a darker fiend,
Stalks forth unmasked from its infernal den
With mad Alecto's torch in its right hand,
To light the flame and rend the soul of nature.

«Черный свитокъ приготовленный сестрами фуріями для того чтобы кровожадная ярость и злоба наполняли его, не будетъ наполненъ всѣми бѣдствіями испытываемыми человѣчествомъ или созданными мечтою поэта, пока междоусобная война, этотъ мрачный демонъ не выступитъ во всемъ ужасѣ изъ вертепа ада съ факеломъ неистовой Алекто въ правой рукѣ, чтобы разжечь пламя и растерзать сердце природы.»

Обѣ трагедіи были очень популярны и во время революціи и не утратили свою популярность даже много лѣтъ послѣ окончаніи ея. Александръ Гамильтонъ писалъ автору ихъ 6 іюля въ 1791 г.

«Несомнѣнно, что «Женщины Кастиліи» даютъ новый поводъ къ торжеству вашего пола. Такъ какъ я самъ не поэтъ, то я менѣе другаго подверженъ опасности почув-

ствовать униженіе при мысли, что на поприщѣ драматической литературы Соединенныхъ Штатовъ женскій геній опередилъ мужской.»

Отзывъ Джона Адамса равно благопріятенъ. Онъ писалъ изъ Лондона въ 1787 г.

«Драма «Разрушеніе Рима» такъ проникнута духомъ независимости, что для чести Америки, я желалъ бы, чтобы ее представили на лондонской сценѣ, передъ толпами зрителей. Посвященіе ея очень лестно для меня и я буду очень гордиться увидѣвъ его, даже еслибы драмѣ пришлось появиться только въ печати. Для того чтобы добиться постановки драмы на сцену, здѣсь нужно столько же интригъ и подкуповъ какъ и для того, чтобы получить мѣсто въ парламентѣ.»

Отведя дружескому пристрастію принадлежащее ему мѣсто, слѣдуетъ отдать и должную справедливость Мерси Уарренъ. Для того, чтобы сильно дѣйствовать на умы современниковъ, нуженъ талантъ — и эта завидная доля достается немногимъ. Театръ самое удобное средство для распространенія идей въ массѣ народа, и Мерси Уарренъ превосходно съумѣла воспользоваться этимъ средствомъ.

Мерси писала много стихотвореній въ искуственномъ и надутомъ вкусѣ того времени, образцами котораго могутъ служить Попе и Драйденъ. Они, разумѣется, забыты, не смотря на то, что въ свое время услаждали досуги Вашингтона, Адамса и другихъ государственныхъ мужей того времени. Въ памяти общества сохранились только тѣ стихотворенія, въ которыхъ она заставляла свою напудренную, затянутую въ корсетъ и раздутую фижмами музу служить дѣлу свободы. Муза ея отзывалась на каждое событіе; пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы дѣйствовать на умы. Когда толпы народа разбили ящики съ чаемъ и табакомъ и высыпали въ море товары, обложенные ненавистной пошлиной, Мерси прославила эту демонстрацію въ стихотвореніи: «The Squabble of the Sea Nymphs» — Ссора мор-

скихъ нимфъ, въ которомъ языкомъ миѳологіи говорилось о

India's poisonous weed
Long since a sacrifice to Thetis made
A rich regale. Now all the watery dames
May snuff souchong and sip in flowing bowls
The higher flavored choice Hysonian stream
And leave their nectar to old Homer's gods.

«Ядовитое зелье Индіи, принесенное въ жертву Ѳетидѣ, бывшее богатой регаліей. Теперь всѣ водяныя нимфы будутъ нюхать souchong (названіе табаку) и изъ льющихся бокаловъ пить самый душистый напитокъ Гизона, оставивъ свой нектаръ для боговъ Гомера».

Когда Англія обложила пошлиной всѣ ввозимые въ Америку товары, на конгрессѣ было постановлено ограничить ввозную торговлю товарами первой необходимости и наложить запрещеніе на всѣ предметы роскоши. Джонъ Уинтропъ, членъ конгресса, писалъ Мерси Уарренъ, спрашивая ея совѣта, какія статьи торговли слѣдуетъ считать необходимыми и какія отнести къ предметамъ роскоши. Мерси отвѣчала ему длиннымъ юмористическимъ перечнемъ всего, что модница того времени считала необходимостью, и изъ него читательницы увидятъ, что эти модницы нисколько не уступали модницамъ нашего вѣка.

An inventory clear
Of all she needs Lamira offers here:
Nor does she fear a rigid Cato's frown
When she lays by the rich embroidered gown
And modestly compounds for just enough —
Perhaps some dozens of more slightly stuff;
With lawns and lutestrings — blond and mechlin laces.
Fringes and jewels, fans and tweezer cases;
Gay cloaks and hats, of every shape and size,
Scarfs, cardinals, and ribbons of all dyes;
With ruffles stamped, and aprons of tambour,
Tippets and handkerchiefs, at least threescore;
With finest muslins thar fair India boasts

And the choice herbage from Chinesean coasts;
(But while the fragrant hyson leaf regales
Who'll wear the home spun produce of the vales?
For it would save the nation from the curse
Of standing troops — or name a plague still worse
Few can this choice delicious draught give up,
Though all Medeas poisons fill the cup.)
Add feathers, furs, rich satins, and ducapes,
And head dresses in pyramidal shapes;
Side boards of plate, and porcelane profuse
With fifty dittos for the ladies use,
Jf my poor treacherous memory has missed,
Ingenious T—l shall complete thc list.
So weak Lamira and her wants so few
Who can refuse? they are but the sex's due.
„In youth indeed an antiquated page
Taught us the threatnings of a Hebrew sage
'Gainst wimples, mantles, curls and crisping pins,
But rank not these among our modern sins;
For when our manners are well understood
What in the scale is stomacher or hood?
Tis true, we love the courtly mien and air
The pride of dress, and all the debonair;
Yet Clara quits the more dressed negligé
And substitutes the carelesé polonc;
Until some fair one from Britannia's court
Some jaunty dress, or newer taste import,
This sweet temptation could not be withstood
Though for the purchase paid her father's blood;
Though loss of freedom were the costly price
Or flaming comets sweep the angry skies;
Or earthquakes rattle, or volcanoes roar;
Indulge this trifle, and she asks no more;
Can the stern patriot Claras' suit deny?
'Tis beauty asks — and reason must comply.

«Ламира предлагаетъ подробный списокъ всего, что ей необходимо. Она не боится нахмуреннаго чела Катона, когда сохранитъ богато вышитое платье, и скромно прибавитъ къ нему по крайней мѣрѣ нѣсколько дюжинъ другихъ

изъ болѣе легкихъ матерій; тончайшіе полотна и lutestrings (въ буквальномъ смыслѣ струны лютни), блонды и кружева, бахрамы и драгоцѣнныя вещи, вѣера и коробки щипчиковъ; пестрые салопы и шляпы всевозможныхъ фасоновъ и размѣровъ, шарфы, кардиналы и ленты всѣхъ цвѣтовъ, съ сплоенными маншетами и передниками вышитыми въ тамбуръ; пелеринки и платки, всего по крайней мѣрѣ по три дюжины: тончайшія кисеи, которыми можетъ похвалиться Индія и отборный душистый листъ съ береговъ Китая. (Но пить душистый листъ гизона такое наслажденіе, но развѣ можно носить тканыя дома произведенія нашихъ долинъ, хотя бы то спасло народъ отъ этого проклятія — королевскихъ войскъ *) или другой еще злѣйшей язвы. Немногіе захотятъ отказаться отъ ароматнаго напитка, даже если бы всѣ яды Медеи наполняли чашу). Ей нужны перья, мѣха, дорогіе атласы и ducapes (названіе однаго изъ предметовъ первой необходимости щеголихъ того времени, смыслъ котораго утратился съ нею). И пирамидальные головные уборы, несессеры серебра и множество фарфора, и множество бездѣлицъ, безъ которыхъ дамамъ невозможно обойтиться. Если моя слабая память не измѣняетъ мнѣ замысловатый T—1 долженъ заключить списокъ. Такъ незначительны потребности нѣжной Ламиры. Кто можетъ отказать? Онѣ принадлежности ея пола.

«Правда въ молодости на страницахъ древнихъ писаній учили мы обличенія еврейскаго мудреца противъ покрывалъ мантій, кудрей и припекательныхъ щипцовъ; но это грѣхи не нашего времени, и если взвѣсить хорошенько, то что же можетъ значить какой нибудь нагрудникъ или чепчикъ?

«Правда, насъ прельщаетъ придворный блескъ, суетность одежды и обольщенія красоты. Клара сниметъ самое нарядное домашнее платье и надѣнетъ открытое polancé,

---

*) Standing troops—постоянные англійскіе войска, учрежденіе бывшее особенно ненавистнымъ независимому духу американцевъ.

пока какая нибудь красавица британскаго двора не введетъ новое прелестное платье въ моду. Ей не устоять противъ обольстительнаго искушенія, даже если бы пришлось купить его кровью отца, даже если бы дорогой цѣной его была — потеря свободы, даже если бы пылающія кометы промчались по разгнѣваннымъ небесамъ или загремѣли вулканы и дрогнула разверзающаяся земля. Неужели суровый патріотъ откажетъ просьбѣ Клары? Красота проситъ и мудрость должна уступить.»

Замѣчательно еще стихотвореніе Мерси: «Дума на 1774 г.» Въ немъ были пророчества о будущей судьбѣ Америки, но не раздутыя пророчества квасного патріотизма о томъ, что молъ шапками закидаемъ врага, которыя такъ неловко вспомнить въ минуту отрезвленія, — то была твердая увѣренность, что идеи разума, права, свободы должны восторжествовать надъ насиліемъ, невѣжествомъ и рабствомъ, новая жизнь надъ старой. Вотъ лучшее мѣсто изъ этой думы:

I look with rapture at the distant dawn
And view the glories of the opening morn,
When justice holds its sceptre o'er the land
And rescues freedom froma tyrant's hand;
When patriot stated in laurel's crowns mayrise
And ancient kingdoms court us as allies
Glory and valor shall be here displayed
And virtue rear her long dejected head
Her standard plant beneath these gladden'd skies
Her fame extend, her arts and science rise;
While empire's lofty spreading soils unfurl'd
Roll swiftly on towards the western world.
No despot here shall rule with awful sway,
Nor orphan spoils become the minuons prey,
No more the widow's bleeding bosom mourn,
Nor injured cities weep theis slaughter'd sons;
For then each tyrant by the hand of fate,
And standing troops — the bane of every state
For ever spurn'd shall he removd as far

As bright Hesperus from the polar star
Freedom and virtue shall united reign
And stretch their empire o'er a wide domain
On a broad base the commonwealth shall stand
When lawless pow'r withdraws its impious hand.

«Я смотрю съ восторгомъ на дальній разсвѣтъ и жду сіянія наступающаго дня, когда справедливость прострѣтъ свой скипетръ надъ нашей землей и вырветъ свободу изъ рукъ тирана, когда увѣнчанные лаврами патріоты изберутся въ правленіе и древніе королевства будутъ искать нашего союза; здѣсь мужество выкажетъ себя во всей своей славѣ и добродѣтель, поднявъ свою давно поникшую голову, водрузитъ свое знамя подъ просвѣтлѣвшими небесами; слава будетъ рости, искуства и науки совершенствоваться и обширныя земли могущественнаго государства будутъ быстро развертываться до границъ западнаго полушарія. Никогда деспотъ не будетъ управлять здѣсь съ своею страшной властью; наслѣдство сиротъ не будетъ добычей грабежа любимцевъ; сердца вдовъ не будутъ болѣе обливаться кровью и раззоренные города оплакивать своихъ убитыхъ сыновъ. Изгнанный навсегда рукой судьбы тиранъ со своими постоянными войсками — этимъ бичемъ каждаго государства будетъ такъ же далеко отъ насъ какъ свѣтлый Гесперъ отъ полярной звѣзды. Тогда воцарится свобода и вмѣстѣ съ добродѣтелью распространитъ свою власть надъ обширными землями. Республика утвердится на широкомъ основаніи, какъ только беззаконная власть отниметъ свою руку и низкіе преторіанцы не станутъ болѣе насъ грабить для королей.»

Мерси вела подробныя записки во время революціи, чтобы передать потомству вѣрные очерки замѣчательныхъ событій и дѣятелей этой кровавой и славной эпохи. Между прочимъ въ этихъ запискахъ сохранилось интересное описаніе одной изъ демонстрацій, въ устройствѣ которыхъ она принимала дѣятельное участіе. Народъ хоронилъ свободу.

Торжественной процессіей онъ шелъ за одѣтыми въ трауръ носильщиками, которые несли гробъ съ надписью: «Свобода 175 лѣтъ»; гробъ зарыли при пушечныхъ выстрѣлахъ и пѣніи погребальныхъ гимновъ; потомъ вырыли его и при громкихъ восторженныхъ кликахъ: «воскресла свобода!» понесли его въ ратушу. По этимъ запискамъ Мерси написала исторію войны, которую издала на 77 году отъ роду. Дюйкинкъ въ своей энциклопедіи американской литературы отзывается, что эта исторія считалась долгое время одною изъ лучшихъ, а мистрисъ Эллетъ говоритъ, что въ ней видѣнъ авторъ опередившій свой вѣкъ.

По окончаніи революціи вліяніе Мерси Уарренъ на общественныя дѣла не уменьшилось. У нея по прежнему собирались государственные люди и вожди партій, она подавала совѣты, примиряла враждующія партіи, ссужала ихъ доводами для защиты своихъ принциповъ и не разъ мысли ея высказывались ораторами на засѣданіяхъ конгресса. Въ какой бы то ни было странѣ, или вѣкѣ, говоритъ мистрисъ Эллетъ, рѣдко можно встрѣтить подобный примѣръ, чтобы женщина могла имѣть такое сильное и прочное вліяніе на мущинъ единственно силою своего ума. Рошфуко въ своемъ «Описаніи путешествія по Соединеннымъ Штатамъ» упоминаетъ о ея изумительной и разнообразной начитанности и такъ отзывается о ней самой: «очень замѣчательная женщина, разговоръ ея оживленъ и она не утратила съ годами ни дѣятельности ума ни привлекательности, отличавшей ее въ молодости», а ей тогда было семьдесять лѣтъ: признакъ необыкновенной живучести и силы ея характера, потому что она не пользовалась крѣпкимъ здоровьемъ. Мерси Уарренъ умерла на восьмидесятомъ году. Въ продолженіи своей предсмертной болѣзни она боялась одного — потери умственныхъ способностей; но она сохранила ихъ въ полной ясности и силѣ до послѣдней минуты. Она была первою изъ американскихъ женщинъ, которая заставила поэзію служить столь осмѣяннымъ гражданскимъ мотивамъ, и какъ гово-

ритъ ея біографъ, «учила читающій міръ исторіи, политикѣ и самоуправленію.

Эбигель Адамсъ.

Мистрисъ Адамсъ была женой Джона Адамса, посланника колоній въ Европѣ и впослѣдствіи президента Соединенныхъ Штатовъ. Она происходила отъ суровой и фанатичной расы пуританъ первыхъ поселенцевъ Массачусетса. Отецъ ея, достопочтенный Уильямъ Смитъ былъ сорокъ лѣтъ пасторомъ въ конгрегаціонной церкви въ Уеймаусѣ. Духовенство въ то время было въ Америкѣ самымъ образованнымъ классомъ и пользовалось вліяніемъ тѣмъ болѣе сильнымъ, что потребность религіозной свободы была причиной основанія колоній. Исповѣдники пуританской религіи, гонимой въ Англіи, соединялись вокругъ своего пастора и часто вмѣстѣ съ нимъ переселялись въ колоніи, чтобы имѣть возможность исповѣдывать свою религію. Пасторы сохраняли свое вліяніе надъ паствой долгое время. Такъ было всегда при основаніи всѣхъ государствъ; представители духовной власти въ эпохи младенчества ихъ были самымъ образованнымъ и могущественнымъ сословіемъ. Въ общинахъ американскихъ колонистовъ, вслѣдствіе ихъ устройства по образцу первыхъ христіанскихъ общинъ, гдѣ каждый вѣрующій имѣлъ право голоса, духовенство не могло сложиться въ тиранническую теократію въ родѣ римско-католической и извратить до такой степени смыслъ ученія Христова.

Пасторы первыхъ общинъ колонистовъ отличались строгонравственной жизнью и образованіемъ. Отецъ мистрисъ Адамсъ былъ къ счастію чуждъ фанатизма пуританъ, которые ненависть свою къ католицизму и распущенности нравовъ, отличавшую католиковъ временъ Маріи и Іакова перенесли и на свѣтскую литературу, и на поэзію, невинныя удовольствія, и на все, что украшаетъ жизнь смягчаетъ нравы и просвѣщаетъ умъ. Мистрисъ Адамсъ выросла въ

образованной средѣ, т. е. образованной для той эпохи, въ которой она жила. Она родилась въ Уеймаусѣ въ 1744 г.

Эбигель была слабымъ и больнымъ ребенкомъ и ее не посылали въ школу. Это спасло ее отъ мертвящей дисциплины и жестокаго деспотизма, которыми отличались школы того времени. Она была обязана тѣмъ знаніемъ, которое поставило ее на ряду съ самыми развитыми женщинами Америки того времени, единственно прилежному и хорошо направленному чтенію и острому наблюдательному уму, а не тому, что принято называть воспитаніемъ. Уроки, т. е. разсказы о быломъ и прожитомъ ея бабушки мистрисъ Куинси, имѣли благодѣтельное вліяніе на молодой умъ дѣвочки, и она часто въ своихъ запискахъ съ благодарностью упоминаетъ о немъ.

Она вышла замужъ за Джона Адамса въ 1764 г. Десять лѣтъ прожила она мирно въ своей семьѣ, воспитывая дѣтей. Съ 1775 года ей пришлось быть свидѣтельницей ужасовъ войны и заразительной оспы, свирѣпствовавшей въ это время. Она принимала дѣятельное участіе во всѣхъ мѣрахъ для облегченій бѣдствій войны.

«Мое сердце и моя рука дрожатъ пока я пишу эти строки, при мысли о неистовствахъ междоусобной войны, пишетъ она въ своихъ запискахъ: «Я не могу безъ глубокой печали вспомнить о несчастныхъ жертвахъ, которыя не знаютъ гдѣ искать спасенія. Но еще съ большой печалью вспоминаю я о моихъ согражданахъ, которые въ эту минуту жертвуютъ здоровьемъ и жизнью! Гулъ пушекъ, прогремѣвшихъ надъ этими холмами, отдался въ сердцахъ многихъ женщинъ, и они сошлись со мной въ этой молитвѣ: «Всемогущій Боже, укрой главы нашихъ согражданъ и будь щитомъ нашимъ близкимъ»

Ужасы войны были черезъ нѣсколько времени перенесены въ другую мѣстность, и мистриссъ Адамсъ занялась управленіемъ имѣнія раззореннаго непріятелемъ, въ то время, какъ мужъ ея былъ посланъ коммиссіонеромъ къ

французскому двору. Онъ отправился въ февралѣ 1778 г. съ старшимъ сыномъ Джономъ Куинси. Мистрисъ Адамсъ во время его отсутствія принимала участіе во всемъ что дѣлали женщины Америки для того чтобы облегчить ужасы войны. Она съ терпѣливымъ мужествомъ переносила и мучительное чувство неизвѣстности, и разлуку съ мужемъ и сыномъ и въ самыя тяжелыя минуты не теряла надежду на счастливый исходъ войны за независимость. Это терпѣливое мужество было большей заслугой. Она принадлежала къ горсти людей, которые не дали унынію овладѣть цѣлымъ обществомъ. Это былъ не громкій подвигъ, который кидается въ глаза и который легко описать яркими красками, но оно быть можетъ имѣетъ еще болѣе цѣны чѣмъ громкій подвигъ. Легче кидаться въ битву, въ тревожную дѣятельность, въ которой напряженіе всѣхъ силъ не даетъ возможности оглянуться на все, что есть тяжелаго и мучительнаго въ переносимомъ бѣдствіи, чѣмъ сохранить мужество, когда приходится выносить его не имѣя права на участіе въ тревогахъ борьбы съ нимъ. Работа, которою занималась мистрисъ Адамсъ наравнѣ съ другими — снабженіе войска одеждою и провіантомъ, была преимущественно механическая работа. Она занимала руки и не могла отвлечь умъ отъ мучительныхъ опасеній и тревогъ.

Эти строки, быть можетъ не покажутся достаточно занимательными молодымъ читательницамъ, но авторъ мемуаровъ, основываясь на томъ, что жизнь мистрисъ Адамсъ хорошо извѣстна американскимъ читателямъ изъ ея изданной переписки и біографіи, составленной ея внукомъ, ограничивается очень короткимъ очеркомъ, а переписку и біографію не было никакой возможности достать. Переписка эта очень цѣнилась какъ матеріалъ для исторіи войны штатовъ за независимость.

Мистрисъ Адамсъ принадлежала къ кружку женщинъ Массачусетса, которыя устраивали комитеты для снабженія войска одеждой и пищей, подписки для раненыхъ, издавали

прокламаціи, устраивали демонстраціи; но главныя права ея на извѣстность заключаются не въ этой дѣятельности, а въ тѣхъ политическихъ способностяхъ, которыя она выказала, когда мужъ ея былъ посланникомъ при англійскомъ дворѣ. Она была дѣятельной помощницей мужа, и если онъ съ такимъ достоинствомъ поддержалъ честь представителя свободной націи и такъ успѣшно устроилъ новыя отношенія штатовъ къ королевству, какъ равныхъ государствъ, то этимъ онъ по единодушному отзыву его біографовъ, былъ обязанъ своей женѣ.

Теперь, когда даже самые отсталые люди начинаютъ считать народъ силой и сообразуются хоть сколько нибудь съ его мнѣніемъ, политическій тактъ посланниковъ далеко не имѣетъ того вліянія на отношенія народовъ и той важности для исторіи, которую онъ имѣлъ въ то время. Въ Англіи временъ Георга I дворъ былъ всемогущъ и посредствомъ продажнаго парламента управлялъ самовластно страной. Роль посланника народа, свергнувшаго иго своихъ господъ, была очень трудна въ странѣ этихъ господъ; ему нужно было и сохранить достоинство своего народа и остерегаться пробудить только что утихшее чувство ненависти къ «бунтовщикамъ». Вліяніе женщины могло сдѣлать очень много. Во всѣхъ придворныхъ интригахъ женщины играли большую роль. Сколько бывало примѣровъ, что войны объявлялись въ угоду фавориткамъ короля, что ссора женъ посланниковъ отзывалась на отношеніяхъ мужей. Оскорбленія сдѣланныя посланнику какъ представителю народа, считались нанесенными самому народу. Въ этой массѣ сталкивающихся интересовъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находилась судьба народовъ, необдуманное слово оскорбившее чье нибудь самолюбіе, мелочная забывчивость запутанныхъ отношеній, несдержанное выраженіе чувства или мысли могли имѣть важныя послѣдствія; они могли раздражить или располагать людей, отъ которыхъ зависѣло такъ много. И хотя Бокль не признаетъ за интригами политики никакого

вліянія на судьбу народовъ, то это вѣрно только, если брать въ разсчетъ огромные періоды времени; тутъ разнообразные и противорѣчащіе элементы, которые вносятся политиками въ жизнь народа, уравновѣшиваютъ взаимно другъ друга такъ что въ результатѣ ихъ вліяніе, чтобы остановить или измѣнить ходъ жизни народа, окажется нулемъ; такъ разныя краски на бумажной призмѣ при быстромъ верченіи сливаются въ одинъ цвѣтъ—бѣлый, отсутствіе всякихъ красокъ—тотъ же нуль; и въ такомъ случаѣ можно съ полной справедливостью приложить къ политикамъ знаменитое изреченіе Боссюета: «L'homme s'agite et Dieu le mène», измѣнивъ его въ: «le politique s'agite et le peuple le mène.» Но поворачивайте медленно призму и вы каждый разъ будете видѣть лишь краску той стороны, которую обернете къ себѣ. Такъ если ограничиваться современною эпохою, то каждая мѣра вытекающая изъ тѣхъ или другихъ отношеній политиковъ, непремѣнно будетъ имѣть вліяніе на жизнь народа и отразится на ней пользою или вредомъ, и потому важно, чтобы въ данную эпоху люди, въ чьихъ рукахъ находятся интересы народа могли употреблять свое вліяніе на пользу ему.

Мистрисъ Адамсъ вела себя съ необыкновеннымъ тактомъ при сенъ-джемскомъ дворѣ; она умѣла въ обращеніи своемъ соединить безъискуственную простоту республиканки и тонкую любезность, которыми очаровала всѣ кружки гордой англійской аристократіи. Очаровать королевское семейство и самаго короля, привыкшихъ къ раболѣпному поклоненію, оказалось труднѣе для республиканки; гордое достоинство, которое она для поддержанія чести своего отечества сохраняла въ отношеніи къ нимъ и котораго не сохраняли къ нимъ жены другихъ посланниковъ, видѣвшіе въ Георгѣ брата своихъ государей, весьма естественно не могло расположить его въ ея пользу; но несмотря на немногія столкновенія, дружескія отношенія были сохранены.

Она писала по этому поводу Мерси Уарренъ: «Каждый

кто сдѣлается извѣстенъ въ Европѣ своими республиканскими принципами, долженъ ожидать, что противъ него будутъ направлены всѣ орудія каждаго двора и каждаго придворнаго въ Европѣ.»

Письма ея того времени полны мѣткой наблюдательности и живаго интереса. Она съ гордой радостью отравленной сожалѣніемъ замѣчала разницу между положеніемъ народа въ ея отечествѣ и въ тѣхъ королевствахъ, которыя такъ громко звались цвѣтущими въ Европѣ: «Когда я размышляю о преимуществахъ, которыми обладаетъ народъ Америки надъ самыми цивилизованными народами, о той легкости, съ какою собственность пріобрѣтается трудомъ, о довольствѣ, которое такъ равномѣрно распредѣлено между гражданами, о личной независимости послѣдняго гражданина, о неприкосновенности его личности, жизни и имущества, я чувствую благодарность къ небу, которое опредѣлило мой удѣлъ въ этой счастливой странѣ; но въ тоже время я не могу довольно порицать этотъ безпокойный духъ, это гибельное честолюбіе и жажду власти, которые въ концѣ концовъ могутъ сдѣлать насъ такъ же несчастными какъ и нашихъ сосѣдей.»

Когда мужъ ея былъ выбранъ въ президенты, мистрисъ Адамсъ послала ему письмо, въ которомъ высказались чувства честной гражданки, неослѣпленной блескомъ власти и глубоко сознававшей всю важность отвѣтственности, возложенной на него народомъ. Она начинаетъ стихами по модѣ того времени:

The sun is dressed in its brightest beams
To give due honor to the day, etc.

«Солнце одѣлось самыми яркими лучами, чтобы достойно привѣтствовать этотъ день.

«И да будетъ этотъ день предвѣстникомъ наступающихъ годовъ. Сегодня ты будешь провозглашенъ главою народа. Сегодня Господь и Богъ мой, Ты поставилъ слугу Твоего

правителемъ надъ народомъ. Дай ему уразумѣніе, чтобы онъ зналъ, какъ поступать передъ лицомъ нашего великаго народа и могъ всегда отличать добро отъ зла. О Господи, кто достоинъ судить твой великій народъ! Вотъ были слова Государя, вступавшаго на престолъ, тѣмъ не менѣе ихъ можно примѣнить и къ тому, кто облекается властью перваго правителя въ государствѣ, хотя онъ не будетъ носить ни короны, ни мантіи королевской.»...

«Мои чувства такъ далеки отъ гордости и тщеславія», пишетъ она далѣе; «они освящены сознаніемъ важной отвѣтственности, которую возложило на тебя довѣріе народа, великаго долга и многочисленныхъ обязанностей, которыя предстоятъ тебѣ. Да пошлетъ тебѣ Богъ силы исполнить ихъ съ честью для тебя, съ справедливостью и безпристрастіемъ къ великому народу и на благо нашего отечества; вотъ непрестанная молитва твоей А. А.»

Сдѣлавшись женой президента мистрисъ Адамсъ сохранила прежнюю простоту. Власть не вскружила ей голову и вліяніе ея оставалось все такъ же сильно и благотворно. Ея мѣткая наблюдательность, умѣнье разгадывать людей, трезвый практическій взглядъ и чистота характера чуждаго мелочныхъ предубѣжденій, общаго недостатка женщинъ, дѣлали изъ нея полезную помощницу мужу.

Задача президента въ первые годы основанія республики была далеко не легкая. Приходилось залечивать раны нанесенныя междоусобной войной, которая не могла совершенно закрыться въ два трехлѣтія президентства Вашингтона; соглашать враждовавшія партіи виговъ и тори, искоренять продажность и воровство, вкравшіеся въ управленіе, и ко всему этому обезоруживать личныхъ враговъ и завистниковъ. Мистрисъ Адамсъ дѣятельно помогала мужу въ выполненіи этой задачи и онъ постоянно слѣдовалъ ея совѣтамъ и не разъ признавалъ ея вліяніе въ кругу друзей и въ письмахъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ женѣ онъ говоритъ:

«Я уже не разъ замѣчалъ тебѣ, перечитывая біографіи знаменитыхъ людей, что при каждомъ изъ нихъ неизмѣнно встрѣчается женщина, мать, жена или сестра, вліянію которой слѣдуетъ приписать большую часть его заслугъ. Замѣчательный примѣръ намъ представляетъ Аспазія, жена Перикла.»

Далѣе онъ прибавляетъ: «Жаль, что наши генералы сѣверныхъ провинцій (которые всего болѣе потерпѣли неудачъ) не имѣли женъ Аспазій. Я полагаю тоже, что жены обоихъ Гоу (англійскіе генералы) самыя дюжинныя женщины. Дѣльная женщина давно бы научила Гоу какъ завладѣть Филадельфіей.»

Когда мужъ ея снова вступилъ въ частную жизнь, мистрисъ Адамсъ продолжала принимать живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ; она вела дѣятельную переписку съ государственными людьми, съ которыми была дружна, и высказывала свое мнѣніе и о правителяхъ, и о предпринимаемыхъ ими мѣрахъ. Къ сожалѣнію, авторъ мемуаровъ дѣлаетъ здѣсь только ссылки въ выноскахъ на ея переписку, а не говоритъ, какого рода были эти мѣры.

Въ 1807 г. она писала Мерси Уарренъ:

«Еслибы мы стали считать наши годы революціями, которыхъ мы были свидѣтелями, мы могли бы счесть себя ровесниками допотопныхъ патріарховъ. Перемѣны были такъ быстры, что онѣ обогнали даже самый быстрый полетъ мысли, и мы остались неподвижны какъ статуи, смотря съ изумленіемъ на то, что мы не можемъ ни измѣрить, ни понять. Вы спрашиваете, что думаетъ мистеръ Адамсъ о Наполеонѣ. Еслибы вы спросили мистрисъ Адамсъ, то она вамъ отвѣтила бы словами Попе:

If plaques and earthquakes break not heaven's designs
Why then a Borgia or a *Napoline?*

«Если чума или землетрясенія не разрушатъ предначертаній Провидѣнія, то это сдѣлаетъ Борждіа или Наполеонъ. (Napoleon было измѣнено въ Napoline ради риѳмы.)

Изъ этихъ строкъ видно, что въ началѣ нашего столѣтія американка благодаря здоровымъ идеямъ, въ которыхъ выросла, умѣла смотрѣть на завоевателя передъ которымъ дрожала вся Европа, которому лучшіе умы Европы пѣли восторженныя хвалы, яснымъ и вѣрнымъ взглядомъ, которымъ смотрятъ на него въ наше время еще немногіе передовые мыслители. Прославленный Европой геній, купившій эту славу рѣками крови, стоялъ для нея на одномъ уровнѣ съ Борджіей.

Мистрисъ Адамсъ умерла въ глубокой старости, 74 лѣтъ, несмотря на свое слабое здоровье и тѣ нравственныя страданія, которыя она вынесла въ продолженіе войны за независимость, сохранивъ свѣжесть чувствъ и ума. Авторъ мемуаровъ приписываетъ это исключительно ея глубокой религіозности, поддерживавшей ее въ трудныя минуты; но отведя должное мѣсто вліянію религіи на вѣрующаго, слѣдуетъ признать, что причиной этой выносливости, мужества и живучести ея нравственныхъ силъ было и живое участіе, которое она принимала въ общественныхъ дѣлахъ. Умъ, занятый великими вопросами, не будетъ такъ долго останавливаться на личныхъ интересахъ и страданіяхъ, растравлять со всѣхъ сторонъ полученную рану, какъ то дѣлаютъ умы поглощенные этими интересами и страданіями. Это участіе въ великой жизни народа и есть та «живая вода», которою спрыскивались богатыри, когда копье вражеское пробивало ихъ груди.

Этотъ небольшой очеркъ дѣятельности мистрисъ Адамсъ и немногіе отрывки изъ ея писемъ, даютъ скорѣе понятіе о томъ, чѣмъ она могла бы быть, нежели о томъ, чѣмъ она была. То, что она была, выскажется въ двухъ словахъ: жена помощница! Но судя по той великой честной силѣ, которую она выказала, можно судить о томъ, что она сдѣлала бы, если бы условія общественныя не ограничили ея дѣятельность этой ролью помощницы. Съ умомъ и политическими талантами равными Мерси Уарренъ, она сдѣлала

несравненно менѣе и пользовалась несравненно меньшей извѣстностью. Но литература до сихъ поръ единственное поприще, на которомъ дозволено проявляться сдавленнымъ и недоразвитымъ силамъ женщины; а природа не дала мистрисъ Адамсъ литературнаго таланта, и если ея политическіе таланты не были зарыты въ землю, то этимъ она обязана единственно счастливой случайности, сдѣлавшей ее женой Джона Адамса.

Эстеръ Ридъ.

Эстеръ Ридъ была предсѣдательницей общества Американокъ для помощи арміи. Ей не пришлось выказать романическаго героизма, но ея жизнь была образцомъ терпѣнія, самоотверженія и труда.

Она была англичанкой. Отецъ ея де-Бердтъ былъ англійскій купецъ, потомокъ гугенотовъ переселившихся въ Англію послѣ отмѣны нантскаго эдикта. Онъ былъ человѣкъ высокой честности и воспитывалъ свое семейство въ строгой нравственности и разумной религіозности, которыя были изгнаны изъ высшихъ классовъ общества въ дни Уэслея и Уайтфильда *) и нашли себѣ пріютъ въ скромныхъ часовняхъ диссентеровъ.

Мистеръ де-Бердтъ велъ торговлю съ Америкой и домъ его былъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ американцевъ, которыхъ дѣла, обязанности службы или просто удовольствія столичной жизни привлекали въ Лондонъ. Въ числѣ ихъ былъ Джозефъ Ридъ, изъ колоніи Нью-Джерсей, который пріѣхалъ въ Лондонъ чтобы окончить ученье юридическихъ наукъ въ Темплѣ, какъ то было обыкновеніе для молодыхъ людей, готовившихся къ карьерѣ адвоката. Ридъ былъ молодъ, уменъ, образованъ. Молодые люди сошлись очень

*) Уэслей и Уайтфильдъ были проповѣдниками ученія, которое очень близко подходило къ ученію первыхъ христіанъ и были основателями весьма многочисленныхъ сектъ.

скоро и дали другъ другу слово сначала тайно, а потомъ и открыто помолвили себя другъ другу. Отецъ не хотѣлъ отпускать дочь такъ далеко, но не смотря на его несогласіе, они остались вѣрны другъ другу, и даже пятилѣтняя разлука, на которую настаивалъ отецъ, не могла заставить ихъ забыть другъ друга.

Ридъ окончивъ курсъ въ Темплѣ, возвратился въ Америку и сдѣлался адвокатомъ въ своемъ родномъ мѣстечкѣ Трентонѣ и имѣлъ быстрый и блестящій успѣхъ въ своей карьерѣ. Но онъ не думалъ оставаться постоянно въ Трентонѣ, а дѣлалъ планы о переѣздѣ въ Англію, потому что не было надежды на согласіе старика де-Бердта отпустить дочь въ Америку. Политическія событія того времени измѣнили все.

«Англійскіе министры и самъ монархъ дѣлали все, что могли для того, чтобы вырвать изъ британской короны одну изъ ея лучшихъ жемчужинъ — американскія колоніи. Грошевая мудрость политиковъ, изобрѣтавшая разныя притѣсненія въ формѣ налоговъ, въ родѣ гербовой бумаги, пошлины на чай и возныя товары, додразнила Америку до сопротивленія», говоря мѣткимъ выраженіемъ того времени, и голосъ Чатама хотѣвшій образумить англійскій народъ, вопіялъ въ пустынѣ англійскаго парламента, который подготовлялъ грядущую катастрофу.» Мистеръ де-Бердтъ былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ англійскимъ правительствомъ, какъ агентъ коммиссіи гербовой бумаги, а впослѣдствіи, какъ членъ правленія колоній Делавара и Массачусетса. Старикъ, помнившій притѣсненіе нанесенное его отцамъ, не могъ быть за притѣсненія Дочь его горячо принимала сторону американцевъ, но не одна любовь была причиной этого горячаго сочувствія. Воспитаніе, семейныя преданія, религія — все дѣлало ее американкой въ душѣ. Письма, которыя она писала въ то время полны замѣтокъ о положеніи дѣлъ и выказываютъ свѣтлое пониманіе и здравый смыслъ. Описывая засѣданіе палаты общинъ, въ ап-

«Я уже не разъ замѣчалъ тебѣ, перечитывая біографіи знаменитыхъ людей, что при каждомъ изъ нихъ неизмѣнно встрѣчается женщина, мать, жена или сестра, вліянію которой слѣдуетъ приписать большую часть его заслугъ. Замѣчательный примѣръ намъ представляетъ Аспазія, жена Перикла.»

Далѣе онъ прибавляетъ: «Жаль, что наши генералы сѣверныхъ провинцій (которые всего болѣе потерпѣли неудачъ) не имѣли женъ Аспазій. Я полагаю тоже, что жены обоихъ Гоу (англійскіе генералы) самыя дюжинныя женщины. Дѣльная женщина давно бы научила Гоу какъ завладѣть Филадельфіей.»

Когда мужъ ея снова вступилъ въ частную жизнь, мистрисъ Адамсъ продолжала принимать живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ; она вела дѣятельную переписку съ государственными людьми, съ которыми была дружна, и высказывала свое мнѣніе и о правителяхъ, и о предпринимаемыхъ ими мѣрахъ. Къ сожалѣнію, авторъ мемуаровъ дѣлаетъ здѣсь только ссылки въ выноскахъ на ея переписку, а не говоритъ, какого рода были эти мѣры.

Въ 1807 г. она писала Мерси Уарренъ:

«Еслибы мы стали считать наши годы революціями, которыхъ мы были свидѣтелями, мы могли бы счесть себя ровесниками допотопныхъ патріарховъ. Перемѣны были такъ быстры, что онѣ обогнали даже самый быстрый полетъ мысли, и мы остались неподвижны какъ статуи, смотря съ изумленіемъ на то, что мы не можемъ ни измѣрить, ни понять. Вы спрашиваете, что думаетъ мистеръ Адамсъ о Наполеонѣ. Еслибы вы спросили мистрисъ Адамсъ, то она вамъ отвѣтила бы словами Попе:

If plaques and earthquakes break not heaven's designs
Why then a Borgia or a *Napoline?*

«Если чума или землетрясенія не разрушатъ предначертаній Провидѣнія, то это сдѣлаетъ Борждіа или Наполеонъ. (Napoleon было измѣнено въ Napoline ради риѳмы.)

Изъ этихъ строкъ видно, что въ началѣ нашего столѣтія американка благодаря здоровымъ идеямъ, въ которыхъ выросла, умѣла смотрѣть на завоевателя передъ которымъ дрожала вся Европа, которому лучшіе умы Европы пѣли восторженныя хвалы, яснымъ и вѣрнымъ взглядомъ, которымъ смотрятъ на него въ наше время еще немногіе передовые мыслители. Прославленный Европой геній, купившій эту славу рѣками крови, стоялъ для нея на одномъ уровнѣ съ Борджіей.

Мистрисъ Адамсъ умерла въ глубокой старости, 74 лѣтъ, несмотря на свое слабое здоровье и тѣ нравственныя страданія, которыя она вынесла въ продолженіе войны за независимость, сохранивъ свѣжесть чувствъ и ума. Авторъ мемуаровъ приписываетъ это исключительно ея глубокой религіозности, поддерживавшей ее въ трудныя минуты; но отведя должное мѣсто вліянію религіи на вѣрующаго, слѣдуетъ признать, что причиной этой выносливости, мужества и живучести ея нравственныхъ силъ было и живое участіе, которое она принимала въ общественныхъ дѣлахъ. Умъ, занятый великими вопросами, не будетъ такъ долго останавливаться на личныхъ интересахъ и страданіяхъ, растравлять со всѣхъ сторонъ полученную рану, какъ то дѣлаютъ умы поглощенные этими интересами и страданіями. Это участіе въ великой жизни народа и есть та «живая вода», которою спрыскивались богатыри, когда копье вражеское пробивало ихъ груди.

Этотъ небольшой очеркъ дѣятельности мистрисъ Адамсъ и немногіе отрывки изъ ея писемъ, даютъ скорѣе понятіе о томъ, чѣмъ она могла бы быть, нежели о томъ, чѣмъ она была. То, что она была, выскажется въ двухъ словахъ: жена помощница! Но судя по той великой честной силѣ, которую она выказала, можно судить о томъ, что она сдѣлала бы, если бы условія общественныя не ограничили ея дѣятельность этой ролью помощницы. Съ умомъ и политическими талантами равными Мерси Уарренъ, она сдѣлала

несравненно менѣе и пользовалась несравненно меньшей извѣстностью. Но литература до сихъ поръ единственное поприще, на которомъ дозволено проявляться сдавленнымъ и недоразвитымъ силамъ женщины; а природа не дала мистрисъ Адамсъ литературнаго таланта, и если ея политическіе таланты не были зарыты въ землю, то этимъ она обязана единственно счастливой случайности, сдѣлавшей ее женой Джона Адамса.

Эстеръ Ридъ.

Эстеръ Ридъ была предсѣдательницей общества Американовъ для помощи арміи. Ей не пришлось выказать романическаго героизма, но ея жизнь была образцомъ терпѣнія, самоотверженія и труда.

Она была англичанкой. Отецъ ея де-Бердтъ былъ англійскій купецъ, потомокъ гугенотовъ переселившихся въ Англію послѣ отмѣны нантскаго эдикта. Онъ былъ человѣкъ высокой честности и воспитывалъ свое семейство въ строгой нравственности и разумной религіозности, которыя были изгнаны изъ высшихъ классовъ общества въ дни Уэслея и Уайтфильда *) и нашли себѣ пріютъ въ скромныхъ часовняхъ диссентеровъ.

Мистеръ де-Бердтъ велъ торговлю съ Америкой и домъ его былъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ американцевъ, которыхъ дѣла, обязанности службы или просто удовольствія столичной жизни привлекали въ Лондонъ. Въ числѣ ихъ былъ Джозефъ Ридъ, изъ колоніи Нью-Джерсей, который пріѣхалъ въ Лондонъ чтобы окончить ученье юридическихъ наукъ въ Темплѣ, какъ то было обыкновеніе для молодыхъ людей, готовившихся къ карьерѣ адвоката. Ридъ былъ молодъ, уменъ, образованъ. Молодые люди сошлись очень

*) Уэслей и Уайтфильдъ были проповѣдниками ученія, которое очень близко подходило къ ученію первыхъ христіанъ и были основателями весьма многочисленныхъ сектъ.

скоро и дали другъ другу слово сначала тайно, а потомъ и открыто помолвили себя другъ другу. Отецъ не хотѣлъ отпускать дочь такъ далеко, но не смотря на его несогласіе, они остались вѣрны другъ другу, и даже пятилѣтняя разлука, на которую настаивалъ отецъ, не могла заставить ихъ забыть другъ друга.

Ридъ окончивъ курсъ въ Темплѣ, возвратился въ Америку и сдѣлался адвокатомъ въ своемъ родномъ мѣстечкѣ Трентонѣ и имѣлъ быстрый и блестящій успѣхъ въ своей карьерѣ. Но онъ не думалъ оставаться постоянно въ Трентонѣ, а дѣлалъ планы о переѣздѣ въ Англію, потому что не было надежды на согласіе старика де-Бердта отпустить дочь въ Америку. Политическія событія того времени измѣнили все.

«Англійскіе министры и самъ монархъ дѣлали все, что могли для того, чтобы вырвать изъ британской короны одну изъ ея лучшихъ жемчужинъ — американскія колоніи. Грошевая мудрость политиковъ, изобрѣтавшая разныя притѣсненія въ формѣ налоговъ, въ родѣ гербовой бумаги, пошлины на чай и возныя товары, додразнила Америку до сопротивленія», говоря мѣткимъ выраженіемъ того времени, и голосъ Чатама хотѣвшій образумить англійскій народъ, вопіялъ въ пустынѣ англійскаго парламента, который подготовлялъ грядущую катастрофу.» Мистеръ де-Бердтъ былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ англійскимъ правительствомъ, какъ агентъ коммиссіи гербовой бумаги, а впослѣдствіи, какъ членъ правленія колоній Делавара и Массачусетса. Старикъ, помнившій притѣсненіе нанесенное его отцамъ, не могъ быть за притѣсненія Дочь его горячо принимала сторону американцевъ, но не одна любовь была причиной этого горячаго сочувствія. Воспитаніе, семейныя преданія, религія — все дѣлало ее американкой въ душѣ. Письма, которыя она писала въ то время полны замѣтокъ о положеніи дѣлъ и выказываютъ свѣтлое пониманіе и здравый смыслъ. Описывая засѣданіе палаты общинъ, въ ан-

рѣлѣ 1766 года, при которомъ она присутствовала, она съ энтузіазмомъ говоритъ о Питтѣ и съ отвращеніемъ о Джорджѣ Гренвиллѣ и Уеддербурнѣ, которыхъ она терпѣть не можетъ потому, что они такіе враги Америки.» Эти событія были политическимъ воспитаніемъ, которое изъ молодой дѣвушки приготовила гражданку Америки.

Монархъ и министры подготовляли катастрофу; напрасно старались остановить ихъ представленіями, адресами. Они не воображали, что представленія и адресы могутъ перейти въ воззванія, неудовольствіе въ открытое сопротивленіе. Пять лѣтъ безразсудныхъ мѣръ притѣсненій приготовили взрывъ. Политическій кризисъ произвелъ торговый, мистеръ де-Бердтъ раззорился. Честный старикъ не перенесъ банкротства и умеръ. Смерть отца, сдѣлала Эстеръ свободной и она вышла за Рида въ Лондонѣ въ 1770 году. Ридъ осставилъ Трентонъ и поселился въ Филадельфіи. Но въ то время Филадельфія была большой деревней и индѣйская граница находилась въ нѣскольких миляхъ отъ нея.

Ридъ принялъ дѣятельное участіе въ волненіяхъ 1774 и 1775 года. Но онъ не принадлежалъ къ партіи настаивавшей на немедленномъ вооруженномъ сопротивленіи и надѣялся устранить несогласія мирными средствами. Онъ взялъ на себя иниціативу всѣхъ мѣръ мирнаго сопротивленія и жена его вполнѣ раздѣлала его образъ мыслей и дѣйствія, помогая ему дѣйствовать на общественное мнѣніе.

Филадельфія была тогда сердцемъ народа. Она дрогнула негодованіемъ послѣ рѣзни при Лексингтонѣ и при Бенкеръ Гиллѣ. Ридъ увидѣлъ, что шелъ по ложному пути, и принялъ теперь дѣятельное участіе въ вооруженіи народа и въ сборѣ денегъ на помощь раззоренной Новой Англіи. Жена дѣятельно помогала ему. Въ Филадельфіи Джонъ Адамсъ, ходя съ Вашингтономъ по двору дома штата (StateHouse), какъ звали мѣсто засѣданій конгресса колоній, подалъ ему мысль быть главнокомандующимъ войскъ народа и въ іюнѣ 1775 года Вашингтонъ въ сопровожденіи первыхъ гражданъ ли-

беральной партіи выѣхалъ изъ Филадельфіи, чтобы принять начальствованіе арміей. Ридъ поѣхалъ, какъ думало его семейство, сопровождать Вашингтона на извѣстное разстояніе Но изъ Нью-Іорка онъ написалъ женѣ, что уступая просьбѣ Вашингтона принялъ въ арміи должность секретаря. Если Ридъ давно готовился вступить въ армію и скрывалъ свое намѣреніе отъ жены, чтобы избѣгнуть лишнихъ сценъ, слезъ, просьбъ остаться, то онъ очень ошибался. Эстеръ не была слезливой эгоисткой, способной требовать, чтобы мужъ для нея измѣнилъ долгу гражданина. Она знала, что не пустая фантазія, не минутная жажда сильныхъ ощущеній, заставляла ея мужа идти въ лагерь. Мужъ ея былъ хорошій семьянинъ и чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ только въ кругу семьи, со своей молодой женой и двумя хорошенькими дѣтьми.

Она осталась въ Филадельфіи пока мужъ ея былъ въ походѣ около Кембриджа; но когда, въ 1776 году, онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и уѣхалъ въ Нью-Іоркъ, ей пришлось выѣхать съ дѣтьми изъ Филадельфіи, которой угрожали англійскіе войска. Намъ, счастливымъ гражданамъ мирной страны трудно представить себѣ весь ужасъ этого времени тяжелаго искуса, которымъ прошла Америка. Воображеніе безсильно создать картину этихъ ужасовъ во всей ихъ мрачной и потрясающей истинѣ. То что теперь казалось бы бредомъ горячки было тогда дѣйствительно переживаемой жизнью. Необузданная, наемная солдатчина свирѣпствовала въ мирныхъ колоніяхъ; звѣрскіе гессенцы жгли и грабили все, что попадалось имъ на встрѣчу. Захвативъ всѣ передовые посты отъ Трентона до горы Голли, они открыли генералу Гоу путь въ Филадельфію. Американская армія, едва заслуживавшая этого названія, была разсѣяна мелкими отрядами по правомъ берегу Делавары.

Мистрисъ Ридъ пришлось переживать тяжелое время. Больная и слабая еще послѣ послѣднихъ родовъ, жила въ небольшомъ мѣстечкѣ Евешамъ съ старой матерью, пріятельницей и тремя дѣтьми; единственнымъ защитникомъ

ихъ былъ мальчикъ четырнадцати лѣтъ. У нихъ былъ на готовѣ экипажъ, чтобы переѣхать при появленіи непріятеля черезъ рѣку у Куперскаго перевоза, а если этотъ пунктъ будетъ занятъ непріятелемъ, то близь Салема искать убѣжища въ западныхъ колоніяхъ. Жены и дѣти американскихъ патріотовъ считали себя безопаснѣе въ сосѣдствѣ кровожадныхъ индѣйцевъ, нежели солдатъ предводительствуемыхъ «людьми чести и кавалерами», какъ звались по геральдическимъ свѣдѣніямъ Гоу, Корнвалисы, Раудоны и Перси, которые милостями Георга III были посланы опустошать наши колоніи. Дѣйствія англійскихъ войскъ во время революціи составляютъ одно изъ самыхъ мрачныхъ пятенъ въ исторіи восемнадцатаго столѣтія. Историческій сентиментализмъ заднимъ числомъ, который, зоветъ теперь Георга III мудрымъ и великимъ государемъ, вопіющая несправедливость въ отношеніи Америки. Въ одной колоніи Нью-Джерсея въ продолженіи одного года было пролито столько крови, нанесено столько бѣдствій, что они уничтожаютъ всѣ мнимыя заслуги, которыя приписываютъ Георгу III его сентиментальные почитатели. Это неизмѣнный во вѣки приговоръ исторіи Америки.

Много перемѣнъ счастья пришлось вынести Эстеръ въ продолженіи этихъ шести лѣтъ. Изъ молодой дѣвушки, избалованной эгоистичной нѣжностью отца, выросшей въ довольствѣ и даже роскоши, незнавшей другой заботы и горя, кромѣ легкой грусти объ женихѣ, раздѣленнымъ съ нею Океаномъ, она сдѣлалась женой готовой дѣлить всѣ опасности мужа, матерью, которой пришлось бросить домашній кровъ, пріютившій ее счастье, и бѣжать чтобы спасти дѣтей и себя отъ ужасовъ междоусобной войны. Она мужественно переносила все, какъ видно изъ ея письма.

«Я получила оба твои письма. Они придали мнѣ мужества и я чувствую себя лучше, чѣмъ при нашей разлукѣ. Мысль о томъ, что мое уныніе, огорчивъ тебя, сдѣлаетъ для тебя еще болѣе труднымъ возложенный на тебя долгъ

придаетъ мнѣ рѣшимость. Я снова буду весела по прежнему; по крайней мѣрѣ я дѣлаю всѣ усилія, чтобы снова вернуть мое хорошее расположеніе духа. Повѣрь моимъ словамъ, мой дорогой другъ, и не заботься обо мнѣ.»

Англичане были отбиты отъ Трентона и Принсетоуна, часть Нью-Джерсея была спасена на время, и по отступленіи непріятеля мистрисъ Ридъ вернулась въ Филадельфію. Возвращеніе ея было торжествомъ, потому что мужъ несмотря на то, что былъ новичкомъ въ кровавомъ дѣлѣ войны, прославился геройствомъ, и Вашингтонъ нѣсколько разъ отличалъ его. Патріоты Филадельфіи устроили ему встрѣчу и привѣтствовали его восторженными кликами. Мистрисъ Ридъ гордилась своимъ героемъ мужемъ.

Но время счастливаго свиданія было коротко. Англійскіе генералы, чтобы отплатить за неудачу въ Нью-Джерсѣя, снарядили въ іюлѣ 1777 года новую экспедицію для взятія Филадельфіи. Пришлось снова бѣжать съ крошечными дѣтьми изъ мѣста въ мѣсто. Положеніе было опасно, какъ видно изъ писемъ мистрисъ Ридъ къ пріятельницѣ въ февралѣ 1778 г.

«Это время, которое казалось всѣмъ нестерпимо долгимъ, такъ быстро пронеслось для меня, что кажется оно умчалось едва наступивъ. Не удовольствія и радости придали ему крылья, но безпрестанная смѣна тревогъ и опасеній. Наступившая зима, единственное время безопасности и мира; весна принесетъ новое кровопролитіе и опустѣніе. Это неизбѣжно, и Богъ знаетъ, еще сколько бѣдствій и ужасовъ придется намъ видѣть, прежде чѣмъ убѣжимъ отсюда. Мистеру Риду опасно пріѣзжать сюда долѣе чѣмъ на одинъ день, и я даже спокойнѣе, когда онъ въ арміи, нежели когда онъ здѣсь на моихъ глазахъ. Здѣсь есть столько недовольныхъ настоящимъ возстаніемъ и они подстерегаютъ тѣхъ, которые ушли служить возстанію, чтобы повредить имъ чѣмъ нибудь.»

Ея опасенія были не напрасны. Въ окрестностяхъ Фи-

ладельфіи, послѣ того, какъ большая часть Нью-Джерсея была захвачена непріятелемъ, появилось много отрядовъ вооруженныхъ лоялистовъ *), которые грозили смертью каждому патріоту. Многіе изъ нихъ, подкупаемые британскимъ золотомъ, готовы были на всякое преступленія. Они волновали умы народа и сѣяли измѣну.

Въ зиму 1777 на 1778 годъ, мистеръ Ридъ былъ въ качествѣ волонтера, прикомандированъ къ штабу Вашингтона и находился въ лагерѣ въ Велей Форджъ, въ то же время въ качествѣ одного изъ членовъ конгреса, въ которые онъ былъ выбранъ. Мистрисъ Ридъ искала убѣжища въ отдаленной деревнѣ Флемингтонѣ. Здѣсь ее ждало новое испытаніе, одинъ изъ дѣтей заразился оспой и умеръ. По смерти его она писала пріятельницѣ:

«Мое горе усиливаетъ мысль, что быть, можетъ я была невольной причиной его смерти. Я могла, по незнанію или невольному невниманію, не принять необходимыхъ предосторожностей. Я вижу, что должна обвинять себя во всемъ; но не для того, чтобы предаваться безплодной печали, но для того, чтобы эта потеря была мнѣ урокомъ въ будущемъ.»

Зимой 1778 года она вернулась въ Филадельфію, потому, что военныя дѣйствія были перенесены въ другую часть колоніи. Ридъ былъ избранъ президентомъ или, говоря языкомъ нашего времени, губернаторомъ Пенсильваніи. Съ минуты своего избранія онъ сдѣлался мишенью для отравленныхъ стрѣлъ зависти и клеветы враждебной партіи. Ядъ измѣны проникъ всюду. Ему грозили насиліемъ, побоями, смертью. По улицамъ Филадельфіи нельзя было ходить безоружнымъ. Фанатизмъ толпы угрожалъ жизни многихъ гражданъ, подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ. Присутствіе духа Рида спасло ихъ, но подвергло опасности его жизнь. Жена не напрасно боялась за него болѣе теперь,

---

*) Лоялисты, такъ называлась партія, стоявшая за подданство Англія.

чѣмъ когда онъ былъ въ арміи Вашингтона. Она писала одному изъ друзей, прося его предостеречь отъ опасности мужа, котораго она не хотѣла тревожить въ этомъ. И во время своей трудной службы, когда неизвѣстность исхода войны, пораженія изнѣ и измѣна внутри, коварство, оскорбленія, неудачи, все, что можетъ отравлять жизнь политическаго дѣятеля, обрушилось на Рида разомъ, онъ былъ увѣренъ, что найдетъ дома жену спокойно улыбающуюся, зналъ, что никогда она не отравитъ его отдыхъ эгоистической тревогой за себя или за него, никогда ни словомъ упрека или ропота не возмутитъ семейное счастье. Это счастье придало ему силы до конца нести бремя тяжелой обязанности, и имъ онъ былъ обязанъ скромному домашнему мужеству своей жены. Это мужество не съумѣютъ оцѣнить только тѣ, которымъ не приходилось никогда знать, какимъ утѣшеніемъ оно можетъ быть въ тяжелыя минуты жизни.

Мистрисъ Ридъ, какъ уже сказано выше, была предсѣдательницей общества женщинъ Филадельфіи для снабженія солдатъ одеждой. Она была единодушно избрана для исполненія этой обязанности и исполняла ее съ рвеніемъ и успѣхомъ, заслужившимъ признательность арміи и штатовъ. Секретарь французскаго посольства М. де-Марбуа въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, что ее выбрали «какъ лучшую наиболѣе усердную патріотку, извѣстную своей искренней преданностью дѣлу отечества.»

Еще не оправившаяся отъ родовъ мистрисъ Ридъ занялась исполненіемъ возложенныхъ на нее обязанностей, такъ усиленно, что разстроила свое вообще слабое здоровье; и повела дѣла обмундировки арміи съ практическимъ смысломъ опытнаго поставщика. Она вела съ главнокомандующимъ переписку о лучшихъ мѣрахъ для помощи бѣдствіямъ арміи. Эта переписка была напечатана въ біографіи ея мужа, и потому мистрисъ Эллетъ не приводитъ въ своемъ очеркѣ ни одной мѣры предло-

женной мистрисъ Ридъ, но ограничивается отзывомъ, что письма ея отличались здравымъ смысломъ и толковостью дѣловаго человѣка, не смотря на то, что ей въ первый разъ приходилось браться за дѣло, къ которому женщина, не знавшая другой дѣятельности, кромѣ дѣятельности узкаго семейнаго круга, не могла быть подготовлена.

Дѣло пошло успѣшно. Пожертвованія лились рѣкой, въ одной Филадельфіи было собрано болѣе 7,800 долларовъ звонкой монеты, въ то время когда она была рѣдкостью. «Всѣ классы общества, говоритъ біографъ генерала Рида, приняли участіе въ этомъ пожертвованіи: начиная съ Филлиды, негритянки, которая принесла свое лепту семь шиллинговъ шесть пенсовъ, до маркизы Лафайетъ, которая дала сотню золотыхъ гиней и графини Люзернъ, которая дала шесть тысячъ долларовъ ассигнаціями. Надо сказать, что это увлеченіе женщинъ Америки, не было поддержано тѣми средствами, которыми поддерживаются теперь увлеченія этого рода; не было ни аллегри, ни базаровъ, ни живыхъ картинъ, баловъ и тому подобныхъ увеселеній, на устройство которыхъ тратится обыкновенно большая часть пожертвовонныхъ денегъ. Американки, увидѣвъ что помощь ихъ нужна, сошлись обсудить какъ лучше подать ее. Онѣ собрали деньги и другія пожерствованія, сами отдали свои золотыя украшенія и непужныя драгоцѣнности. Закупили матеріалъ, скроили и шили сами; сами сдавали готовое бѣлье и мундиры для отправленія въ армію.

Мистрисъ Ридъ занемогла и до послѣдней крайности выѣзжала по дѣламъ общества. Когда ее увезли почти умирающую въ Шюйлькиль на берегъ рѣки, она писала: «я такъ хочу скорѣе вернутся въ городъ, здѣсь я не могу ничего сдѣлать для солдатъ.» Но если нравственная сила ея не измѣнила ей, физическая давно сломилась и она умерла тридцати четырехъ лѣтъ. Смерть ея произвела глубокое и сильное впечатлѣніе въ Филадельфіи и даже на мигъ заставила враждующія партіи забыть взаимную ненависть, и

всѣ классы общества соединились отдать должную дань ея памяти.

Марта Вашингтонъ.

Несмотря на все богатство и разнобразіе событій жизнь, жены Вашингтона даетъ очень мало матеріала для біографіи. Она не выходила изъ узкой сферы домашней жизни и всѣ ея заслуги, которыя мистрисъ Эллетъ прославляетъ очень громкими словами, заключаются въ томъ, что она была доброй женой Вашингтона. Она несла свою долю тревогъ, страха и труда съ мужествомъ бывшимъ общимъ достоинствомъ женъ героевъ Америки. Она не была способна принимать дѣятельное участіе въ политикѣ и всего разъ вышла изъ своей пассивной роли, но и то на это нѣтъ доказательствъ положительнѣе преданія. Адресъ женщинъ Виргиніи къ войску, который былъ читанъ во всѣхъ церквяхъ этого штата и напечатанъ въ газетахъ Филадельфіи, былъ приписанъ, но не извѣстно на сколько достовѣрно, ея перу.

Она получила ограниченное воспитаніе, которое не шло далѣе приготовленія къ домашнимъ обязанностямъ, и не отличалась ни особенными способностями, ни необыкновеннымъ умомъ. Она была простой, доброй, честной дѣвушкой но въ томъ узкомъ смыслѣ, который обыкновенно придаютъ женской чести, и красотой своей привлекала толпы обожателей. Семнадцати лѣтъ вышла замужъ за полковника Даніеля Парне Кюстиса и жила съ мужемъ на его богатой плантаціи, Бѣломъ домѣ, на берегу рѣки Памёнке.

Она рано осталась вдовой, и какъ единственная опекунша имѣнія дѣтей, управляла плантаціей и успѣшно завѣдывала и обработкой земьи и вела торговыя дѣла. Можно представить, что у хорошенькой богатой вдовы было много поклонниковъ, но она выбрала Вашингтона. Вотъ какъ опи-

сываетъ это событіе ея жизни біографъ ея, внукъ Джорджъ Вашингтонъ Кюстисъ.

«Въ 1758 году офицеръ въ простомъ сюртукѣ и въ сопровожденіи денщика, такого же высокаго роста и того же воинственнаго вида какъ и его начальникъ, переѣхалъ черезъ Паменке, близь притока ея Іоркъ-Ривера. Когда лодка остановилася у южнаго берега, офицеръ былъ встрѣченъ однимъ изъ лучшихъ представителей виргинскихъ джентльменовъ, vieux regime, мистеромъ Чемберленомъ. Этотъ джентльменъ былъ олицетвореніемъ стариннаго гостепріимства и радушія. Онъ пригласилъ офицера останоновится въ его домѣ и, не принимая никакихъ извиненій, повелъ къ себѣ нъ домъ. Напрасно офицеръ отговаривался спѣшнымъ дѣломъ въ Виліамсбургѣ, мистеръ Чемберленъ почти насильно увелъ его къ себѣ обѣдать, обѣщая ему познакомить его съ очаровательной въовой, которая гостила у него въ домѣ. Офицеръ уступилъ съ условіемъ, что его отпустятъ къ вечеру. Мистеръ Чемберленъ представилъ его гостямъ, въ числѣ которыхъ была красавица мистрисъ Кюстисъ. Новые знакомцы произвели другъ на друга пріятное впечатлѣніе съ перваго взгляда. Разговоръ зашелъ о событіяхъ, въ которыхъ все общество принимало живѣйшее участіе, и которые молодой герой, принимавшій въ нихъ участіе, краснорѣчиво разсказалъ слушателямъ. (Біографъ говоритъ о Канадской войнѣ, въ которой Вашингтенъ принималъ участіе). Прекрасная слушательница ловила съ глубокимъ вниманіемъ, а между тѣмъ, говоря языкомъ Шекспира, «небесное краснорѣчіе ея глазъ», вызывало восхищеніе говорившаго героя. День прошелъ. Солнце было уже низко на горизонтѣ и гостепріимный хозяинъ съ улыбкой посматривалъ въ окно, откуда онъ видѣлъ вѣрнаго денщика полковника, Бишопа, который исполняя въ точности его приказаніе, ждалъ давно своего офицера у воротъ, держа подъ уздцы его лошадь. Старый ветеранъ ждалъ тер-

пѣливо, удивляясь только, чтобы такое могло задержать его, вообще такъ пунктуальнаго начальника.

— А Бишопъ, сказа ему одна хорошенькая свидѣтельница этой встрѣчи, — въ той комнатѣ появился шаловлимальчикъ, который сильнѣе короля Георга и всѣхъ его губернаторовъ. Ловкій какъ сфинксъ, онъ скрылъ отъ глазъ офицера его важныя депеши, заглушилъ въ его ушахъ бой часовъ и съигралъ такую съумасводящую шутку съ храбрѣйшимъ сердцемъ въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ, что оно забилось восторгомъ отъ нежданно найденнаго счастья.»

Старый Бишопъ не понялъ миѳологическихъ намековъ молодой шалуньи и продолжалъ ждать своего полковика, который безъ труда уступилъ радушнымъ убѣжденіямъ мистера Чемберлина остаться у него ночевать, потому что его правиломъ было не отпускать гостя изъ дома послѣ заката солнца. На другой день, но далеко не раннимъ утромъ, влюбленный полковникъ отправился въ Уильмсбургъ, покончивъ тамъ дѣла и снова вернулся къ очаровательнойвдовѣ.

Вскорѣ отпраздновали свадьбу и полковникъ Вашингтонъ съ женой поселился въ Моунтъ-Вернонѣ. Домъ былъ старъ и простъ; его очень немного исправили и увеличили, и изъ него Вашингтонъ отправился на первый конгрессъ всѣхъ колоній и оттуда главнокомандующимъ въ армію. Когда армія зимовала въ Кембриджѣ мистрисъ Вашингтонъ отправилась въ лагерь, была свидѣтельницей осады Бостона англичанами и выступленія изъ него войскъ конгресса. Ко времени открытія военныхъ дѣйствій она вернулась въ Виргинію; но снова пріѣхала въ армію на зимнія квартиры въ Велей-Форджъ.

Мистрисъ Эллетъ видитъ необыкновенное мужество въ этой зимовкѣ въ арміи; но для того, чтобы пріѣзжать съ послѣднимъ пушечнымъ выстрѣломъ окончившейся компаніи и уѣзжать съ первымъ начинавшейся, не нужно особеннаго геройства.

краснорѣчиво расхваливаетъ еще то, что она неспособна была принять участіе въ измѣнѣ отечеству и свободѣ. Но эта заслуга была число отрицательная. Для доброй матери семейства, хорошей хозяйки корона не могла быть такимъ искушеніемъ, какимъ была бы для женщины съ талантами, энергіей и честолюбіемъ. Ей легко было не быть геніемъ искусителемъ мужа, да и Вашингтонъ не былъ изъ числа людей, которые поддаются женскому вліянію.

Доброта и простота обхожденія, которыми отличалась мистрисъ Вашингтонъ, оказали не разъ услугу Вашингтону, когда онъ былъ избранъ президентомъ. Мистрисъ Вашингтонъ умѣла своею ровною любезностью залечивать тѣ раны, которыя невольно наносилъ мелочному самолюбію мужъ ея своею дикостью—слѣдствіемъ застѣнчивости, и всегдашней разсѣянностью, естественнымъ недостаткомъ ума, постоянно занятаго великими интересами. Сверхъ того дѣятельная филантропія мистрисъ Вашингтонъ привлекала къ ней народную любовь, и она по влеченію сердца поступала такъ, какъ поступаютъ изъ политики жены многихъ правителей. Она съумѣла сохранить народную любовь и по смерти Вашингтона.

Мистрисъ Вашингтонъ не много пережила мужа и черезъ два года умерла, окруженная общей любовью и уваженіемъ.

Сара Бэчъ.

Сара Бэчъ, дочь Веніамина Франклина, по смерти мистрисъ Ридъ, была предсѣдательницей общества филадельфійскихъ женщинъ для снабженія арміи обмундировкой и бѣльемъ.

Благодаря своему отцу, Сара получила воспитаніе, которое рѣдко доставалось женщинамъ Америки въ то время. Сара была единственной дочерью и любимицей Франклина. Отношенія между отцомъ и дочерью не были, какъ часто

бенно геройскимъ подвигомъ, но имѣлъ благодѣтельное вліяніе на духъ войска; и когда ея простая коляска, съ двумя почтальонами, въ красныхъ съ бѣлымъ ливреяхъ появлялась предъ аванпостами, солдаты встрѣчали ее громкими кликами радости. Вслѣдъ за мистрисъ Вашингтонъ пріѣзжали жены другихъ генераловъ и офицеровъ; и мрачный лагерь оживился. Женщины терпѣливо переносили всѣ лишенія, которыя главнокомануюцій раздѣлялъ съ солдатами. Это успокоивало недовольство; самые буйные не смѣли роптать, видя, что женщины, привыкшія къ довольству и роскоши, безропотно терпѣли тѣ лишенія. Мистрисъ Вашингтонъ пережила въ лагерѣ при Велей-Форджъ страшную зиму съ 1777—8 года. Она дѣлала много добра, навѣщала больныхъ, помогала обнищавшимъ воинамъ и заслужила общую любовь и благодарность войска.

Сохранившееся ея письмо къ Мерси Уарренъ даетъ понятіе объ лишеніяхъ, вынесенныхъ въ эту страшную зиму.

«Комната генерала такъ мала, что мы пристроили еще изъ бревенъ комнату для того, чтобы обѣдать съ офицерами. Теперь не много сноснѣе.» Столъ генерала Вашингтона былъ самый скромный; солдатскій былъ еще хуже. Они садились обѣдать за доски, поставленныя на подстановкахъ, нѣсколько роговыхъ ложекъ, и стакановъ переходящихъ изъ рукъ въ руки, составляли всю посуду стола. Питались преимущественн солеными селедками и картофелемъ, безъ зелени; кай, кофе и сахаръ давно вышли изъ употребленія. Сосѣдніе фермеры не хотѣли продавать припасовъ за ассигнаціи конгресса, а звонкую монету нужно было беречь на военные припасы и снаряды. Глиняная кружка съ водой изъ сосѣдняго ручья переходила изъ рукъ въ руки, и только по рѣдкимъ торжественнымъ днямъ наполнялась тодди *), чтобы выпить за здоровье націи.

*) Тодди — грогъ съ сахаромъ.

Маркизъ Шастелю, уполномоченный французскаго правительства, такъ описываетъ походную жизнь, которую раздѣляла мистрисъ Вашингтонъ.

«Главная квартира въ Ньюбургѣ находится въ небольшомъ домѣ, выстроенномъ на голландскій ладъ, и очень небольшомъ и неудобномъ. Большая комната, изъ которой генералъ Вашингтонъ сдѣлалъ столовую, довольно просторна, но въ ней семь дверей и одно окно. Каминъ у стѣны въ глубинѣ комнаты и дымитъ. Я нашелъ совѣтъ, на который былъ приглашенъ, въ крошечной гостиной, которая служитъ въ то же время спальней для пріѣзжихъ. Въ девять часовъ вечера былъ поданъ ужинъ и генералъ отвелъ меня въ назначенную мнѣ комнату, которая оказалась гостиной, и гдѣ была приготовлена для меня походная кровать. На слѣдующее утро мы собрались на завтракъ въ столовую, въ это время убрали мою кровать, и все общество перешло въ мою комнату. Американцы считаютъ неприличнымъ, чтобы кровать находилась въ комнатѣ, гдѣ бываютъ посторонніе, тѣмъ болѣе женщины.

Стѣсненіе, которое я надѣлалъ своимъ пріѣздомъ генералу и его женѣ, заставило меня опасаться, чтобы Рошамбо не пріѣхалъ въ тотъ же день».

Мистрисъ Вашингтонъ пришлось одинъ разъ въ продолженіи своихъ зимовокъ въ лагерѣ видѣть опасность довольно близко. Дамы остались позже обыкновеннаго въ арміи, когда она стояла лагеремъ при Гудсоновой рѣкѣ. Пришло извѣстіе, что непріятель двинулся изъ Нью-Іорка для нападенія. Адъютанты предлагали отправить дамъ подъ сильнымъ конвоемъ въ безопасное мѣсто. Вашингтонъ не хотѣлъ согласиться, потому что это могло бы деморализировать и безъ того упавшее духомъ войско.

— Присутствіе женъ нашихъ, воодушевитъ насъ къ храброй защитѣ, сказалъ онъ.

Ночь была темная. Команда офицеровъ, гулъ шаговъ сбиравшихся войскъ, шумъ колесъ артиллеріи, которую

разставляли, стукъ выбиваемыхъ оконныхъ рамъ, въ которыя вставляли орудія, говоръ солдатъ, наполнявшихъ домъ, все слилось въ грозный гулъ, которому темнота предавала еще болѣе ужаса. Но непріятель увидя, что американцы готовы къ отпору, повернулъ назадъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла.

Мистрисъ Вашингтонъ отличались не обыкновенной простотой, когда главная квартира войскъ была въ домѣ мистрисъ Берри въ Нью Джерсеѣ, то мистрисъ Берри дѣлала приготовленія для пріема жены главнокомандующаго. Подъѣхала коляска и изъ нея вышла пожилая женщина съ пріятнымъ свѣжимъ лицомъ, въ простомъ платьѣ деревенскаго издѣлія и бѣлой косынкѣ, сложенной тщательно складками на груди. Мистрисъ Берри приняла пріѣхавшую за служанку ожидаемой гостьи, но тотчасъ увидѣла, что это было гостья сама, потому что Вашингтонъ пошелъ къ ней навстрѣчу и послѣ первыхъ радостныхъ привѣтствій, началъ распрашивать о своихъ любимыхъ лошадяхъ: красивыя лошади были слабостью героя.

Мистрисъ Вашингтонъ, вообще не любившая роскошь, считала ее преступленіе въ это время общественныхъ бѣдствій. На праздникахъ, которые отъ времени до времени давали въ арміи, чтобы поддержать духъ войска, она надѣвала два платья домашняго издѣлія: изъ бумажной матеріи съ шелковыми полосами. Шелковыя полосы были вытканы изъ распущенныхъ старыхъ шелковыхъ коричневыхъ чулокъ и разщипанной пунцовой штофной обивки старыхъ стульевъ.

Блескъ президентскаго сана не ослѣпилъ мистрисъ Вашингтонъ, она осталась все тою же простой, честной, доброй и доступной всѣмъ женщиной, какою была всегда. Когда въ арміи составили заговоръ, чтобы изъ зарождавшейся республики сдѣлать монархію и избрать Вашингтона въ короли, мистрисъ Вашингтонъ съ негодованіемъ встрѣтила предложеніе заговорщиковъ. Авторъ мемуаровъ

краснорѣчиво расхваливаетъ еще то, что она неспособна была принять участіе въ измѣнѣ отечеству и свободѣ. Но эта заслуга была число отрицательная. Для доброй матери семейства, хорошей хозяйки корона не могла быть такимъ искушеніемъ, какимъ была бы для женщины съ талантами, энергіей и честолюбіемъ. Ей легко было не быть геніемъ искусителемъ мужа, да и Вашингтонъ не былъ изъ числа людей, которые поддаются женскому вліянію.

Доброта и простота обхожденія, которыми отличалась мистрисъ Вашингтонъ, оказали не разъ услугу Вашингтону, когда онъ былъ избранъ президентомъ. Мистрисъ Вашингтонъ умѣла своею ровною любезностью залечивать тѣ раны, которыя невольно наносилъ мелочному самолюбію мужъ ея своею дикостью—слѣдствіемъ застѣнчивости, и всегдашней разсѣянностью, естественнымъ недостаткомъ ума, постоянно занятаго великими интересами. Сверхъ того дѣятельная филантропія мистрисъ Вашингтонъ привлекала къ ней народную любовь, и она по влеченію сердца поступала такъ, какъ поступаютъ изъ политики жены многихъ правителей. Она съумѣла сохранить народную любовь и по смерти Вашингтона.

Мистрисъ Вашингтонъ не много пережила мужа и черезъ два года умерла, окруженная общей любовью и уваженіемъ.

Сара Бэчь.

Сара Бэчь, дочь Веніамина Франклина, по смерти мистрисъ Ридъ, была предсѣдательницей общества филадельфійскихъ женщинъ для снабженія арміи обмундировкой и бѣльемъ.

Благодаря своему отцу, Сара получила воспитаніе, которое рѣдко доставалось женщинамъ Америки въ то время. Сара была единственной дочерью и любимицей Франклина. Отношенія между отцомъ и дочерью не были, какъ часто

случается, отношеніями между начальникомъ и подчиненнымъ, но отношенія двухъ друзей, какъ то видно изъ ея переписки съ отцомъ, когда въ 1764 году онъ былъ посланъ колоніями уполномоченнымъ въ Европу. Отъѣздъ отца ея, вызвавшій волненія въ религіозной общинѣ, къ которой принадлежала Сара, далъ ей случай выказать энергію, рѣдкую въ молодой дѣвушкѣ. Вся масса населенія Пенсильваніи была въ то время раздѣлена на двѣ партіи, на защитниковъ и противниковъ рабовладѣнія. Сыновья Пена *) оставили религію своихъ отцовъ и присоединились къ англиканской цѣркви. Присоединившіеся составляли главное ядро рабовладѣльцевъ. Масса квакеровъ, оставшихся вѣрными религіи Пена, составляла оппозицію этой партіи. Франклинъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ ея. За это онъ, бывшій въ продолженіи четырнадцати лѣтъ неизмѣнно избранъ въ члены пенсильванскаго собранія, лишился избранія въ 1764 году ничтожнымъ меньшинствомъ голосовъ. Но друзья, составлявшіе большинство въ палатѣ, немедля выбалотировали его уполномоченнымъ посломъ колоній въ Европу. Партія рабовладѣльцевъ составила сильную оппозицію при его назначеніи, но напрасно. Въ то время церковь имѣла сильное вліяніе на общественныя дѣла въ Америкѣ. Петиція палатѣ объ отмѣнѣ назначенія Франкина была составлена рабовладѣльческой партіей и положена для подписи на алтарь Христовой церкви, въ которой онъ былъ прихожаниномъ вмѣстѣ съ семействомъ. Сара, возмущенная этой несправедливостью, хотѣла немедленно перейти въ другой приходъ. Надо знать, какъ было сильно въ то время вліяніе церкви и какъ строго общественное мнѣніе преслѣдовало подобный шагъ, который былъ возмущеніемъ противъ церкви, чтобы понять какъ велика была энергія выказанная молодой дѣвушкой, и только письмо отца могло убѣдить ее отказаться отъ своего намѣренія.

---

*) Пенъ *основатель* секты квакеровъ и противникъ рабства негровъ.

ница въ продолженіи двухъ лѣтъ, трудно повѣрить, что я опять нахожусь въ Филадельфіи. Съ меня просятъ шесть долларовъ за пару перчатокъ и пятнадцать фунтовъ за простую каламанковую юбку не выстеганую и не подбитую, которая прежде стоила пятнадцать шиллинговъ.»

Эта дороговизна была слѣдствіемъ выпуска ассигнацій, которыя могли ходить только въ колоніяхъ и потому стояли очень низко. Курсъ падалъ еще ниже съ неудачами американскихъ войскъ и вскорѣ упалъ до того, что когда мистрисъ Бечь посылала служанку на рынокъ, то давала ей двѣ корзины, одну для провизіи, другую для ассигнацій, которыхъ приходилось брать такое количество, что его не возможно было помѣстить въ бумажникъ или карманъ.

Въ 1779 г. она писала отцу, что не смотря на дороговизну, общество веселится и дамы рядятся по случаю пріѣзда французкаго посольства и союзныхъ войскъ. Франклинъ строго осуждалъ эти песвоевременныя увеселенія и мистрисъ Бечь въ слѣдующемъ письмѣ оправдывалась, что праздникъ на который она поѣхала, былъ исключеніемъ.

«Увѣряю васъ дорогой папа, пишетъ она: «что мы не забыли работу нашу. Если я перестала прясть ленъ для полотна, то единственно оттого, что мы не можемъ найти ткачей, чтобы выткать тотъ, который напряденъ еще три года тому назадъ. Мистеръ Деффильдъ, съ трудомъ уговорилъ одного ткача, который живетъ на фермѣ въ сосѣдней деревнѣ выткать для меня восемнадцать ярдовъ холста и тотъ согласился только потому, что Деффильдъ сдѣлалъ ему даромъ три или четыре челнока и обѣщалъ держать заказъ въ секретѣ; потому что жители деревни не позволяютъ своимъ работать на городскихъ. Это третій ткачь съ которымъ я уговариваюсь и я не знаю не отдѣлается ли и онъ однимъ обѣщаніемъ какъ первые два. Горничная моя прядетъ шерсть для зимнихъ чулокъ и тутъ ужъ не будетъ затрудненій, потому что я сама буду вязать ихъ. Вы видите, что я не провожу время въ праз-

дности. Зима наступаетъ и несетъ новые ужасы. Но если мнѣ придется опять переѣзжать съ мѣста на мѣсто, я буду совершенно покойна дома. Твердость моя, которая не оставляла меня, когда другіе падали духомъ, можетъ измѣнить мнѣ только при новомъ пониженіи курса, курсъ же падалъ съ невѣроятной быстротой, и я всю зиму просижу дома, потому что нельзя купить порядочнаго салопа и шляпы дешевле двухъ сотъ фунтовъ; чтоже касается газа, то онъ стоитъ пятьдесять долларовъ: я бы считала грѣхомъ и стыдомъ купить его даже, еслибы хотѣла рядиться и у меня были милліоны... Вы говорите деньги дешевы, это правда; но здѣсь есть тоже много людей, которые не знаютъ ни цѣны ни пользы денегъ, у которыхъ ихъ такъ много, что имъ рѣшительно все равно бросить одинъ долларъ или сотню; но трудно жить тѣмъ для кого какъ для насъ серебрянный и бумажный долларъ одно и тоже. Мистеръ Бэчь несnособенъ вести дѣла свои, какъ ихъ ведутъ здѣсь другіе, барышничать и захватывать монополіи.

Мистрисъ Бэчь принимала дѣятельное участіе во всѣхъ планахъ филадельфійскихъ женщинъ для облегченія бѣдствій арміи и какъ выше сказано, по смерти мистрисъ Ридъ была избрана предсѣдательницей комитета для снабженія арміи обмундировкой и бѣльемъ. Всѣ рубашки солдатъ кроились въ ея домѣ. Маркизъ де Шастеллю въ своемъ письмѣ къ Франклину такъ говоритъ о своемъ посѣщеніи мистрисъ Бэчь.

«Послѣ легкаго завтрака мы отправились дѣлать визиты дамамъ, соблюдая обычай Филадельфіи дѣлать визитъ по утрамъ. Мы начали съ мистрисъ Бэчь, которая какъ дочь мистера Франклина внушала намъ живѣйшее желаніе поскорѣе познакомиться съ нею. И она вполнѣ заслуживала его. Она простая въ обращеніи какъ и ея уважаемый отецъ и такъ же добродѣтельна и сострадательна какъ онъ. Она повела насъ въ компату, заваленную роботой, только что *оконченной филадельфійскими* домами. Эта работа была

не расшитые тамбуромъ жилеты, не фестонировка съ хитро сплетенными паутинами, не шитье золотомъ и серебромъ; это были рубашки для солдатъ американской арміи. Дамы купили холстъ на свои деньги, сами кроили и шили. Число рубашекъ было около двадцати двухъ сотень.»

Сверхъ своего званія предсѣдательницы мистрисъ Бэчъ была выбрана въ члены исполнительнаго комитета, состоявшаго изъ четырехъ дамъ, обязанность которыхъ была собирать пожертвованія. М. де Марбуа писалъ Франклину на слѣдующій годъ.

«Большая часть бѣлья, которымъ снабжена американская армія, было изготовлено пожертвованіями женщинъ, и этимъ армія обязана краснорѣчію, которымъ какъ вы знаете, мистрисъ Бэчъ обладаетъ въ такой высокой степени. Собирая пожертвованія, она высказала столько неутомимаго рвенія, столько упорной энергіи, что они превозмогли даже упорные отказы квакеровъ.»

Заставить квакеровъ развязать кошельки для войны за независимость, и вообще для чего либо—было торжествомъ краснорѣчія, которое мистрисъ Бэчъ наслѣдовала отъ отца. Религія квакеровъ запрещаетъ имъ проливать кровь, и вообще квакеры пользуются репутаціей скупости. Они считали грѣхомъ давать деньги на поддержаніе войны. Когда Англія требовала податей на войну съ французами въ Канадѣ, то квакеры не осмѣлившіеся противиться, отдѣлывались разными лицемѣрным уловками при уплатѣ: напр. когда требовали деньги па пушки, они представивъ требуемую сумму писали въ адресѣ, что даютъ ее на пожарныя трубы, fire engines. Этимъ словомъ называется пожарная труба и на стихотворномъ языкѣ—огнестрѣльное орудіе. Но въ подпискѣ на революціонную армію невозможно было отыграться каламбуромъ, да и конгресъ обложившій уже колоніи налогами не сталъ бы прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ для вымоганія пожертвованій, а братья любили равно сохранять и наружное повиновеніе догма-

тамъ вѣры и свои деньги, и потому большой сборъ вырученный мистрисъ Бэчь былъ доказательствомъ ея краснорѣчія и неутомимаго рвенія. Мистрись Бэчь въ одномъ письмѣ упоминаетъ о непріятности сбора. «Я рада что могу сказатъ вамъ, пишетъ она мистрисъ Мередитъ въ Трентонъ: что сумма пожертвованная женщинами Филадельфіи оказалась несравненно значительнѣе, чѣмъ я ожидала, и мнѣ давали ее съ такой готовностью и благословеніями, что на этотъ разъ сборъ денегъ былъ для меня отраднымъ, а не непріятнымъ дѣломъ. Я пишу вамъ чтобы и васъ причесть къ числу филадельфійскихъ женщинъ и буду счастлива, если вы меня почтите вашимъ пожертвованіемъ.»

Мистрисъ Бэчь отличалась здоровымъ умомъ, способностью горячо привязаться. Де Марбуа ставитъ ее въ примѣръ женщинамъ Европы за ея строгое исполненіе домашнихъ обязанностей и за горячую любовъ къ отечеству. Въ то время женщины круга де Марбуа во Франціи не отличались ни тѣмъ ни другимъ. По заключеніи мира мистрисъ Бэчь отличалась филантропіей, которая въ то время была единственнымъ поприщемъ для женской дѣятельности за стѣнами домашняго очача. Она была горячо любима своими друзьями; и заслужила общее уваженіе своею твердостью, и неизмѣнною веселостью съ которою переносила и мелкія и крупныя невзгоды жизни.

Этимъ качествомъ она была обязана своему отцу. Франклинъ прошелъ суровую школу бѣдности, лишеній и неудачь, онъ испыталъ на себѣ какой закалъ она даетъ сильнымъ характерамъ. Жизнь дѣвушки, единственной любимой дочери въ семьѣ окруженной довольствомъ, могла изнѣжить характеръ и сдѣлать его неспособнымъ переносить трудности жизни. Чтобы пріучить дочь сносить терпѣливо мелкія непріяности жизни и тѣмъ пріучаться переносить большія, онъ иногда просилъ ее остаться дома поиграть съ нимъ въ шашки, когда она собиралась на вечеръ съ пріа-

чтобы онъ пріучался знать, что есть въ жизни святое, передъ чѣмъ должны умолкать всѣ своекорыстныя побужденія; чтобы онъ росъ въ семьѣ, гдѣ нѣтъ сдѣлокъ съ совѣстью, продажи убѣжденія изъ за выгодъ, разлада слова съ дѣломъ. Мистрисъ Вашингтонъ показала сыну примѣръ строгой честности. Мужъ въ завѣщаніи назначилъ ее опекуншей имѣнія, значительной плантаціи, которая по англійскимъ законамъ о правѣ первородства, переходила къ старшему сыну, пасынку Мери Вашингтонъ. Она управляла имѣніемъ и по совершеннолѣтіи пасынка передала ему, а сыну ея любимцу Джорджу пришлось съ семнадцатилѣтняго возраста заработывать свой хлѣбъ. Положимъ это заслуга чисто отрицательная, она не была способна украсть, но сколько матерей на ея мѣстѣ съумѣли бы разными экономіями скопить сыну кругленькій капиталецъ. Вашингтонъ же первые годы своей молодости даже нуждался, что видно изъ одного его письма къ пріятелю, гдѣ онъ съ восхищеніемъ говоритъ о томъ что получилъ заработанную плату шесть пистолей. Также и Вашингтонъ вернувшись послѣ президентства въ свой Моунтъ Вернонъ не привезъ съ собой ничего. Это тоже заслуга отрицательная, но многимъ ли правителямъ можно приписать ее.

Вашингтонъ самъ сознавался, что онъ обязанъ былъ матери тѣми качествами, которые дѣлали его вождемъ наруда: мужествомъ терпѣніемъ, самообладаніемъ и яснымъ и здравымъ сужденіемъ. Всѣ знаютъ, какъ сильно вліяніе первыхъ впечатленій, онѣ вмѣстѣ съ темпераментомъ кладутъ зародышъ будущаго человѣка. Вашингтонъ росъ исключительно подъ вліяніемъ матери, какъ младшему сыну виргинскаго дворянина ему предстояла одна карьера земледѣліе и фермерство. Въ то время школъ было мало, и онѣ находились въ большомъ растояніи отъ имѣнія Вашингтоновъ; хорошихъ учителей было еще менѣе, и если Вашингтонъ образовалъ себя, то этимъ былъ обязанъ един-

ственно самодѣятельности и привычкѣ къ труду, которыя мать его его съ умѣла внушить ему.

Онъ удивительно походилъ на мать и наружностью и нравственными качествами и подтверждалъ еще не доказанное вполнѣ положеніе науки, что дѣти наслѣдуютъ отъ матерей нервную систему и качества мозга. Если это положеніе справедливо, то характеристика мистрисъ Вашингтонъ представляетъ особенный интересъ, не смотря на то, что жизнь ея не выходила за рамки тѣсной дѣятельности отмѣренной женщинѣ законами и обычаемъ. Сила мистрисъ Вашингтонъ была сила нравственная. Эта сила чувствуется даже и тогда, когда бы мы не имѣли случая видѣть ее на дѣлѣ. Какъ ни тѣсенъ будь кругъ, въ который заключена сильная натура, она всегда обратитъ на себя вниманіе и займетъ свое мѣсто. Въ трудную минуту мы къ ней пойдемъ искать опоры даже еслибы намъ не случалось видѣть, чтобы она поддержала кого, но почему то намъ чувствуется что именно она, а не другой кто можетъ поддержать, дать необходимой совѣтъ. Мистрисъ Вашингтонъ была просто честная добрая женщина, хорошая хозяйка и неутомимая работница, готовая помочь всѣмъ, кто нуждался въ помощи, съ рѣдкимъ здравымъ смысломъ и твердостью, не отступавшей передъ исполненіемъ обязанности, какъ бы она трудна ни была, и любящимъ сердцемъ, которое не позволяло этой твердости переходить въ деспотизмъ. Это черты не крупныя и пожалуй празднымъ барынямъ, мечтающимъ о героизмѣ и неспособнымъ ударить палецъ о палецъ, покажутся добродѣтелями изъ прописной морали, но именно эти черты сдѣлали изъ нея мать воспитательницу.

Одинъ изъ пріятелей Вашингтона, родственникъ его Лауренсъ Вашингтонъ изъ Чотанка описываетъ мать его слѣдующими чертами:» я часто бывалъ съ Джорджемъ, игралъ и учился съ нимъ вмѣстѣ, и послѣ когда мы стали юношами былъ его неразлучнымъ товарищемъ. Я въ де-

сять разъ болѣе боялся его матери, чѣмъ своихъ родителей, не смотря на то, что она была очень добра, но въ добротѣ ея было что то внушающее почтеніе. Даже теперь, когда время убѣлило мои волосы и я дѣдъ многихъ внуковъ, я не могъ бы встрѣтить эту величественную женщину безъ чувства, которая не въ силахъ объяснить. Кто видѣлъ величественную наружность и характеристичные манеры отца народа, тотъ узналъ бы въ ней немедля мать обожаемаго героя. Когда Вашингтона назначили главнокомандующимъ, пишетъ мистеръ Кёстисъ пасынокъ Вашингтона, передъ отправленіемъ въ лагеръ стоявшій въ Кембриджѣ, онъ отвезъ мать въ деревню Фредериксбургъ, удаленную отъ опасности. Въ ней жила мистрисъ Вашингтонъ не измѣняя своего образа жизни во все продолженіе войны. Между лагеремъ съ Фредериксбургомъ безпрестанно сновали курьеры, одинъ привозя извѣстіе о побѣдѣ, смѣнялся другимъ съ вѣстью о пораженіи. Мистрисъ Вашингтонъ встрѣчала ихъ своимъ величественно спокойнымъ видомъ, не выдавая ни жалобой ни слезой тревогу за своего любимца и напомнила собой примѣръ римскихъ матронъ лучшихъ временъ республики, показывая примѣръ матерямъ, что безплодный страхъ и слезы, какъ бы естественны они ни были недостойны тѣхъ матерей, чьи сыновья сражались за драгоцѣнные права человѣка, за свободу и благо всего мира.

Мистрисъ Вашигтонъ не была ни мало ослѣплена подвигами своего сына, она просто смотрѣла на нихъ какъ на исполненіе долга. Когда пришло извѣстіе о переходѣ черезъ рѣку Делаваръ и патріоты собрались поздравить ее, она приняла ихъ съ античной простотой и спокойно отклонила громкіе хвалебные эпитеты сопровождавшіе имя ея сына въ отрывкахъ писемъ, которые ей принесли прочесть. Узнавъ о сдачѣ Корнвалиса, она въ порывѣ благодарности подняла руки къ небу и вскричала: «Благодарю Бога! теперь война окончится и независимость и счастье снова осѣнятъ наше отечество, а потомъ уже спросила о сынѣ.

Мистрисъ Вашингтонъ во все предолженіе своей жизни не измѣняла этой простотѣ, она не любила ни пышности ни блеска ни праздности, сама дѣлала что могла своими руками, и оттого у ней всегда были средства помогать нуждающимся. Вашингтонъ зналъ нелюбовь своей матери къ блеску и потому, когда ему черезъ семь лѣтъ послѣ разлуки съ нею пришлось проходить торжественнымъ шествіемъ близь Фредериксбурга, онъ оставилъ свой штабъ и свиту, и послалъ предупредить мать, чтобы внезапное свиданіе не потрясло слишкомъ сильно старуху. Онъ пошелъ къ ней одинъ, потому что зналъ что «матрона была женщина суроваго закала. которую не могъ ослѣпить даже сіяніе славы, а не то что минутный блескъ почестей и внѣшнихъ отличій.»

Она сидѣла одна, работая что-то старыми руками, когда ей сказали сначала, что сынъ ея скоро пріѣдетъ, а потомъ, что, онъ уже на ея порогѣ. Она встрѣтила его радостными объятіями и хорошо знакомыми ласкающими именами дѣтства. Спросила о его здоровьѣ, замѣтила морщины которыя вынесенныя заботы и тревоги и провели на его мужественномъ лицѣ, говорила о старинѣ, о старыхъ друзьяхъ, о счастливой побѣдѣ и близкомъ мирѣ, но о его славѣ ни слова.

Въ это время Фредериксбургъ былъ мѣстомъ оживленной радости. Мѣстечко наполнилось американскими и французкими офицерами и дворянами и фермерами окрестныхъ деревень, которые собрались встрѣчать побѣдителей Корнвалиса. Былъ на скорую руку устроенъ балъ, на которой пригласили и мать Вашингтона, она приняла приглашеніе, замѣтивъ, что хотя время танцевъ *почти* прошли для нея, но она рада принять участіе въ общемъ торжествѣ.

Французскіе офицеры нетерпѣливо желали видѣть мать главнокомандующаго, они давно уже много слышали о ея замѣчательномъ характерѣ, но судя по европейскимъ понятіямъ они готовились видѣть въ матери героя тотъ блескъ

и пышность, которые составляютъ въ Европѣ принадлежность высокопоставленныхъ людей. Какъ же они были удивлены увидя американскую матрону, когда она вошла въ бальную залу опираясь на руку сына. Она была одѣта въ простое платье, стариннаго покроя, который носили виргинскія женщины еще въ дни ея молодости. Обращеніе ея быдо сдержанно и полно достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ доброты и привлекательности. Она спокойно приняла поздравленія и восторженныя похвалы сыну и удалилась рано, замѣтивъ, что старикамъ надо рано ложиться спать.

Маркизъ Лафайетъ нарочно съѣздилъ въ Фредериксбургъ передъ отъѣздомъ въ Европу, чтобы познакомиться съ матерью своего друга и героя, къ которому онъ чувствовалъ уваженіе граничившее съ благоговѣніемъ. Одинъ изъ внуковъ мистрисъ Вашингтонъ привелъ его въ садъ, гдѣ работала мать героя.

— Вотъ моя бабушка, сказалъ онъ, и Лафайетъ увидѣлъ старую женщину одѣтую въ грубое платье домашняго издѣлія, въ простой круглой соломенной шляпѣ прикрывавшей сѣдые волосы. Это была мать спасителя отечества. Она подошла къ нему и встрѣтила его радушно словами.

— А, маркизъ, вы видите какая я старуха. Прошу васъ пойдемте въ мой бѣдный домикъ, я надѣюсь могу принять васъ не подвергая себя церемоніи перемѣнить платье.

Лафайетъ съ восторженностью, составлявшей отличительную черту того времени и съ искреннимъ восторгомъ, который такой человѣкъ какъ Вашингтонъ, могъ внушить, началъ восхвалять заслуги Вашингтона; американская матрона отвѣтила просто: «Я не удивляюсь тому что сдѣлалъ Джорджъ, онъ всегда былъ добрымъ мальчикомъ.»

То что ея Джорджъ сдѣлалъ. было для нея также просто, какъ и исполненіе тѣхъ обязанностей, которымъ она учила его, когда онъ былъ ребенкомъ.

Этому строгому чувству долга и чести внушенному

матерью Вашингтонъ обязанъ, что его не подкупилъ блескъ короны.

Дѣти мистрисъ Вашингтонъ, дочь ея мистрисъ Люисъ и Вашингтонъ упрашивали ее переѣхать жить къ нимъ, но старуха не соглашалась, она такъ привыкла завѣдывать своимъ имѣніемъ и хозяйствомъ и на всѣ просьбы отвѣчала постоянно.

— Благодарю васъ, но мнѣ не много надо, и я могу еще сама о себѣ заботиться.

Когда зять ея Филадингъ предложилъ заняться ея хозяйствомъ, чтобы избавить ее отъ хлопотъ, которые должны быть утомительны для нея, она отвѣчала:

— Филадингъ веди мои книги, потому что твое зрѣніе лучше, но оставь въ распоряженіе имѣніемъ мнѣ. Только за три года до смерти, когда ей было за восемдесять лѣтъ она отказалась отъ управленія имѣніемъ, и то вслѣдствіе рака въ груди. Она умерла окружена общимъ уваженіемъ. Мистрисъ Сигурней, одна изъ лучшихъ женщинъ поэтовъ Америки, посвятила ея памяти слѣдующія прекрасныя строки:

Methinks we see thee, as in olden time
Simple in garb majestic and serene,—
Unaw ed by pomp and circumstance—in truth
Inflexible—and with a Spartan zeal
Repressing vice and making folly grave
Thou didst not deem it woman's part to waste
Life in inglorious sloth, to sport awhile
A mid the flowers or on the summer wave,
Then fleet like the ephemeron away
Buil ding no temple in her children's hearts,
Save to the vanity and pride of life
Which she had worshipped

Мы снова видимъ тебя, какъ бывало въ простой одеждѣ, ясную и величественную, равнодушно взирающую на блескъ и почести; непоколебимую какъ спартанка, когда ты обли-

чала порокъ и заставляли безуміе отрезвиться. Ты не признавала, что жизнь женщины должна проходить въ постоянной праздности; что женщина должна безпечно порхать между цвѣтами или уноситься на лѣтней волнѣ, какъ эфемерида, не оставивъ по себѣ въ сердцахъ дѣтей, другаго храма, кромѣ капища суеты и тщеславія, которымъ она поклонялась всю жизнь.

Катерина Гринъ.

Катерина Гринъ принадлежала къ числу женщинъ, послѣдовавшихъ въ лагерь за своими мужьями. Она была старшей дочерью Джона Литтельфильда и родилась въ мѣстечкѣ Нью Шареманъ, на Блокъ Эйландѣ въ 1153 голу. Еще ребенкомъ ее отправили для воспитанія въ семейство губернатора Варвика, Грина, жена котораго приходилась ей теткой. Катерина провела счастливое дѣтство въ домѣ тетки, здѣсь она познакомилась и сдружилась съ своимъ будущимъ мужемъ Натанаелемъ Гриномъ. Она часто ѣздила на Блокъ Эйландъ повидаться съ родителями, Нотанаель пріѣзжалъ вслѣдъ за ней. Въ семьѣ шло веселье, молодые люди ѣздили верхами, танцовали, будущій герой войны за независимость очень любилъ танцы, не смотря на всѣ усилія отца выбить изъ него розгами страсть къ такому грѣшному удовольствію. Молодая подруга Натанаеля къ ужасу суроваго пуританина поощряла его еще болѣе къ грѣховнымъ удовольствіямъ; потому что не было въ мірѣ созданія болѣе живаго, шаловливаго, веселаго, чѣмъ Кэти Литимфильдъ. Наружность ея была необыкновенно привлекательна. Она была средняго роста, легка, и стройна въ первые годы молодости, хотя въ послѣдствіи очень пополнѣла: ослѣпительный цвѣтъ лица, блестящіе сѣрые глаза, правильные и оживленные черты лица, дѣлали Кэти почти красавицей.

Какъ и всѣ женщины той эпохи, мисъ Литильфильдъ не получила серьезнаго воспитанія. Не смотря на свои замѣчательныя способности, она не любила учиться, серьезныя занятія были невыносимы для ея живой натуры, требовавшей движенія, она любила только чтеніе и благодаря изумительной способности схватывать главныя черты каждаго предмета и отличной памяти, она читала съ большой пользой. Не было почти предмета; о которомъ бы она не имѣла понятія, и она часто удивляла самыхъ ученыхъ своею способностью быстро усвоивать то, о чемъ говорилось. Она слушала съ тѣмъ же толкомъ, съ какимъ читала. Разъ въ обществѣ она встрѣтилась съ извѣстнымъ шведскимъ ботаникомъ, просмотрѣла его коллекціи и книги и удивила его мѣткими замѣчаніями, такъ что онъ ни какъ не хотѣлъ вѣрить, что она никогда серьезно не занималась ботаникой, и что ея замѣчанія только доказательства ея необыкновенной наблюдательности и догадливости. Кэти положительно не учась ничему, казалось сама собой догадывалась обо всемъ. Она безъ малѣйшаго труда обогатила свой умъ разнообразными свѣдѣніями; разумѣется то не было основательное знаніе, и еслибы Кэти готовилась къ научной дѣятельности, оно бы было далеко неудовлетворительно. Но оно расширило ея пониманіе, сдѣлало ее способной цѣнить важность науки и позже въ жизни Кэти съумѣла и это неполное знаніе употребить для пользы общества. Кэти, какъ всѣ практическія натуры, которыя могутъ жить только дѣятельностью настоящаго, не была способна углубляться въ науку, но несмотря на то ея знаніе не было хватаньемъ вершковъ на показъ, повтореніемъ научныхъ терминовъ, какъ попугаи.

Въ 1774 году она вышла за мужъ за Натаніеля и переѣхала съ мужемъ въ Ковентри. Вступая въ свой домъ молодая женщина не подозрѣвала, что шляпка съ широкими полями, покрывавшая голову ея мужа, смѣнится лавровымъ вѣнкомъ.

Натаніель Гринъ отправился въ войско, по первому призыву отечества, жена помогала ему и ободряла его. Ихъ мирное жилище въ Ковентри, деревушкѣ Родъ Эйланда, скоро сдѣлалось сценой военныхъ дѣйствій. Въ кузницѣ выстроенной мужемъ, въ которой ковались плуги и заступы, стали теперь выковываться сабли и пики. Большой красивый домъ, на берегу извилистаго ручья, превратился въ лазаретъ, куда свозили солдатъ, которымъ прививали оспу. Кэти оставалась въ этомъ домѣ, когда непріятель аттаковалъ Родъ Эйландъ и каждый пушечный выстрѣлъ отдавался громовымъ ударомъ по живописнымъ холмамъ, на которыхъ стоялъ домъ и былъ раскинутъ садъ Гриновъ.

Когда войско расположилось на зимнихъ квартирахъ, Катерина Гринъ поѣхала къ мужу и съ своей неизмѣнной веселостью дѣлила лишенія и неудобства стоянки. Она вынесла и страшную зиму въ лагерѣ Велей Форджъ, этотъ «мрачный часъ великой эпохи»; ея веселость была лучомъ свѣта освѣтившимъ мракъ, который довелъ бы до отчаянія не одно мужественное сердце. Она дѣлилась послѣднимъ съ офицерами и солдатами, и въ семействѣ ея потомковъ сохраняется нѣсколько записокъ Костюшки, въ которыхъ онъ плохимъ англійскимъ языкомъ благодарилъ ее за помощь его землякамъ.

Опасности не останавливали мистрисъ Гринъ. Когда она хотѣла пріѣхать въ лагерь стоявшій подъ Филадельфіей, онъ писалъ ей, чтобы она не ѣхала потому, что дороги были очень опасны, но офицеръ, который долженъ былъ передать письмо, задержалъ его зная, что оно только напрасно встревожило, но не остановило бы мистрисъ Гринъ. Послѣ онъ шутя сказалъ генералу Грину: «Судите меня военнымъ судомъ за утайку письма; мистрисъ Гринъ, вступится за меня. Неизвѣстность въ тысячу разъ болѣе измучила бы ее, чѣмъ самая опасность.

Когда Гринъ былъ посланъ на югъ въ 1781 году, она поѣхала вслѣдъ за нимъ, и жила во время жаровъ на остро-

вахъ, а остальное время года въ главной квартирѣ. Жизнь южанъ поразила своею праздностью и роскошью сѣверянку привыкшую къ дѣятельности и труду. Вотъ, что она писала одной пріятельницѣ миссъ Флеггъ, передавая впечатлѣнія, произведенныя на нее югомъ: «Если вы захотите принадлежать къ числу жителей этой страны, вы должны забыть свои привычки труда. Вмѣсто того, чтобы съ утра сѣсть съ рукодѣльемъ, вы должны употребить половину вашего времени за туалетомъ, четверть на пріемъ и отдачу визитовъ; остальную четверть на брань съ слугами, разнообразя ее иногда здоровой тукманкой въ голову. Читать, писать, разсуждать — здѣсь не принято. Если вы вздумаете заняться этимъ, на васъ будутъ смотрѣть какъ на какое-то чудо.»

По окончаніи войны, генералъ Гринъ переѣхалъ съ женой въ Георгію на плантацію Мельберри-Гровъ, которою республика вознаградила его заслуги. Но не долго удалось ему прожить со своей любимой женой, онъ умеръ въ 1787 году. Онъ до конца жизни сохранялъ глубочайшее уваженіе къ мнѣніямъ жены, передавалъ ей постоянно всѣ свои планы, спрашивалъ ея мнѣнія и всегда высоко цѣнилъ его.

По смерти его она осталась полной распорядительницей его имѣнія. Дѣла Грина были запутаны, на имѣніи его, какъ на имѣніяхъ многихъ генераловъ и членовъ конгресса, которые честно служили отечеству, было много долговъ. Мистрисъ Гринъ своей распорядительностью и неутомимой энергіей уплатила ихъ.

Она писала въ 1788 году мистеру Уадворту душеприкащику Грина. «Я считаю своей священной обязанностью уплатить всѣ долги и скорѣе соглашусь умереть съ голоду, чѣмъ отказаться отъ уплаты. Я женщина, непривыкшая ни къ какому дѣлу, кромѣ хозяйства, но я хочу трудиться и надѣюсь что мое усиліе сдѣлаетъ что нибудь. Если я не успѣю и буду жертвой, то я только исполню свой долгъ

и слѣдуя примѣру моего знаменитаго мужа оставлю хорошій примѣръ дѣтямъ».

Слабая, дюжинная женщина упала бы духомъ подъ бременемъ заботъ выпавшихъ на долю мистрисъ Гринъ, но она работала неутомимо. Она отказалась отъ намѣренія, которое раздѣляла съ Гриномъ въ послѣдніе годы его жизни, переселиться на любимый родной сѣверъ и устроила плантацію на участкѣ земли, принадлежавшемъ ей на Кёмберлансъ Эйландъ. Вскорѣ долги были уплачены и она оставила дѣтямъ очищенное имѣніе, цѣнность котораго удвоилась.

Мистрисъ Гринъ заслужила благодарную память американцевъ потому, что способствовала введенію машины, которая обогатила югъ.

Эли Уитней молодой человѣкъ изъ Масачусетса пріѣхалъ въ Георгію искать мѣста домашняго учителя. Ему не посчастливилось и онъ, проживъ не большую привезенную сумму денегъ, остался безъ куска хлѣба, на чужой сторонѣ. Мистрисъ Гринъ пригласила его къ себѣ и дала ему средства готовиться въ юристы. По разсказамъ нѣкоторыхъ родственниковъ мистрисъ Гринъ онъ увидѣлъ у ней въ саду родъ хлопчатника. Мистеръ Миллеръ, за котораго мистрисъ Гринъ вышла впослѣдствіи замужъ, сказалъ, что было бы выгодно посѣять цѣлыя плантаціи этого хлопчатника, если бы можно было изобрѣсти машину для отдѣленія семени отъ волоконъ. Другіе разсказываютъ, что эту мысль подали сосѣдніе плантаторы, которые жаловались на недостатокъ хорошей машины, безъ которой невыгодно было производить этотъ сортъ хлопка, не смотря на его плодовитость и длину и крѣпость волоконъ. Мистрисъ Гринъ рекомендовала имъ Эли Уитнейа, какъ человѣка вполнѣ способнаго изобрѣсти необходимую машину, и показала разныя механическія игрушки, которыя онъ дѣлалъ ея дѣтямъ. Ободренный молодой человѣкъ принялся усердно обдумывать чертежъ будущей машины. Онъ осмотрѣлъ хлопокъ и

принялся чертить планы, которые показывалъ мистеру Миллеру и мистрисъ Гринъ. Мистрисъ Гринъ отвела ему комнату, дала деньги на матеріалы и всѣми силами ободряла молодаго человѣка. Онъ работалъ неутомимо и къ веснѣ слѣдующаго года была готова модель машины для очистки хлопка и выставлена въ залѣ мистрисъ Гринъ на удивленіе сосѣднихъ плантаторовъ, приглашенныхъ со всѣхъ сторонъ Георгіи для перваго опыта.

Финеасъ Миллеръ вошелъ въ компанію съ Эли Уитнейемъ для устройства первой машины. Компаніоны скоро составили большое состояніе и поля южной америки засѣялись хлопкомъ, который былъ однимъ изъ главныхъ источниковъ богатства Соединенныхъ Штатовъ; съ этимъ Америка обязана свѣтлому уму женщинѣ умѣвшей разгадать скрытый геній молодаго механика.

Мистрисъ Гринъ до глубокой старости сохранила способность очаровывать всѣхъ своимъ умомъ и симпатичностью. На молодежъ, которую она любила, какъ всѣ старые люди, сохранившіе жизнь ума и сердца, она имѣла сильное вліяніе неотразимое обаяніе, какъ говорили люди, хорошо знавшіе ее. Одна дама, знавшая мистрисъ Гринъ, разсказывала про свое знакомство съ нею автору мемуаровъ. Эта дама еще молоденькою дѣвушкой наслышалась много о неотразимомъ обаяніи и рѣшила, какъ рѣшаются молодыя дѣвушки, когда имъ приходится слышать много похвалъ о какомъ-либо лицѣ,—что она терпѣть не будетъ эту мистрисъ Гринъ, про которую ей протрубили всѣ уши Вскорѣ въ одномъ обществѣ въ Нью-Іоркѣ она встрѣтила пожилую женщину въ черномъ платьѣ, на глухо застегнутомъ у ворота и рукъ и въ черномъ чепцѣ, завязанномъ у подбородка, которая приковала вниманіе всего общества живыми разсказами о войнѣ за независимость и блестящими очерками характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Молодая дѣвушка рѣшилась не поддаться общему влеченію. Я могу восхищаться вмѣстѣ со всѣми, сказала она себѣ, но не по-

дойду ни за что выразить свое восхищеніе, и она нарочно сѣла въ самый дальній уголъ комнаты. Но не прошло и часа, какъ она очутилась, сама не зная какъ, на скамейки у ногъ старушки, которую она положила не терпѣть, и облокотившись на ея колѣна, смотрѣла ей въ глаза такъ довѣрчиво, какъ въ глаза своей матери.

Люси Ноксъ.

Люси Ноксъ, какъ и Катерина Гринъ, принадлежала къ числу не многихъ женщихъ, послѣдовавшихъ за мужьями въ войско; но Люсси Ноксъ пришлось принести независимости жертву болѣе тяжелую, чѣмъ Катеринѣ Гринъ. Она была дочерью лоялистовъ и бракъ ея съ республиканцемъ стоилъ ей разрыва съ семьей. Генри Ноксъ еще маіоромъ королевской службы въ Бостонѣ познакомился съ Люсси Флёкеръ, дочерью секретаря провинціи Массачусетса. Молодые люди полюбили другъ друга и были помолвлены. Начавшіяся смуты заставили и родныхъ ея и жениха стать подъ свои знамена. Томасъ Флёкеръ, отецъ Люси, прослужившій всю жизнь британскому правительству, естественно съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на возстаніе, которое должно было лишить его обезпеченнаго положенія и грозило лишеніями и опасностями. Люси пришлось выбирать между любимымъ человѣкомъ и отцомъ. Она не долго колебалась, молодая дѣвушка давно уже была въ душѣ американка. Разставанье съ сействомъ было тяжело для молодой дѣвушки и она перенесла его, затаивъ свою печаль. Послѣ битвы при Лексингтонѣ Флёкеръ уѣхалъ въ Англію, а Люси съ мужемъ въ лагерь стоявшій при Кембриждѣ. Съ этой минуты она дѣлила всѣ опасности и лищенія войска и ни мужество, ни терпѣніе не измѣнили ей ни на минуту. Когда англичане заняли Бостонъ, она бѣжала съ мужемъ, увозя его шпагу, зашитую въ подкладкѣ

салопа, потому что англійскіе патрули обыскивали всѣхъ выѣзжавшихъ.

Многіе журналы и записки очевидцевъ упоминаютъ о присутствіи мистрисъ Ноксъ въ лагерѣ и о ея удивительномъ мужествѣ. Шастеллю описываетъ хижину, въ которой она жила съ дѣтьми, не далеко отъ главной квартиры при Верпленкъ-Пойнтѣ. Когда здоровье позволяло ей она ѣхала вслѣдъ за арміей и своимъ присутствіемъ и неизмѣнной веселостью воодушевляла солдатъ упадавшихъ духомъ. Солдаты стыдились роптать на лишенія, которыя безропотно переносила изнѣженная женщина, привыкшая къ роскоши съ дѣтства. Люси часто потомъ вспоминала о военныхъ лишеніяхъ и, между прочимъ, разсказывала о днѣ, который былъ прозванъ арміей днемъ голубей, когда отряды, посланные на фуражировку, вернулись съ пустыми руками, въ запасахъ не осталось ни ломтя хлѣба, ни крупинки муки и стая пролетѣвшихъ голубей неожиданнно спасла войско отъ голода. Голуби, на своемъ пути подъ болѣе привѣтливые небеса, были захвачены раннимъ суровымъ американскимъ морозомъ и обезсиленные летѣли такъ низко и плотно другъ къ другу, что ихъ можно было убивать палками, сшибать платками, забирать руками. Половина изъ нихъ падали сами полумертвыми на землю. Солдаты и офицеры кинулись хватать дичь, такъ неожиданно посланную судьбой. На этотъ день все войско питалось голубями и отложило запасъ и на слѣдующіе дни. Тогда въ арміи приготовляли голубей на всѣ лады, и главнокомандующій приглашалъ на голубиные обѣды офицеровъ, которые могли являтся на нихъ не иначе какъ по очереди, потому что большинство изъ нихъ не имѣло приличнаго платья, буквально ходило въ лохмотьяхъ. Одинъ мундиръ служилъ десятерымъ, которые поочередно надѣвали его только когда приходилось идти на дежурство или являться въ главную квартиру на обѣды голубей.

Генералъ Ноксъ смотрѣлъ на жену какъ на необыкно-

венное созданіе и въ затруднительныхъ случаяхъ совѣтывался, съ нею. Это было не ослѣпленіемъ любящаго человѣка, потому что мистрисъ Ноксъ была въ самомъ дѣлѣ женщиной необыкновеннаго ума и умѣвшая, какъ всѣ сильные характеры, пріобрѣтать вліяніе надъ всѣми, съ кѣмъ ей приходилось имѣть дѣло. Говорятъ, что самъ Вашингтонъ не разъ совѣтывался съ нею и всегда съ большимъ уваженіемъ относился къ ея мнѣнію. Къ сожалѣнію о тѣхъ случаяхъ, по которымъ Люси Ноксъ подавала совѣты, сохранились самыя противорѣчащія преданія, и потому авторъ мемуаровъ не рѣшился выбрать ни одного изъ нихъ, чтобы привести какъ примѣръ; но всѣ преданія согласны въ томъ, что совѣты ея цѣнились высоко. Всѣ люди, знавшіе мистрисъ Ноксъ давали о ней единодушный отзывъ, что она была замѣчательной женщиной. Какъ всѣ женщины, выдающіяся надъ общимъ уровнемъ, она была не разъ въ жизни мишенью для клеветы, которою мелочная зависть посредственности мститъ оскорбляющему ее превосходству. Достоинство ея было названо высокомѣріемъ аристократки, а спокойная самоувѣренность и неустрашимость—не женской рѣзкостью и черствостью. Но всѣ, кто хорошо зналъ мистрисъ Ноксъ, единодушно утверждаютъ, что ни въ ея наружности ни въ обращеніи не было никакой неприличной рѣзкости, ни отталкивающаго высокомѣрія; можетъ быть она могла показаться гордой гостямъ, которые слишкомъ безцеремонно пользовались гостепріимствомъ генерала Нокса, и рѣзкой и черствой людямъ, которые безъ всякихъ заслугъ пробивались къ власти; рѣдкая искренность и честность мистрисъ Ноксъ не позволяла ей оказывать вниманія людямъ не заслуживавшимъ уваженія. Понятно, что подобное обращеніе дѣлало ей много враговъ.

Во все время войны мистрисъ Ноксъ постоянно слѣдовала за войскомъ и мужественно переносила всѣ несчастія, которые ей предсказывали родные за ея «отступничество.»

Они хотѣли, чтобы она вышла за мужъ за англійскаго офицера, который былъ болѣе блестящей партіей, чѣмъ маіоръ Ноксъ, котораго въ случаѣ пораженія ждали нищета, плѣнъ и, быть можетъ, военный судъ. Отецъ ея не могъ простить, что она отдалась недостойному человѣку и говорилъ, что теперь она получила достойное наказаніе, скитаясь безпріютно изъ мѣста въ мѣсто, часто не зная гдѣ достатать кусокъ хлѣба для дѣтей, тогда какъ ея сестры пользуются роскошью и почетомъ. Но не столько тяжело было для мистрисъ Ноксъ переносить лишенія, сколько тревоги войны. Она была постоянно въ напряженномъ состояніи; пораженія, смѣнявшія торжество побѣды и снова смѣненныя окончательнымъ торжествами, держали ея нравственный міръ въ постоянномъ волненіи. Было наконецъ что-то обаятельное въ этой быстрой смѣнѣ ощущеній тревогъ; жизнь летѣла быстро и мистрисъ Ноксъ часто говорила, что она въ одинъ годъ пережила болѣе въ это время постоянныхъ тревогъ, надеждъ, неизвѣстности что дастъ завтрашній день, чѣмъ въ двѣнадцать лѣтъ мирной жизни. Пылкой энергической натурѣ мистрисъ Ноксъ было по себѣ въ эту эпоху волненій, и только когда потрясающіе ужасы войны раскрывались передъ ней, когда лилась кровь, раздавались стоны раненыхъ, она чувствовала что героиня уступала мѣсто женщинѣ, которая всѣми силами старалась облегчить страданія воиновъ за независимость Америки.

Понятно, почему Вашингтонъ, вопреки всѣмъ правиламъ войны, допускалъ женщинъ въ лагерь, и союзные французскіе войска, сначала осуждавшіе его за это, вскорѣ увидѣли всю мудрость этой мѣры.

Наконецъ миръ былъ заключенъ и предсказанія отца мистрисъ Ноксъ оказались ложными. Гордые лоялисты бѣжали изъ Америки, потерявъ большую часть награбленнаго золота; оставшіеся лишились титуловъ, данныхъ имъ британскимъ правительствомъ за измѣну отечества, которыми *они такъ гордились*, лишились и богатства, потому что

республика, не имѣвшая средствъ вознаградить даже вѣрныхъ своихъ защитниковъ за всѣ ихъ пожертвованія, разумѣется, не стала уплачивать врагамъ своимъ за ихъ сожженные дома и раззоренныя имѣнія. Бѣдные презираемые патріоты, отдавшіе послѣдніе достояніе, свои силы и свою кровь на спасеніе отечества, теперь увѣнчанные торжествомъ, заняли мѣста изгнанныхъ лоялистовъ. Люси Ноксъ и мужъ ея принадлежали къ числу немногихъ патріотовъ, обогащенныхъ заключеніемъ мира. Люси Ноксъ наслѣдовала часть большаго имѣнія на берегу рѣкъ Пенобскотъ и Бей, которое принадлежало генералу Уальдо, отцу ея матери; правительство республики утвердило за нею и генераломъ Ноксомъ эти земли по заключеніи мира. На доходы этого имѣнія они впослѣдствіи купили другое, на берегу рѣки Сен-Джоржа и выстроили большой домъ, который убрали съ большимъ вкусомъ и изяществомъ. Здѣсь герой войны за независимость повелъ жизнь богатаго помѣщика и мецената. Генералъ Ноксъ любилъ литературу и собиралъ въ своемъ домѣ кругъ писателей. Гостепріимство его незнало границъ. Сѣлливанъ въ своихъ мемуарахъ о замѣчательныхъ людяхъ часто упоминаетъ о роскошной жизни и гостепріимствѣ Нокса, которое напоминало скорѣе открытый и роскошный образъ жизни англійскихъ лордовъ въ ихъ пышныхъ замкахъ, нежели жизнь суровыхъ гражданъ республики. Лѣтомъ когда къ нему наѣзжали знакомые и друзья изъ городовъ, въ понедѣльникъ на кухнѣ его рѣзали нерѣдко цѣлаго быка и двадцать барановъ, на продовольствіе цѣлой недѣли, и приготовляли до ста постелей. На конюшнѣ его всегда стояло двадцать верховыхъ лошадей и нѣсколько паръ выѣздныхъ. Эта расточительность значительно растроила его состояніе, Люси Ноксъ съ неудовольствіемъ смотрѣла на эту безполезную трату и на праздную толпу смѣнявшуюся безпрестанно, тѣмъ болѣе, что поддерживая большой кругъ знакомства невозможно быть слишкомъ разборчивымъ. Ей была болѣе

по душѣ тихая семейная жизнь, занятія съ дѣтьми. Она пренебрегала часто обязанностями хозяйки для того чтобы заниматься со своими дѣтьми и этимъ надѣлала себѣ много враговъ. Праздныя люди воображають что женщина создана для украшенія общества, т. е. для ихъ собственнаго развлеченія и никогда не прощаютъ ей, если она захочетъ употребить свое время на что либо болѣе полезное чѣмъ ихъ развлеченіе.

Вскорѣ по заключеніи мира генералъ Ноксъ съ женой вернулись въ Бостонъ, въ которомъ оба родились и который былъ дорогъ имъ и прежними связями и столькими воспоминаніями. Люси Ноксъ говорила что это возвращеніе было одной изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ ея жизни. Нѣсколько лѣтъ произвели огромную перемѣну; и если городъ остался такимъ же какимъ былъ до начала войны, за то въ обществѣ произошелъ полнѣйшій переворотъ. Друзья, знакомые, родные Ноксовъ или эмигрировали въ Англію или были разсѣяны по разнымъ мѣстностямъ штатовъ; уцѣлѣли немногіе. Печально въѣхала мистрисъ Ноксъ въ Бостонъ, но эта печаль исчезла въ радости торжества ея отечества. Она скоро нашла и друзей и знакомыхъ между людьми, смѣнившими тѣхъ, кого она знала съ дѣтства. Они встрѣтили съ восторгомъ женщину дѣлившую опасности войны, и мистрисъ Ноксъ сблизилась съ ними тѣмъ скорѣе что теперь между нею и прежними друзьями лежала цѣлая пропасть. Они со злобой смотрѣли на новыхъ пришельцевъ, которые вытѣснили ихъ, и не имѣя средствъ переселиться въ Англію покорились, затаивая ненависть въ сердцѣ. Одна кузина мистрисъ Ноксъ, старая дѣвица, съ упорной сентиментальностью державшая за предразсудки своей молодости ни за что не хотѣла бывать у мистрисъ Ноксъ чтобы не встрѣтиться съ «пѣной, которая поднялась на верхъ,» какъ она называла республиканцевъ.

Мистрисъ Ноксъ прожила въ Бостонѣ годъ, потому что еще невозможно было поселиться въ раззоренномъ

войной имѣнія, потомъ ей пришлось переѣхать въ Нью-Іоркъ, гдѣ находилось правительство и куда мужъ ея былъ призванъ послѣ года отдыха занять мѣсто военнаго министра. Здѣсь она сошлась съ мистрисъ Вашингтонъ, съ которой была хороша еще во время стоянки лагеремъ при Валей Форджѣ. Не смотря на разницу характеровъ обѣ женщины сдружились и дружба ихъ продолжалась всю жизнь. Мистрисъ Вашингтонъ, какъ мы уже знаемъ была простая, добрая женщина, съ спокойнымъ характеромъ; Люси Новсъ, была живая пылкая натура и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящая свѣтская женщина, несмотря на то что она часто избѣгала общества, когда оно мѣшало ей заниматься съ дѣтьми.

Вскорѣ конгресъ нашелъ необходимымъ перенести управленіе колоній изъ Нью-Іорка, гдѣ еще оставалось довольно враждебныхъ республикѣ элементовъ, въ Филадельфію. Это подало поводъ къ волненіямъ. Филадельфійцы торжествовали этимъ униженіемъ города соперника. Нью-Іоркцы шумно выказывали свое неудовольствіе и отмстили за то Роберту Моррису, богатѣйшему банкиру того времени, вліянію котораго они приписывали, эту невыгодную для нихъ перемѣну. Памфлеты и каррикатуры, въ которыхъ представляли откупщика, переносившаго на своей спинѣ конгрессъ, ходили по рукамъ; но это не помѣшало переѣзду конгресса. Филадельфійцы приняли пріѣзжихъ праздниками, забывъ суровые запреты своей секты (большинство Филадельфійцевъ были квакеры).

Однообразная и лицемѣрно-богомольная жизнь пуританъ смѣнилась праздниками. Обычаи французскаго двора привезенные союзными войсками и американскими агентами побывавшими во Франціи вытѣсняли простые нравы первыхъ поселенцевъ. Ввелся неизвѣстный обычай ставить у входа и у всѣхъ дверей лакеевъ, которые были обязаны громко провозглашать имя каждаго пріѣзжавшаго гостя, пока его имя передаваясь отъ одного лакея къ другому не доходило до хозяйки дома. Этотъ обычай впрочемъ не могъ укорениться въ Америкѣ, до того онъ казался нелѣ-

нымъ республиканцамъ привыкшимъ къ простотѣ. Только въ немногихъ домахъ привилась эта мода, въ томъ числѣ въ домѣ мистрисъ Бингэмъ, дочери одного изъ богатѣйшихъ купцовъ Филадельфіи, только что возвратившейся изъ Парижа. Эта мода была поводомъ многихъ забавныхъ ошибокъ. Прислуга путала имена. На одномъ вечерѣ случился слѣдующій забавный анекдотъ. Одинъ изъ извѣстныхъ членовъ конгресса бывшій впослѣдствіи президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, пріѣхавъ на вечеръ сказалъ свое имя швейцару при входѣ, и къ величайшему своему удивленію услышалъ, что оно было громко повторено разными голосами. Полагая что его торопили скорѣе придти, онъ отвѣчалъ громко: иду; но имя его все выкликалось; «иду, иду повторилъ онъ; и наконецъ, видя что это не помогало вышелъ изъ терпѣнія и закричалъ: «говорю что иду, дайте только мнѣ снять плащъ».

Въ Филадельфіи мистрисъ Ноксъ какъ жена министра вела разсѣянную жизнь, и помогала мистрисъ Вашингтонъ въ пріемѣ гостей на вечерахъ президента. Вскорѣ Филадельфія сдѣлалась мѣстомъ убѣжища многихъ французскихъ эмигрантовъ, изгнанныхъ изъ Франціи революціей. Многіе изъ нихъ принуждены были употреблять свои таланты и знанія какъ средства существованія. Американцы радушно встрѣтили бѣглецовъ—своихъ прежнихъ союзниковъ и радушіе ихъ не ограничилось гостепріимствомъ; эмигранты получили существенную помощь отъ тѣхъ, кому помогали свергнуть иго чуждой власти? Домъ генерала Нокса былъ открытъ для бѣглецовъ, и многіе изъ нихъ жили долго у него почетными гостями. Въ числѣ ихъ былъ герцогъ Монкуръ. Разъ маленькая дочь мистрисъ Ноксъ услышала какъ герцогъ послѣ долгой задумчивости вскричалъ ударивъ себя въ голову. «У меня три герцогскихъ короны на головѣ, а на плечахъ нѣтъ платья!»

Это было буквально вѣрно, потому что единственный камзолъ герцога разлѣзался по швамъ. Генералъ Ноксъ

войной имѣніи, потомъ ей пришлось переѣхать въ Нью-Іоркъ, гдѣ находилось правительство и куда мужъ ея былъ призванъ послѣ года отдыха занять мѣсто военнаго министра. Здѣсь она сошлась съ мистрисъ Вашингтонъ, съ которой была хороша еще во время стоянки лагеремъ при Валей Форджѣ. Не смотря на разницу характеровъ обѣ женщины сдружились и дружба ихъ продолжалась всю жизнь. Мистрисъ Вашингтонъ, какъ мы уже знаемъ была простая, добрая женщина, съ спокойнымъ характеромъ; Люси Ноксъ, была живая пылкая натура и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящая свѣтская женщина, несмотря на то что она часто избѣгала общества, когда оно мѣшало ей заниматься съ дѣтьми.

Вскорѣ конгресъ нашелъ необходимымъ перенести управленіе колоній изъ Нью-Іорка, гдѣ еще оставалось довольно враждебныхъ республикѣ элементовъ, въ Филадельфію. Это подало поводъ къ волненіямъ. Филадельфійцы торжествовали этимъ униженіемъ города соперника. Нью-Іоркцы шумно выказывали свое неудовольствіе и отмстили за то Роберту Моррису, богатѣйшему банкиру того времени, вліянію котораго они приписывали, эту невыгодную для нихъ перемѣну. Памфлеты и каррикатуры, въ которыхъ представляли откупщика, переносившаго на своей спинѣ конгрессъ, ходили по рукамъ; но это не помѣшало переѣзду конгресса. Филадельфійцы приняли пріѣзжихъ праздниками, забывъ суровые запреты своей секты (большинство Филадельфійцевъ были квакеры).

Однообразная и лицемѣрно-богомольная жизнь пуританъ смѣнилась праздниками. Обычаи французскаго двора привезенные союзными войсками и американскими агентами побывавшими во Франціи вытѣсняли простые нравы первыхъ поселенцевъ. Ввелся неизвѣстный обычай ставить у входа и у всѣхъ дверей лакеевъ, которые были обязаны громко провозглашать имя каждаго пріѣзжавшаго гостя, пока его имя передаваясь отъ одного лакея къ другому не доходило до хозяйки дома. Этотъ обычай впрочемъ не могъ укорениться въ Америкѣ, до того онъ казался нелѣ-

нымъ республиканцамъ привыкшимъ къ простотѣ. Только въ немногихъ домахъ привилась эта мода, въ томъ числѣ въ домѣ мистрисъ Бингэмъ, дочери одного изъ богатѣйшихъ купцовъ Филадельфіи, только что возвратившейся изъ Парижа. Эта мода была поводомъ многихъ забавныхъ ошибокъ. Прислуга путала имена. На одномъ вечерѣ случился слѣдующій забавный анекдотъ. Одинъ изъ извѣстныхъ членовъ конгресса бывшій впослѣдствіи президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, пріѣхавъ на вечеръ сказалъ свое имя швейцару при входѣ, и къ величайшему своему удивленію услышалъ, что оно было громко повторено разными голосами. Полагая что его торопили скорѣе придти, онъ отвѣчалъ громко: иду; но имя его все выкликалось; «иду, иду повторилъ онъ; и наконецъ, видя что это не помогало вышелъ изъ терпѣнія и закричалъ: «говорю что иду, дайте только мнѣ снять плащъ».

Въ Филадельфіи мистрисъ Ноксъ какъ жена министра вела разсѣянную жизнь, и помогала мистрисъ Вашингтонъ въ пріемѣ гостей на вечерахъ президента. Вскорѣ Филадельфія сдѣлалась мѣстомъ убѣжища многихъ французскихъ эмигрантовъ, изгнанныхъ изъ Франціи революціей. Многіе изъ нихъ принуждены были употреблять свои таланты и знанія какъ средства существованія. Американцы радушно встрѣтили бѣглецовъ—своихъ прежнихъ союзниковъ и радушіе ихъ не ограничилось гостепріимствомъ; эмигранты получили существенную помощь отъ тѣхъ, кому помогали свергнуть иго чуждой власти. Домъ генерала Нокса былъ открытъ для бѣглецовъ, и многіе изъ нихъ жили долго у него почетными гостями. Въ числѣ ихъ былъ герцогъ Монкуръ. Разъ маленькая дочь мистрисъ Ноксъ услышала какъ герцогъ послѣ долгой задумчивости вскричалъ ударивъ себя въ голову. «У меня три герцогскихъ короны на головѣ, а на плечахъ нѣтъ платья!»

Это было буквально вѣрно, потому что единственный камзолъ герцога разлѣзался по швамъ. Генералъ Ноксъ

велѣлъ сшить ему пару платья. Но герцогъ былъ счастливѣе многихъ своихъ товарищей по несчастію; онъ вошелъ въ милость при новомъ правительствѣ во Франціи и умеръ владѣльцемъ огромнаго богатства.

Другой гость жившій долго у генерала Нокса былъ знаменитый Талейранъ. Про его жизнь въ Америкѣ разсказываютъ слѣдующую черту, рѣзко обрисовывающую его характеръ. Онъ постоянно притворялся что не зналъ ни слова по англійски и что слишкомъ тупъ для того чтобы учиться, но одинъ эмигрантъ хорошо знавшій его, увѣрялъ мистрисъ Ноксъ что онъ отлично знаетъ языкъ, но скрываетъ это для того чтобы знать все, чтобы стали говорить при немъ не стѣсняясь, разсчитывая на его непониманіе.

Прослуживъ одиннадцать лѣтъ военнымъ министромъ генералъ Ноксъ подалъ въ отставку, потому что расходы неизбѣжные съ его высокимъ постомъ разстроили его дѣла. Жена его была очень довольна, разсчитывая отдохнуть въ мирной деревенской жизни, но она ошиблась. Въ Томастонѣ на берегу рѣки Джорджи, онъ выстроилъ великолѣпный домъ который назвалъ Монпелье и повелъ раззорительный образъ жизни, такъ что надежда мистрисъ Ноксъ на мирную уединенную жизнь были обмануты.

Монпелье служило убѣжищемъ многимъ эмигрантамъ изъ Франціи. Луи Филиппъ съ двумя младшими братьями герцогомъ Монпансье и графомъ Божоле прожилъ долгое время у генерала Нокса. Здѣсь онъ былъ помолвленъ съ миссъ Уиллингъ сестрой уже упомянутой выше фешіонебельной мистрисъ Бингемъ. Миссъ Уиллингъ была милліонершей, и блестящей партіей для изгнанника, которому приходилось давать впослѣдствіи уроки, чтобы жить; но когда изгнанникъ увидѣлъ возможность возвратиться на родину, онъ не поколебался нарушить помолвку. Одна изъ дамъ, бывшихъ вмѣстѣ съ изгнанными принцами гостьей у Ноксовъ говорила, что молодые люди бодро переносили лишенія, но что ихъ постоянно мучила мысль объ участи *матери и сестры,* которыя оставались въ рукахъ якобин-

цевъ. Несмотря на свою ненависть къ республиканскому правительству Франціи, они слѣдуя коварной политикѣ отца, носили трехцвѣтную кокарду. Мистрисъ Сегеръ, такъ звали эту даму, была свидѣтельницей какъ они, получивъ извѣстіе, что мать и сестра убѣжали къ роднымъ въ Испанію, сорвали кокарду и затоптали ее ногами, говоря, что имъ теперь не для чего носить ненавистный имъ знакъ и прикидываться друзьями своихъ злѣйшихъ враговъ.

Мистрисъ Ноксъ не долго прожила съ мужемъ въ Монпелье. Года черезъ два послѣ ихъ переѣзда генералъ умеръ, оставя ей растроенное состояніе. Смерть его поразила мистрисъ Ноксъ и отняла у ней всю энергію. Изъ двѣнадцати человѣкъ дѣтей у ней осталось только трое. Младшая дочь женщина слабаго здоровья, переѣхала съ мужемъ къ матери. Мистрисъ Ноксъ безропотно, но печально доживала свой вѣкъ ища утѣшенія, то въ чтеніи, то въ молитвѣ, то въ филантропіи, но напрасно. Жизнь ея была медленнымъ угасаніемъ по смерти того, который былъ цѣлью ея жизни. Мистрисъ Ноксъ умерла въ зрѣломъ возрастѣ, когда ея замѣчательныя способности могли принести обществу много пользы, еслибы она не отдала всѣ свои привязанности, всѣ свои надежды, все свое существо одному человѣку, Она сотворила себѣ изъ него кумиръ; для него примирялась съ образомъ жизни, который былъ не сроденъ ей, приносила ему въ жертву всѣ привычки, и со смертью его изъ полной жизни и силъ женщины сдѣлалась безполезнымъ существомъ, которое съ тупой покорностью ждало минуты избавленія отъ жизни, сдѣлавшейся для нея невыносимымъ бременемъ, тогда какъ эта жизнь могла бы быть поприщемъ честнаго труда и служенія обществу.

Маргарита Уэттенъ.

Рѣдкой женщинѣ пришлось вынести столько опасностей во время войны, какъ Маргаритѣ Уэттенъ. Дѣвическое имя

ея было Маргарита Тоддъ и она вышло рано замужъ за Уильяма Уэттена девонширскаго уроженца, который одинъ безъ родителей эмигрировалъ въ Америку до начала войны съ Франціей. Онъ поступилъ юнгой на корабль, потомъ сдѣлался шкиперомъ и наконецъ хозяиномъ торговаго судна. При началѣ войны за независимость онъ былъ владѣльцемъ нѣсколькихъ судовъ, которые вели торговлю съ Вестъ-Индіей. Потомъ онъ сдѣлался купцомъ и поселился въ Нью-Іоркѣ съ женой. При началѣ войны, онъ продалъ свои суда на ассигнаціи, выпущенные конгрессомъ, считая это очень выгодной спекуляціей. Когда англійскій корабль Азія штурмовалъ Нью-Іоркъ, онъ перевезъ семейство въ Нью-Рошель. Но онъ ошибся въ разсчетѣ, потому что Нью-Рошель была постоянно атакована непріятелемъ. Послѣ сраженія при Лонгъ Эйландъ, отступленія американцевъ и занятія англичанами Нью-Іорка, мѣстечко, гдѣ жили Уэттены, очутилось на серединѣ разстоянія между враждебными лагерями. Дня не проходило, чтобы отряды тѣхъ или другихъ войскъ не заходили на ферму Уэттеновъ. Уэттенъ былъ ревностный патріотъ, но продолжительная болѣзнь не позволила ему принять участіе въ защитѣ отечества. Жена раздѣляла всѣ его чувства.

Въ эти тяжелые дни на ней одной лежали обязанности защищать семью, служить войскамъ республики и ходить за больнымъ мужемъ. Всѣ окрестности были опустошены, голодъ свирѣпствовалъ въ Бѣлой-Долинѣ, но у Уэттеновъ всегда были запасы для проходившихъ патріотовъ; къ несчастію эти запасы, несмотря на всѣ усилія Маргариты скрыть ихъ, дѣлались часто добычей непріятельскихъ мародеровъ. Гессенцы вступили въ Бѣлую-Долину. Свирѣпый видъ и огромный ростъ этихъ солдатъ, проданныхъ на убой своимъ ландграфомъ, которому нужны были деньги на пиры, постройку дворцовъ, подарки любимцамъ и картежную игру, напугалъ всѣхъ жителей; мистрисъ Уэттенъ первая угадала все, что было преувеличеннаго въ разсказахъ объ ихъ

свирѣпости; гессенцы не могли имѣть непримиримой вражды къ американцамъ, они служили какъ наемники, ихъ можно было умилостивить стаканомъ грога и хорошимъ завтракомъ и они далеко не были такъ страшны для колонистовъ, какъ тори. Когда надъ лагеремъ, раскинутымъ по сосѣдству ихъ фермы, подняли черный флагъ гессенцевъ, Маргарита завязала съ ними сношенія и благодаря ей ферма Уэттеновъ вмѣстѣ съ двумя тремя сосѣдними была избавлена отъ грабежа. Гессенскій генералъ приставилъ даже часоваго для того чтобы мародеры не смѣли грабить ферму.

У ней не было сыновей, которыхъ бы она могла послать въ лагерь, мужъ ея медленно умиралъ отъ изнурительной болѣзни и непріятель не имѣлъ повода раззорять ея ферму, какъ ферму ея сосѣдки, которая растопила всю свою оловянную посуду, отлила изъ нея пули и отправила своихъ двухъ сыновей въ армію колоній. Когда она проводивъ ихъ остановилась на порогѣ, младшій юноша лѣтъ шестнадцати вернулся, говоря, что не можетъ идти безъ ружья. Матрона увѣщевала его идти не страшась ничего, увѣряя его, что Богъ сохранитъ его до его прибытія въ армію, а тамъ онъ найдетъ ружье. Когда сыновья скрылись изъ вида, слезы хлынули ручьемъ изъ глазъ матери, но она тотчасъ отерла ихъ и пошла на работу. Непріятель узналъ о ея подвигѣ и послалъ отрядъ солдатъ сжечь и разграбить ея ферму. Этой женщинѣ, имя которой къ сожалѣнію неизвѣстно, пришлось бѣжать съ младшими дѣтьми, оставивъ умирающаго отца своего у Маргариты Уэттенъ, и нѣсколько сундуковъ, которые ей удалось спасти. Маргарита ходила за умирающимъ до его послѣдней минуты и это помѣшало ей спасти сундуки, которые были разбиты, во время агоніи старика и все, что заключалось въ нихъ было унесено или уничтожено.

Нѣсколько гесенскихъ офицеровъ были поставлены на квартиру къ мистрисъ Уэттенъ, молоденькимъ дочерямъ ея очень нравилось осторожность матери, заставлявшая ее

услуживать гессенцамъ. Разъ вечеромъ она посылала ихъ въ кладовую, гдѣ были спрятаны ея лучшія вещи, достать чистыхъ простынь для гессенскаго офицера. Молодыя дѣвушки отвѣтили, что и эти еще слишкомъ хороши для непріятнаго гостя. Каковъ же былъ ужасъ молодыхъ дѣвушекъ, когда офицеръ положилъ конецъ спору, сказавъ по англійски: не безпокойтесь, миссъ, солома годится для солдатской постели. Разумѣется простыни немедленно были принесены.

Не долго осторожность мистрисъ Уэттенъ спасала домъ отъ грабежа. Англійскіе солдаты пришли спрашивать нѣтъ ли бунтовщиковъ въ домѣ, гессенцы разбили погребъ и унесли всѣ боченки сидра. Въ другой разъ англичане разграбивъ домъ матери Маргариты Уэттенъ, мистрисъ Тоддъ, уложили въ кучу ея фарфоръ и разбили однимъ ударомъ, и потомъ пришли къ Уэттенамъ доканчивать свою потѣху. Они захватили все, что попадалось имъ подъ руку и сорвали шаль съ плечь молоденькой дѣвушки Маргариты, дочери мистрисъ Уэттенъ, чтобы завязать въ узелъ награбленное.

Маргаритѣ съ дочерьми часто приходилось быть свидѣтельницами мелкихъ стычекъ виговъ съ англичанами. Разъ, возвращаясь изъ дома ихъ бабушки мистрисъ Тоддъ, молодыя дѣвушки встрѣтили знакомаго американскаго капитана, который былъ посланъ добыть провіантъ и пригласили его къ себѣ. На дорогѣ имъ встрѣтилось нѣсколько красныхъ мундировъ завязалась схватка, нѣсколько виговъ, варившихъ себѣ обѣдъ во сосѣднемъ огородѣ подоспѣли навыручку и одолѣли несмотря на то, что къ англичанамъ присоединилось еще нѣсколько солдатъ и тори. Капитанъ зашелъ отдахнуть отъ стычки на ферму Уэттеновъ и принужденъ былъ уступить ихъ убѣжденіямъ остаться переночевать.

Ночью мистрисъ Уэттенъ была пробуждена стукомъ въ въ дверь; она разбудила мужа, полагая что это пришли американцы за своимъ капитаномъ и за запасомъ прови-

зіи. Но когда мужъ ея отперъ дверь, толпа англійскихъ солдатъ обступила его съ угрозами и проклятіями.

— Кто ты слуга короля или бунтовщикъ, кричали солдаты.

— Я другъ человѣчества, отвѣчалъ онъ.

Солдаты разбѣжались по дому грабить что поподалось. Нѣкоторые изъ нихъ ворвались въ спальню, мистрисъ Уэттенъ, которая убаюкивала своего груднаго ребенка. Они выхватили подушку, на которой лежалъ ребенокъ и швырнувъ на полъ стали требовать денегъ. У мистрисъ Уэттенъ была значительная сумма денегъ въ мѣшкѣ, который былъ спрятанъ подъ изголовьемъ. Одинъ солдатъ поднялъ подушку съ постели и вытащилъ мѣшокъ, мистрисъ Уэттенъ схватилась за него, они боролись нѣсколько минутъ-мужъ ея совѣтовалъ ей отдать мѣшокъ, она не слушала, но замѣтивъ, что это былъ только мѣшокъ съ ея табатеркой и разными бездѣлицами, притворно боролась еще нѣсколько секундъ и наконецъ уступила. Солдатъ ушелъ торжественно унося воображаемую добычу.

Голодъ усиливался и вскорѣ мистрисъ Уэттенъ пришлось самой получать помощь отъ американскихъ войскъ. Генералъ Агнью предложилъ мистрисъ Уэттенъ пользоваться молокомъ отъ коровы, которую ему удалось добыть, но не долго пришлось Уэттенамъ пить молоко; черезъ день отъ коровы остались только рога да кожа, память ночнаго посѣщенія гессенцовъ.

Сраженіе при Уайтъ-Пленѣ было видно съ фермы Уэттеновъ. Маргарита съ дочерьми слышала громъ пальбы съ невыразимымъ волненіемъ. Побѣда колебалась, была минута, что надежда на нее исчезла и извѣстія одно другого безотраднѣе приходили на ферму. Одна изъ дочерей Маргариты вскричала въ отчаяніи:

— Нашихъ разбили, уничтожили!

— Нѣтъ, отвѣчала ея сестра Сара: Мечь Господу и Вашингтону!

Усиливавшійся голодъ заставилъ наконецъ семейство Уэттеновъ перебраться въ Нью-Іоркъ, занятый англичанами Капитанъ Уэттенъ умеръ вскорѣ послѣ переѣзда. Это несчастіе, обрушившееся на Маргариту, не отняло у нея ни силъ, ни энергіи. Она осталась опекуншей и полной распорядительницей имѣнія мужа. Оно все заключалось, какъ уже было сказано выше, въ ассигнаціяхъ, которыя капитанъ Уэттенъ считалъ самымъ выгоднымъ помѣщеніемъ своего капитала, онъ берегъ ихъ, уплачивая за всѣ расходы звонкой монетой. Въ это время ассигнаціи упали ниже половины ихъ цѣнности. Родственники и друзья мистрисъ Уэттенъ совѣтовали ей немедля размѣнять ихъ на звонкую монету или купить участокъ земли, потому что вслѣдствіе пораженія американскихъ войскъ, предвидѣлось, что ассигнаціи должны упасть до нуля. Мистрисъ Уэттенъ очень хорошо понимала положеніе дѣлъ, и предвидя грозившее ей раззореніе, упорно отказывалась сбыть свои ассигнаціи за половину цѣны.

— Я никогда не буду способствовать пониженію цѣны, установленной конвентомъ и подрывать еще болѣе падающій кредитъ его, отвѣчала она неизмѣнно на всѣ убѣжденія.

Она разорилась, но не жалѣла о своемъ разореніи, потому что могла избѣгнуть его только бросивъ тѣнь на состоятельность своего отечества.

Пріѣхавъ въ Нью-Іоркъ, Уэттены оставались нѣсколько времени безъ пріюта, ночуя въ брошенныхъ и разграбленныхъ домахъ, среди голыхъ стѣнъ; наконецъ черезъ знакомаго сборщика податей королевской комиссіи имъ удалось снова вступить во владѣніе своимъ домомъ. Домъ ихъ стоялъ позади церкви св. Георга и сдѣлался убѣжищемъ для бѣглыхъ плѣнныхъ, американскихъ лазутчиковъ. Англичане часто ставили къ ней постоемъ нѣсколько десятковъ плѣнныхъ. Мистрисъ Уэттенъ тратила послѣднія средства на то, чтобы прокормить ихъ. Разъ нѣсколько американцевъ

спросили ее, чтó они должны ей, она отвѣчала: ничего, если вы кушали съ аппетитомъ.

Маргарита Уэттенъ съ дочерьми каждый день заготовляла обѣдъ и отсылала въ тюрьму и госпитали плѣннымъ американцамъ. Она закупала всю маисовую муку, которую можно было достать, и которая давно уже смѣнила въ колоніяхъ пшеничную. Она ходила навѣщать плѣнныхъ, ободряя ихъ своей веселостью и надеждой на счастливый исходъ войны. Эти посѣщенія стоили ей многихъ оскорбленій. Нью-Іоркской тюрьмой Провостъ, Бастиліей колоній, завѣдывалъ Колингамъ, грубый, необразованный человѣкъ, который каждый разъ дѣлалъ грубости женщинамъ. Онъ опрокидывалъ ногой корзины съ провизіей и иногда нарочно при нихъ билъ плѣнниковъ ключами по головѣ. Когда же на него находилъ стихъ любезности, то онъ вознаграждалъ себя грубыми шутками и похвальбой надъ пораженіемъ американцевъ. Провостъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ паркомъ и второй этажъ сѣверовосточнаго флигеля былъ отведенъ для помѣщенія офицеровъ и другихъ значительныхъ лицъ колоній. Копингамъ звалъ его въ насмѣшку залой засѣданій конгресса (Congress-Hall), а негра, сторожа этого отдѣленія, Вашингтономъ.

Мистрисъ Уэттенъ, не обращая вниманія на грубости, приходила каждый день съ дочерьми, принося не только пищу, но и одежду. Конингамъ въ глаза называлъ ихъ самыми проклятыми бунтовщицами цѣлаго Нью-Іорка, но не запрещалъ имъ кормить и одѣвать плѣнныхъ, потому что у англичанъ не хватало средствъ содержать ихъ. Плѣнные, захваченные на Лонгъ-Эйландѣ и запертые на старой сахарной фабрикѣ близь голландской церкви, были до половины заморены голодомъ и умерли бы безъ помощи Маргариты Уэттенъ. Сверхъ того она посылала пищу и одежду плѣннымъ, содержавшимся на понтонахъ.

Мистрисъ Уэттенъ разъ едва не поплатилась дорого за укрывательство шпіона. Когда англійскій офицеръ съ отря-

домъ солдатъ пришелъ взять шпіона, мистрисъ Уэттенъ успѣла усадить его въ кресло, надѣть на него халатъ и ночной колпакъ, обложить подушками и поставить возлѣ него столикъ съ лекарствомъ. Офицеръ, видя серьезно-больного, ушелъ, разсчитывая арестовать его, когда онъ оправится. Начальство сдѣлало ему строгій выговоръ и послало обратно за плѣннымъ, но тотъ уже бѣжалъ, переодѣтый въ платье мистрисъ Уэттенъ. Капитанъ Гэпперъ, пріѣзжавшій въ Нью-Іоркъ американскимъ парламентеромъ, постоянно останавливался у Маргариты Уэттенъ и получалъ отъ нея свѣдѣнія о состояніи и движеніи непріятельскихъ войскъ, которыя мистрисъ Уэттенъ умѣла собирать съ необыкновеннымъ искуствомъ.

Жизнь мистрисъ Уэттенъ съ дочерьми въ Нью-Іоркѣ была цѣпью непріятностей и тревогъ. То толпа пьяныхъ солдатъ врывалась въ домъ, требуя, чтобъ и онѣ пили на гибель ихъ соотечественниковъ, то англійскіе офицеры грозили сжечь ихъ домъ, потому что у сосѣдки нашли нѣсколько мундировъ патріотовъ, то грозили засадить Маргариту въ Провостъ (такъ называлась тюрьма) за то, что она укрывала шпіоновъ.

Но наконецъ наступило время избавленія отъ всѣхъ бѣдствій. Стали ходить слухи, превратившіеся въ положительную увѣренность, что англичане скоро очистятъ Нью-Іоркъ. Восторгъ патріотовъ не зналъ границъ. Одна женщина, жившая по сосѣдству съ мистрисъ Уэттенъ, преждевременно поспѣшила выразить свою радость, и видя, что англійскія войска собираются выступать, вывѣсила надъ своимъ домомъ флагъ съ тринадцатью звѣздами. Черезъ нѣсколько минутъ перепуганные сосѣди прибѣжали сказать мистрисъ Уэттенъ, что генералъ-тюремщикъ Конингамъ съ солдатами идетъ арестовать ее. Сосѣди ежедневно ждали ареста мистрисъ Уэттенъ. Но они ошиблись на этотъ разъ. Конингамъ вошелъ въ домъ женщины, осмѣлившейся оскорбить войска его величества, поднявъ три-

надцати-звѣздный флагъ. Женщина между тѣмъ, заперевъ на-крѣпко дверь, отказалась отдать флагъ и осыпала солдатъ градомъ ругательствъ, которыя съ громкимъ крикомъ-свистомъ и гикомъ подхватила толпа сбѣжавшихся уличныхъ мальчишекъ. Конингамъ счелъ благоразумнымъ, въ ожиданіи близкаго выступленія британскихъ войскъ, не раздражать народъ и удалился, не отвѣтивъ градомъ пуль на градъ ругательствъ, какъ сдѣлалъ бы въ другое время.

Домъ мистрисъ Уэттенъ, который въ продолженіи войны звали главной квартирой бунтовщиковъ, былъ первымъ домомъ Нью-Іорка, въ который была принесена отрадная вѣсть мира. Французскій дворянинъ, плѣнный, жившій въ ея домѣ, получилъ письмо отъ французскаго посланника, съ извѣстіемъ о мирѣ.

Услуги мистрисъ Уэттенъ были оцѣнены конгрессомъ по заключеніи мира, и Вашингтонъ прислалъ ей благодарственное письмо отъ имени отечества. Онъ просилъ у ней позволенія быть къ ней на завтракъ, и въ продолженіи его, разговаривая о пережитыхъ ею тяжелыхъ испытаніяхъ, два раза вставалъ и крѣпко жалъ ея руки, благодаря за все, что она дѣлала для плѣнныхъ, подвергая себя столькимъ опасностямъ.

Мистрисъ Уэттенъ, какъ и многія женщины временъ революціи, умѣла ѣдкимъ словомъ вымещать на врагахъ накопившуюся на сердцѣ горечь. Разъ, во время разговора ея съ однимъ англійскимъ офицеромъ, хвалившимся побѣдами своихъ войскъ, пришло извѣстіе о важной побѣдѣ, одержанной американцами надъ ними.

— Что же мои соотечественники и на этотъ разъ бѣжали? спросила она съ лукавой улыбкой англичанина.

— Да, они бѣжали, отвѣчалъ откровенно англичанинъ, но на этотъ разъ за нами.

Такъ же она ловкой уловкой избавилась отъ оскорбительнаго требованія пить на гибель ея сограждан.

— Пейте съ нами тостъ! кричали пьяные солдаты, разбивая и ломая все, что попадалось имъ подъ руку.

— Мы ѣдимъ тосты, отвѣчала она съ притворнымъ удивленіемъ, и солдаты, которымъ некогда было толковать значеніе тоста*), оставили ее въ покоѣ.

Мистрисъ Уэттенъ жила въ Нью-Іоркѣ въ скромномъ довольствѣ, которое могло казаться бѣдностью женщинѣ, привыкшей къ богатству. Бывшей владѣтельницѣ нѣсколькихъ торговыхъ судовъ приходилось считать каждый долларъ. Но она весело переносила потерю роскоши, которой никогда не придавала большой цѣны. Она умерла въ 1809 году.

Дебора Сэмсонъ.

Когда протекшіе столѣтія набросятъ на славную эпоху революціи покрывало поэзіи и писатели будутъ искать для своихъ произведеній матеріалъ въ исторіи Америки, то предлагаемый очеркъ послужитъ богатой канвой для романа или драмы. Впрочемъ уже была сдѣлана попытка сдѣлать изъ него полу-романъ, полу-біографію, которая была напечатана въ Женскомъ обозрѣніи (Female Revien) издававшемся въ Массачусетсѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Но этотъ полу-романъ не заслуживалъ никакого довѣрія и сама героиня не разъ высказывала свое неудовольствіе за то, что она не узнавала себя въ портретѣ который сдѣлали. Настоящій очеркъ составленъ со словъ одной дамы, хорошо знавшей героиню и слышавшей много разъ отъ нея самой, ея простой и безискуственный разсказъ о ея подвигахъ.

Безъ сомнѣнія подвиги Деборы по своему значенію не выдержатъ ни малѣйшаго сравненія съ подвигами «дѣвы пророчицы», освободившей Францію.

---

*) Тостъ означаетъ еще поджаренные въ маслѣ ломтики хлѣба.

The maid with helmed head
Like a war god dess, fair and terrible

(Дѣвы съ покрытой шлемомъ головой, прекрасной и грозной какъ богиня войны).

Но вѣкъ суевѣрія прошелъ и изъ героизма, который привелъ молодую крестьянку въ ряды воиновъ за свободу отечества, нельзя было сдѣлать божественной миссіи, которая воодушевила бы цѣлое войско. Но героизмъ этотъ былъ тотъ же героизмъ, заставившій простую крестьянку промѣнять свою грубую шерстяную юбку на одежду солдата и веретено на мечь.

Дебора Сэмсонъ была младшею изъ дѣтей бѣдныхъ поселянъ, жившихъ въ округѣ Плимута, графства Массачусетсъ. Бѣдность въ то время была исключительнымъ явленіемъ въ колоніяхъ и родители Деборы были сами причиною своей нищеты, которая была однимъ изъ меньшихъ бѣдствій, вынесенныхъ несчастными дѣтьми. Общественная благотворительность спасла дѣтей отъ дурнаго примѣра пороковъ родителей. Община отняла дѣтей и раздала по разнымъ семействамъ, гдѣ они должны были получить воспитаніе и средства заработывать хлѣбъ. Дебора была отдана въ домъ сосѣдняго фермера, жена котораго, добрая и честная женщина заботилась о ней съ нѣжностью, которая вообще рѣдко выпадаетъ на долю подобныхъ питомокъ. Но она была необразованная женщина и могла только хорошо кормить, одѣвать и ласкать дѣвочку, но не была въ состояніи образовывать ее. Дебора подрастая живо чувствовала это лишеніе, она начала учиться самоучкой. Она выпрашивала книги у дѣтей ходившихъ въ школу мимо ихъ фермы, спрашивая объясненія и выучилась читать. Это ученье урывками продолжалось до восемнадцати лѣтъ, возраста, въ который законъ освобождалъ ее отъ опеки воспитателей.

Очутившись на свободѣ Дебора первымъ дѣломъ позаботилась добыть себѣ возможность дальнѣйшаго образованія и поступила работницей на сосѣднюю ферму безъ жалова-

нья, за одно содержаніе, съ тѣмъ чтобы половина времени принадлежала ей и стала ходить въ народную школу округа. Она сдѣлала невѣроятные успѣхи, не смотря на то, что могла посвящать ученью только половину своего времени. Въ нѣсколько мѣсяцевъ она пріобрѣла болѣе познаній, чѣмъ товарищи ея въ тоже число годовъ. Не смотря на то что сосѣди видѣли въ ней чудо учености, познанія ея были при плохомъ состояніи школъ того времени очень неудовлетворительны; и по нимъ можно только судить, чѣмъ бы могла быть Дебора, еслибы судьба дала ей возможность получить основательное и дѣльное образованіе.

Она вскорѣ исчерпала всю школьную премудрость, но вспыхнувшая революція дала другое направленіе стремленіямъ Деборы. Мракъ разразившейся бури нависъ надъ колоніями; извѣстіе о кровавой рѣзнѣ на равнинѣ Лексингтона, громъ пушечной пальбы Бёнкеръ-Гилля достигли до каждаго жилища и отдались въ сердцѣ каждаго патріота Новой Англіи. Одушевленіе, заставлявшее мущинъ покидать семейный очагъ, проникло въ сердце молодой дѣвушки. Дебора была готова на всѣ жертвы, на всѣ страданія за славное дѣло освобожденія отечества. Она принимала дѣятельное участіе во всѣхъ подпискахъ и комитетахъ для вспомоществованія арміи, отдавала послѣднее и горько жалѣла, что не могла сдѣлать болѣе, что какъ женщина она лишена права отдать и свою кровь. Отъ сожалѣнія что она не мущина, она естественно пришла къ мысли выдать себя за мущину.

Нѣтъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать, чтобы въ этой рѣшимости ею руководило другое какое побужденіе, кромѣ безкорыстнаго патріотизма. Таинственность, съ какою она ушла изъ своего селенія, не сказавъ никому изъ друзей и знакомыхъ о своемъ намѣреніи, снимаетъ съ нее всякое подозрѣніе въ тщеславіи или честолюбіи и дала поводъ къ очень оскорбительнымъ для нея слухамъ. Упорство, съ какимъ она въ продолженіи своей военной службы сохраняла

тайну своего пола, скрывая свою рану, равнымъ образомъ снимаетъ съ нея подозрѣніе что любовь привела ее въ лагерь воиновъ за независимость, тѣмъ болѣе, что сельская молва ни разу не связала ея имени съ кѣмъ либо изъ сосѣдей ушедшихъ милиціонерами. Молодое воображеніе, воспламененное разсказами о геройскихъ подвигахъ, молодыя богатыя силы, требовавшія простора и не находившія пищи для дѣятельности въ тѣсномъ мірѣ сельской жизни, въ однообразномъ трудѣ, вотъ причины вполнѣ объясняющія ея необыкновенную рѣшимость. Къ тому ничто не могло удерживать ее, она была одна на свѣтѣ, некому было о ней заботиться; она не была обязана отдавать никому отчета въ своихъ поступкахъ и рѣшимость ея не могла стоить ей дорого.

Она скопила двѣнадцать долларовъ держа деревенскую школу въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ. На эту сумму, которая была въ то время несравненно значительнѣе чѣмъ теперь, она купила грубой бумазеи и урывками, когда никто не могъ видѣть ее, сшила себѣ мужское платье. Каждая готовая принадлежность пряталась въ стогъ сѣна. Окончивъ работу она сказала, что идетъ на новое мѣсто, гдѣ ей даютъ больше жалованья и ушла рано по утру съ котомкой за плечами. Въ первомъ лѣсу она переодѣлась въ мужское платье. Она была слишкомъ высока ростомъ для женщины, худощава, но пропорціонально сложена и ее легко можно было принять за мущину. Она не была красива, но неправильныя черты лица ея были оживлены и пріятны и изъ нея вышелъ очень недурной собой молодецъ. Дебора пѣшкомъ дошла до американскаго лагеря въ октябрѣ 1778 г. и была принята безъ малѣйшаго затрудненія въ число солдатъ. Въ деревнѣ думали, что она на новомъ мѣстѣ, а послѣ не получая отъ нея извѣстій, стали говорить, что она ушла съ англійскимъ солдатомъ; но никто не принималъ въ ней участія на столько, чтобы навести справки, которыя повели бы къ открытію ея обмана.

Не довѣряя своей рѣшимости Дебора записалась на службу до окончанія войны, для того, чтобы отнять у себя возможность отступить, если бы мужество измѣнило ей. Ее записали подъ именемъ Роберта Ширтклиффа. Она была однимъ изъ первыхъ волонтеровъ отряда капитана Натана Тейера изъ штата Массачусетса, мѣстечка Медуей: капитанъ видя, что у молодаго рекрута не было ни родни ни пристанища, помѣстилъ его у себя въ семействѣ до того времени, когда отрядъ будетъ укомплектованъ и нужно будетъ выступать для соединенія съ главной арміей.

Дебора скоро выучилась обязанностямъ солдата и безъ малѣйшаго утомленія выносила всѣ тяжести солдатской службы. Она прожила въ семьѣ капитана Тейера семь недѣль и имѣла полное время обдумать свою рѣшимость и испробовать свои силы. Но и много лѣтъ спустя она постоянно говорила, что ей ни на минуту не пришла мысль раскаяться съ сдѣланномъ шагѣ. Работа въ полѣ, къ которой она была пріучена съ дѣтства, при ея здоровомъ сложеніи развила въ ней физическую силу рѣдкую для женщины; а женская ловкость и проворство помогли ей скоро усвоить мѣткость стрѣльбы и искуство фехтованія. Дебора была неутомима и легко выносила то, чего разумѣется не вынесла бы изнѣженная праздностью и роскошью барышня. Вскорѣ отрядъ былъ укомплектованъ и рекрутамъ роздали форму. Неизвѣстно почему эта раздача производилась довольно неумѣстнымъ способомъ жребія. Форма доставшаяся Роберту оказалась ему не впору; но вооружившись иглой и ножницами онъ скоро пригналъ ее какъ нельзя лучше. Это было немного неосторожно, потому что подало поводъ къ распросамъ почему молодой человѣкъ могъ пріобрѣсть женское умѣнье владѣть иглой, но Робертъ былъ находчивъ и объяснилъ, что такъ какъ у матери его не было дочерей, то ему часто приходилось исправлять должность швеи.

Роберта въ домѣ капитана Тайера ждало маленькое

романическое приключеніе. Молодая недурная собой дѣвушка бывало часто у жены капитана, а съ тѣхъ поръ, какъ тамъ поселился бравый молодецъ Робертъ посѣщенія сдѣлались ежедневными. Молодая кокетка употребляла всѣ усилія, чтобы записать красиваго солдата въ число своихъ поклонниковъ. Робертъ съ своей стороны захотѣлъ тоже посмотрѣть, какъ скоро можно вскружить голову молодой дѣвушкѣ; въ этой игрѣ въ чувство Дебору оправдывало вѣтреность и легкомысліе молодой дѣвушки, неспособной къ сильной и прочной привязанности. Но эта игра встревожила мистрисъ Тейеръ, которая видѣла, что со стороны молодаго солдата не было взаимности; и она при первомъ удобномъ случаѣ высказала ему, что играть чувствами молодой дѣвушки недостойно честнаго солдата. Совѣтъ былъ принятъ и ухаживанье прекращено, что однако не помѣшало Роберту получить при прощаньи разныя бездѣлушки въ знакъ памяти, которыя онъ берегъ всю жизнь.

Три года героиня наша прослужила въ солдатахъ, а во время прекращенія военныхъ дѣйствій деньщикомъ въ семьѣ полковника Петерсона. Въ обѣихъ службахъ она примѣрнымъ поведеніемъ заслужила довѣріе и похвальные отзывы начальства. Она участвовала въ числѣ охотниковъ во многихъ опасныхъ экспедиціяхъ, была два раза ранена: въ первый разъ ударомъ сабли въ лѣвую сторону головы. Она пережила много приключеній и часто говорила сама, что еслибы описать ихъ всѣ, то описаніе наполнило бы цѣлые томы. Иногда ей приходилось быть въ такихъ обстоятельствахъ, что открытіе ея пола казалось неизбѣжно, но ей всегда удавалось такъ ловко избѣгнуть не только открытія, но даже подозрѣнія. Солдаты звали ее женскимъ именемъ Молли, за то что у нея не было бороды: но ни одинъ изъ нихъ не воображалъ, что храбрый юноша, сражавшійся рядомъ съ ними могъ быть женщиной.

Четыре мѣсяца послѣ первой раны она была опасно ранена во второй разъ выстрѣломъ въ плечо. Первое чув-

ство ея когда пуля вошла въ рану было, какъ она описывала его, леденящій ужасъ, что теперь открытіе неизбѣжно, и потомъ горячее желаніе, чтобы рана казалась смертельной и спасла ее отъ стыда предстоявшаго открытія. Она пламенно молилась о смерти. Но какъ ни странно покажется, докторъ перевязывавшій плечо не замѣтилъ, что солдатъ былъ женщиной; и она вскорѣ оправившись, снова заняла свое мѣсто въ рядахъ; но на этотъ разъ не на долго. Она заболѣла горячкой, свирѣпствовавшей въ лагерѣ. Первые дни когда сознаніе боролось съ бредомъ были для нея мучительной нравственной пыткой. Она съ ужасомъ думала о той минутѣ, когда сознаніе покинетъ ее и такъ долго скрываемая ею тайна будетъ открыта. Ее перенесли въ гошпиталь, но при множествѣ больныхъ уходъ тамъ былъ очень небреженъ; къ тому же ее съ самаго дня поступленія признали безнадежной, и потому на нее обращали еще менѣе вниманія. Въ одно утро докторъ гошпиталя спросилъ у сидѣлки: «Что Робертъ? и получилъ отвѣтъ: что бѣдный Бэбъ отошелъ. Докторъ подошелъ къ постели больнаго и взявъ за руку мнимаго мертвеца замѣтилъ что пульсъ бился еще, но очень слабо; затѣмъ онъ захотѣлъ приложить руку къ сердцу и увидѣлъ тугой бандажъ стягивавшій грудь. Онъ снялъ его и къ величайшему удивленію увидѣлъ что больной былъ женщина.

Это былъ докторъ Бинней изъ Филадельфіи. Онъ поступилъ въ отношеніи Деборы съ благоразуміемъ, деликатностью и великодушіемъ, которыя она цѣнила всю жизнь: не сказалъ ей ни слова о своемъ открытіи, но оказалъ ей необходимыя въ ея положеніи попеченія. Какъ только состояніе ея здоровья позволило, онъ перенесъ ее къ себѣ въ домъ, къ немалому удивленію семейства, непонимавшаго такого необыкновеннаго участія къ простому солдату.

И въ семьѣ доктора Дебору ожидалъ новый романъ. У доктора была молодая и прелестная племянница., наслѣдница значительнаго состоянія, которая изъ состраданія на-

чала ходить за молодымъ безроднымъ солдатомъ. Но сострапаніе сродно любви, говоритъ Шекспиръ. Родные и друзья осуждали доктора за то что онъ позволялъ молодымъ людямъ быть постоянно вмѣстѣ, и вмѣстѣ дѣлать дальнія прогулки въ экипажѣ. Докторъ смѣялся про себя надъ ихъ намеками и явными предостереженіями, думая какія глупыя лица сдѣлаютъ эти совѣтники узнавъ правду. Но онъ не подозрѣвалъ, что скрывая отъ всѣхъ тайну Деборы онъ подвергалъ свою племянницу серьезной опасности. Нѣжное сердце молодой дѣвушки было тронуто страданіями, которыя она старалась облегчить и бѣдный молодой солдатъ, въ судьбѣ котораго никто не принималъ участія, у котораго не было ничего въ мірѣ кромѣ сабли, который столько выстрадалъ за дѣло свободы, сталъ дорогъ этому сердцу. Она видѣла его горячую благодарность за ея заботы, и думала что онъ никогда не рѣшится просить руки дѣвушки стоявшей выше его въ обществѣ. Въ минуту увлеченія любви, молодая дѣвушка призналась въ своихъ чувствахъ и предложила дать средство мнимому Роберту окончить воспитаніе и потомъ жениться на ней. Дебора часто потомъ вспоминала что минута, въ которую она узнала что невольно завладѣла любовью такого чистаго существа, была для нея минутой жестокой нравственной муки. Она увидѣла что должна нанести жестокой ударъ въ благодарность за попеченія и благодѣянія которыя оказывали ей. Прежній романъ ея не оставилъ ей никакихъ тяжелыхъ воспоминаній; но тутъ она имѣла дѣло не съ пустой вертушкой, а съ дѣвушкой другаго закала. Одно средство было сказать всю правду; но при квакерской чопорности американскихъ нравовъ того времени, она считала свой смѣлый шагъ постыднымъ и не рѣшилась на признаніе не смотря на угрызенія совѣсти, мучившіе ее. Она сказала молодой дѣвушкѣ, что она не разстается съ нею на всегда, но что она, не смотря на самое горячее желаніе получить образованіе не можетъ воспользоваться великодушнымъ предложеніемъ. Пе-

редъ отъѣздомъ Дебора получила отъ молодой дѣвушки необходимую одежду, но эти подарки были потеряны, когда лодка отвозившая Роберта опрокинулась, уцѣлѣла только рубашка и куртка, которыя и до сихъ поръ сохраняются въ потомствѣ Деборы.

Когда здоровье Деборы поправилось докторъ имѣлъ долгое совѣщаніе съ начальникомъ полка, въ которомъ она служила и результатомъ этого совѣщанія было приказаніе Роберту отправиться въ главную квартиру съ письмомъ къ генералу Вашингтону.

Самыя страшныя опасенія ея были подтверждены. Съ той минуты какъ она была перевезена въ семью доктора, она не могла освободиться отъ подозрѣнія, превращавшагося иногда въ полную увѣренность что онъ открылъ ея тайну. Она тревожно слѣдила въ разговорахъ съ нимъ за выраженіемъ его лица, но никогда не могла поймать ни намека ни взгляда, по которымъ бы могла догадаться что онъ знаетъ кто она, и снова радовалась что ея тайна осталась скрытою отъ него. Когда полковникъ прислалъ за нею чтобы отвезсти письмо къ главнокомандующему она не могла обманывать себя болѣе. Ей оставалось одно повиноваться.

Когда она явилась въ главную квартиру прося допустить ее къ Вашингтону она дрожала, какъ не дрожала никогда передъ непріятельскимъ огнемъ. Сердце ея замерло и всѣ усилія ея собраться съ духомъ были напрасны. Наконецъ едва держась на ногахъ отъ волненія и тревожнаго ожиданія она была введена въ комнату великаго человѣка. Онъ замѣтилъ ея волненіе, и полагая что оно происходило отъ робости, ласково ободрилъ ее; потомъ приказалъ провожавшему ее солдату увести ее и угостить, пока онъ будетъ читать письмо.

Черезъ нѣсколько минутъ ее снова позвали къ Вашингтону; онъ не говоря ни слова подалъ ей отставку вмѣстѣ съ коротенькой запиской, въ которой были нѣсколько со-

вѣтовъ, и небольшую сумму денегъ на проѣздъ до того мѣста, гдѣ она захочетъ поселиться. Его деликатность и снисходительность тронули до слезъ Дебору. Она ждала строгаго выговора за свой обманъ и нарушеніе дисциплины и чувства патріотизма и любви къ свободѣ, подвинувшіе ее на этотъ шагъ не казались ей даже достаточнымъ оправданіемъ его. Она послѣ часто говорила: «Какъ я благодарна этому великому и доброму человѣку что онъ съумѣлъ пощадить меня въ эту минуту. Онъ видѣлъ что я готова была умереть отъ стыда; одно слово его убило бы меня. Но онъ не сказалъ этого слова, и я благословляю его за это.»

Но общество американское взглянуло на поступокъ Деборы не ея глазами и даже не глазами Вашингтона. По окончаніи войны во время президенства Вашингтона, когда она была уже замужемъ за Бенджеминомъ Гэннетомъ, она получила повѣстку на имя Роберта Шертклиффа т. е. мистрисъ Гэннетъ явиться въ столицу. Засѣданія конгресса начались и во время ея пребыванія въ столицѣ былъ подписанъ билль о награжденіи ея участкомъ земли за ея службу солдатомъ во время войны за независимость. Семейство офицеровъ приглашали къ себѣ Дебору наперерывъ; равнымъ образомъ она получила приглашенія и на всѣ городскія балы и обѣды, которыми праздновали освобожденіе Штатовъ; и вездѣ гдѣ она ни появлялась ее встрѣчали съ величайшимъ вниманіемъ и уваженіемъ.

Въ 1805 г. она жила въ довольствѣ обработывая съ мужемъ, честнымъ фермеромъ полученные въ награду и увеличенный трудомъ участокъ земли, и воспитывая троихъ красивыхъ понятливыхъ дѣтей. Дедгемскій реэстръ, — въ декабрѣ 1820 г. упоминаетъ что въ послѣднемъ засѣданіи конгресса мистриссъ Геннетъ подала просьбу о продолженіи пенсіи за службу ея отечеству въ качествѣ солдата революціи. Ей было въ то время шестьдесятъ два года. Она была бодрой крѣпкой старухой, сохранившей ас-

ность ума и память о прошедшихъ славныхъ событіяхъ, о которыхъ она разсказывала мѣрнымъ твердымъ голосомъ и простымъ безъискуственнымъ языкомъ. Она и въ эти лѣта прямо и свободно держала себя и была очень привѣтлива не смотря на свою суровую и мужественную наружность. Многія лица, видѣвшія ее при ея первомъ появленіи въ столицѣ, узнали ее и засвидѣтельствовали о ея неоспоримомъ правѣ на пенсію, которая была прекращена вслѣдствіе недоразумѣній.

Короткій очеркъ жизни этой необыкновенной женщины былъ помѣщенъ во многихъ газетахъ того времени и въ сочиненіи Найльса: «Принципы и событія революціи». Дебора дожила до глубокой старости и умерла въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Лидія Дарра.

Слѣдующій разсказъ былъ помѣщенъ въ первой книгѣ американской Quarterly Beview и записанъ со словъ самой героини; сверхъ того онъ былъ подтвержденъ во многихъ письмахъ того времени и авторъ мемуаровъ слышалъ его отъ многихъ лицъ въ Филадельфіи, слышавшихъ его отъ своихъ отцовъ — современниковъ героини, и потому нѣтъ никакого повода, сомнѣваться въ его справедливости.

Втораго декабря 1777 г. офицеръ въ англійскомъ мундирѣ поднялся поздно вечеромъ на лѣстницу дома Секондстрита въ Филадельфіи. Этотъ домъ находился противъ главной квартиры англійской арміи, гдѣ жилъ генералъ Гау, въ то время завладѣвшій Филадельфіей. Домъ былъ невеликъ и простъ; въ немъ жили Уильямъ и Лидія Дарра, члены общества друзей. Главные начальники войска выбрали этотъ домъ для засѣданій военнаго совѣта, отчасти по близости его отъ квартиры генерала Гау, отчасти потому что не могли опасаться никакихъ враждебныхъ замы-

словъ со стороны жильцовъ, которымъ религія ихъ любви и мира запрещала принимать участіе въ кровавыхъ дѣлахъ войны.

Офицеръ повидимому хорошо зналъ домъ. Онъ позвонилъ, ему отперли; въ чисто прибранной гостиной онъ встрѣтилъ хозяйку, которая назвала его по имени. Офицеръ этотъ былъ генералъ-адъютантъ. Онъ торопливо передалъ хозяйкѣ приказаніе приготовить большую заднюю комнату на верху для вечера, потому что онъ ждалъ къ себѣ нѣсколькихъ знакомыхъ, которые должны были пріѣхать поздно вечеромъ и просидѣть большую часть ночи. «И непремѣнно устройте такъ, Лидія, чтобы вы и семейство ваше легли спать сегодня рано, я надѣюсь что вы исполните это. Когда гости мои будутъ уходить, я самъ приду вамъ сказать чтобы вы ихъ выпустили и загасили огонь и свѣчи».

Отдавъ свое приказаніе повелительнымъ тономъ, генералъ-адъютантъ ушелъ, а Лидія начала убирать назначенную комнату для вечера. Но слова, которыя она слышала, особенно приказаніе всѣмъ рано лечь спать не выходило у ней изъ головы и она не могла отдѣлаться отъ необъяснимаго чувства тревоги. Пока руки ея живо прибирали, голова дѣятельно работала и Лидія наконецъ до думалась до догадки, что ожидаемый вечеръ не просто собраніе гостей, а приготовленіе къ чему нибудь важному. Вечеръ наступилъ и офицеры собрались въ означенную комнату. Лидія уложивъ свою семью въ постель, впустила ихъ, ушла въ свою спальню и бросилась не раздѣваясь на постель.

Но она не могла закрыть глазъ. Ея смутныя опасенія принимали все болѣе и болѣе определенную форму. Тревога ея росла и превратилась наконецъ въ невыносимый страхъ. Она была не въ силахъ выносить долѣе мучительную не извѣстность, и осторожно поднявшись съ кровати и снявъ башмаки, не слышными шагами прокралась по коридору къ большой задней комнатѣ, въ которой собрались

офицеры. Она приложила ухо къ замочной скважинѣ и начала слушать. Нѣсколько минутъ она могла различить только два три отрывочныхъ слова посреди смутнаго говора многихъ голосовъ; но эти слова заставили ея слушать далѣе. Наконецъ молчаніе смѣнило общій говоръ и чей-то громкій голосъ началъ читать бумагу. Это былъ приказъ англійскимъ войскамъ о выступленіи изъ города въ ночь четвертаго декабря для неожиданнаго нападенія на американскую армію, стоявшую тогда лагеремъ въ Уайтъ-Маршѣ.

Лидія узнала все что надо. Она тихо прокралась обратно въ свою комнату и легла въ постель. Среди мертвой тишины царствовавшей въ домѣ, она могла разслышать біеніе своего сердца, взволнованнаго чувствами, для передачи которыхъ бѣдно человѣческое слово. Ей показалось что прошло не болѣе нѣсколькихъ секундъ какъ у двери послышался стукъ; она знала что онъ означалъ, но нарочно не обратила на него вниманія. Стукъ повторился громче; она по прежнему не отвѣчала на него. Наконецъ въ третій разъ раздался такой сильный стукъ, что она вскочила и отворила дверь.

Это былъ генералъ-адъютантъ, пришедшій звать ее что бы отворить двери его гостямъ. Лидія выпустила ихъ, заперла двери и загасила огонь и свѣчи. Потомъ она снова легла, но волненіе не дало ей заснуть во всю ночь. Она думала объ опасности грозившей жизни тысячь ея соотечественниковъ, о предстоявшей гибели цѣлой страны. Она чувствовала что нужно сдѣлать что нибудь, сдѣлать немедля чтобы отвратить страшныя бѣдствія. Не разбудить ли ей мужа и сказать ему все? Нѣтъ это поставило бы его въ опасное положеніе; онъ не съумѣлъ бы сдѣлать то что надо также осторожно какъ она. Нѣтъ, будь, что будетъ она возьметъ весь рискъ на одну себя. Помолившись по обычаю своей секты о вдохновеніи свыше, она составила планъ и стала терпѣливо ждать утра, не сомкнувъ глазъ ни на минуту. Когда разсвѣло она разбудила мужа и ска-

зала ему что у нихъ вышла вся мука, и что она пойдетъ на Франкфордскую мельницу за новымъ запасомъ. Она отказалась взять съ собой служанку и вышла изъ дому захвативъ большой мѣшокъ для муки. Это не могло возбудить подозрѣнія. Зажиточныя американки того времени были пріучены сами исполнять всѣ работы по хозяйству. Лидія зашла на главную квартиру, добилась доступа къ генералу Гоу и выпросила у него письменный пропускъ за англійскіе аванпосты, за которыми находилась мельница.

Легче вообразить чѣмъ описать чувства жены и матери, которая шла на свой подвигъ, когда этотъ подвигъ могъ лишить ея жизни, разлучить съ дорогими сердцу, могъ увлечь и этихъ дорогихъ въ общую гибель. Лидія скорыми шагами прошла четыре или пять миль отдѣлявшіе ее отъ Фрэнкфорда и оставила свой мѣшокъ на мельницѣ. Съ этой минуты начиналась для нея опасность ея предпріятія. Оглядываясь по сторонамъ не слѣдилъ ли кто за нею она пустилась бѣгомъ къ американскимъ аванпостамъ. Она хотѣла видѣть Вашингтона и предупредить его о нападеніи.

На половинѣ дороги она встрѣтила знакомаго офицера американской арміи, посланнаго Вашингтономъ для развѣдыванія о движеніяхъ непріятеля. По отзывамъ нѣкоторыхъ газетъ то былъ полковникъ легкой кавалеріи Кресъ. Онъ тотчасъ узналъ ее и спросилъ куда она шла. Лидія просила его сойти съ лошади и отойти съ нею въ сторону; онъ исполнилъ ея просьбу, приказавъ солдатамъ не терять его изъ вида. Лидія передала ему все что знала объ угрожавшемъ нападеніи, взявъ съ него торжественную клятву не называть ея имени, чтобы слухъ о ея участіи въ этомъ дѣлѣ не дошелъ какъ нибудь до лагеря англичанъ, которые за то могли жестоко отмстить ея семейству.

Офицеръ поблагодарилъ ее за извѣстіе и пригласилъ ее зайти въ сосѣдній домъ чтобы отдохнуть и подкрѣпить силы. Но Лидія отказалась и немедля отправилась въ обратный путь; а офицеръ со своимъ отрядомъ поскакалъ къ

квартирѣ главнокомандующаго. Въ войскѣ были немедля сдѣланы необходимыя распоряженія для встрѣчи непріятеля.

Героиня съ сердцемъ полнымъ радости что все такъ счастливо окончилось вернулась домой, неся на спинѣ мѣшокъ съ мукой. Никто не подозрѣвалъ что смиренная, молчаливая кваверша отняла у англичанъ ожидаемую побѣду. Она также спокойно, сдержанно и методически какъ всегда принялась за свое хозяйство и занятія съ дѣтьми, какъ будто ночью не произошло ничего. Но сердце ея громко застучало, когда поздно въ назначенную ночь она смотрѣла украдкой изъ окна на выступленіе непріятельской арміи, цѣль котораго она такъ хорошо знала Она прислушивалась затаивъ дыханіе къ мѣрному гулу шаговъ и топоту лошадей, пока они не замерли въ отдаленіи и безмолвіе ночи не вступило снова въ свои права надъ спящимъ городомъ.

Никогда еще время не тянулось для Лидіи съ такой мучительной медленностью какъ теперь эти нѣсколько часовъ между выступленіемъ и возвращеніемъ англійскаго войска. Вотъ наконецъ дальній бой барабана возвѣстилъ о приближеніи ихъ; звуки слышались все явственнѣе и явственнѣе, и Лидія увидѣла отряды враговъ проходившіе мѣрнымъ порядкомъ; она не могла выносить долѣе тревоги и отошла отъ окна не смѣя выказать ни малѣйшаго любопытства, не имѣя силъ вымолвить ни слова.

Громкій стукъ въ двери заставилъ ее вздрогнуть. То былъ вчерашній генералъ-адъютантъ, который требовалъ Лидію немедленно къ допросу. Спасеніе семейства зависѣло отъ ея самообладанія въ эту критическую минуту. Блѣдная, но безъ малѣйшаго признака тревоги на лицѣ Лидія пошла къ нему.

Лице офицера было сурово. Онъ заперъ дверь когда Лидія вошла и указалъ ей на сосѣдній стулъ. Послѣ минуты молчанія, въ продолженіи которой онъ подозрительно смотрѣлъ ей въ глаза онъ спросилъ.

— Всѣ ли спали въ вашемъ семействѣ, Лидія, въ ту ночь когда я принималъ гостей у васъ?

— Да, отвѣчала она безъ малѣйшаго колебанія. — Всѣ у насъ легли въ восемь часовъ.

— Странно, сказалъ офицеръ и снова молча смотрѣлъ на Лидію. — Вы я знаю крѣпко спали, Лидія; потому что я долженъ былъ три раза стучать чтобы добудиться васъ. И не смотря на то я увѣренъ что намъ измѣнили. Понять не могу кто бы это предупредилъ генерала Вашингтона о нашемъ нападеніи. Когда мы пришли къ лагерю, мы нашли пушки съ дымящимися фитилями, войска подъ ружьемъ, готовыми насъ встрѣтить, такъ что намъ пришлось уйти назадъ какъ дуракамъ не сдѣлавъ и выстрѣла.

Неизвѣстно узналъ ли когда англійскій офицеръ, кому онъ обязанъ что ихъ войско осталось на этотъ разъ въ дуракахъ, но американцы очень хорошо знаютъ кому они въ эту ночь были обязаны спасеніемъ своей арміи—мужеству и самоотверженію Лидіи Дарра.

Марта Брэттонъ.

«Въ память Марты Брэттонъ. Въ рукахъ изступленнаго изверга, видя занесенное надъ собой орудіе смерти, она отказалась выдать своего мужа; въ часъ побѣды она помнила заповѣдь милосердія и какъ ангелъ мира встала между безчеловѣчными врагами и смертью. Во все продолженіе революціи она убѣждала виговъ *) стоять до послѣднихъ силъ, надѣяться на счастливый исходъ. Честь, слава и благодарная памать героинѣ, которая умѣла быть и вѣрной женой и вѣрнымъ другомъ свободы».

Эта рѣчь была произнесена въ Брэттонсвиллѣ, въ округѣ Іорка, штата южной Каролины 12 іюля 1839 г. при

*) Вигами — называлась въ Америкѣ партія освобожденія.

празднованіи пятидесяти девяти лѣтней годовщины пораженія Гёка. Мѣсто на которомъ происходила битва, находилась въ разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ отъ дома доктора Брэттона, который наслѣдовалъ его отъ своего отца, одного изъ героевъ этой славной эпохи. Быть можетъ читательницамъ нашимъ покажется не безъ интересной подробность этого праздника, какъ характеристика американскихъ нравовъ. Докторъ принадлежалъ къ обществу трезвости и холодный ключь съ поля битвы, уталявшій жажду героевъ пятьдесятъ девять лѣтъ тому назадъ, былъ единственнымъ напиткомъ, который пили на этомъ праздникѣ.

Не даромъ докторъ Брэтонъ такъ религіозно праздновалъ годовщину этой побѣды. Это была первая побѣда надъ англичанами. На этомъ полѣ побѣдоносный врагъ встрѣтилъ первый отпоръ послѣ паденія Чарльстона. Она подняла упавшій духъ защитниковъ свободы и имѣла сильное вліяніе на судьбу зарождавшейся республики. Виги стали собираться въ отряды вокругъ знамени съ тринадцатью полосами. Южная Каролина была занята отрядомъ храбрыхъ волонтеровъ, которые держались въ ней неустрашимо, пока она не сдѣлалась независимымъ штатомъ.

1780 г. былъ мрачнымъ годомъ для патріотовъ Каролины. Чарльстонъ сдался двѣнадцатаго мая и генералъ Линкольнъ съ войскомъ былъ въ плѣну у англичанъ. Во всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстахъ штата были поставлены сильные гарнизоны, приводившіе населеніе штата въ подданство Георгу III. Возстаніе было подавлено въ нѣсколько недѣль и англійскій главнокомандующій серъ Генри Клинтонъ хвалился, что въ южной Каролинѣ положенъ конецъ американской революціи. Онъ издалъ прокламацію, угрожая смертью каждому, кто будетъ захваченъ съ оружіемъ въ рукахъ и объявляя амнистію тѣмъ, кто подчинится власти Британіи. Большинство населенія штата, считая дальнѣйшее сопротивленіе напраснымъ, покорилось; не хотѣвшіе покориться были изгнаны или посажены въ тюрьмы. Въ числѣ послѣд-

нихъ были жители Іоркскаго округа. Они были потомками ирландскихъ колонистовъ, выселившихся изъ Ирландіи при Кромвелѣ и наслѣдовали ненависть отцовъ своихъ къ англичанамъ, безсовѣстно нарушившимъ ихъ права, не смотря на Лимерикскій договоръ. Виги Іорка, Честера и другихъ пограничныхъ округовъ штата удалились въ сѣверную Каролину и составили сильные отряды подъ начальствомъ Семтера, Брэттона, Уинна, Мофитта и другихъ и начали съ торжествующимъ непріятелемъ безпощадную партизанскую войну. Это было время, когда геройство американокъ южной Каролины выказалось во всей своей силѣ. Онѣ передавали извѣстія, силой убѣжденія вербовали новыхъ солдатъ въ отряды; приносили припасы, снаряды, одежду въ отряды, рискуя свободой и жизнью. Отряды партизанъ прятались въ лѣсахъ, часто за непроходимыми болотами — въ сосѣдствѣ волковъ и другихъ дикихъ звѣрей. Отряды англичанъ и тори *) рыскали по окрестностямъ, и если англичане щадили вообще женщинъ, за то тори отличались кровожадностью и безпощадностью. Они не щадили даже женщинъ.

Полковникъ Брэттонъ съ капитаномъ Макъ Клюромъ и маіоромъ Уинномъ разбили сильный отрядъ англичанъ; и главный начальникъ англійскихъ войскъ отрядилъ капитана Гёка, съ четырьмя сотнями кавалеріи и сильнымъ отрядомъ тори, разбить и захватить въ плѣнъ неустрашимыхъ партизанъ. Вечеромъ наканунѣ ожидаемаго сраженія Гекъ прибылъ въ имѣніе Брэттона.

Онъ грубо вошелъ въ комнату мистрисъ Брэттонъ и съ угрозами требовалъ, чтобы она сказала, гдѣ теперь находится ея мужъ.

— Онъ въ лагерѣ Сёмтера, отвѣчала она неустрашимо.

Гекъ сначала пытался убѣдить мистрисъ Брэттонъ своимъ вліяніемъ заставить мужа перейти на сторону англи-

*) Партія американцевъ, стоявшихъ за подданство Англіи.

чанъ обѣщая ему крупный чинъ въ королевской службѣ Но мистрисъ Брэттонъ отвѣчала, что она, желаетъ чтобы мужъ ея исполнилъ свой долгъ гражданина, даже еслибы ему пришлось за то погибнуть съ Сѐмтеромъ.

Сынъ мистрисъ Брэттонъ, докторъ Джонъ С. Брэттонъ, который былъ въ то время ребенкомъ, отчетливо помнилъ всѣ подробности этихъ переговоровъ. Гекъ держалъ его въ это время на колѣняхъ и ласкалъ его. Услыхавъ отвѣтъ мистрисъ Брэттонъ Гекъ, въ порывѣ досады, оттолкнулъ ребенка отъ себя съ такой силой, что тотъ упалъ и расшибъ себѣ лицо. Въ эту минуту одинъ изъ солдатъ Гека схватилъ серпъ висѣвшій на стѣнѣ террасы, занесъ его надъ шеей мистрисъ Брэттонъ, угрожая зарѣзать ее, если она не скажетъ, гдѣ скрывается ея мужъ съ отрядомъ. Ни въ одномъ источникѣ откуда авторъ записокъ почерпалъ свои свѣдѣнія, не сказано, чтобы Гекъ сдѣлалъ малѣйшую попытку остановить солдата. Взбѣшенный солдатъ заносилъ руку для рѣшительнаго удара, но второй офицеръ отряда остановилъ его руку и приказалъ не трогать мистрисъ Брэттонъ. Затѣмъ Гекъ приказалъ запереть въ амбаръ трехъ захваченныхъ въ плѣнъ стариковъ и потребовалъ себѣ и отряду ужинъ. Мистрисъ Брэттонъ принуждена была повиноваться силѣ. Можно представить, какія страшныя чувства волновали ее, когда она была принуждена служить врагамъ своего отечества. Была минута, когда она готова была, по примѣру римлянокъ, намѣшать яду въ пищу которую готовила; ядъ былъ близко, искушеніе было сильно. Но черная минута прошла и она съ ужасомъ отшатнулась отъ этой мысли. Она знала, что мужъ ея съ отрядомъ близко, что онъ быть можетъ въ эту минуту шелъ по слѣдамъ непріятеля. Она не захотѣла предательствомъ отнять у него славу побѣды.

Послѣ ужина Гекъ съ отрядомъ выступилъ въ походъ и пройдя около полумили расположился на ночлегъ около дома Джемса Уильямсона. Дорога была загорожена и ча-

совые разставлены по мѣстамъ. Солдаты заснули не ожидая нападенія, усталые часовые задремали, не подозрѣвая, что ихъ ждала смерть. Полковникъ Брэттонъ, ожидавшій, что роялисты и англичане пришлютъ отрядъ чтобъ отмстить за недавнее пораженіе, шелъ изъ графства Меклебенбургъ сѣверной Каролины чтобы напасть въ расплохъ на врага. Виги прибывъ ночью, скрыли лошадей въ кустахъ болота. Брэттонъ прокрался до спящаго непріятеля и составилъ планъ нападенія. Отрядъ американцевъ, раздѣлившись на двѣ части, напалъ съ двухъ сторонъ на спящаго врага. Гекъ и офицеры его были убиты; отрядъ бросился бѣжать, американцы преслѣдовали его, около дома Брэттоновъ завязалась отчаянная схватка. Пули свистѣли около дома, пробивали окна. Мистрисъ Брэттонъ спрятала маленькаго сына въ каминъ, пуля ударилась о каминъ и сплющенная упала на рѣшетку къ ногамъ мальчика, который сохранилъ ее какъ трофей. Схватка продолжалась не болѣе часа, но была кровопролитна и вода въ ручьѣ сдѣлалась красной.

Когда выстрѣлы стихли на разсвѣтѣ, Марта Брэттонъ вышла изъ дома съ ужасной мыслью, что ея дорогіе, быть можетъ въ числѣ недвижно лежавшихъ труповъ. Но судьба сохранила ихъ для новыхъ подвиговъ, Марта перенесла всѣхъ раненыхъ къ себѣ въ домъ и ходила за ними не дѣлая различія между врагами и друзьями. По смерти Гека старшій послѣ него офицеръ принялъ начальство надъ отрядомъ, онъ былъ въ числѣ плѣнныхъ сдавшихся съ оружіемъ въ рукахъ. Виги въ отмщеніе за безчеловѣчіе торіевъ, хотѣли убить его. Онъ просилъ какъ послѣдней милости, чтобы его свели къ мистрисъ Брэттонъ. Она тотчасъ узнала офицера, который спасъ ей жизнь наканунѣ. Благодарность и состраданіе заставляли ее спасти несчастнаго. Она умолила виговъ пощадить его жизнь. Виги сами были настолько обязаны ея помощи что не могли отказать ей. Офицеръ остался жить у своей спасительницы какъ плѣнникъ, на слово, до размѣна военно-плѣнныхъ.

Мистрисъ Брэттонъ памятна въ исторіи южной Каролины еще однимъ поступкомъ, выказавшимъ присутствіе духа и неустрашимость рѣдкую въ женщинѣ. Передъ сдачей Чарльстона, когда дальнѣйшее сопротивленіе оказалось невозможнымъ по недостатку военныхъ снарядовъ, губернаторъ Рётледжъ послалъ значительные запасы пороха во всѣ партизанскіе полки чтобы они тревожили наступавшую армію. Большая часть этихъ запасовъ была спрятана въ лѣсахъ, въ дуплахъ деревъ, въ пещерахъ; остальная попала въ руки непріятеля и была уничтожена. Полковникъ Брэттонъ поручилъ свой запасъ женѣ на время своихъ разъѣздовъ. Сосѣдніе тори узнали объ этомъ и увѣдомили англійскаго офицера, командовавшаго ближайшимъ постомъ, который послалъ отрядъ захватить порохъ. Марта Брэттонъ узнала о приближеніи непріятеля. Видя, что нѣтъ ни малѣйшей возможности спасти порохъ она, рѣшила, что и непріятель не воспользуется имъ. Она посыпала дорожку пороха отъ ямы гдѣ онъ былъ спрятанъ до сада и когда непріятель подъѣхалъ къ дому зажгла и взорвала весь запасъ. Страшный взрывъ далъ знать непріятелю что у него похитили ожидаемую добычу. Офицеръ командовавшій отрядомъ, въ бѣшенствѣ, съ страшными угрозами требовалъ выдачи виновнаго для немедленной казни. Неустрашимая женщина назвола себя.—Я сдѣлала это—сказала она,—и что бы ни ждало меня, я горжусь тѣмъ, что отвратила хоть часть тѣхъ бѣдствій, которыя злобные враги готовили моему отечеству.

Во все продолженіе войны мистрисъ Брэттонъ выказывала тоже мужество. Безъ ропота переносила всѣ опасности и лишенія и облегчала сколько могла ужасы междоусобной войны.

Дайсей Лэнгстонъ.

Пограничная часть южной Каролины, заключающая въ себѣ Спартанбургъ и Уніонскіе округи и орошенная Пе-

кинетомъ, Тайгеромъ и Эннори была во времи войны за независимость сценой кровавой рѣзни, насилій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и геройства партизанъ. Ни одна часть южной Каролины, не можетъ похвалиться столькими геройскими подвигами женщинъ, какъ эта: здѣсь каждый округъ, каждое селеніе, имѣлъ свою героиню, оказавшую дѣятельныя услуги революціи. Женщины служили курьерами, лазутчиками, проводниками. Часто молодыя дѣвушки вели отрядъ, который долженъ былъ соединиться съ главной арміей, черезъ дремучіе лѣса, въ ночь до того темную что онѣ повязывали себѣ голову бѣлымъ платкомъ, чтобы солдаты могли различать ихъ въ темнотѣ, и потомъ однѣ возвращались домой, не дожидаясь разсвѣта, для того, чтобы возвращеніе ихъ не могло быть замѣчено сосѣдями тори. Тори южной Каролины отличались кровожадной жестокостью. Въ своей яростной ненависти къ вигамъ они поклялись стереть ихъ съ лица земли; но самая ненависть ихъ служила часто къ спасенію виговъ. Ослѣпленные ею, они часто при женщинахъ злобной радостью своею выдавали тайну приготовлявшейся экспедиціи, считали жертвы дѣлили добычу — и эта радость потомъ превращалась въ злобное недоумѣніе о томъ кто бы могъ помѣшать ихъ планамъ, или въ проклятіе собственной неосторожности. Въ преданіяхъ южной Каролины сохранили память, о многихъ женскихъ подвигахъ этого рода.

Партизанскій отрядъ патріотовъ, стоявшій лагеремъ въ лѣсахъ около рѣкъ Тайгера и Эннори имѣлъ своимъ постояннымъ лазутчикомъ молоденькую пятнадцатилѣтнюю дѣвушку — Дайсей Лэнгстонъ, дочь Соломона Лэнгстона изъ округа Лауренса. Соломонъ принадлежалъ къ партіи виговъ, но старостъ и болѣзни не позволили ему принять дѣятельное участіе въ войнѣ. Сынъ его былъ ревностный патріотъ и набравъ отрядъ волонтеровъ ушелъ въ лѣса, откуда тревожилъ безпрестанпыми нападеніями тори и англичанъ. Онъ являлся всюду, гдѣ только появлялись враги. Этимъ онъ былъ обязанъ сестрѣ, которая постоянно

была въ разъѣздахъ и сообщала ему свѣдѣнія о движеніи непріятеля. Дайсей могла очень долгое время исполнять свою должность лазутчика безнаказанно. Плантація отца ея была окружена плантаціями тори, большая часть сосѣдей были ихъ родственниками. Они не думали подозрѣвать молоденькую дѣвушка, почти ребенка и свободно говорили при ней о своихъ планахъ. Сверхъ того опасность развила въ Дайсей необыкновенную смѣтливость и она угадывала то, что не говорилась, слѣдила за всѣми движеніями враговъ и, собравъ нужныя свѣдѣнія, спѣшила къ брату на ту сторону Эннори. Наконецъ, тори стали подозрѣвать ее и потребовали чтобы отецъ зопретилъ ей передавать извѣстія вигамъ, угрожая въ противномъ случаѣ раззорить его имѣніе. Старикъ Лэнгстонъ не принадлежалъ къ слишкомъ ревностнымъ патріотамъ, сдѣлалъ строгій выговоръ дочери и запретилъ ей продолжать свое шпіонство. Она уступила на время, но узнавъ что отрядъ тори, который далъ себѣ прозваніе Bloody Scout'a т.-е. кроваваго лазутчика, намѣревался напасть на Эльдерскую ферму, гдѣ братъ ея стоялъ лагеремъ съ отрядомъ, она рѣшилась увѣдомить его объ угрожавшей опасности. Ей некому было довѣриться и она принуждена была тайкомъ отправиться ночью одна. Эльдерская ферма была далеко, дорога къ ней вела черезъ густой лѣсъ, болота прорѣзанныя топкими тропинками и ручьями, съ которыхъ были сняты мосты. Дайсей быстро шла, не обращая вниманія на мелкія опасности пути, но рѣшимость ея поколебалась когда она очутилась на берегу Тайгера, глубокой и быстрой рѣки, черезъ которую не было другой переправы, кромѣ брода въ одномъ мѣстѣ. Дайсей знала что бродъ довольно глубокъ и въ обыкновенное время, но теперь Тайгеръ, раздутый дождями, грозно шумя разлился широко — и пускаться въ бродъ было опасно. Послѣ минутнаго колебанія чувство долга гражданки одержало верхъ надъ естественнымъ чувствомъ самосохраненія и страхомъ навѣяннымъ темнотой на молодое воображеніе. Она пода-

вила страхъ и твердыми шагами пошла въ бродъ. Но когда она дошла до половины, у ней закружилась голова, ревъ воды, поднимавшейся до шеи, оглушалъ ее; холодъ охватывалъ ее и кровь прилила въ голову. Она была одна посреди бушевавшаго потока, кругомъ не видно было ни зги, одинъ невѣрный шагъ въ сторону, одинъ мигъ и вода поглотила бы ее. Она безсознательно сдѣлала нѣсколько шаговъ вдоль русла рѣки; къ счастію сознаніе вернулось къ ней и она перешла на другой берегъ. Она добѣжала до фермы брата, передала ему извѣстіе о готовившемся нападеніи и совѣтовала разослать немедля гонцовъ по всѣмъ сосѣднимъ отрядамъ. Но солдаты только что вернулись изъ дальней экспедиціи, они были выбившись изъ силъ и отказались снова итти не поѣвши. Дайсей не смотря на то что сама еле держалась на ногахъ отъ усталости и дрожала въ своемъ мокромъ платьѣ тотчасъ принялась готовить обѣдъ. Мигомъ была разобрана часть крыши, разведенъ огонь и вскорѣ испечены лепешки, которыя она наложила въ ранцы солдатъ. Отрядъ немедля пустился въ путь чтобы предупредить сосѣдніе отряды, и когда на другой день кровавые лазутчики пришли на Эльдерскую ферму, они не нашли ни одной жертвы для своей мести.

Въ дальнѣйшій періодъ войны за независимость военные подвиги сыновей навлекли на стараго Лэнгстона месть роялистовъ. Хотя старикъ не принималъ никакого участія въ войнѣ, но они знали что сыновья наслѣдовали отъ него идеи свободы. Отрядъ торіевъ пришелъ на плантацію съ цѣлью умертвить всѣхъ мущинъ. Сыновья были въ отлучкѣ и они захватили слабаго старика. Онъ не могъ ни бѣжать ни защищаться, и сдался не прося пощады. Одинъ изъ торіевъ приставилъ пистолетъ къ груди старика. Раздался вопль отчаянія и Дайсей кинулась между отцемъ и оружіемъ смерти. Солдатъ яростно закричалъ чтобъ она отошла, или весь зарядъ будетъ всаженъ въ нее. Но не обращая вниманія на угрозу она крѣпко обхватила руками шею старика,

заслоняя его собою отъ выстрѣла. Человѣчное чувство пробудилось въ солдатѣ, онъ опустилъ пистолетъ и отецъ былъ обязанъ спасеніемъ жизни героизму и самоотверженію дочери.

Дайсей вскорѣ до того свыклась съ опасностями добровольно взятой на себя должности, что выказывала не разъ неустрашимость стараго ветерана. Въ одинъ день, когда она возвращалась изъ лагеря виговъ стоявшаго въ Спартанбургскомъ округѣ, на встрѣчу ей попался отрядъ торіевъ, которые требовали чтобы она передала имъ гдѣ находятся виги и куда направляется. Она отказалась. Тогда капитанъ отряда приставилъ пистолетъ къ ея груди, угрожая въ случаѣ отказа, что она «умретъ за свои штуки». Дайсей отвѣчала съ хладнокровіемъ обстрѣленнаго солдата: «Стрѣляйте если смѣете, я не скажу ни слова, и сорвавъ длинный платокъ закрывавшій ей шею и грудь, указывала цѣль выстрѣлу». Доведенный до ярости этимъ вызовомъ офицеръ спускалъ уже курокъ, но товарищъ ударилъ его по рукѣ и пуля пролетѣла мимо молодой героини.

Въ другой разъ когда извѣстный своими разбоями капитанъ Грей съ отрядомъ стрѣлковъ пришелъ на плантацію ея отца и забралъ все что можно было захватить, солдаты не знали что дѣлать съ огромнымъ оловяннымъ тазомъ. «Берите и его, сказалъ насмѣшливо капитанъ: онъ пригодится чтобы вылить изъ него пули для проклятыхъ измѣнниковъ». Оловянныя пули не убьютъ виговъ, отвѣчала Дайсей. «Это почему?» спросилъ капитанъ. «Говорятъ что колдунью можно убить только серебряной пулей, отвѣчала она: а виги находятся подъ лучшей защитой, подъ защитой провидѣнія.

Былъ еще случай когда она спасла домъ отъ новаго грабежа. Шайка мародеровъ стала ломиться въ двери, угрожая разнести ихъ если немедля не отворятъ. Дайсей грозно крикнула имъ чтобы они убирались, смѣлость ея заставила мародеровъ опасаться что въ домѣ есть вооруженные му-

щины, и они послѣ нѣсколькихъ переговоровъ ушли не сдѣлавъ никакого вреда.

О неустрашимости и присутствіи духа Дайсей сохранилось множество анекдотовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Братъ ея Джемсъ оставилъ ей на сохраненіе ружье, за которымъ онъ долженъ былъ прислать солдата. Черезъ нѣсколько времени онъ поручилъ отряду виговъ проходившему мимо плантаціи захватить ружье. Дайсей принесла его, но въ ту минуту когда хотѣла отдать его вспомнила что забыла спросить пароль условленный между ею и братомъ. Солдаты почему то показались ей подозрительны, это могли быть тори. Она потребовала пароль. Одинъ изъ солдатъ захотѣлъ пошутить надъ нею и сказалъ что теперь поздно требовать пароля потому что и ружье и она въ ихъ рукахъ. «Вы такъ думаете!» вскричала Дайсей взводя курокъ и оборачивая дуло къ говорившему, «такъ берите его съ зарядомъ». Солдатъ увидѣлъ что она не шутитъ, немедля сказалъ пароль, и отрядъ ушелъ съ громкимъ смѣхомъ провозгласивъ ее достойной сестрой Джемса Лэнгстона.

Дайсей Лэнгстонъ была не единственнымъ примѣромъ въ исторіи американской революціи женщины исполнявшей должность лазутчика и курьера, каждый округъ, деревня имѣли свою Дайсей Лэнгстонъ. Въ томъ же Спартанбургѣ южной Каролинѣ сохранилось преданіе о другой женщинѣ, мистрисъ Диллярдъ, которое подтверждается историческими документами того времени. Полковникъ Кляркъ съ отрядомъ волонтеровъ Георгіи получилъ извѣстіе, что полковникъ торіевъ Фергюзонъ съ отрядомъ въ четверо сильнѣйшимъ готовится напасть на него; Кляркъ остановился лагеремъ близь Гринъ-Спринга. По утру американцы останавливались на роздыхъ на плантаціи капитана Диллярда, который былъ тоже въ числѣ партизановъ. Вечеромъ Фергюзонъ и Дёнлэпъ со своими отрядами пришли на плантацію и стали допрашивать мистрисъ Денлэпъ, былъ ли

здѣсь Клэркъ, когда и въ какую сторону онъ ушелъ и какъ великъ его отрядъ. Она отвѣчала что Клэркъ былъ поутру но что она не знала числа его солдатъ, и что они ушли давно, но куда не знаетъ. Фергюзонъ приказалъ ей готовить ужинъ какъ можно скорѣе, захватилъ висѣвшіе на кухнѣ окорока для раздачи людямъ, и расположился въ комнатахъ со своими офицерами, а солдатъ отправилъ въ сараи и конюшни. Мистрисъ Диллярдъ приготовляя ужинъ и ходя взадъ и впередъ изъ кухни въ комнату услышала большую часть разговора. Кухни на югѣ вообще строятся отдѣльно отъ дома, и она могла входить въ него не возбуждая подозрѣній; къ тому же окна и двери въ южныхъ плантаціяхъ такой легкой постройки, что она могла какъ нельзя лучше слышать все что говорилось; да и офицеры не опасаясь одинокой женщины, говорили громко.

Она узнала что тори хотѣли напасть на отрядъ Клэрка и выступить тотчасъ послѣ ужина. Одинъ изъ офицеровъ сказалъ, что онъ получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что Клэркъ въ эту ночь стоитъ лагеремъ у Гринъ-Спринга. Планъ нападенія былъ составленъ. Мистрисъ Диллярдъ рѣшилась предупредить Клэрка. Изготовивъ поспѣшно ужинъ, она поставила его на столъ и пока голодный непріятель съ жадностью кинулся на кушанье, она незамѣтно ускользнула въ заднюю дверь. Намѣреніе ея было дать Клэрку совѣтъ отступать потому что непріятель былъ вчетверо сильнѣе; она прошла въ конюшню, взнуздала молодую лошадь, осѣдлать было невозможно, сѣдло лежало въ сараѣ, въ которомъ спали солдаты,—и поскакала несмотря на наступавшую темноту. Она во весь карьеръ примчалась въ лагерь Клэрка за полчаса до разсвѣта. Часовой свелъ ее къ начальнику—задыхаясь отъ волненія и быстрой ѣзды она могла только проговорить эти слова: «Будьте готовы бѣжать или драться, непріятель идетъ за мной и онъ силенъ». Весь лагерь поднялся на ноги и приготовился къ встрѣчѣ непріятеля. Предостереженіе пришло во время. Вскорѣ показался Дён-

лэпъ съ эскадрономъ легкой кавалеріи вооруженной пиками; онъ былъ отряженъ Фергюзономъ для того, чтобы задержать Клярка, до его прибытія. Кавалерія понеслась въ аттаку во весь карьеръ, но встрѣтила сомкнутые ряды непріятеля. Завязалась отчаянная схватка, тори топтали другъ другъ, не различая въ темнотѣ ни враговъ ни друзей. Битва продолжалась не болѣе двадцати минутъ и разбитые тори обратились въ бѣгство. Виги преслѣдовали ихъ и когда Фергюзонъ съ отрядомъ пѣхоты пришелъ къ Гринъ-Спрингъ онъ увидѣлъ что «опоздалъ для потѣхи». Клляркъ былъ уже далеко на дорогѣ въ Сѣверную Каролину.

Вотъ еще примѣръ патріотизма молодой американки, который мистрисъ Эллетъ передаетъ со словъ газетъ того времени.

Генералъ Гринъ во время своего отступленія изъ форта Найнти-Сиксъ передъ лордомъ Раудономъ, перейдя Бродъ-Риверъ искалъ надежнаго курьера чтобы послать приказъ генералу Семтеру, стоявшему на Уатери, соединиться съ нимъ чтобы напасть на лорда Раудона раздѣлившаго свои силы. Мѣстность была полна шайками кровожадныхъ тори, надежнаго человѣка было трудно найти, потому что всѣ мущины способные носить оружіе и державшіе сторону свободы, ушли въ лагерь, остались старые, больные, или такіе на которыхъ нельзя было положиться. Грину нуженъ былъ человѣкъ хорошо знавшій мѣстность и онъ долго не могъ найти охотника. Наконецъ молодая дѣвушка Емилія Гейгеръ явилась въ лагерь съ предложеніемъ исполнить порученіе. Удивленный и обрадованный генералъ согласился. Онъ написалъ письмо къ Семтеру и въ тоже время передалъ ей содержаніе его словесно, на случай уничтоженія письма. Емилія отправилась верхомъ на дамскомъ сѣдлѣ и на второй день путешествія попала въ руки лазутчиковъ лорда Раудона. Запыленная одежда и покрытая грязью взмыленная лошадь молодой дѣвушки, ѣхавшей отъ направ-

ленія лагеря Грина, показались подозрительными офицеру. Къ тому же по наивности молодости и пуританской щепетильности совѣсти Емилія не умѣла солгать не краснѣя. Ее заперли на сосѣдней фермѣ. Къ счастью арестовавшій ее офицеръ не позволилъ себѣ самому обыскать ее, но пошелъ звать старую служанку фермы. Емилія была находчива, и чуть дверь затворилась за офицеромъ, она разорвала письмо на клочья и проглотила ихъ. Пришедшая служанка несмотря на самый тщательный обыскъ не могла найти ничего; а на всѣ распросы Емилія отвѣчала упорнымъ молчаніемъ. Офицеръ не найдя въ ней ничего подозрительнаго рѣшился отпустить ее. Она отправилась въ объѣздъ дальной дорогой и безъ дальнѣйшихъ приключеній прибыла въ лагерь Семтера. Она разсказала свое приключеніе и передала приказъ Грина, вслѣдствіе котораго Семтеръ соединился съ нимъ при Орэнджбургѣ. Подобныхъ случаевъ случаевъ было множество и исполненіе генераломъ Семтеромъ приказанія переданнаго ему молодой дѣвушкой, не могшей представить никакихъ письменныхъ доказательствъ, свидѣтельствуетъ о томъ какимъ привычнымъ явленіемъ были въ то время женщины курьеры.

Елизабета Зэнъ.

Имя Елизабеты Зэнъ неразрывно соединено съ однимъ изъ самыхъ достопамятныхъ происшествій пограничной войны. Наиболѣе достовѣрный отчетъ о геройствѣ этой молодой дѣвушки даетъ намъ очеркъ мистера Кирнона напечатанный въ «Американскомъ Піонерѣ», цинциннатскомъ журналѣ, спеціально занимавшемся исторіей первыхъ колоній.

Фортъ Финкэстль, впослѣдствіи названный фортъ Генри, въ честь Патрика Генри, одного изъ главныхъ героевъ войны за независимость, былъ занятъ небольшимъ отрядомъ партизанъ подъ начальствомъ Эбенезера Зэна и Джона

Калдуела. Фортъ стоялъ на лѣвомъ берегу Огіо, немного повыше устья Фшингъ Крика и въ небольшомъ разстояніи отъ подошвы круто поднимавшагося холма. Пространство земли отъ форта до рѣки было разчищено, отгорожено палисадами и засѣяно хлѣбомъ. Лѣсъ находившійся между фортомъ и подошвой холма былъ срубленъ и изъ него были сложены двадцать или тридцать бревенчатыхъ хижинъ называемыхъ логъ-гаузами. Эта бѣдная деревушка была зародышемъ одного изъ богатѣйшихъ городовъ, которыми гордится Виргинія въ настоящее время. Фортъ занималъ три четверти акра; по угламъ его возвышались крѣпкіе блокгаузы, соединенныя рядомъ крѣпкихъ палисадъ изъ толстыхъ брэвенъ футовъ восемь вышиною. Вдоль преграды были сдѣланы небольшія комнатки для семей гарнизона; большія ворота, отворявшіяся со стороны деревни, служили единственнымъ входомъ въ крѣпость.

Май и іюнь 1777 года были памятны безпрестанными нападеніями индѣйцевъ на колоніи. Опасность была такъ велика что колонисты бросили свои полевыя работы, собрались въ отряды, которые были постоянно на ногахъ. Весь округъ былъ въ тревогѣ и военное положеніе смѣнило гражданскій порядокъ. Въ сентябрѣ большой отрядъ индѣйцевъ собрался у рѣки Сэндески, подъ предводительствомъ извѣстнаго ренегата-тори Симеона Гирти. Этотъ отрядъ соединившись съ тори увеличился до четырехсотъ человѣкъ и расположился передъ фортомъ Генри, прежде нежели лазутчики командовавшаго фортомъ капитана Шэпперда успѣли дать знать о его приближеніи.

Гарнизонъ форта узналъ о близости непріятеля увидѣвъ пламя блокгауза находившагося въ двѣнадцати миляхъ и зажженнаго индѣйцами. Сосѣдніе колонисты съ семействами сбѣгались искать защиты въ фортѣ. Человѣкъ посланный изъ форта на разсвѣтѣ чтобы загнать лошадей былъ убитъ; четырнадцать охотниковъ вызвались выбить индѣйцевъ изъ поля, гдѣ они залегли; они были неожиданно окружены

цѣлымъ отрядомъ Гирти, и только двое изъ нихъ уцѣлѣлъ отъ безпощадной рѣзни. Товарищи, выбѣжавшіе изъ форта на выручку ихъ, были тоже перебиты. Двѣ трети гарнизона были уничтожены, изъ сорока двухъ человѣкъ осталось двѣнадцать, считая мальчиковъ подростковъ. Индѣйцы съ дикими криками подступили къ крѣпости, Гирти, разставивъ свой отрядъ, подошелъ къ воротамъ съ бѣлымъ флагомъ требуя сдачи форта его великобританскому величеству; но полковникъ Шэнпердъ отвѣчалъ что фортъ будетъ въ ихъ рукахъ, когда въ стѣнахъ его не останется ни одного американца, чтобы защищать его. У маленькаго отряда была святыня, которую они должны были защищать до послѣдней капли крови, матери, сестри, жены и дѣти и ихъ собственныя и убитыхъ товарищей; страшная участь ожидала ихъ, еслибы они попали въ руки индѣйцевъ.

Началась осада. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ на непрерывный огонь индѣйцевъ, дожидавшихъ съ нетерпѣніемъ минуты рѣзни отвѣчали мѣрными мѣткими залпами гарнизона, составленнаго изъ отличныхъ стрѣлковъ. Ни одинъ выстрѣлъ не пропадалъ даромъ. Осажденные должны были беречь порохъ. Наконецъ у нихъ не достало пороха. Къ счастію въ это время утомленіе заставило осаждающихъ предложить на время прекращеніе военныхъ дѣйствій. Это прекращеніе давало осажденнымъ возможность добыть боченокъ пороха, который былъ спрятанъ въ деревнѣ въ домѣ Эбенезера Зэна. Начальникъ форта собралъ людей и разсказалъ имъ въ чемъ было дѣло и не желая брать на себя обрекать кого либо изъ нихъ на вѣрную смерть, вызвалъ охотника сходить за порохомъ. Разстояніе отъ крѣпости до дома было болѣе шестидесяти ярдовъ; нужно было идти подъ выстрѣлами индѣйцевъ. Не смотря на то вызвались трое или четверо охотниковъ. Начальникъ сказалъ чтобы они скорѣе рѣшали между собой, кому идти, потому что онъ не могъ жертвовать болѣе однимъ человѣкомъ. Они бы долго спорили, теряя дорогое время

перемирія, еслибы вмѣшательство молодой дѣвушки не положило конецъ спору.

Елизабета, сестра Эбенезера подошла къ начальнику форта и просила позволенія сходить за порохомъ. Ей сначала отказали, она настаивала, не смотря на убѣжденія начальника форта и родныхъ. Ей доказывали что каждый изъ этихъ молодыхъ людей свыкшихся съ опасностью, съумѣетъ лучше исполнить порученіе чѣмъ слабая молодая дѣвушка. Она отвѣчала, что не боится опасности и готова на все, что если ее убьютъ то смерть ея ничего не значитъ для гарнизона, но что жизнь каждаго защитника дорога въ настоящую минуту. Доводы ея побѣдили; она получила позволеніе. Она сняла часть одежды, которая помѣшала бы ей бѣжать и вышла изъ воротъ.

Отворившіяся ворота привлекли вниманіе нѣсколькихъ индѣйцевъ, бродившихъ по деревнѣ и изъ форта можно было видѣть какъ они слѣдили глазами за каждымъ шагомъ молодой дѣвушки. Она шла по открытому пространсту такъ скоро какъ могла. Индѣйцы пропустили ее не сдѣлавъ ей ни малѣйшаго вреда, или они пожалѣли тратить перохъ для женщины, или на нихъ нашелъ неожиданно стихъ состраданія; но она благополучно добралась до цѣли. Черезъ нѣсколько минутъ она снова показалась неся крѣпко обхваченный обѣими руками боченокъ и пошла скорыми шагами къ крѣпости. По свидѣтельству нѣкоторыхъ газетъ она высыпала порохъ въ скатерть и обвязала ее вокругъ тѣла. Индѣйцы наконецъ догадались зачѣмъ ее посылали и прицѣлившись осыпали ее градомъ пуль; къ счастью всѣ онѣ свистя пролетѣли мимо и неустрашимая дѣвушка вернулась въ крѣпость со своимъ трофеемъ.

Разсказъ объ этой осадѣ можно найти въ матеріалахъ исторіи штата Виргиніи и въ описаніи замѣчательныхъ битвъ революціи. Не одна Елизабета ознаменовала своимъ геройствомъ эту осаду. Другія женщины подъ начальствомъ жены Эбенезера Зэна лили пули, изготовляли пыжи, носили

воду, заряжали ружья и несли службы по крѣпости какія имъ позволяли силы. И благодаря геройской защитѣ всѣхъ осажденныхъ, крѣпость продержалась до прихода американскихъ войскъ.

Елизабетѣ въ то время было не болѣе пятнадцати лѣтъ, она только что вышла изъ школы въ Филадельфіи, и не успѣла еще освоиться съ ужасами войны. Но то было время крестившее огнемъ, и дѣвушки — почти дѣти были героинями.

Сара Макъ-Калла.

Очень немногимъ женщинамъ приходилось видѣть столько разнообразныхъ событій, бывать въ такихъ частыхъ отношеніяхъ съ непріятелемъ и умѣть такъ поддержать достоинство свободной дочери Америки какъ Сарѣ Макъ-Каллѣ. Она родилась въ Честерскомъ графствѣ въ мѣстечкѣ Пико въ сорока пяти миляхъ отъ Филадельфіи. Въ 1775 г. она вышла замужъ за Томаса Макъ-Калла. Когда англичане завладѣли Нью-Іоркомъ мужъ ея былъ выбранъ капитаномъ милиціи. Онъ участвовалъ въ сраженіи при Брэндкуайнѣ, и жена его жившая на разстояніи трехъ миль отъ мѣста битвы слышала громъ пальбы. Она также слышала канонаду Медъ-Эйлнда и взрывъ англійскаго корабля Аугуста. Близость опасности не заставила Сару бѣжать въ мѣстность отдаленную отъ театра войны. Ея присутствіе было необходимо. Она обратила свой домъ въ больницу, переносила раненыхъ, ходила за ними. Но она не ограничилась этимъ дѣломъ сестры милосердія. Она поддерживала колебавшееся мужество защитниковъ свободы, она приводила подъ знамени Америки новыхъ защитниковъ. Сара Макъ-Калла принадлежала къ числу женщинъ Америки дѣятельно занимавшихся революціонной пропагандой. Въ концѣ 1778 г. нищета принудила ихъ переѣхать въ Южную Каролину къ брату Давиду Макъ-Калла. Они жили въ бревенчатой

хижинѣ, пахали землю чтобы имѣть кусокъ хлѣба. Въ 1870 г. война проникла въ самые дальніе углы Каролины и между англичанами и торіями съ одной стороны и вигами съ другой началась кровопролитная партизанская война. Томасъ Макъ-Калла не могъ оставаться празднымъ зрителемъ и поступилъ волонтеромъ въ армію Семтера. Въ несчастную ночь 17-го августа онъ не раздѣлилъ гибели американцевъ, разбитыхъ англичанами, потому что взялъ отпускъ дня на два для устройства домашнихъ дѣлъ; но соединившись съ капитаномъ Стилемъ для того, чтобы примкнуть къ разсѣянному отряду Семтера, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Кемденъ. Его посадили въ тюрьму и каждый день грозили висѣлицей. Хотя эта смерть грозила только тѣмъ американцамъ, которые поступивъ въ подданство Англіи были захвачены съ оружіемъ въ рукахъ, но въ тѣ смутныя времена некогда было наряжать слѣдствіе, повѣрять списки и случалось не разъ что англичане висѣлицей избавляли себя отъ расходовъ и труда содержать и стеречь плѣннаго.

Пока онъ томился въ ужасной тюрьмѣ, ежедневно ожидая смерти, жена его томилась неизвѣстностью объ участи мужа. Болѣе мѣсяца она не могла ничего узнать о немъ. Извѣстія о гибели Семтера, о бѣгствѣ Стиля дошли до нея; она отправилась на мѣсто несчастія но не могла ничего узнать. Къ довершенію бѣдствія всѣ дѣти ея заболѣли оспой, свирѣпствовавшей въ окрестностяхъ, и она одна, терзаемая тревогой о мужѣ, должна была выносить новыя тревоги за жизнь дѣтей. Едва дѣти оправились она рѣшилась отправиться въ Кэмденъ, куда она знала отправляли плѣнныхъ, отыскивать мужа.

Принять какое-нибудь рѣшеніе значило для Сары исполнить его, и она на разсвѣтѣ слѣдующаго дня отправилась верхомъ по старой Чарльстонской дорогѣ, по восточному берегу рѣки Катаубы. Она до восхода солнца проѣхала горную разсѣлину близъ Уотери-крика и въ два часа ми-

новавъ часовыхъ, прибыла въ Кэмденъ. Разузнавъ гдѣ жилъ англійскій военачальникъ лордъ Раудонъ, она пошла къ нему въ сопровожденіи маіора Дойля. Его лордство занимало большой домъ древней архитектуры на правой сторонѣ главной улицы. Эта часть города теперь (т.-е. въ то время когда авторъ писалъ свои записки) пустынна и старинное зданіе стоитъ одиноко, на разстояніи сотенъ четырехъ ярдовъ отъ ближней постройки; можно подумать что воспоминанія связанныя съ нимъ, заставляютъ обѣгать его. Тогда въ стѣнахъ его кипѣла шумная жизнь, гремѣло оружіе, музыка; раздавались угрозы, клики торжества и буйныхъ пировъ, смѣнившихся проклятіями. Тогда въ его пышно убранныхъ стѣнахъ жилъ гордый и роскошный сатрапъ, разыгривавшій роль монарха, въ то время какъ тысячи честныхъ воиновъ, судьба которыхъ зависѣла отъ его произвола медленно угасали въ смрадныхъ тюрьмахъ или платились за свой патріотизмъ висѣлицей.

Англійскій маіоръ ввелъ Сару Макъ-Кала въ кабинетъ Раудона. Первое впечатлѣніе произведенное имъ на Сару было пріятно. Онъ былъ красивый молодой человѣкъ, съ очень пріятнымъ выраженіемъ лица. Сара ободрившись, начала говорить съ безъискуственнымъ краснорѣчіемъ на страдавшагося сердца описала ужасное положеніе семейства, и заключила просьбой согласиться на обмѣнъ плѣнныхъ англичанъ на виговъ и въ томъ числѣ ея мужа, который, какъ она узнала отъ маіора Дойля, находится въ Кёмденѣ.

Лордъ Раудонъ выслушалъ ее до конца, отвѣтъ его былъ характеристиченъ.—Мнѣ легче повѣсить этихъ проклятыхъ бунтовщиковъ чѣмъ съѣсть мой завтракъ. Слезы катившіяся по щекамъ Сары высохли при этомъ нагломъ оскорбленіи. И съ гордостью свободной дочери Америки она со взглядомъ глубочайшаго презрѣнія отвѣтила ему: «Вы повѣсите?» Но въ рукахъ Раудона была жизнь дорогаго ей человѣка, и она совладавъ съ онѣмѣвшимъ въ душѣ не-

годованіемъ — спокойно повторила: «Я пришла просить у вашего лордства позволенія видѣть моего мужа».

Раудонъ замѣтилъ ея взглядъ полный презрѣнія и отвѣчалъ ей:—Вы должны помнить сударыня, передъ кѣмъ вы теперь стоите. Вашъ мужъ—проклятый бунтовщикъ.

Сара вспыхнула и хотѣла отвѣчать. Американцы не выносили названіе бунтовщиковъ, которое означаетъ раба въ минутномъ порывѣ потрясающаго свои цѣпи, для того чтобы снова смиренно протянуть къ нимъ руки, и всегда съ негодованіемъ отвѣчали на него. Маіоръ Дойль взглядомъ остановилъ ее, и потомъ попросилъ лорда Раудона поговорить съ нимъ наединѣ. Они вышли изъ комнаты и вернулись черезъ минуту. Раудонъ холодно и отрывисто, отнимая всякую надежду на смягченіе рѣшенія, сказалъ: «Я далъ маіору Дойлю позволеніе проводить васъ въ тюрьму. Вы можете видѣть вашего мужа не болѣе десяти минутъ. Маіоръ ваше дѣло смотрѣть за исполненіемъ приказанія». Затѣмъ вѣжливымъ поклономъ онъ далъ знать что они могутъ уйдти.

Вотъ чѣмъ кончилось свиданіе, отъ котораго она ждала такъ много. Десять минутъ на то чтобъ видѣть мужа, передать ему все что случилось во время разлуки, распросить его обо всемъ что онъ вынесъ, обо всемъ что ему нужно. Видъ тюрьмы, въ которой былъ запертъ ея мужъ, поколебалъ мужество Сары. Загородка, въ родѣ тѣхъ, которыя строятся для скота, была жилищемъ плѣннымъ, они сидѣли на голой землѣ; многіе изъ нихъ больные отъ ранъ, отъ истощенія лежали на землѣ, подъ палящими лучами сентябрскаго солнца. Крыша считалась роскошью для плѣнныхъ. Солдаты стерегли выходъ. «Возможноли? вскричала Сара, обращаясь къ Дойлю:—Вы запираете людей какъ свору собакъ. Ее ввели къ мужу. Некогда было терять времени на сожалѣнія и выраженія нѣжности; она распросила мужа о томъ что ему нужно, обѣщала доставить все вскорѣ, передала извѣстія о семьѣ и десять минутъ прошли.

о движеніяхъ Семтера и Моргона. Но Сара отозвалась что ничего незнаетъ, и Корнвалисъ, видя что ничего не могъ добиться, отъ нея отослалъ ее опять къ Раудону. Она прибыла въ Кэмденъ черезъ два дня послѣ кровопролитнаго сраженія при Каупенсѣ, въ которомъ американцы разбили англичанъ; она еще незнала ничего объ этой побѣдѣ своихъ, но замѣтила что вѣрно произошло что нибудь особенное потому что число часовыхъ въ цѣпи при перевозѣ было удвоено. При входѣ въ деревню она встрѣтила маіора Дойля, который спросилъ ее слышала ли она о послѣднемъ грустномъ событіи въ Коупенсѣ и замѣтилъ что теперь она выбрала очень неудобное время для своей просьбы.

— Я боюсь, прибавилъ онъ:—что его лордство дурно обойдется съ вами.

— Я не надѣюсь что онъ отпуститъ Томаса, отвѣчала она:—но я должна все сдѣлать для освобожденія мужа Прошу васъ проводить меня въ квартиру лорда Раудона.

Пріемъ сдѣланный ей отвѣчалъ ея опасеніямъ.

Увидѣвъ ее Раудонъ закричалъ сердито: — Вы опять здѣсь сударыня. Вы пришли за мужемъ. Я знаю! Да знаете вы что сдѣлали проклятые бунтовщики.

— Нѣтъ серъ, отвѣчала она въ уныніи, видя что онъ не помнилъ себя отъ бѣшенствя.

Нѣкоторые плѣнные сдѣлали неудачную попытку бѣгства: они выломали желѣзные засовы у двери, но не успѣвъ окончить свою работу до разсвѣта, снова закрѣпили ихъ, но такъ неудачно, что когда сторожъ отворилъ дверь, засовъ сорвавшись ударилъ его по головѣ и едва не убилъ его.

— Еслибы мы повѣсили ихъ сначала, продолжалъ кричать Раудонъ:—этого бы не случилось. Я приказываю вамъ сударыня, никогда болѣе не являться ко мнѣ.

Мистрисъ Макъ-Калла знала что безполезно было бы настаивать и не говоря ни слова ни о ручательствѣ Сем-

тера и совѣтѣ Корнвалисса, сдержаннымъ тономъ спросила, чѣмъ же она тутъ виновата.

— Довольно, закричалъ внѣ себя лордъ Рауоонъ: Вы ходите изъ арміи въ армію и переносите свѣдѣнія, и Богъ одинъ знаетъ сколько надѣлали зла. Ступайте.

Она не стала ждать чтобы ее выгнали вторично, но уходя не могла удержаться чтобъ не сказать вслухъ: мои соотечественники отплатятъ за меня.

Лордъ Раудонъ вернулъ ее и спросилъ что она сказала. Но она выучилась быть осторожнѣе и отвѣчала съ улыбкой что сказала—мы простые деревенскіе люди.

Раудонъ догадался что она обманывала его и обратясь къ Дойлю сказалъ.—Клянусь жизнью, Дойль, эта женщина ужасная бездѣльница.

Сарѣ Макъ Калла пришлось теперь ограничить свои заботы о мужѣ и плѣнныхъ доставленіемъ имъ всего необходимаго, они были въ ужасномъ положеніи: полунагіе, голодные. Она заготовляла одежду, припасы; когда средства ея были истощены занимала у сосѣдей и отправлялась въ Кэмденъ, верхомъ, ведя за поводъ другую лошадь нагруженную тюками. Часто часовые отказывали ей въ пропускѣ и ей приходилось по цѣлымъ днямъ сидѣть подъ жгучимъ солнцемъ, дожидаясь чтобы нашлась сострадательная душа изъ солдатъ, которая бы взялась вызвать ей маіора Дойля. Наконецъ Томасъ Макъ Калла былъ обмѣненъ, но Раудонъ нашелъ что какая то формальность не была соблюдена и продержалъ его съ другими плѣнными нѣсколько лишнихъ недѣль. Генералъ Семтеръ снова писалъ Роудону жалуясь на неисполненіе обмѣна. Сара въ послѣдній разъ отправилась въ Кэмденъ, но на этотъ разъ взяла съ собой одну знакомую, Мери Никсанъ, сестру одного изъ плѣнныхъ, чтобы передать письмо потому что не надѣялась на свое самообладаніе, которое измѣнило ей въ ея последню встрѣчу съ Роудономъ, когда она на угрозу его что

божденіи мужа забота о содержаніи семьи лежала на одной Сарѣ, здоровье Томаса было до того растроено плѣномъ, что онъ былъ долго не въ состояніи работать. Онъ не получилъ никакого вознагражденія отъ правительства за свои потери; онъ принадлежалъ къ числу не многихъ патріотовъ, которые были слишкомъ горды чтобы напоминать о своихъ не вознагражденныхъ заслугахъ и были довольны сознаніемъ что честно исполнили свой долгъ. Томасъ и Сара разсчитались съ долгами, но не могли возвратить прежнее довольство.

Элиза Уилькинсонъ.

Письма Элизы Уилькинсонъ даютъ простое и безъискусственное описаніе того что приходилось выносить женщинамъ въ это смутное время, и мы передадимъ читательницамъ нѣкоторые отрывки изъ нихъ для того чтобы онѣ могли вполнѣ оцѣнить весь патріотизмъ американокъ, вотерыя не смотря на всѣ страданія, всѣ ужасы войны, всѣ опасности, которымъ онѣ подвергались не хотѣли купить спокойствіе и безопасность цѣной постыднаго мира, но ободряли своихъ согражданъ бороться, пока не освободятъ отечества.

Отецъ Элизы былъ эмигрантъ изъ Валлиса, Фрэнсисъ Іонджъ, и жилъ съ Элизой и двумя сыновьями въ своемъ имѣніи прозванномъ островомъ Іонджа. Онъ былъ дряхлый старикъ, но годы унесли только его физическія силы, пощадивъ энергію его молодости. Старикъ не смотря на опасности ни за что не хотѣлъ отдаться въ подданство англичанъ. Оба сына его умерли—смертью храбрыхъ защитниковъ свободы, и онъ жилъ съ дочерью овдовѣвшей послѣ полугодоваго замужества.

При началѣ войны она переѣхала изъ Чарльстона къ отцу. Сначала все было тихо на плантаціи. Однообразный ходъ

жизни нарушался только проходившими волонтерами, которые спѣшили въ лагерь американцевъ; позже стали приходить разсѣянными кучками голодные оборванные солдаты, разбитыхъ войскъ Америки. Они всегда находили пріютъ въ домѣ Іонджа.

Мистрисъ Уилькинсонъ писала сестрѣ. «Я нахожу удовольствіе самой служить имъ; и не одному грязному оборванному бѣдняку подала я чашку молока или воды. Они вполнѣ заслуживаютъ того чтобы имъ все отдать. Имъ нечего надѣть, негдѣ пріютиться, и даже они часто не получаютъ жалованья. Они дерутся изъ за одного принципа свободы. И съ какой готовностью они идутъ на встрѣчу лишенію, опасности.

Мистрисъ Уилькинсонъ жила въ безпрестанной тревогѣ. То ночью отрядъ красныхъ мундировъ, который вела женщина тори проходилъ черезъ ихъ имѣніе чтобы захватить лейтенанта войскъ колоній на сосѣдней фермѣ; то два кавалериста пріѣзжали развѣдать о движеніи отряда американцевъ и объявить что за ними слѣдомъ къ нимъ будетъ полковникъ Макъ-Гёртъ съ отрядомъ и который имъ не дастъ пощады. Вся семья провела большую часть ночи въ тревожномъ ожиданіи. По утру отрядъ воиновъ подъѣхалъ къ дому но не слѣзая съ лошадей, спросилъ припасовъ. Одинъ изъ нихъ перескакивая черезъ ровъ упалъ съ лошади и ушибся. Его перенесли въ домъ, и пока ему подавали помощь, дѣвочка негритянка прибѣжала въ ужасѣ съ крикомъ, что ѣдутъ «королевскіе люди». Виги сѣли на лошадей и ускакали. Женщины дожидались непріятеля. Вотъ какъ описываетъ мистрисъ Уилькинсонъ происходившую сцену грабежа.

«Я слышала приближавшійся бѣшеный топотъ лошадей безчеловѣчныхъ британцевъ, который казалось раздиралъ землю; всадники неслись съ дикимъ гикомъ, проклятія, ругательства, богохульства раздавались въ воздухѣ, я леденѣла отъ ужаса. Безъ сомнѣнія, думала я, они предвѣ-

щаютъ мнѣ смерть. Но не успѣла я подумать какъ они уже были въ домѣ, они ринулись съ обнаженными саблями и взведенными пистолетами, крича въ изступленіи: «Гдѣ эти бунтовщицы!» Это было ихъ привѣтствіе. Чуть они увидѣли насъ—какъ наши чепчики слетѣли съ головы. (Я до сихъ поръ думала что только женщины рвутъ другъ у друга чепцы съ головы.) И для чего же, думаете вы? Для того чтобы взять грошевую булавку изъ цвѣтнаго стекла и восковыхъ бусъ, которой мы пришпиливали чепчики. Во время этого подвига они страшно ругались и грозили изрубить насъ саблями. Я не съумѣю передать вамъ все безобразіе, весь ужасъ этой сцены, которые были еще усилены тѣмъ что съ ними было нѣсколько вооруженныхъ негровъ, которые ругались и грозились; потомъ они пошли грабить домъ, хватали все что имѣло какую либо цѣнность въ ихъ глазахъ; наши шкапы были разбиты въ щепки и каждый изъ этихъ негодяевъ забивалъ себѣ за пазуху все что попадалось ему въ руки изъ нашихъ платьевъ. Я попробывала было просить безчеловѣчнаго изверга, захватившаго мои платья, оставить мнѣ хоть одно или два, но въ отвѣтъ получила два проклятія; къ довершенію всего увидѣвъ мои башмаки онъ крикнулъ подавай мнѣ пряжки, и сталъ на колѣни чтобы ихъ сорвать. Пока онъ возился съ ними другой негодяй съ огромнымъ ртомъ, такъ что лицо его казалось разрѣзаннымъ отъ одного уха до другаго, загорланилъ. «Дѣлежъ, говорю я, дѣлежъ!» И они подѣлили мои пряжки. Другіе негодяи тоже не теряли времени. Они вырвали серьги изъ ушей сестры, ея и миссъ Семголь пряжки съ башмаковъ, и потребовали у нея кольца; она просила оставить, говоря что это ея вѣнчальное кольцо; но они требовали и приставивъ пистолетъ къ головѣ грозили застрѣлить ее, если она не отдастъ. Она отдала и они связавъ свою добычу въ узлы, сѣли на лошадей и отправились. Еслибы вы могли видѣть что это были за противныя фигуры. Пазуха у каждаго негодяя была такъ набита, что

каждаго можно было счесть за больнаго водяной. О еслибы отрядъ бунтовщиковъ, какъ они насъ зовутъ, былъ здѣсь, эти пазухи были бы живо очищены.

Передъ отъѣздомъ они сказали, что они еще милостиво обошлись съ нами и мы должны благодарить судьбу что съ нами не случилось худшаго. Я забыла сказать вамъ что когда они ворвались къ намъ то одинъ изъ нихъ схватилъ меня за руку такъ сильно что слѣды его большаго пальца и трехъ среднихъ такъ и остались на тѣлѣ черными и синими пятнами, на нѣсколько дней. Я показывала ихъ знакомому офицеру, какъ обращикъ человѣчности британцевъ. Только когда они ушли я начала понимать всю опасность, въ которой была, и мысль объ этихъ негодяяхъ показалась мнѣ, (если это возможно) еще ужаснѣе ихъ самихъ. Они такъ внезапно ворвались въ домъ, я не могла опомниться и все время была въ какомъ то столбнякѣ, совершенной идіоткой. Я не могу передать этого чувства. Но когда они ушли и я пришла въ себя, я затряслась отъ страха и потомъ все время едва держалась на ногахъ. Я пошла въ свою комнату, бросилась на постель—и залилась слезами, которыя нѣсколько облегчили мое стѣсненное сердце.»

Вслѣдъ за этой толпой мародеровъ пріѣхали солдаты отряда Макъ-Гёрта, которые вѣжливо обошлись съ женщинами и обѣщали дать знать въ лагерѣ о томъ какъ съ ними поступили. Разумѣется мысль о наказаніи мародеровъ не могла помочь горю. И эти солдаты тоже взяли свою долю въ грабежѣ, только болѣе вѣжливымъ образомъ.

«Пока одни говорили съ нами, пишетъ Элиза», другіе молча ушли осадить наши улья и заставили пчелъ ретироваться. Говорившіе съ нами увидѣли это и закричали имъ, «чтожъ вы не подадите тарелку дамамъ», что и было исполнено съ любезной поспѣшностью; они воображали что очень великодушно поступаютъ угощая насъ нашей собственностью. На лугу паслось нѣсколько лошадей. Они зах-

нали ихъ. «Леди, это ваши лошади?» Нѣтъ нашего отца и одного сосѣда! «Ну, такъ какъ онѣ не принадлежатъ ни одной изъ васъ, то мы возьмемъ ихъ».

Солдаты спросили дорогу къ другимъ плантаціямъ и Элиза просила пощадить старика отца, переѣхавшаго на дальнюю плантацію. Но въ тотъ же день онъ былъ ограбленъ другимъ отрядомъ.

Послѣ подобныхъ посѣщеній женщины не могли ни ѣсть ни спать отъ тревоги. Онѣ ложились не раздѣваясь, дрожали отъ каждаго шороха. Элиза почти не отходила отъ окна. Въ одно утро она увидѣла что-то блестѣвшее между зеленью деревьевъ, то было оружіе многочисленнаго отряда; такъ какъ онъ шелъ со стороны непріятельскаго лагеря, она подумала что это англичане и весь домъ сдѣлался сценой ужаса». Никогда не было такой суматохи. Всѣ охали, вздыхали, ломали руки, кидались изъ стороны въ сторону. Негры прибѣжавшіе съ поля разсказывали разные ужасы и наполнили домъ своими воплями. Столъ, чашки, весь приборъ для завтрака былъ сброшенъ въ кучу, и вынесенъ въ кладовую. И мы не отходили отъ окна слѣдя въ какую сторону двинется непріятель. И вдругъ, и ужасъ, аллея къ подъѣзду покрылась всадниками въ мундирахъ. Я сказала что мундиры нашихъ цвѣтовъ, красные съ синимъ, но тотчасъ вспомнила что и гессенскіе были тѣхъ же цвѣтовъ, и тоже побѣжала прятаться». Пока начальникъ отряда успокоивалъ дамъ, негритянка прибѣжала и ударивъ по плечу, мистрисъ Уилькинсонъ шепнула: «Я боюсь этихъ людей, одинъ далъ мнѣ серебряную монету за молоко. Наши не даютъ, у нихъ нѣтъ денегъ». Ужасъ ихъ былъ напрасенъ это былъ отрядъ американцевъ подъ начальствомъ маіора Мура. Офицеръ, котораго приняли за Гессенца былъ французъ. Ошибка была обоюдная; офицеры видя испугъ женщинъ, думали что попали къ торіямъ. «Какъ они смѣялись надомной» пишетъ Элиза: «они говорили что у меня не должно было

остаться ни куска кожи на рукахъ когда я перестала ломать руки.

Лазутчикъ далъ знать что непріятель захватилъ большой запасъ провіанта на сосѣдней плантаціи, виги отправились въ походъ и вернулись захвативъ запасъ и семь плѣнныхъ; въ числѣ ихъ было два человѣка изъ мародеровъ ограбившихъ женщинъ. Увидя ихъ жалкое положеніе мистрисъ Уилькинсонъ забыла свою обиду, и просила имъ пощады у виговъ. Спросивъ не хотятъ ли они пить, она принесла кружку воды и сама поила ихъ, потому что руки ихъ были связаны назади». Въ это время, пишетъ она далѣе: «Миссъ Сэмюельзъ ухаживала за раненымъ офицеромъ изъ отряда Макъ-Гёрта. Пуля пробила ему руку и засѣла въ ранѣ. Мы не могли найти ни одной тряпки чтобы перевязать ему рану, до того все было обчищено въ домѣ; но миссъ Сэмюельзъ сняла съ шеи единственный платокъ оставленный ей англичанами и перевязала ему руку. Вотъ человѣколюбіе американки».

Какъ видно изъ ея писемъ Элиза не принадлежала къ числу героинь, но тѣмъ большую цѣну имѣетъ мужество, которое она выказала въ Чарльстонѣ, когда англичанѣ завладѣли городомъ. Она постоянно отказывалась появляться на всѣхъ празднествахъ, которыя устроивалъ англійскій военачальникъ, и приглашеніе на которыя было равносильно приказанію явиться непремѣнно; потому что имена женщинъ, отказывавшихся пріѣзжать на эти праздники записывались и потомъ при первомъ ослушаніи приказаній военнаго начальства эти женщины высылались изъ города. Не смотря на то американки продолжали упорно выказывать свое негодованіе противъ англійскаго владычества. Онѣ надѣли трауръ, въ знакъ скорби объ угнетеніи отечества и носили его не смотря на угрожавшую имъ высылку изъ города. Послѣ побѣды генерала Грина онѣ одѣлись въ зеленые цвѣта. Онѣ смѣлымъ словомъ высказывали свою ненависть къ притѣснителямъ. Элиза Уилькинсонъ не разъ

рисковала поплатиться за эти слова. Вотъ отрывки изъ ея писемъ, въ которыхъ она разсказываетъ пріятельницѣ о своихъ выходкахъ.

«Британскій офицеръ попросилъ меня съиграть ему на гитарѣ.

— Я не могу играть, мнѣ грустно, отвѣчала я.

— Долго ли вы будете грустить мистрисъ Уилькинсонъ.

— До тѣхъ поръ пока мои соотечественники не вернутся.

— Но какъ они вернутся? плѣнными или подданными.

— Побѣдителями, сэръ.

Онъ засмѣялся притворно.—Вы никогда это не увидите мистрисъ Уилькинсонъ.

— Я живу надеждой сэръ, что увижу снова тринадцать полосъ *) на бастіонахъ крѣпости.

— Не надѣйтесь, мистрисъ Уилькинсонъ, а лучше съиграйте намъ на гитарѣ.

— Я умѣю играть только пѣсни бунтовщиковъ.

— Все равно, мы ихъ послушаемъ.

— Нѣтъ не сегодня, я не могу играть, я не хочу играть. Еще меня пожалуй засадятъ подъ арестъ за такое страшное преступленіе.

Я не разъ удивлялась какъ меня давно не выслали изъ города, потому что я не держала языка на привязи.

«Въ другой разъ, писала она:—я пошла съ Китти купить разныя разности въ лавкѣ. Только что мы успѣли надѣть шляпы, какъ одинъ изъ офицеровъ вошелъ въ столовую, гдѣ мы были.

— Вашъ покорнѣйшій слуга леди.

— Ваша служанка, серъ.

— Вы собираетесь идти, леди.

— Да мы хотимъ немного пройтись.

*) Thirtem stripes — тринадцать полосъ американскаго знамени по числу *колоній*.

Онъ тотчасъ побѣжалъ впередъ сошелъ съ лѣстницы и отворилъ дверь. Я знала за чѣмъ. Онъ подалъ мнѣ руку.

— Извините серъ, я могу идти одна.

— Но, леди, мостовая такъ изрыта, что вы легко упадете прошу васъ опереться на мою руку.

— Нѣтъ, я не могу опереться на вашу руку.

— Умоляю васъ не отказывайте мнѣ, вы не знаете что вы можете сдѣлать изъ меня вашей милостью. Я готовъ сдѣлаться бунтовщикомъ.

— Сдѣлайтесь прежде бунтовщикомъ, и тогда я пойду съ вами подъ руку.

Мы зашли въ лавку, въ которой было много англійскихъ офицеровъ, я спросила, что было нужно и увидѣла широкій свертокъ лентъ, бѣлыхъ съ черными полосами.

— Сосчитайте, сказала я офицеру, который пришелъ со мной, не тринадцать-ли? И нарочно сдѣлала удареніе на словѣ тринадцать. Онъ пошелъ.

— Да, леди, тринадцать, честное слово.

- Передайте мнѣ свертокъ, онъ передалъ, и я увидѣла, что то были не полосатыя ленты, а узкая черная обернутая нѣсколько разъ вокругъ свертка бѣлой. Я отдала назадъ свертокъ.

— Сударыня, сказалъ купецъ: — купите бѣлыя и черныя ленты, вы можете сметать ихъ вмѣстѣ съ полосами.

— Ни за что серъ, я не хочу, чтобы полосы были сметаны на скорую руку, онѣ должны быть неразрывно соединены вмѣстѣ. Офицеры, о которыхъ я говорила сидѣли на прилавкѣ колотя въ его стѣнки ногами. Какъ они разинули рты, когда я это сказала. Купецъ разсмѣялся отъ души.

Эти выходки сходили дешево съ рукъ Элизѣ Уилькинсонъ, другія женщины платились за нихъ дороже.

Мистрисъ Даніель Галлъ, получила пропускъ для проѣзда въ Джонъ Эйландъ, занятый англійскими войсками. Она ѣхала навѣстить умирающую мать, когда она вошла

на пакетботъ, ее остановилъ офицеръ и потребовалъ ключи отъ сундуковъ.—Что вы тамъ станете искать? Спросила она. Доказательства измѣны, сударыня.—Въ такомъ случаѣ вамъ нечего искать ее въ сундукѣ, вы ее найдете довольно на концѣ моего языка. Этотъ отвѣтъ напоминаетъ мѣсто изъ стихотворенія Гейне «Германія», гдѣ онъ описывая какъ при его возвращеніи въ Германію изъ Франціи, таможенныя рылись въ его сундукахъ, говоритъ что имъ было недорыться до той контрбанды, которую онъ провезъ въ своемъ мозгу. Мистрисъ Галлъ поплатилась за это смѣлое слово лишеніемъ пропуска.

Мистрисъ Брютонъ, получила тоже пропускъ для проѣзда въ Чарльстонъ занятый англичанами. Одинъ изъ генераловъ спросилъ ее не знаетъ ли она какихъ новостей, она отвѣчала слѣдующей остротой. —Вся природа улыбается, все покрылось зеленью до самаго Монксъ-Корнера; намекая на послѣднія побѣды Грина. Green — означаетъ зеленый, ее выслали за это изъ Чарльстона. Она нажила себѣ еще врага. Одинъ англійскій офицеръ отправлявшійся въ экспедицію съ отрядомъ предложилъ ей свезти письма ея знакомымъ на плантаціи. «Нѣтъ отвѣчала она, я не хочу, чтобы мои письма были прочтены. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ Мэріономъ и вернувшись черезъ нѣсколько дней въ Чарльстонъ куда его отпустили на честное слово, поблагодарилъ мистрисъ Брютонъ за то, что она дала знать Мэріону о его экспедиціи. Вернувшись снова въ Чарльстонъ для того, чтобы навѣстить своихъ родныхъ бывшихъ плѣнными, она еще разъ подверглась изгнанію. Она шла по Бродъстриту въ глубокомъ трaурѣ, какой тогда носили женщины. Проходя мимо дома губернатора Рётледжа, въ которомъ жилъ тогда полковникъ Монкриффъ, она подняла оторвавшійся отъ оборки платья кусокъ крепа и привязала его къ рѣшеткѣ крыльца, въ знакъ траура, который долженъ носить домъ, въ которомъ жилъ притѣснитель. Черезъ нѣсколько часовъ, она была выслана изъ Фи-

ладельфіи. Надо знать, что значила высылка изъ города въ то время, чтобы вполнѣ оцѣнить геройскій энтузіазмъ американокъ. Имъ приходилось ѣхать по раззоренной странѣ, рискуя попасть въ руки мародеровъ, или шаекъ вооруженныхъ негровъ, которые пользовались бѣдствіями междоусобной войны, чтобы мстить своимъ господамъ. Часто на разстояніи нѣскольких сотенъ миль нельзя было достать ни куска хлѣба, крышы для пріюта, ни корма для лошадей. Лошади падали отъ изнуренія, и изгнанницамъ не разъ приходилось достигать цѣли своей поѣздки пѣшкомъ выпрашивая себѣ милостыню по дорогѣ. И несмотря на все американки не переставали при каждомъ удобномъ случаѣ высказывать себя достойными дочерями свободной страны. Положимъ острое смѣлое слово, надѣтая черная или зеленая лента— не богъ знаетъ какой подвигъ, но такихъ подвиговъ было много, но подхваченные тысячеустной молвой, разнесенные печатными листами во всѣ концы возставшихъ колоній, они были искрами, которыя усиливали общее пламя. Эти слова были могущественнымъ рычагомъ двигавшимъ всѣхъ нерѣшительныхъ и слабыхъ, и они устыдившись своей слабости, въ виду геройства тѣхъ, которыхъ привыкли считать слабыми и робкими существами, шли увеличивать ряды защитниковъ свободы Америки.

Но возвратимся къ Элизѣ Уилькинсонъ. Во время своего пребыванія въ Чарльстонѣ она ходила за больными плѣнными на корабляхъ, обращенныхъ въ тюрьмы: она выпрашивала себѣ пропуски для проѣзда и перевозила въ американскій лагерь разныя необходимыя вещи для офицеровъ и солдатъ. Во время остановки военныхъ дѣйствій, англичане дозволяли всѣмъ свободный въѣздъ въ городъ потому что имъ самимъ нужны были разные припасы и продовольствіе, и только строго обыскивали выѣзжавшихъ. Женщины пользовались этимъ, чтобы снабжать американскую армію всѣмъ необходимымъ. Сукно для мундировъ провозилось сметанное юбками, или попонами для лошадей. Сапоги проноси-

лись на ногахъ, которыхъ вошло бы по двѣ въ каждый сапогъ и передавались босому партизану, кавалерійская тяжелая каска была скрыта подъ гигантскимъ конусообразнымъ шиньономъ модницы, эполеты прятались въ широкія накрахмаленныя складки допотопнаго чепца, почтенной матроны. Другія принадлежности военной формы, снурки, позументы, кокарды приносились съ меньшими затрудненіями. Перья для султановъ и ленты для кокардъ переходили со шляпъ молодыхъ красавицъ на шляпы защитниковъ свободы. Элиза Уилькинсонъ отличалась неистощимою изобрѣтательностью для провоза этой контрбанды черезъ цѣпь британскихъ часовыхъ и всегда счастливо избѣгала открытія.

Для того чтобы ходить за больными плѣнными нужно было едва ли не болѣе мужества. Положеніе плѣнныхъ было ужасно. Корабли, въ которыхъ они содержались были разсадниками заразы. Пасторъ Томасъ Андросъ, бѣжавшій съ одного изъ этихъ кораблей, стоявшихъ на якорѣ у Лангъ Эйланда, описываетъ въ своемъ журналѣ бѣдственное положеніе плѣнныхъ въ 1776 г. Большой транспортъ Уитби былъ буквально биткомъ набитъ плѣнными американцами, которыхъ дурная пища, недостатокъ воздуха и свѣта, чистой одежды и страданія отъ ранъ довели до отчаянія, до изступленія, до идіотизма. Песчаный берегъ Лангъ Эйланда и ближній ровъ были покрыты могильными насыпями, которыя пророчили туже участь уцѣлѣвшимъ отъ страшной смертности. Одинъ изъ этихъ кораблей смерти сгорѣлъ черезъ годъ, зажженный самими плѣнными доведенными до изступленія. Мистеръ Андросъ, такъ описываетъ кораабль старый Джерсей, на которомъ онъ содержался.

«Мрачный и грязный наружный видъ его вполнѣ соотвѣтствуетъ смерти и отчаянію, которые царствуютъ въ его стѣнахъ. Говорятъ что въ нихъ погибло одиннадцать тысячъ американскихъ моряковъ. И никто не пришелъ облег-

чить ихъ страданія. Разъ или два въ день по приказанію чужеземца, кидали мѣшокъ съ яблоками въ голодную толпу плѣнныхъ; происходила страшная свалка — въ которой иные за жалкій глотокъ пищи платились членами и даже жизнью. Плѣнныхъ запирали желѣзными рѣшетками, и когда нужно было выкачиватъ воду, то вооруженные солдаты гнали ихъ къ вороту среди оглушительнаго рева ругательствъ, угрозъ, упрековъ и проклятій; слабый свѣтъ, мерцавшій сквозь открытые на этотъ разъ люки, увеличивалъ ужасъ картины. Тысячи погибли и ихъ имена никогда не будутъ извѣстны отечеству, за которое они погибли. И никто не видѣлъ ихъ геройской смерти, никто не воздалъ имъ заслуженной хвалы. И всѣ бы мы погибли до одного, еслибы насъ не спасла помощь и самоотверженная преданность женщинъ».

Онѣ неустрашимо шли въ эти разсадники заразы, перевязывали загноившіяся раны, въ которыхъ кишали насѣкомые; онѣ за сотни миль однѣ подвергая и жизнь и честь опасности пріѣзжали ходить за ними и многія изъ нихъ поплатились за то жизнью. Между могилами на песчаномъ берегу было много могилъ женщинъ заразившихся лихорадкой и другими болѣзнями. Многіе изъ женщинъ окончивъ свое дѣло милосердія, возвращались домой въ свои семейства и смерть настигала ихъ и онѣ умирали одинокія, вдали отъ всякой помощи на пустынномъ песчаномъ берегу.

Судьба избавила Элизу отъ этой печальной участи. Она была такъ счастлива что дожила до славнаго дня провозглашенія свободы въ Соединенныхъ Штатахъ и всю жизнь пользовалась уваженіемъ общества какъ женщина которая наравнѣ съ другими работала для свободы своего отечества.

Мери Слокембъ.

Мери Слокёмбъ была тоже изъ числа женщинъ Америки, которыя въ тяжелую годину бѣдствій выказали мужество, и самоотверженіе — удивительныя быть можетъ для

женщинъ другихъ странъ, но привычныя для дочерей Америки. Женщинъ какъ мери Слокёмбъ было легіонъ, но благодаря счастливому случаю преданіе о ней сохранилось совсѣми подробностями. Мужъ ея лейтенантъ Слокёмбъ, былъ владѣлецъ обширной плантаціи въ Сѣверной Королинѣ. Обширные луга окружали плантацію и видъ на нихъ съ террасы былъ такъ хорошъ, что Корнвалисъ остановившійся вблизи лагеремъ, далъ этой мѣстности названіе Pleasant green, въ буквальномъ переводѣ пріятная зелень, которое и осталась за ней навсегда. Лейтенантъ Слокёмбъ занималъ подъ начальствомъ полковника Вашингтона, брата главнокомандующаго, должность начальника отряда легкихъ кавалеристовъ объѣздчиковъ и былъ постоянно въ отсутствіи слѣдя за движеніями непріятеля и преслѣдуя тайно роялистовъ, которыя жгли и грабили сосѣднія плантаціи.

Въ это время жена его оставалась одна подъ защитой вооруженныхъ негровъ, на вѣрность которыхъ она могла положиться — и собственнаго мужества. Въ Апрѣлѣ 1771 года, англійскій полковникъ Тарльтонъ, со своимъ знаменитымъ полкомъ прибылъ на плантацію. Мистрисъ Слокёмбъ разсказывала не разъ всѣ подробности занятія плантаціи одной пріятельницѣ, которая буквально передала ихъ автору мемуаровъ.

Было около десяти часовъ утра, весенняя погода стояла великолѣпная, и, казалось, сама природа призывала людей къ миру и любви. Офицеръ въ богато-расшитомъ мундирѣ въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ, за которыми выступали ровнымъ маршемъ человѣкъ двадцать солдатъ, примчался во весь опоръ къ террасѣ стариннаго дома Слокёмбовъ. Мистрисъ Слокёмбъ сидѣла на террасѣ съ своимъ ребенкомъ и молодой дѣвушкой. Два три негра тоже что-то убирали не вдалекѣ.

Офицеръ приподнялъ шляпу и низко поклонившись обратился мистрисъ къ Слокёмбъ съ словами:

— Я имѣю честь видѣть хозяйку этого дома и плантаціи.

— Да это плантація моего мужа.

— Онъ дома?

— Нѣтъ сэръ.

— Онъ бунтовщикъ?

— Нѣтъ сэръ. Онъ въ арміи нашего отечества и сражается противъ непріятеля, который хочетъ насъ поработить. Слѣдовательно онъ не бунтовщикъ.

— Мнѣ очень жаль, леди но мы съ вами не сойдемся во мнѣніи, хорошій патріотъ долженъ быть слугой короля, нашего господина.

— Только рабы признаютъ господина въ этой землѣ, отвѣчала Мери Слокёмбъ.

Румяные загорѣлые щеки Тарльтона побагровѣли, и обратясь къ одному изъ своихъ адъютантовъ онъ приказалъ разбивать палатки на лугу передъ террасой, въ огородѣ и полѣ. Другому онъ приказалъ отдѣлить часть отряда и поставить вокругъ лагеря пикеты часовыхъ. Потомъ съ новымъ низкимъ поклономъ, онъ прибавилъ.

— Леди, служба его величества требуетъ чтобы мы на время заняли ваше имѣніе, и если я не надѣлаю вамъ слишкомъ много безпокойства, я займу квартиру въ вашемъ домѣ.

Не смотря на либеральный тонъ — эти слова были равносильны приказанію. Мистрисъ Слокёмбъ разумѣется покорилась.

— Все семейство наше состоитъ изъ меня, моего ребенка, сестры моей и нѣсколькихъ негровъ. Мы ваши плѣнники.

Тарльтонъ сошелъ съ лошади и сѣлъ на террасѣ смотрѣть какъ его отрядъ становился лагеремъ. Фасадъ дома былъ обращенъ къ востоку; передъ домомъ былъ огромный лугъ стопятидесяти шаговъ шириной и около полу мили длиной, на восточной сторонѣ котораго шла большая дорога а за ней тянулась плоская открытая песчаная равнина, мѣстами поросшая травой. Къ югу лугъ былъ защищенъ

высокой сплошной изгородью, рядами густаго кустарника и молодымъ лѣсомъ; къ сѣверу преградою семи или восьми футъ вышиной изъ поперечныхъ шестовъ. Лагерь англичанъ былъ разбитъ на южной сторонѣ луга и былъ совершенно закрытъ съ дороги сплошной изгородью и молодымъ лѣсомъ.

Пока люди ставили палатки, офицеры приходили получать приказанія, или сдавать рапорты; въ числѣ ихъ мистрисъ Слокёмбъ узнала стараго знакомаго тори, который жилъ отъ нихъ миляхъ въ двадцати и вступилъ въ королевское войско. Черезъ часъ все стихло и лагерь представлялъ очень живописную картину для глазъ посторонняго зрителя.

Мистрисъ Слокёмбъ въ это время была принуждена хлопатать объ обѣдѣ для непрошенныхъ гостей, и вскорѣ былъ готовъ «такой обѣдъ, какой я готовила своимъ друзьямъ» говорила она. На столъ поставили вареную ветчину обложенную зеленью по бокамъ, непремѣнное первое блюдо американскаго обѣда, противъ нея индѣйку съ румянымъ жаренымъ картофелемъ, блюдо варенаго мяса, другое сосисокъ, и третье жареныхъ циплятъ были вытянуты въ линію посреди стола; полдюжины тарелокъ съ пикулями и вареными фруктами занимали промежутки. За обѣдомъ послѣдовалъ дессертъ и обильныя возліянія превосходной персиковой водки, которую изготовлялъ самъ лейтенантъ Слокёмбъ. Одинъ офицеръ изъ шотландцевъ назвалъ ее виски *) и поклялся что никогда не пивалъ лучшей и въ Шотландіи. Другой увѣрялъ что это не виски и что ни одинъ шотландскій напитокъ не сравнится съ нею.

— Она навкусъ такъ же хороша, какъ запахъ того огорода, заключилъ онъ.

— Позвольте васъ спросить, мистрисъ Слокёмбъ, изъ чего дѣлается эта водка, спросилъ Тарльтонъ.

*) Виски родъ водки.

— Изъ фруктовъ того огорода, на которомъ стоятъ ваши палатки.

— Полковникъ, сказалъ ирландскій капитанъ: — когда мы завоюемъ колоніи, мы раздѣлимъ огородъ между собой.

— Безъ всякаго сомнѣнія офицеры арміи получатъ большія имѣнія въ покоренныхъ американскихъ колоніяхъ.

Мистрисъ Слокёмбъ не выдержала. Позвольте мнѣ вамъ замѣтить и вмѣстѣ съ тѣмъ предсказать что земля, которою британскіе офицеры будутъ владѣть на вѣчныя времена въ Соединенныхъ Штатахъ, будетъ отмѣрена имъ на два шага въ ширину и шесть въ длину.

— Я не согласенъ съ вами, леди, возразилъ Тарльтонъ. И какъ я не сожалѣю объ этомъ для васъ, но эта прекрасная плантація будетъ герцогскимъ владѣніемъ для одного изъ насъ.

— О не трудитесь жалѣть обо мнѣ, отвѣчала гордо Мери:—Мой мужъ не такой человѣкъ, чтобы позволить герцогу или даже королю, захватить безнаказанно землю его отцовъ.

Разговоръ былъ прерванъ частыми ружейными залпами, которые раздавались изъ за-лѣса къ востоку отъ плантаціи. Одинъ изъ адъютантовъ сказалъ что вѣроятно партія объѣздчиковъ наткулась на пикетъ часовыхъ. Но полковникъ Тарльтонъ возразилъ.

— Это выстрѣлы ружей и мушкетовъ въ перемежку съ пистолетами; пальба сильна, нельзя оставить дѣло безъ вниманія. Прикажите сѣдлать лошадей, а вы капитанъ скачите съ отрядомъ на мѣсто дѣйствія.

Офицеръ побѣжалъ исполнить приказаніе, а Тарльтонъ вышелъ на террасу, куда вслѣдъ за нимъ прибѣжали перепуганныя женщины. Мистрисъ Слокёмбъ была въ не выразимой тревогѣ, но употребила печеловѣческія усилія чтобы скрыться. Она очень хорошо знала что было причиной пальбы. Мужъ ея съ утра уѣхалъ со своимъ отрядомъ слѣдить за движеніемъ непріятеля. Многіе офицеры, прибывъ

на плантацію угрозами требовали чтобы она сказала куда отправился ея мужъ и когда онъ вернется и только видя ея упорное молчаніе оставили ее въ покоѣ. Она догадывалась что мужъ ея вернулся неожиданно, и боялась что онъ попадетъ въ руки непріятеля, о близости котораго онъ быть можетъ еще не успѣлъ узнать.

Ея единственная надежда была на успѣхъ одной мѣры, которую она приняла немедля по прибытіи Тарльтона. Услыхавъ приказаніе отданное Тарльтономъ разставить пикеты, она приказала сторожу негру взять мѣшокъ зерноваго хлѣба и, подъ предлогомъ нести его на мельницу, идти на встрѣчу мужу ея, который долженъ былъ вернуться дорогой къ мельницѣ. «Большому Джорджу такъ звали негра было строго приказано идти скорѣе и предупредить лейтенанта Слокёмба объ угрожавшей ему опасности. Но негръ вслѣдствіе безпечности и любопытства свойственныхъ его расѣ, вмѣсто того чтобы отправиться по назначенію остался бродить около плантаціи, чтобы любоваться украдкой сквозь деревья преграды на ярко-красные мундиры, развѣвающіяся перья и блестѣвшія каски британцевъ.

— Между тѣмъ полковникъ и дамы продолжали смотрѣть съ террасы.

— Могу ли я васъ спросить, леди, сказалъ наконецъ Тарльтонъ: Часть арміи Вашингтона находится въ здѣшнихъ окрестностяхъ?

— Я полагаю вы должны знать, что маркизъ Лафайетъ и Гринъ находятся въ настоящее время въ нашемъ штатѣ, отвѣчала мистрисъ Слокёмбъ.—И вы не должны быть удивлены, прибавила она помолчавъ: если получите визитъ отъ Ли, или вашего стараго знакомаго полковника Вашингтона, который несмотря на свою любезность, очень невѣжливо пожалъ вамъ руку, когда вы встрѣтились съ нимъ въ послѣдній разъ, и она указала на рукѣ Тарльтона, на еще свѣжій рубецъ отъ удара сабли.

Этотъ смѣлый отвѣтъ заставилъ Тарльтона опасаться

что стычка въ лѣсу могла быть началомъ заранѣе подготовленнаго нападенія на его лагерь. Онъ отдалъ немедля приказъ своему полку готовиться къ бою и, вскочивъ на лошадь, поскакалъ черезъ лугъ къ просѣкѣ въ рощѣ окаймлявшей лугъ, перескочилъ черезъ изгородь и всталъ передъ полкомъ, который выстроился сзади него.

Въ это время лейтенантъ Слокёмбъ съ Джономъ Гоуэлемъ однимъ изъ солдатъ своего отряда, сосѣдомъ Генри Уальямсомъ и братомъ мистрисъ Слокёмбъ Чарльсомъ Гуксомъ, мальчикомъ тринадцати лѣтъ, скакали во весь опоръ къ плантаціи преслѣдуя капитана тори съ нѣсколькими солдатами, посланными на поиски. Вскорѣ съ террасы можно было видѣть ихъ отчаянную стычку на открытой равнинѣ за дорогой: отрядъ конной американской милиціи несся за ними на всѣхъ рысяхъ. Слокёмбъ и его товарищи были такъ заняты преслѣдованіемъ врага, что доскакали до половины дороги къ плантаціи, не замѣтивъ выстроившихся англичанъ. Мистрисъ Слокёмбъ съ ужасомъ узнала мужа, брата и двухъ трехъ сосѣдей, которые не подозрѣвая ожидавшей гибели, неслись къ ней на встрѣчу.

На половинѣ дорогѣ одинъ изъ торіевъ упалъ съ лошадью. Это задержало преслѣдованіе. Въ эту минуту большой Джоржъ выскочилъ изъ за кустовъ и, схвативъ лошадей своихъ господъ за поводья, закричалъ: «Стой, масса стой! дьяволы здѣсь. Смотрите тамъ.»

Взглянувъ по направленію его руки молодые люди увидѣли, что они на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ сильнаго отряда, расположеннаго въ боевомъ порядкѣ. Они сдѣлали вольтъ и хотѣли скакать назадъ — какъ вдругъ на встрѣчу имъ перескочивъ изгородь скакалъ Тарльтонъ со своимъ эскадрономъ конницы. Быстрѣе мысли они сдѣлали новый вольтъ и помчались во весь карьеръ по дорогѣ къ дому на встрѣчу сторожевому отряду. Домчавшись до сада, огороженнаго грубымъ плетнемъ, они отчаяннымъ скачкомъ перескочили подъ градомъ пуль, широкую кана-

ву, которая шла за садомъ и потомъ понеслись черезъ открытыя поля къ сѣверо-восточной стороны плантаціи и скрылись въ лѣсъ прежде чѣмъ тяжелая конница непріятеля успѣла перескочить черезъ плетень. Раздался отбой и она вернулась въ лагерь. Смѣлая рѣчь мистрисъ Слокёмбъ, ея самоувѣренное спокойствіе во все продолженіе стычки и погони заставили британскаго полковника опасаться что нападеніе Слокёмба военная хитрость чтобы вызвать англичанъ изъ лагеря и поставить ихъ подъ огонь полковника Вашингтона, близостью котораго Мери Слокёмбъ грозила врагамъ. Еслибы Тарльтонъ зналъ правду и велѣлъ преслѣдовать горсть ворвавшихся въ его лагерь смѣльчаковъ, то не только они погибли бы но и весь отрядъ виговъ, прятавшійся въ лѣсу съ восточной стороны плантаціи.

Тарльтонъ поѣхалъ обратно къ дому и долго слѣдилъ глазами за убѣгавшими вигами пока они не скрылись въ лѣсу; потомъ онъ позвалъ капитана тори и распросилъ его объ аттакѣ въ лѣсу, объ именахъ виговъ и отпустилъ съ приказаніемъ перевязать раненыхъ, но это было напрасно, потому что половина его отряда была убита и поляна за лѣсомъ у плантаціи и теперь еще носитъ названіе Dead Men's Field т. е. поле мертвыхъ.

Тарльтонъ вошелъ въ домъ и сказалъ Мери Слокёмбъ.

— Вашъ мужъ сдѣлалъ намъ очень короткій визитъ, сударыня. Я былъ бы очень счастливъ познакомиться съ нимъ покороче равно и съ мистеромъ Уильямсомъ.

— Вы его встрѣтите, безъ сомнѣнія, отвѣчала она:—и они поблагодарятъ васъ за ваше любезное обращеніе съ ихъ родственниками и друзьями.

Полковникъ Тарльтонъ сослался въ извиненіе на необходимость войны, обѣщалъ, что будетъ брать лишь то, что требуется для продовольствія войска, прибавивъ, что онъ имѣетъ инструкцію отъ начальства платить за все, и что съ своей стороны онъ постарается сдѣлать свое пребыва-

ніе здѣсь, какъ возможно менѣе непріятнымъ для владѣтельницы плантаціи.

Между тѣмъ Слокёмбъ съ товарищами обскакавъ кругомъ плантаціи до мѣста стычки подобралъ отсталыхъ и расположился отдохнуть. Возлѣ бивуака на деревѣ висѣлъ братъ капитана тори на петлѣ изъ поводьевъ перекинутой черезъ пригнутую вѣтвь, онъ задыхался въ предсмертныхъ судорогахъ. Капитанъ разсѣкъ поводъ саблей и съ трудомъ возвратилъ врага къ жизни. Многіе изъ старожиловъ сѣверной Каролины помнятъ старика которому выпученные глаза и багровое лицо придавали видъ удавленника, этотъ старикъ былъ спасенный Слокёмбомъ тори.

Мери Слокёмбъ въ другомъ случаѣ выказала еще болѣе присутствія духа и мужества. Въ 1776 году тори собирались отрядами въ королевскую армію вслѣдствіе прокламаціи англійскихъ военачальниковъ. Дональдъ Макъ-Дональдъ собравъ своихъ шотландцевъ шелъ къ Кенъ-Фиръ, гдѣ стояла англійская армія. Ричардъ Касуэль собравъ отряды партизанъ виговъ, которые собрались такъ же быстро по его призыву, какъ въ древности шотландскіе кланы на сигналъ обожженнаго креста*). Всѣ виги графства поднялись и встрѣтили Макъ-Данальдъ у Мурсъ-Крика, т. е. ручья Мура, гдѣ произошла одна изъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ революціи. Слокёмбъ, который къ этому времени былъ уже полковникомъ и отличился со своимъ полкомъ, любилъ разсказывать объ этомъ сраженіи прибавляя постоянно съ гордостью: «и моя жена была тамъ». Да она была, но разсказъ объ этомъ лучше предоставить ей самой.

«Войско ушло отъ насъ въ воскресенье поутру. Съ мужемъ ушло болѣе восьмидесяти человѣкъ. Я смотрѣла на

---

*) У шотландскихъ клановъ былъ обычай обжечь деревянный крестъ и омочивъ его въ крови, посылать его изъ клана въ кланъ, какъ сигналъ собираться съ оружіемъ. Неявившійся на мѣсто сборища по призыву обожженнаго креста считался обезчещеннымъ на всю жизнь.

нихъ; видно было, что каждый изъ нихъ несъ въ себѣ гибель врагу: я съ перваго взгляда узнаю труса. Тори часто пробовали пугать меня, и они всегда трусили при первомъ намекѣ что наши близко.

Чтобы мои молодыя читательницы не обвинили героиню въ пристрастіи необходимо объяснить имъ, что партія таріевъ состояла изъ горсти аристократовъ, которые изъ собственныхъ выгодъ сдѣлались врагами революціи, грозившей лишить ихъ нѣкоторыхъ привилегій, и изъ шаекъ, обнищавшихъ тунеядцевъ, которыхъ они кормили и которые только умѣли грабить и опустошать. Партія виговъ была составлена изъ фермеровъ, честнаго работящаго населенія, купеческаго и ремесленнаго сословія и крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ разоряли стѣснительныя мѣры метрополіи. Если аристократы предводительствовавшіе отрядами тори высказывали часто геройскую храбрость, за то солдаты отрядовъ ихъ, набранные изъ подонковъ общества, были храбры только при грабежѣ беззащитныхъ женщинъ и стариковъ при встрѣчѣ съ вигами обращались въ бѣгство.

«Они ушли бодро, весело», продолжаетъ Мери Слокёмбъ: «Я заснула и крѣпко проспавъ всю ночь, встала рано по обыкновенію и проработала усердно цѣлый день. Я цѣлый день думала о томъ далеко ли они ушли, гдѣ они теперь и какъ велико число регулярныхъ войскъ и партизановъ торіевъ, которыхъ они встрѣтятъ. День прошелъ, и они не выходили у меня изъ головы. Я легла спать, какъ всегда и мысль моя не могла оторваться отъ нихъ. Я лежала—незнаю спала ли я или нѣтъ, я увидѣла сонъ,—но не все въ немъ было сномъ. (Мери Слокёмбъ употребила здѣсь слова поэта, который тогда еще не былъ родившись.

I had a dream; yet it was not all a dream:
Byron. Dream).

Я увидѣла явственно тѣло завернутое въ плащъ моего мужа, кровавое безжизненное тѣло. Другія тѣла лежали

около него истекавшія кровью, мертвые. Я видѣла ихъ такъ же отчетливо, такъ же явственно, какъ вижу все теперь вокругъ себя. Я закричала, соскочила на полъ съ кровати. Впечатлѣніе было такъ сильно, что я кинулась въ ту сторону гдѣ появилось видѣніе и наткнулась на стѣну: огонь ночника горѣлъ слабо и я напрасно смотрѣла по сторонамъ, чтобы еще разъ увидѣть, что видѣла. Я поправила пламя. Все было тихо и неподвижно кругомъ. Дитя мое спало, но женщина спавшая возлѣ него проснулась, когда я закричала и соскочила съ постели. Это была единственная минута въ жизни, когда я поняла вполнѣ, что значитъ страхъ. Присѣвши на постель я подумала нѣсколько минутъ и громко сказала: Я поѣду къ нему. Я сказала женщинѣ, что не могу спать и поѣду верхомъ по дорогѣ къ нашимъ. Она страшно перепугалась, но я приказала ей запереть покрѣпче дверь за мной и смотрѣть за ребенкомъ. Потомъ я пошла въ конюшню осѣдлала свою кобылу, лучшую лошадку, которая когда-либо носила сѣдло, и черезъ минуту мы неслись по дорогѣ. Прохлада ночи и двухъ-милевая скачка нѣсколько успокоили меня и я была въ состояніи обдумывать, что дѣлала и къ чему. До этой минуты, я дѣйствовала безсознательно подъ вліяніемъ перваго порыва. По временамъ я готова была повернуть, лошадь я не повернула и проѣхавъ десять миль рѣшимость не ворочаться назадъ становилась тверже съ каждой оставленной за собой милей. Я найду мужа умирающимъ или мертвымъ вотъ было мое предчувствіе, было мое убѣжденіе и я приняла его съ страннымъ спокойствіемъ. Къ разсвѣту я была уже за тридцать миль отъ дома. Я знала направленіе по которому отрядъ нашъ долженъ былъ идти и ѣхала прямо, не сбившись ни разу съ дороги. Къ разсвѣту я увидѣла толпу женщинъ и дѣтей, которыя сидѣли и стояли по сторонамъ дороги; на лицахъ ихъ была написана та же тревога, которая кипѣла во мнѣ. Остановившись на минуту, я спросила было ли сраженіе. Онѣ не знали ничего и сами

Обнимаешь Франка Касуэля величайшаго нечестивца въ цѣлой арміи.

— Мнѣ что за дѣло, отвѣчала я: — Франкъ храбрый солдатъ, добрый молодецъ и вѣрный другъ конгресса.

— Правда, правда, каждое ваше слово истина, сказалъ Касуэль отвѣшивая мнѣ самый низкій поклонъ. Я не хотѣла сказать мужу, что привело меня сюда. Я была такъ счастлива и всѣ были такъ счастливы. Это была славная побѣда. И я пріѣхала въ минуту полнаго торжества. Я видѣла, что мужъ мой очень удивленъ моимъ появленіемъ, но я видѣла тоже, что онъ не былъ недоволенъ мной. Ночь наступила прежде чѣмъ наше волненіе восторга и торжества нѣсколько поутихло. Безпрестанно приводили плѣнныхъ, въ числѣ ихъ были многіе изъ злѣйшихъ тори, но самые опасные изъ нихъ не попали въ плѣнъ. Большая часть изъ нихъ были оставлены въ лѣсу и болотѣ, но произволъ судьбы, потому что полку нужно было идти далѣе, я просила за нѣкоторыхъ изъ этихъ бѣдняковъ и Касуэль охотно далъ мнѣ обѣщаніе не дѣлать имъ никакого вреда, исключая тѣхъ, которые были виновны въ убійствѣ и поджогахъ. Въ половинѣ ночи, я снова сѣла на свою кобылку и отправилась домой. Касуэль и мужъ просили меня дождаться утра, чтобы я могла ѣхать подъ конвоемъ отряда, который они должны были послать въ нашу сторону; но я отказалась, я не могла ждать до утра я хотѣла видѣть скорѣе своего ребенка, и сказала имъ, что они не найдутъ въ своемъ полку такихъ солдатъ, которые бы не отстали отъ меня. Съ какою радостью я ѣхала назадъ, съ какимъ восторгомъ обняла моего ребенка, когда онъ выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу!

Какой вымыселъ можетъ быть необыкновеннѣе, романичнѣе этого истиннаго разсказа? Въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ трудно повѣрить чтобы женщищина была способна одна ночью, по испорченнымъ дорогамъ, по полямъ и болотамъ проскакать болѣе ста двадца-

ти пяти миль въ продолженіи сорока часовъ, безъ малѣйшаго отдыха. Чтобы сказали изнѣженныя женшины южныхъ плантаторовъ, которыя утомляются небольшой прогулкой въ каретѣ на рессорахъ?

Видѣніе Мери Слокёмбъ съ своей стороны придаетъ и сверхъ естественный колоритъ романичности разсказа, но въ наши дни науки и трезваго здраваго смысла смѣнившіе поэтическія преданіе старины, физіологія изъясняетъ это видѣніе какъ нельзя яснѣе. Мы видѣли что мысль объ опасности угрожавшей мужу и его полку преслѣдовала Мери цѣлый день и ночью не дала ей заснуть. Возбужденіе мозга вызвало передъ ея глазами въ живыхъ образахъ то, что представлялось ей въ мечтахъ. Слабый огонь ночника, поздній часъ ночи все располагало къ оптическому обману, жертвой котораго была Мери. Точно также объясняется и то что она признала мѣстность гдѣ лежали раненые за ту, которую видѣла въ видѣніи. Она знала что войска шли къ Мурскому ручью, что они готовили засаду въ лѣсу, воображеніе нарисовало ей картину лѣска на берегу ручья, которую возбужденные нервы вызвали передъ ея глазами. Сверхъ того состояніе Мери объясняется еще одной психологической особенностью. Люди переживающіе минуты сильной душевной тревоги часто несознаютъ всей ея силы, пока не минуетъ вызвавшая ее опасность. Въ эти минуты имъ кажется что съ ними не случилось ничего особеннаго, что они испытали тоже самое тысячу разъ прежде. Такъ человѣку оглушенному сильнымъ ударомъ кажется что съ нимъ не произошло ни чего особеннаго, что онъ тысячу разъ получалъ такіе же удары.

Нѣкоторыя подробности о жизни и воспитаніи Мери Слокёмбъ будутъ вѣроятно интересны для молодыхъ читательницъ. Она родилась въ 1760 г. дѣвическое имя ея было Гуксъ. Когда ей было десять лѣтъ отецъ ея объѣхавъ большую часть штата чтобы отыскать здоровую и плодоносную мѣстность, выбралъ мѣстечко Дёплинъ и по-

селился съ семьей. Онъ былъ добрый, веселый человѣкъ, гостепріимный хозяинъ и Мери провела счастливое дѣтство и молодость; она выросла въ дружной счастливой семьѣ. Округъ, въ которомъ она жила былъ прославленъ многими именами патріотовъ; тамъ и до сихъ поръ съ гордостью повторяютъ имена Рена, Гилля, Райта, Пирсалла, Гукса и Слакомба. По сосѣдству жило много тори ихъ постоянные набѣги, заставлявшіе отца и братьевъ быть постоянно на сторожѣ, рано пріучили молодую дѣвушку хладнокровно встрѣчать опасность. Она часто видѣла какъ амбары и жилища отмѣченнаго ихъ мщеніемъ вига, пылали багровымъ пламенемъ среди густаго мрака южной ночи; она видѣла не разъ какъ тѣла друзей висѣли обезображенные предсмертными муками на вѣтвяхъ деревьевъ лѣса невдалекѣ дома ея отца. Свободная жизнь въ деревнѣ развила физическія силы Мери и блестящему клинку не пришлось перетирать ножны по извѣстному французскому выраженію: la lame n'usait pas le fourreau. Это рѣдкое равновѣсіе физическихъ и нравственныхъ силъ сдѣлало изъ Мери здоровое, полезное существо, которое вездѣ вносило радость и добро. Въ то время, о которомъ разсказывала Мери, она была молодой женщиной въ полномъ расцвѣтѣ красоты, худенькой но стройной, съ пріятными чертами лица, освѣщенными выразительными вѣчно смѣющимися голубыми глазами. Она не была хороша собой, но лицо ея привлекало къ себѣ выраженіемъ свѣтлой, чистой души, незнавшей что такое страхъ. Восемнадцати лѣтъ она вышла за своего своднаго брата Эзекіиля Слокёмба. За годъ передъ тѣмъ отецъ ея женился на вдовѣ Слокёмбъ, молодые люди встрѣтились и послѣ обыкновеннаго романа молодой любви и ухаживанья, женились когда обоимъ было вмѣстѣ тридцать шесть лѣтъ. Не смотря на свою молодость Эзекіиль Слокембъ могъ взять на себя обязанности главы семейства; по смерти отца онъ два года управлялъ плантаціей, которая переходила къ нему какъ къ старше-

му сына по англійскимъ законамъ о наслѣдствѣ, бывшимъ еще во всей силѣ въ колоніяхъ. Вскорѣ послѣ свадьбы молодой мужъ набралъ конный отрядъ виговъ, вооружилъ своихъ негровъ и повелъ ожесточенную партизанскую войну съ торіями. Въ это время молодая жена оставалась одна, смотрѣла за работами на плантаціи и съ своими негритянками исполняла всѣ мужскія работы. Она часто смѣясь разсказывала какъ пахала землю и дѣлала все что дѣлали работники; только не тесала столбовъ для изгороди, да и то раза два пришлось сдѣлать и это, когда тори поломали изгороди. Она, какъ мы видѣли, была неустрашимой наѣздницей и пріобрѣла это искуство на охотахъ за оленями и лисицами. Въ то время не считалось неженственнымъ для женщинъ принимать участіе въ этихъ потѣхахъ, и это не мѣшало имъ ни мало исполнять обязанности женщины нехуже женщинъ, знавшихъ только однѣ женственныя удовольствія баловъ. Но героиня жила не одними удовольствіями, она умѣла отлично шить, прясть, ткать, вязать, стирать и стряпать гордилась тѣмъ что дѣлала отлично все за что ни бралась. Въ то время богатые американки стыдились проводить время въ праздности; при недостаткѣ большихъ промышленныхъ центровъ, трудности путей сообщенія и неизбѣжномъ послѣдствіи этихъ причинъ дороговизнѣ товаровъ, которыя Англія обложила высокими пошлинами, все необходимое для домашняго хозяйства заговлялось дома. Сукно на плащъ мужа, игравшій такую важную роль въ ея видѣніи, было соткано ея руками изъ шерсти выдѣленной ею же. Многочисленные заботы по хозяйству не мѣшали Мери быть прекрасной воспитятельницей, она не походила на нашихъ праздныхъ барынь которыя, если имъ придется заниматься далеко несложнымъ городскимъ хозяйствомъ жалуются что имъ некогда заняться съ дѣтьми. Сынъ ея, къ которому она поскакала ночью, былъ достопочтенный *) Іессія Слокёмбъ, за-

*) Титулъ который даютъ англичане членамъ палатъ р американцы членамъ конгресса.

служившій общую благодарность и уваженія какъ членъ конгресса.

Мистрисъ Слокёмбъ дожила до глубокой старости проживъ съ мужемъ болѣе шестидесяти лѣтъ, по образцу древнихъ патріарховъ, но мирной и счастливой жизнью независимыхъ гражданъ великой республики. Мери Слокембъ до конца жизни вспоминала съ восторгомъ славное время борьбы; она ни за что нехотѣла носить платье другаго покроя, какъ тотъ который она носила въ то время. Въ молодости какъ ни дорога была матерія, она непремѣнно кроила ее по старому фасону, дорогому столькими славными воспоминаніями, и въ старости никакъ не хотѣла отказаться отъ неудобнаго длиннаго узкаго лифа въ которомъ талія женщины походила на бокалъ вставленный въ огромный шаръ. Она считала неблагодарностью и даже нечестіемъ измѣнять даже въ мелочи памяти священной старины. Она до глубокой старости сохранила свой свѣтлый и оригинальный умъ и энергію. Люди хорошо знавшіе ее, любили ее за откровенный веселый характеръ, живую и бойкую рѣчь, а люди малознакомые съ ней считали ее чопорной и тяжелой и даже злоязычницей. Правда Мери никогда не могла удержаться чтобы нехлеснуть рѣзкимъ словомъ глупость, низость и порокъ и разумѣется тѣ, которымъ приходилось выносить удары ея мѣткой безпощадной рѣчи, не могли остаться ими довольны. Ея мужество и присутствіе духа не измѣнили ей и въ глубокой старости. На семьдесятъ второмъ году у ней сдѣлался ракъ на рукѣ и операція была необходима. Когда докторъ пришелъ съ помощникомъ, она никакъ не хотѣла согласиться чтобы помощникъ держалъ ее. И сказала оператору что его дѣло рѣзать, а ея держать руку. Операторъ однако настоялъ чтобы помощникъ держалъ руку, но тотъ былъ непривыченъ еще къ своему дѣлу и послѣ перваго надрѣза ему сдѣлалось дурно. Мистрисъ Слокёмбъ приказала ему уйдти, укрѣпила сама руку на столѣ и держала ее не

дрогнувъ ни однимъ мускуломъ, не издавъ ни одного стона или крика во все продолженіе операціи.

Ребекка Моттъ.

Фортъ Моттъ былъ сценой, въ которой выказалась вполнѣ вся самоотверженая любовь къ свободѣ и отечеству одной изъ дочерей Америки. Онъ стоялъ на высокомъ холмѣ на южномъ берегу рѣки Конгари. Съ одной стороны холма открывается на далекое пространство живописный видъ: зеленые поля покрываютъ его скаты и разстилаются до молодаго сосноваго лѣса; за ними тянутся тѣнистыя долины между рядами другихъ холмовъ поросшихъ темными соснами, вершины которыхъ упираются въ небо. Съ другой стороны холмъ круто обрываясь къ рѣкѣ виситъ надъ залитыми водой лугами, которые тянутся вдоль извилистой рѣки сверкающей вдали какъ серебряная нить между мрачными лѣсами.

Когда покинутый англійскими войсками Кэмденъ былъ занятъ войсками Соединенныхъ Штатовъ, англійскій генералъ лордъ Раудонъ, желая удержать за собой прирѣчныя укрѣпленія, отрядилъ дивизію чтобы помочь форту Мотте осажденному Мэріаномъ и Ли. Фортъ Моттъ обстрѣливалъ рѣку и былъ главнымъ депо военныхъ запасовъ и провіанта, которые пересылались изъ Чарльстона въ Кэмденъ и верхніе округи. Фортъ былъ занятъ капитаномъ Макъ-Ферсономъ съ нѣсколькими сотнями пѣхоты, подкрѣпленной небольшимъ отрядомъ драгунъ, прибывшихъ за нѣсколько часовъ до появленія американскихъ войскъ. Главнымъ зданіемъ форта былъ домъ мистрисъ Мотте, незадолго передъ тѣмъ отстроенный; онъ былъ окопанъ глубокимъ рвомъ, на внутренней сторонѣ котораго былъ насыпанъ высокій и толстый брустверъ. Напротивъ дома къ сѣверу на другомъ холмѣ стояла старая ферма, куда перебралась

съ семействомъ мистрисъ Моттъ, когда непріятели выгнали ее изъ дома. На вершинѣ холма Ли расположился со своимъ отрядомъ, а Мэріонъ занялъ восточную отлогость холма, на которомъ стоялъ фортъ. Долина между обоими холмами была не ниже четырехъ сотъ ярдовъ и полковникъ Ли со своего холма обстрѣливалъ фортъ.

У Мак-Ферсона не было артиллеріи, но онъ надѣялся на подкрѣпленіе отъ лорда Раудона чтобы отбить приступъ, и на требованіе сдачи отвѣчалъ, что будетъ держаться до послѣдней минуты. Осаждающіе быстро подвигали свои апроши чтобы взять фортъ до прибытія подкрѣпленія. День и ночь работали смѣны работниковъ. Ночью пріѣхалъ курьеръ отъ генерала Грина съ извѣстіемъ что Раудонъ выступилъ изъ Кэмдена съ приказаніемъ взять фортъ во что бы то ни стало. Мэріонъ удвоилъ число работниковъ, на слѣдующую ночь лордъ Раудонъ остановился лагеремъ на высотахъ противъ форта Мотте и доведенный до отчаянія гарнизонъ съ восторгомъ увидѣлъ его сторожевые огни. Американцы не должны были терять ни минуты.

Большой домъ мистрисъ Мотте, стоявшій посреди форта мѣшалъ обстрѣливать большую часть укрѣпленій. Для того чтобы принудить гарнизонъ къ сдачѣ необходимо было сжечь домъ. Мэріонъ и Ли очень не охотно согласились на эту мѣру, потому что конгресъ постоянно требовалъ чтобы войска республики щадили сколько возможно частную собственность и сверхъ того имъ еще болѣе было непріятно отдавать приказаніе, которое раззорило бы женщину, сдѣлавшую и безъ того такъ много для республики. Мужъ ея умеръ, разстроивъ свое состояніе внеся значительныя суммы въ кассу конгресса. Мистрисъ Мотте не смотря на свое значительно уменьшившееся состояніе содержала у себя столъ для офицеровъ, и обративъ въ госпиталь для раненыхъ часть службъ при фермѣ, сама ходила за ними съ дѣтьми и негритянками. Когда Чарль-

стопъ былъ доведенъ до послѣдней крайности и американскіе генералы прокламаціей вызывали каждаго мущину способнаго носить оружіе для защиты города, мистрисъ Мотте, у которой не было сыновей, вооружила на свой счетъ негровъ, и отпустивъ съ ними обозъ съ съѣстными припасами отправила ихъ въ Чарльстонъ. Но необходимость требовала настоятельно немедленно сжечь домъ и Ли пошелъ къ мистрисъ Моттъ объявить ей рѣшеніе военнаго совѣта. Улыбка, съ которою мистрисъ Моттъ встрѣтила извѣстіе объ сожженіи ея дома разомъ вывела Ли изъ замѣшательства. Она не только изъявиля согласіе, но прибавила что радуется случаю принести эту жертву освобожденію отечества и будетъ съ восторгомъ смотрѣть на пожаръ дома».

Положимъ что ей ничего не оставалось кромѣ согласія потому что домъ былъ бы сожженъ и безъ ея согласія и каждая неглупая женщина на ея мѣстѣ сдѣлала бы, какъ говорятъ французы bonne mine à mauvais jeu. Но дѣло въ томъ что ей не приходилось *дѣлать* bonne mine. Ея готовность отдатъ домъ для общаго блага была непритворна, она это доказала тѣмъ что увидѣвъ лукъ и стрѣлы, которые готовили солдаты, для того чтобы зажечь домъ, послала за Ли и передавъ ему лукъ и стрѣлы подаренныя ея брату индѣйцами, совѣтовала употребить ихъ какъ болѣе пригодныя для дѣла. Еслибы она дѣлала только bonne mine á mauvais jeu, то она должна была бы обрадоваться увидѣвъ заготовленныя солдатами плохія стрѣлы, которыя не могли бы донести горючія вещества до крыши дома.

Все было готово для пожара и приступа. Войско выдвинуто тѣсной колонной, прислуга батарей усилена, и артиллерія подвинута на разстояніе полета стрѣлы отъ форта. Еще разъ парламентеръ съ бѣлымъ флагомъ вызвалъ Макъ-Ферсона и потребовалъ сдачи и Макъ-Ферсонъ еще разъ съ большей самоувѣренностью повторилъ свой отказъ. Помощь была близка.

Нельзя было терять ни минуты. За спущеннымъ бѣлымъ флагомъ на крышу дома полетѣли стрѣлы, къ которымъ были прикрѣплены шары горѣвшей смолы съ сѣрой. Первая стрѣла вонзилась въ крышу и зажгла ее; за ней другая, третья,. Палящіе лучи полуденнаго солнца накалили гонтовую крышу и она запылала дружно обхваченная пламенемъ со всѣхъ сторонъ. Макъ-Фергонъ послалъ на крышу солдатъ тушить огонь и рубить доски, но залпы шести фунтовыхъ орудій согнали ихъ съ крыши. Домъ запылалъ и никакія человѣческія усилія не могли погасить пожара. Англичане чтобы несгорѣть живьемъ принуждены были сдаться. Макъ-Ферсонъ вывѣсилъ бѣлый флагъ.

Мистрисъ Моттъ все время стояла на холмѣ у воротъ своей фермы и смотря на пламя пожиравшее домъ радовалась новому торжеству своихъ согражданъ. Но это торжество не заставило ее забыть и великодушіе въ отношеніи побѣжденнаго непріятеля. Взятый въ плѣнъ Макъ-Ферсонъ со своимъ гарнизономъ былъ помѣщенъ на ея фермѣ. И Макъ-Ферсонъ и его солдаты нашли у ней тотъ же пріемъ, который находили американцы. Мистрисъ Моттъ не позволила себѣ ни однимъ словомъ намекнуть на ихъ несчастіе, не смотря на то что въ началѣ войны, когда американскіе войска терпѣли пораженіе за пораженіемъ, ей часто приходилось слышать отъ англичанъ и тори оскорбительныя похвальбы и дерзкія насмѣшки надъ несчастьями ея согражданъ.

Мистрисъ Моттъ пришлось испытать много, опасностей во время войны за независимость и во всѣхъ случаяхъ она выказала туже готовность жертвовать своимъ имѣніемъ, своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ для общественнаго блага. Быть можетъ нѣкоторыя изъ моихъ молодыхъ читательницъ возразятъ, что она жертвовала жизнью людей, которыми по праву человѣчества она не должна была располагать. Но несправедливо мѣрять все своимъ аршиномъ и судить людей XVIII вѣка по идеаламъ XIX. Негры

считались собственностью мистрисъ Моттъ. Мысль о безнравственности этого рода собственности жила въ то время еще только въ немногихъ лучшихъ умахъ и когда нѣсколько лѣтъ по заключеніи мира на конгрессѣ былъ поднятъ вопросъ объ освобожденіи негровъ, онъ былъ заглушенъ немедля общимъ неудовольствіемъ. Мистрисъ Моттъ считала себя вправѣ располагать своею собственностью и ее несправедливо осуждать за то что она не стояла выше своего вѣка.

Въ продолженіи своей жизни, мистрисъ Моттъ выказала много твердости, энергіи и честности. Мужъ ея, какъ было сказано выше; запуталъ имѣніе отчасти внеся въ кассу конгресса значительныя суммы, отчасти поручительствомъ за друзей. Раззореніе имѣнія давало мистрисъ Моттъ законный предлогъ не выплачивать обязательства мужа, тѣмъ болѣе, что они превышали стоимость имѣнія по оцѣнкѣ сдѣланной по окончаніи войны. Она считала своимъ долгомъ очистить память мужа отъ нареканій и рѣшилась посвятить жизнь свою на уплату долговъ. Напрасно родные и друзья представляли ей весь рискъ подобнаго предпріятія, рѣшимость мистрисъ Моттъ была непреклонна. Она поручила одному пріятелю купить ей въ кредитъ большіе участки нерасчищеннаго болота на берегу рѣки Санти для рисовой плантаціи, построила хижины для негровъ и переѣхала на новую плантацію. Она была тогда уже не молодой женщиной, у ней во время пожара дома, была замужняя дочь,—и въ эти лѣта она оставила мѣстность къ которой привыкла, которая была дорога ей столькими воспоминаніями, гдѣ жили родные и старые друзья и переѣхала въ нездоровую мѣстность, на берега болотистой рѣки, разсадники лихорадокъ и изнурительныхъ болѣзней. Она отказалась отъ всѣхъ привычекъ комфорта, жила въ бѣдномъ домикѣ, и неутомимымъ трудолюбіемъ и упорной энергіей въ продолженіи очень короткаго времени, такъ успѣшно повела свою плантацію, что не только выплатила всѣ долги

мужа, но и оставила дѣтямъ и внукамъ, прекрасное чистое отъ всякаго долга имѣніе.

Въ мемуарахъ мистрисъ Элистъ, есть еще разсказъ объ одной женщинѣ поплатившейся домомъ за свой патріотизмъ. Когда штатъ Нью-Джерсей былъ занятъ англійскими войсками, англійскій генералъ занимавшій квартиру въ Бордентоунѣ, имѣніи мистрисъ Борденъ хотѣлъ убѣжденіями и угрозами принудить ее употребить свое вліяніе на мужа и сына, чтобы заставить ихъ перейти на сторону короля.

Вліяніе американокъ было сильно и признано не только американцами но и самимъ непріятелемъ и подобныя требованія, подкрѣпленныя угрозами, были явленіемъ привычнымъ. Всѣ нерѣшительные, незнавшіе въ началѣ войны къ которой сторонѣ пристать, были увлечены въ партію виговъ вліяніемъ женщинъ. Мужъ и сынъ мистрисъ Борденъ были одними изъ самыхъ вліятельныхъ землевладѣльцевъ въ Нью-Джерсеѣ и переходъ ихъ на сторону тори далъ бы рѣшительный перевѣсъ партіи короля.

Англійскій генералъ,—по отзывамъ нѣкоторыхъ газетныхъ хроникеровъ того времени, то былъ самъ лордъ Корнвалисъ—обѣщалъ мистрисъ Борденъ, что ея имѣніе останется неприкосновеннымъ только съ условіемъ измѣны ея мужа отечеству и свободѣ и что въ случлѣ ея отказа употребить свое вліяніе на мужа ея великолѣпный домъ будетъ жертвой пламени. Мисрисъ Борденъ отвѣчала непріятелю вызовомъ начать немедля это дѣло разрушенія.

— Видъ моего пылающаго дома будетъ для меня радостнымъ предзнаменованіемъ, отвѣчала. Я знаю, что вы разрушаете то что не надѣетесь сохранить для себя. Первый факелъ, который зажжетъ мой домъ—будетъ для меня сигналомъ вашего выступленія изъ Америки.

Узнавшіе объ отвѣтѣ солдаты въ порывѣ ярости сожгли домъ и опустошили все имѣніе; но предсказаніе мистрисъ Борденъ сбылось: непріятель скоро былъ принужденъ вы-

ступить изъ штата—выступленіе бывшее предзнаменованіемъ его выступленія изъ Америки.

Изабелла Фергюзонъ.

Мистрисъ Эллетъ въ своихъ мемуарахъ приводитъ интересный примѣръ вліянія женщины. Самюэль Фергюзонъ одинъ изъ младшихъ сыновей старинной дворянской фамиліи Фергюзонъ, жилъ на небольшой фермѣ въ Южной Каролинѣ, старшіе братья его были роялистами, и самый старшій, наслѣдовавшій все имѣніе Фергюзоновъ былъ полковникомъ въ англійской арміи, стоявшей лагеремъ у Скалистой горы. Самюэль женился на дочери вига Самюэля Барбера, братья которой Джемсъ и Джозефъ считались лучшими стрѣлками въ партизанскомъ отрядѣ виговъ. Самюель Фергюзонъ былъ человѣкъ очень ограниченный и миролюбивый, спорные вопросы политики волновавшіе умы колоній передъ началомъ войны были для него неразрѣшимой трудностью, и онъ обыкновенно чуть только выходилъ между сосѣдями споръ объ общественныхъ дѣлахъ, бралъ ружье и отправлялся на охоту. Сосѣди подозрѣвали, что онъ во время охоты доходилъ до англійскаго лагеря и передавалъ извѣстія, но нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ его роли шпіона, и если онъ и брался когда либо за нее, то онъ скрывалъ это отъ жены. Изабелла была ревностная пуританка, усердно ходила на собранія слушать проповѣди пастора, и хорошо знала библію и политическое исповѣданіе вѣры своей секты. Къ непоколебимому и горячему убѣжденію Изабеллы присоединялся острый умъ и бойкій и острый языкъ. Она часто пыталась убѣдить мужа пристать къ братьямъ, но безуспѣшно: преданія дѣтства, связи съ родными имѣли слишкомъ много силы надъ вялымъ и лѣнивымъ умомъ мужа; и Изабелла могла добиться одного, что онъ останется нейтральнымъ въ борьбѣ.

Полковникъ Фергюзонъ собралъ отрядъ роялистовъ и

не мало гордился и своимъ новымъ постомъ и своимъ новымъ мундиромъ, который шелъ къ его красивой и мужественной наружности. Другіе братья немедля по его производствѣ явились въ королевскій лагерь, разсчитывая на почести и богатство. Одинъ Самюель не явился, его не пустила жена. Что было дѣлать съ упрямой ирландкой. Полковникъ Фергюзонъ отправлялся въ экспедицію вмѣстѣ съ Гекомъ. Въ одно утро онъ явился на ферму брата со своимъ полкомъ, блестя мундиромъ и эполетами, ведя за собой полкъ, который шелъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами старой Англіи. Онъ нарочно сдѣлалъ нѣсколько лишнихъ миль, чтобы зайти на ферму брата, разсчитывая ослѣпить молодую женщину блескомъ своего военнаго величія и заставить ее желать того же для мужа. Но онъ разсчитывалъ напрасно, шитый золотомъ мундиръ не имѣлъ никакой прелести для молодой женщины и она не замѣтила, что полковникъ казался въ немъ гораздо молодцоватѣе, чѣмъ мужъ ея въ пеньковыхъ охотничьихъ панталонахъ и курткѣ.

Подойдя къ фермѣ Фергюзонъ послалъ дежурнаго сказать Сэмюэлю, что полковникъ войскъ его королевскаго величества хочетъ говорить съ нимъ. Сэмюэль вышелъ очень удивленный и сдѣлалъ очень жалкую физіономію увидѣвъ брата, который торжественной рѣчью предложилъ ему слѣдовать за войсками его величества, прибавивъ, что нарочно заѣхалъ на ферму съ цѣлью увести его.

– Можетъ быть и весьма вѣроятно, я буду сдѣланъ лордомъ, заключилъ онъ:—и тогда каково будетъ мое положеніе когда мнѣ скажутъ, что братъ мой бунтовщикъ.

Изабелла, которая стояла въ сторонѣ во время торжественной рѣчи полковника кинулась къ нему при послѣднихъ словахъ.

— Да я бунтовщица, сказала она, — и горжусь этимъ именемъ; и братья мои бунтовщики, и собака моя Трипъ бунтовщикъ. Слушайте Джемсъ, что я вамъ скажу. Я бы

лучше хотѣла васъ видѣть въ рубищѣ, чѣмъ выфранченнымъ въ этомъ мундирѣ. Я слышала, что вы заковали нашего пастора за ноги, какъ преступника! Бунтуйте и будьте свободны,—вотъ моя вѣра.

Обратясь къ мужу она продолжала:—Мы часто съ тобой говорили объ этомъ, Сэмюэль, и ты никогда не одобрялъ ихъ злодѣйскіе поступки, они пришли сдѣлать рабами насъ, которые готовы скорѣе умереть. Они грабятъ насъ, отнимаютъ у бѣдняка послѣднюю корову, они злодѣи. Теперь въ прусутствіи британскаго войска, я скажу тебѣ: если ты уйдешь съ ними, такъ и оставайся у нихъ—я не жена тебѣ болѣе! Ты знаешь если Джо и Джемми увидятъ тебя съ ними, они выберутъ меня мишенью и не промахнутся.

Сэмюель зналъ, что его Изабелла сдержитъ слово, онъ крѣпко любилъ ее—и послушался ея требованія. Онъ сказалъ брату, что на этотъ разъ не можетъ отправиться съ нимъ, просилъ передать начальству, что онъ вѣрный слуга короля, что только жена его сбилась съ истиннаго пути, и потому онъ принужденъ довольствоваться тѣмъ, что будетъ служить его величеству по мѣрѣ своихъ силъ, оставаясь дома и стараясь обращать на путь истинный бунтовщиковъ. «Еслибъ я могъ только обратить Изабеллу, я бы обратилъ и весь кланъ виговъ; а то она здѣсь много мудритъ и не удержитъ своего языка, хоть бы ей грозили смертью.»

Неизвѣстно искренно ли говорилъ Сэмюель, или изъ осторожности обѣщалъ служить его величеству по мѣрѣ силъ дома; но только служить ему не удалось, объ этомъ позаботилась Изабелла; но объ этомъ послѣ.

Братья пожавъ другъ другу руки разстались, и полковникъ уѣзжая подтвердилъ ему, чтобы онъ оставался вѣрнымъ тори и не терялъ мужества, прибавивъ что непремѣнно выхлопочетъ ему патентъ на чинъ. Но ему не удалось выхлопотать патента. Онъ нѣсколько времени опу-

мужа, но и оставила дѣтямъ и внукамъ, прекрасное чистое отъ всякаго долга имѣніе.

Въ мемуарахъ мистрисъ Элистъ, есть еще разсказъ объ одной женщинѣ поплатившейся домомъ за свой патріотизмъ. Когда штатъ Нью-Джерсей былъ занятъ англійскими войсками, англійскій генералъ занимавшій квартиру въ Бордентоунѣ, имѣніи мистрисъ Борденъ хотѣлъ убѣжденіями и угрозами принудить ее употребить свое вліяніе на мужа и сына, чтобы заставить ихъ перейти на сторону короля.

Вліяніе американокъ было сильно и признано не только американцами но и самимъ непріятелемъ и подобныя требованія, подкрѣпленныя угрозами, были явленіемъ привычнымъ. Всѣ нерѣшительные, незнавшіе въ началѣ войны къ которой сторонѣ пристать, были увлечены въ партію виговъ вліяніемъ женщинъ. Мужъ и сынъ мистрисъ Борденъ были одними изъ самыхъ вліятельныхъ землевладѣльцевъ въ Нью-Джерсеѣ и переходъ ихъ на сторону тори далъ бы рѣшительный перевѣсъ партіи короля.

Англійскій генералъ,—по отзывамъ нѣкоторыхъ газетныхъ хроникеровъ того времени, то былъ самъ лордъ Корнвалисъ—обѣщалъ мистрисъ Борденъ, что ея имѣніе останется неприкосновеннымъ только съ условіемъ измѣны ея мужа отечеству и свободѣ и что въ случаѣ ея отказа употребить свое вліяніе на мужа ея великолѣпный домъ будетъ жертвой пламени. Мисрисъ Борденъ отвѣчала непріятелю вызовомъ начать немедля это дѣло разрушенія.

— Видъ моего пылающаго дома будетъ для меня радостнымъ предзнаменованіемъ, отвѣчала. Я знаю, что вы разрушаете то что не надѣетесь сохранить для себя. Первый факелъ, который зажжетъ мой домъ—будетъ для меня сигналомъ вашего выступленія изъ Америки.

Узнавшіе объ отвѣтѣ солдаты въ порывѣ ярости сожгли домъ и опустошили все имѣніе; но предсказаніе мистрисъ Борденъ сбылось: непріятель скоро былъ принужденъ вы-

ступить изъ штата — выступленіе бывшее предзнаменованіемъ его выступленія изъ Америки.

Изабелла Фергюзонъ.

Мистрисъ Эллетъ въ своихъ мемуарахъ приводитъ интересный примѣръ вліянія женщины. Самюэль Фергюзонъ одинъ изъ младшихъ сыновей старинной дворянской фамиліи Фергюзонъ, жилъ на небольшой фермѣ въ Южной Каролинѣ, старшіе братья его были роялистами, и самый старшій, наслѣдовавшій все имѣніе Фергюзоновъ былъ полковникомъ въ англійской арміи, стоявшей лагеремъ у Скалистой горы. Самюэль женился на дочери вига Самюэля Барбера, братья которой Джемсъ и Джозефъ считались лучшими стрѣлками въ партизанскомъ отрядѣ виговъ. Самюель Фергюзонъ былъ человѣкъ очень ограниченный и миролюбивый, спорные вопросы политики волновавшіе умы колоній передъ началомъ войны были для него неразрѣшимой трудностью, и онъ обыкновенно чуть только выходилъ между сосѣдями споръ объ общественныхъ дѣлахъ, бралъ ружье и отправлялся на охоту. Сосѣди подозрѣвали, что онъ во время охоты доходилъ до англійскаго лагеря и передавалъ извѣстія, но нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ его роли шпіона, и если онъ и брался когда либо за нее, то онъ скрывалъ это отъ жены. Изабелла была ревностная пуританка, усердно ходила на собранія слушать проповѣди пастора, и хорошо знала библію и политическое исповѣданіе вѣры своей секты. Къ непоколебимому и горячему убѣжденію Изабеллы присоединялся острый умъ и бойкій и острый языкъ. Она часто пыталась убѣдить мужа пристать къ братьямъ, но безуспѣшно: преданія дѣтства, связи съ родными имѣли слишкомъ много силы надъ вялымъ и лѣнивымъ умомъ мужа; и Изабелла могла добиться одного, что онъ останется нейтральнымъ въ борьбѣ.

Полковникъ Фергюзонъ собралъ отрядъ роялистовъ и

стошалъ Честерскій и сосѣдніе округи сѣверной Каролины, казня виговъ, не щадя даже женщинъ, отсылая плѣнныхъ въ лагерь Скалистой горы (Rocky Mount) забирая запасы хлѣба изъ амбаровъ и угоняя скотъ, пока усилившіеся отряды виговъ не выгоняли его изъ округа въ округъ. Въ своихъ стычкахъ съ вигами, онъ принужденъ былъ закрыть свой великолѣпный мундиръ, потому что стрѣлки виговъ, особенно Джо и Джемми, братья его невѣстки, умѣли мѣтко попадать въ цѣль, и постоянно цѣлили въ офицеровъ. Послѣ пораженія Гёка при Уильястонѣ и полковникъ Фергюзонъ былъ «ссаженъ съ лошади» какъ говорили виги и ударившись головой о земь былъ оставленъ замертво на полѣ и вскорѣ умеръ. Двое изъ его братьевъ были ранены и съ немногими уцѣлѣвшими солдатами изъ разсѣяннаго отряда скрылись въ лѣсу, куда жены братьевъ приносили пищу по ночамъ.

Послѣ этой побѣды виговъ, Сэмюель убѣдился смертью полковника и несчастнымъ положеніемъ другихъ братьевъ, что его жена была права и съ этой минуты сталъ самымъ покорнымъ мужемъ.

Новое бѣдствіе, неизбѣжное послѣдствіе войны — голодъ, обрушилось на несчастные округа. Запасы хлѣба были расхищены торіями, то чего они не могли унести было сожжено. Убитые въ сраженіяхъ или повѣшенные послѣ нихъ виги оставили вдовъ и сиротъ, положеніе ихъ было ужасно. Изабелла была дѣятельная и практическая женщина. Она придумала средство облегчить бѣдствія голода, получившее полное одобреніе мужа, который сдѣлался ея усерднѣйшимъ помощникомъ, хотя эта помощь сильно противорѣчила его обѣщанію служить его королевскому величеству по мѣрѣ силъ. Но Изабелла убѣдила его, что его долгъ загладить то зло, которое нанесли родному округу его братья.

— Твои братья, говорила она: — сами шли на свою погибель, да и другихъ увлекли за собой, они продали

насъ чужестранцамъ. Но и самое страшное преступленіе прощается раскаявшемуся. Ты долженъ вмѣстѣ съ ними работать, чтобы облегчить всѣ бѣдствія ихъ измѣны, помогая тѣмъ, которые лишились всего изъ за нихъ, и тогда виги забудутъ, что они сдѣлали и будутъ считать васъ друзьями.

Но открыто помогать вигамъ для тори было невозможно, потому что онъ этой помощью осуждалъ себя на висѣлицу. Изабелла, которая пользовалась общимъ довѣріемъ населенія округа собирала у женъ богатыхъ виговъ запасы хлѣба, зерна, полотна, сукна, съѣстные припасы и все это приносилось не на ферму къ ней, а въ глубокій погребъ вырытый ночью Сэмюелемъ по ея приказанію въ глубинѣ оврага, образованнаго крутымъ обрывомъ холма на берегу скалистаго ручья (Rocky Creek). И теперь еще многіе изъ прохожихъ не знакомые съ преданіемъ, остановясь на прекрасной широкой дорогѣ, смѣнившей прежнія крутыя тропинки по почти отвѣсной стѣнѣ оврага, по которымъ нужно было спускаться цѣпляясь за кусты, удивляются къ чему вырытъ въ этой стѣнѣ глубокій квадратный погребъ въ десять футъ ширины и глубины. Въ этотъ погребъ Сэмюель приносилъ по ночамъ запасы, которые днемъ выпрашивала его жена. Зерновой хлѣбъ приносился въ его амбаръ, откуда выдавался совѣднимъ вдовамъ и сиротамъ. Фергюзонъ по совѣту Изабеллы не довольствовался этой помощью и, окончивъ работы на своей фермѣ, шелъ помогать вдовамъ и сиротамъ пахать ихъ участки земли. Благодаря усиліямъ мужа и жены голодъ прекратился; поля въ округѣ были вспаханы и бѣдствія голода были отвращены и на слѣдующій годъ. Виги стали смотрѣть и на Сэмюеля какъ на одного изъ своихъ, полагая что онъ только изъ осторожности не переходитъ открыто на ихъ сторону; и Сэмюель могъ перенести къ себѣ изъ лѣса братьевъ, положеніе которыхъ было ужасно. Они оправились благодаря попеченіямъ Изабеллы и по ея совѣту приняли участіе въ ея дѣятельности.

Когда по заключеніи мира тори многихъ округовъ были принуждены совѣтомъ общинъ выселиться изъ округа и даже изъ штата, одни Фергюзоны получили право остаться,— населеніе привыкло видѣть друзей въ прежнихъ врагахъ. Торжество американцевъ стоило дорого Изабеллѣ, ея Джо и Джемми были убиты, а старый отецъ умеръ съ горя отъ смерти двухъ единственныхъ сыновей. Смерть дорогихъ людей и пятно лежавшее на имени Фергюзонъ стоило Изабеллѣ не мало слезъ, по ея собственному признанію.

Ненси Гринъ.

Очеркъ жизни Ненси Гринъ даетъ много интересныхъ подробностей о бытѣ народа во время революціи. Мистрисъ Эллетъ составила его по запискамъ, которые вели многіе изъ свидѣтелей этой кровавой и славной эпохи. Ненси Гринъ была дочерью пуританина Роберта Стивенсона, или какъ его звали для краткости Стинсона, и родилась въ графствѣ Энтримъ въ Ирландіи въ 1750 году. Робертъ воспитывалъ свое семейство въ строгихъ пуританскихъ правилахъ; но гоненія которыя начало противъ туританъ англійское правительство, заставили его подъ руководствомъ пастора Уильяма Мартина вмѣстѣ съ многими сосѣдями переселиться въ Америку на берега Роки Крика, притока Катоубы, въ графство, нынѣ округъ Честеръ, Южной Королины, гдѣ они могли «исповѣдывать свою вѣру какъ ихъ учила совѣсть».

Ненси вышла замужъ за Уильяма Андерсона не задолго до переселенія. Молодая женщина разставалась съ мѣстомъ, въ которомъ родилась и выросла, съ друзьями дѣтства и шла на жизнь труда и лишеній въ чужую далекую сторону. Съ нею ѣхали отданная на ея попеченія сиротка Лиззи Крегъ, племянница Андерсона. Въ то время англійское правительство давало даромъ земли въ колоніяхъ переселенцамъ. Прибывъ въ Америку они получали патентъ и

захватывали столько земли, сколько были въ состояніи обработать. Переселенцы вообще старались разработывать участки около одного центральнаго пункта, который выбирали для постройки церкви. Мѣсто выбранное Мартиномъ и его паствой былъ не большой холмъ между большимъ и малымъ Роки Крикомъ. Здѣсь лѣтомъ 1773 года можно было видѣть ежедневно ревностныхъ пуританъ за работой. Они рубили лѣсъ, обчищали бревна и строили храмъ, въ которомъ власть деспота не помѣшала бы имъ молиться Богу. Бревенчатые дома, лог-гаузы, какъ ихъ звали выростали изъ земли въ недальнемъ разстояніи во кругъ церкви въ нихъ пріютили женщинъ и дѣтей, мущины жили въ палаткахъ.

Уильямъ Андерсонъ выбралъ себѣ участокъ земли въ двухъ миляхъ на востокъ отъ большаго Роки-Крика; когда церковь была окончена онъ сложилъ себѣ лог-гаузъ и расчистилъ поле для маиса. Уильямъ не зналъ какъ сѣютъ и ростятъ этотъ хлѣбъ, но прежніе поселенцы и дѣти уроженцовъ колоніи всегда были готовы помочь и совѣтомъ и дѣломъ новымъ эмигрантамъ. Жатва съ небольшаго поля могла продовольствовать всю семью; нужно было сѣять только зерно для хлѣба; овса для скота было не нужно потому что въ лѣсахъ росла густая сочная трава, множество дикаго гороха и тростника и было изъ чего заготовлять на цѣлыя годы запасы сѣна и подстилки для лошадей и рогатаго скота. Въ ручьяхъ было много желѣзницы и другой рыбы, а вѣрное ружье, неизмѣнно висѣвшее на гвоздѣ, у двери въ рукахъ поселенцовъ умѣло мѣтко бить оленей, медвѣдей и разную птицу, которой изобиловали лѣса. Среди этой дѣвственной природы работящему смышленому человѣку легко было зашибить деньгу. Хорошій охотникъ могъ ежедневно заработать по пяти долларовъ въ день продажей окороковъ и звѣриныхъ кожъ, и кромѣ того прокормить и одѣть себя съ семьей добычей своей охоты; онъ могъ и не

продавать этотъ излишекъ, но отдавать его въ общину для бѣдныхъ, если былъ щедрымъ человѣкомъ. Колонисты отсылали окорока и кожи въ Чарльстонъ и вымѣнивали ихъ на порохъ, пули и земледѣльчестія орудія и другія необходимыя вещи. Богатство этихъ поселенцевъ какъ и древнихъ патріарховъ составляли стада и жатва полей; образъ жизни ихъ былъ тоже патріархальный: они обработывали землю, ходили за стадами и были незнакомы съ нуждами и тревогами цивилизованной жизни городовъ.

Такъ жили ирландскіе пуритане покинувшіе родину за свободу, которую имъ дали лѣса новаго свѣта. Проживъ семь лѣтъ въ своемъ лѣсномъ лог-гаузѣ, Андерсоны достигли довольства и камфорта, котораго никогда не знали въ Ирландіи; годъ за годъ увеличивался участокъ, который они пахали и наконецъ разросся въ поле въ десять акровъ, что считалось въ то время достаточнымъ для самой большой фермы. Двѣ три коровы, столько-же лошадей и десятокъ овецъ размножились въ большое стадо. Уильямъ сдѣлался зажиточнымъ человѣкомъ, имѣлъ голосъ въ совѣтѣ общины и въ свою очередь могъ помочь новымъ поселенцамъ зерномъ для посѣва и коровой для развода скота. Въ просторномъ и свѣтломъ лог-гаузѣ, въ которомъ все блестѣло чистотой благодаря неутомимымъ рукамъ Ненси, звенѣли дѣтскіе голоса и раздавался дѣтскій смѣхъ. Изъ троихъ дѣтей Уильяма и Ненси Андерсонъ старшая Мери уже читала и учила катехизисъ у пастора Мартина, Робертъ начиналъ разбирать библію, а маленькій Уильямъ только что начиналъ ходить. Каждое воскресенье по утру родители одѣвъ ихъ въ праздничныя платья сидѣли съ ними на скамьѣ приходской бревенчатой церкви съ неизмѣнной библіей и псалтыремъ въ рукахъ.

Но мирная жизнь ихъ вскорѣ была возмущена слухами о войнѣ. Въ ихъ далекій уголъ пришло извѣстіе что чужестранныя войска пришли поработить ихъ братьевъ, которые

приняли ихъ съ такою любовью и въ свободной землѣ начать тѣже притѣсненія, отъ которыхъ они бѣжали. Война опустошавшая сѣверъ доходила и до нихъ. Сдача Чарльстона, пораженіе знаменитаго Южно-Королинскаго партизана Макъ Клюра показали имъ что опасность грозитъ и ихъ мирному отдаленному уголку. Затѣмъ пришло извѣстіе о Уаксоуской рѣзнѣ на другомъ берегу рѣки, когда дивизія Бёрфордса была захвачена въ расплохъ и истреблена безъ пощады Тарльтономъ, а вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ — послѣднее самое ужасное что англійскіе войска стали лагеремъ у Роки Моунта и что все населеніе Уатери толпами шло въ лагерь брать охранные листы и вступать въ подданство короля Георга. Эмигранты Роки Крика съ ужасомъ ждали ежедневно появленіе отряда англичанъ, которые главнокомандующій разсылалъ во всѣ округа Южной Каролины для усмиренія. Это печальное положеніе дѣлъ заставило эмигрантовъ собраться въ воскресенье въ свою бревенчатую церковь, въ іюнѣ 1780 года, обсудить что имъ дѣлать.

Въ утро этого памятнаго для поселенцевъ воскресенья тропинки, которыя вели къ церкви были полны народомъ. Поселенцы надѣли свои лучшія платья; одежда женщинъ ирландскихъ поселенцевъ рѣзко отличалась отъ другихъ. Платья ихъ привезенные изъ Ирландіи, которыя береглись тщательно не столько изъ экономіи сколько въ память роднаго зеленаго острова, пестрѣли на солнцѣ яркими цвѣтами и кидались въ глаза между сѣрыми и темными платьями суровыхъ пуританокъ; перья ихъ пуховыхъ шляпъ съ узкими полями развѣвались въ воздухѣ, густыя косы были распущены по плечамъ, а не обвязаны черной лентой вокругъ головы. Къ величайшему удивленію женъ старыхъ поселенцевъ и туземныхъ уроженокъ, платья ирландокъ изъ толстого шелковаго штофа, камки, старинной матеріи изъ шерсти со льномъ похожей на шелковую, и изъ ирландской узорчатой бумажной ткани обхватывали стройно ихъ станъ, не

древней и новой исторіи и долго вникалъ въ отчеты о несогласіяхъ между соединенными колоніями и метрополіей. Жестоко были оскорблены наши сограждане. Чаша золъ переполнилась и провозглашеніе независимости было вырвано у нихъ вмѣстѣ съ обѣтомъ не щадить жизни для защиты ея. Наши предки въ Шотландіи точно также провозгласили свою независимость и отстояли ее цѣною своей жизни. Пришелъ и нашъ чередъ отстоять ее, чтобы насъ ни ждало.

Вслѣдъ за этимъ короткимъ воззваніемъ онъ прочелъ молитву, спѣлъ псаломъ, которому вторили прихожане и затѣмъ торжественно мѣрнымъ голосомъ началъ свою проповѣдь. Онъ привелъ многія мѣста изъ библіи, доказывавшіе что народъ имѣетъ право противиться притѣснителямъ, ссылался на примѣры древней и новой исторіи государей попиравшихъ права народа, яркими красками описывалъ начало и распространеніе реформаціи и торжество истины надъ злодѣйствами и мракомъ среднихъ вѣковъ и наконецъ доказавъ законность возстанія. Сдѣлавъ въ немногихъ словахъ очеркъ военныхъ событій съ начала Лексингтонской битвы и все болѣе и болѣе одушевляясь мирный пасторъ превратился въ Демосѳена. Громовымъ голосомъ и ударяя сжатой рукой по краю своей каѳедры, онъ призывалъ прихожанъ къ оружію и увѣщевалъ ихъ сражаться неустрашимо за свои права и свободу. Когда онъ упомянулъ о недавней ужасной Бёрфордской рѣзнѣ, когда просившіе пощады виги были перерѣзаны британскими драгунами, негодованіе его разразилось бурнымъ потокомъ.

— Ступайте! воскликнулъ онъ протянувъ руку по направленію къ Уаксау: — вы тамъ увидите доказательство милосердія Великобританіи. Тамъ въ церкви вы найдете еле-дышащихъ братьевъ изрубленныхъ до того, что въ нихъ не осталось подобія человѣка; у однихъ безобразные обрубки вмѣсто рукъ и ногъ: у другихъ по одной рукѣ и ногѣ. Счастливы лишившіеся только одного члена. Это злодѣяніе

можетъ сравниться своимъ ужасомъ съ тѣмъ, которое выгнало нашихъ отцовъ изъ ихъ мирныхъ жилищъ въ лѣса гдѣ ихъ травили какъ дикихъ звѣрей. Взгляните на богоугднаго юношу Джемса Несбита, котораго британцы травили цѣлые мѣсяцы за преступленіе — стоять на колѣняхъ въ субботній день не въ той церкви, куда гоняли его прикладами ружей. Онъ здѣсь надѣялся найти мирное убѣжище—и руки ихъ и здѣсь достаютъ его! Много подобныхъ примѣровъ привелъ проповѣдникъ. Когда онъ умолкъ прихожане отвѣчали ему криками гнѣва; на лицѣ каждаго была написана рѣшимость стоять противъ врага. Она видна была въ стиснутыхъ зубахъ, въ сверкавшихъ глазахъ и поднятыхъ къ небу кулакахъ. Они обдумали что имъ нужно было дѣлать во время проповѣди и клялись не класть оружія, не ворочаться домой пока не побѣдятъ врага; женщины тоже порѣшили что имъ дѣлать: онѣ хотѣли пахать землю, исправлять всѣ тяжелыя мужскія работы и самимъ идти сражаться, если нужно.

Когда служба была окончена и пасторъ сошелъ съ каѳедры Уильямъ Страудъ, одинъ изъ старыхъ поселенцевъ подошелъ къ нему съ своими сыновьями. Они были сильные рослые молодцы цѣлою головой выше остальныхъ прихожанъ. Онъ спросилъ пастора слышалъ ли тотъ, какъ онъ поколотилъ негодяевъ.

— Теперь я полагаю, сказалъ онъ возвышая голосъ и оглядывая толпу прихожанъ:—что тѣ, которые захотятъ идти въ британскій лагерь за текціонными листами раздумаютъ Вчера я былъ у стараго глухаго Лота и кого бы вы думали стрѣтилъ тамъ? Джони и Дика Фезерстона. Джонъ былъ въ Роки-Моунтѣ, видѣлъ офицеровъ и они дали ему текціонный листъ. Скажи мнѣ Джонъ, говорю я ему, что написано въ этой бумагѣ; онъ сказалъ, что это такая бумага, что кто возьметъ ее тому нечего бояться; британцы не возьмутъ у него ни коровы ни лошади, ни свиньи не заплативъ ему за все двойную цѣну. Ну Джонъ, говорю я ему:

теперь я знаю кто подучилъ британцевъ отнять у Джема Стинтона все стадо, которое они вчера угнали, да еще ударомъ сшибли съ ногъ мистрисъ Стинтонъ за то, что она хотѣла спрятать старую Бриндель въ конюшню, чтобы оставить хоть одну коровенку для дѣтей. Теперь Джонъ, говорю я ему опять: — ты взялъ британскую тенцію, а я тебѣ дамъ вигскую текцію. И я сшибъ его съ ногъ. Дикъ прибѣжалъ; я ударилъ его въ лицо, онъ увернулся, Джонъ всталъ и убѣжалъ, а Дикъ началъ просить прощенія, какъ высѣченный мальчишка. Я сказалъ ему, чтобы онъ пошелъ сказать всѣмъ людямъ бравшимъ текціонныи бумаги, что они будутъ высѣчены и коровы и скотъ ихъ будутъ отняты и отданы Джемсу Стинсону въ уплату за его угнанный скотъ Я думаю, господинъ пасторъ, что вы это называете моисеевымъ закономъ. Гмъ, текціонные люди увидятъ, что имъ есть чего бояться. А что касается до этихъ британцевъ, то, господинъ пасторъ, будь я проклятъ, если моя старая Нелли не прозвенитъ имъ уши, и онъ потрясъ свое ружье. Извините меня, что я клянусь на этотъ разъ. Теперь, господинъ пасторъ, вотъ я и старый Биль и того двое, вотъ молодые Уиль, Томъ, Джекъ, Гемпъ, Эрби, Рэйсомъ и Гарди, они всѣ пойдутъ. Вотъ молодыя дѣвушки, вы видите и имъ будетъ работа. И я оставлю свою внучку маленькую Энзель. Вы говорили, что дѣти отрада для стариковъ, которые сидятъ у воротъ.

Эта оригинальная рѣчь была произнесена не менѣе оригинальнымъ образомъ. Пасторъ Мартинъ принялъ вызовъ старика и волонтеры пошли тотчасъ записываться къ капитану партизанскаго отряда Лэнду.

Возвращаясь домой съ митинга Уильямъ Андерсонъ былъ необычайно молчаливъ. Видно было, что его мучила неотступная серьезная мысль. Жена его первая перервала молчаніе.

---

*) Protection, или какъ выговаривалъ народъ 'tection lettes охранные листы.

— Я думаю Уильямъ, что маленькая Лиззи и я сможемъ убрать хлѣбъ и смотрѣть безъ тебя за стадомъ.

— Я радъ, что ты такъ говоришь Ненси, отвѣчалъ мужъ. Я молчалъ всё время, не зналъ какъ тебѣ сказать, что я завтра ухожу. Теперь я знаю, что дѣлать. Слово Господа указало путь и никогда никто не скажетъ, что мы ковенантеры *) и шотландскіе реформаты не захотѣли помочь, чтобы нашъ ковенантъ устоялъ въ Америкѣ. Слушай Зенси, капитанъ Лэндъ выступитъ до разсвѣта и подастъ сигналъ, что завтра на перекрестной дорогѣ будетъ учить людей, которые пойдутъ съ нимъ драться. Мы такъ уговорились когда я шелъ съ митинга.

Ни слова не было прибавлено болѣе, и ни мужъ, ни жена не подозрѣвали сколько героизма было въ простыхъ словахъ, которыми они обмѣнялись.

День прошелъ, какъ всѣ воскресенья, съ тою разницею, что говорилось о митингѣ и ни слова объ опасности, горести разлуки. Не было ни слезъ ни вздоховъ. Вставая изъ-за стола мистрисъ Андерсонъ сказала.

— Уильямъ былъ ли ты въ церкви въ Баллимони въ тотъ субботній день когда Мери Мартинъ, первая жена, нашего пастора лежала въ гробу въ его домѣ. Никто изъ насъ не думалъ, что онъ придетъ проповѣдывать въ такомъ горѣ. Но когда пробили часы мы увидѣли, что онъ шелъ какъ всегда вдоль длиннаго прохода въ церкви къ каѳедрѣ. Я никогда не забуду его проповѣди. Ни одной пары сухихъ глазъ не нашлось въ цѣломъ собраніи. Старики и старухи плакали навзрыдъ. Я вспоминала объ этой проповѣди сегодня, когда старый Страудъ подошелъ къ нему и говорилъ, какъ будто онъ былъ нашимъ старшиной. Видѣлъ ли ты, какъ нашъ пасторъ ударилъ Строуда по спинѣ, какъ будто отпускалъ его на схватку бокса. Нашъ пасторъ удивительный человѣкъ, отъ человѣкъ Бога, онъ можетъ убѣдить на родъ сдѣлать все, что онъ захочетъ.

---

*) Такъ назывались пуритане отъ слова Covenant — соглашеніе.

Уильямъ Андерсонъ поднялъ голову и спросилъ равнодушнымъ голосомъ.

— Что онъ убѣдилъ тебя выдти за него, Ненси, когда онъ ходилъ къ твоему отцу ухаживать за тобой.

— Нѣтъ, право, Уильямъ. Я не могла думать объ такомъ старикѣ, когда ты уже совсѣмъ запутался въ моихъ сѣтяхъ. Но я сослужила ему добрую службу, намекнувъ, что Дженни Черри мѣтитъ на него, и онъ послушался моего совѣта и они поженились. Ты знаешь, что перваго ребенка они назвали въ честь меня Ненси, она немного постарше нашей Мери.

Медленно прошелъ воскресный вечеръ; рано поутру въ понедѣльникъ плугъ стоялъ неподвижно посреди начатой борозды, а лучшая лошадь осѣдланная и взнузданная ждала у дверей, нетерпѣливо стуча копытомъ. Мистрисъ Андерсонъ встала послѣ полуночи, пекла пироги и лепешки, жарила мясо, и пока печка исправляла свое дѣло, живо сметывала мѣшки, чтобы положить въ нихъ запасы для мужа и лошади, потому что бойкій Балъ, привыкшій отыскивать себѣ кормъ на волѣ, долженъ былъ стоять на привязи у военнаго шатра. Позавтракавши Уильямъ Андерсонъ, простившись съ женой и дѣтьми уѣхалъ.

Часа черезъ два Ненси услыхала пистолетные выстрѣлы, которые раздавались въ сторонѣ сборнаго мѣста и вскорѣ показался и ея Уильямъ, скакавшій черезъ лугъ, такъ скоро, какъ только могъ нести его Балъ. Обскакавъ ферму, онъ свернулъ на дорожку къ ручью спустился подъ гору и переправился черезъ коровій бродъ. Англійскіе драгуны, отъ которыхъ онъ ускользнулъ, выместили свою ярость ограбивъ изъ дома самыя цѣнныя вещи, домашнюю мебель и посуду и грубо обругавъ мистрисъ Андерсонъ. Посѣщеніе ихъ принесло новое бѣдствіе въ домъ бѣдной женщины — оспу. Дѣти занемогли одинъ за другимъ, и матери было ужъ ни дочего кромѣ ухода за ними; ей некогда было даже думать о мужѣ, котораго она мелькомъ видѣла тогда въ

послѣдній разъ. Онъ не возвращался болѣе домой, хотя былъ убитъ два мѣсяца спустя.

Съ помощью Лиззи Ненси ходила за больными дѣтьми, но вскорѣ была принуждена оставить ихъ на цѣлые дни, чтобы допахать съ Лиззи поле. Маленькій Уили былъ долго безнадежно боленъ и когда онъ оправился то его нельзя было узнать, до того цвѣтущее лицо ребенка было изуродовано оспой.

Къ слѣдующему воскресенью стадо мистрисъ Андерсонъ была угнано непріятелемъ и бревенчатый милитвенный домъ сожженъ до тла. Обобранная, одна въ четырехъ голыхъ стѣнахъ Ненси, чтобы прокормить дѣтей кипятила въ молокѣ, которое давали сосѣди, еще зеленыя колосья или жарила и сушила ихъ и потомъ стирала между каменьями въ муку и готовила лепешки и болтушку для себя и больныхъ дѣтей. Въ это время мужъ ея подъ начальствомъ капитана Джона Стиля вступилъ въ армію генерала Сёмтера и стоялъ въ лагерѣ на берегу Катаубы. Онъ былъ убитъ торіями, напавшими измѣнническимъ образомъ на капитана Стиля у фермы Ниля, вмѣстѣ съ Джо Барберомъ, о которыхъ упомянуто въ очеркѣ «Изабелла Фергюзонъ.» И послѣ быстраго бѣгства виговъ тѣла его и Барбера были оставлены непохороненными нѣсколько дней, и жена его не знала ничего объ участи мужа.

Положеніе овдовѣвшей мистрисъ Андерсонъ было ужасно. Братья ея Джемсъ и Уильямъ ушли въ отряды; виги нехотѣвшіе брать текціонныхъ листовъ ушли въ Сѣверную Каролину, весь округъ былъ оставленъ на жертву опустошенію тори. Всѣ пріятельницы ея были тоже вдовы, число ихъ увеличивалось день ото дня. Мужья большей части были убиты, иные умерли отъ голода и болѣзней въ плѣну. Уильямъ Страудъ сынъ старика Страуда былъ повѣшенъ на деревѣ у дороги по приказанію Тарльтона за преступленіе — сражаться за отечество, которое англичане считали своей провинціей. Тѣло его висѣло три недѣли въ августѣ, съ

ярлыкомъ на груди, запрещавшимъ хоронить его подъ опасеніемъ смерти.

Время жатвы наступало и жены ушедшихъ виговъ и вдовы убитыхъ сами сжали и обмолотили хлѣбъ и заготовили муку для своихъ семей. Молодымъ читательницамъ можетъ показаться страннымъ, что мистрисъ Эллетъ нѣсколько разъ упоминаетъ, какъ объ особенной заслугѣ женщинъ американской революціи, что онѣ сами пахали землю и жали хлѣбъ. Жнитво—привычная работа только русской крестьянки, въ Англіи и Америкѣ женщины никогда не занимаются этой работой. Онѣ работали съ тяжелой мыслью, что по всей вѣроятности готовятъ запасы хлѣба для мародеровъ, а самимъ не достанется и четверика зерна.

Убравъ хлѣбъ Ненси вытягала ленъ, вымочила его, смяла и расчесала его. День за днемъ и часто ночью жужжало колесо ея маленькой прялки. Сѣна пришлось сбирать немного, изъ всего стада у ней осталась старая кобыла и молодой жеребенокъ. Собравъ хлѣбъ, она снесла его на сохраненіе въ амбаръ Сэмюеля Фергюзона, а немногія уцѣлѣвшія отъ мародеровъ вещи отдала его женѣ Изабеллѣ; она приняла эти предосторожности въ ожиданіи того времени, когда ей придется лечь въ постель. Она готовилась быть матерью. Въ началѣ зимы она родила сына, назвала его Джемсомъ Барберомъ поимени товарища убитаго съ мужемъ; но ребенокъ былъ слабый и вскорѣ умеръ скарлатиной.

Иногда сосѣди виги, пробиравшіеся украдкой чтобы навѣстить своихъ помогали ей, рубили и возили ей дрова, но помощь приходила рѣдко, и большая часть запаса дровъ была заготовлена ею и Лиззи. Братъ ея Уильямъ Стинсонъ служившій подъ начальствомъ капитана Барбера заходилъ къ ней нѣсколько разъ и иногда съ Беномъ Рауенъ извѣстнымъ партизаномъ удальцомъ того времени, девизомъ котораго было не робѣть передъ опасностью. Братъ успокоилъ ее увѣреніемъ, что тори не посмѣютъ ее тронуть,

потому что Бенъ Рауенъ жестоко мстилъ тори за оскорбленіе вигистскихъ женщинъ и поклялся, что не дастъ спуску тому кто обидитъ сестру его товарища.

Всю зиму мистрисъ Андерсонъ питалась однимъ хлѣбомъ, изрѣдка виги лазутчики приносили ей застрѣленную дорогой дичь или отнятое у тори мясо. Въ февралѣ, когда на югѣ наступаетъ весна, мистрисъ Андерсонъ ухитрилась сложить изъ камней плотину въ рѣкѣ, чтобы задержать рыбу, когда она пойдетъ вверхъ метать икру. Непривычная работа не давалась сразу и она проработала нѣсколько дней стоя по поясъ въ водѣ. Когда рыба пошла то въ ловушку, устроенную Ненси, попадало множество рыбы, которую она каждое утро ловила съ Лиззи. Успѣхъ ловли ободрилъ ее и она сдѣлала нѣсколько такихъ ловушекъ, она сушила и коптила рыбу въ трубѣ камина и запаслась провизіей на случай голода. Часто потомъ вспоминая это трудное время, она говорила, что не чувствовала себя несчастной не смотря на всѣ лишенія. Постоянная работа не давала ей времени думать о своей тяжелой потери, или ужасномъ положеніи и новыхъ несчастіяхъ грозившихъ ежедневно; и въ минуты, когда горе осиливало ее и она начинала горько плакать, мысль о томъ, что если она дастъ себѣ волю, то дѣти останутся безъ куска хлѣба, заставляла ее отеревъ слезы бѣжать на работу.

Наступила весна и она начала пахать землю для новаго посѣва; но тутъ случилось событіе, которое произвело рѣшительный переворотъ въ ея жизни. Недалеко отъ ея фермы жилъ солдатъ, который пришелъ въ ихъ округъ вмѣстѣ съ Томомъ Моррисомъ, отчаяннымъ гулякой, силачемъ и ревностнымъ вигомъ. Томъ Моррисъ не пользовалъ хорошей репутаціей въ сосѣдствѣ и это бросало тѣнь и на новаго пришельца, хотя никто не могъ сказать что либо противъ него. Бѣдность его, которая въ мирное время могла бы подать поводъ къ обвиненію въ праздности и безпутствѣ, потому что въ колоніяхъ каждый работящій чело-

вѣкъ наживался скоро, — во время войны сдѣлалась явленіемъ привычнымъ и перестала считаться порокомъ. У него не было ничего кромѣ охотничьей куртки; лохмотья которой едва держались на плечахъ и онъ поступилъ на ферму Фергюзонъ работать изъ за одежды. Изабелла Фергюзонъ сшила ему полную пару. Онъ по уговору копалъ извѣстное пространство канавъ; ему оставалась окончить неболѣе нѣсколькихъ ярдовъ, какъ вдругъ онъ услышалъ звукъ охотничьяго рога и увидѣлъ всадника, за которымъ гнался отрядъ красныхъ мундировъ. Бросивъ работу онъ побѣжалъ спрятаться на ферму; и немного погодя, когда шумъ погони утихъ, опять вышелъ на работу: но не пришло и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ снова услышалъ топотъ лошадей и увидѣлъ возвращавшіеся красные мундиры. Полагая, что они гонятся за вигами, онъ залѣзъ въ стогъ сѣна и пролежалъ тамъ весь вечеръ и часть ночи; потомъ вылѣзъ, видя что все тихо кругомъ, кончилъ работу до разсвѣта. Поутру надѣвъ новую пару онъ отправился съ намѣреніемъ исполнить слово, которое онъ далъ себя увидавъ вчера погоню красныхъ мундировъ за своимъ землякомъ. Онъ хотѣлъ раздобыться лошадью, выпросить, а если не дадутъ, то просто увести ее и отправиться въ лагерь генерала Грина, который въ то время шелъ къ Кэмдену послѣ Гильфордской побѣды. Онъ шелъ осторожно высматривая тѣ луга гдѣ обыкновенно видалъ много лошадей. Но на этотъ разъ ему не посчастливилось. Наступилъ полдень и онъ не видалъ ни одной лошади, не слыхалъ колокольчика, который обыкновенно привязывали къ шеѣ лошадямъ, когда ихъ пускали пастись. Наконецъ онъ услыхалъ вдали звонъ колокольчика, пошелъ по слѣду поберегу небольшаго ручья протекавшаго вдоль обработаннаго поля. Въ концѣ поля начинался огородъ, и за нимъ онъ увидалъ небольшую бревенчатую избу, и у дверей троихъ дѣтей, игравшихъ на солнцѣ. Молоденькая дѣвушка вынимала колья изъ воротъ плетня, чтобы впустить въ хлѣвъ каурую кобылу съ

жеребенкомъ. Женщина съ очень пріятнымъ лицемъ, замѣтивъ приближеніе незнакомца, тревожно смотрѣла на него во всѣ глаза, не зная другъ онъ или врагъ.

Подойдя къ ней незнакоменъ спросилъ нѣтъ ли на лугу другихъ лошадей кромѣ принадлежавшей ей, она отвѣчала, что нѣтъ и вѣжливо пригласила незнакомца зайти отдохнуть. Приглашеніе было принято, разговоръ завязался и гость узналъ, что хозяйка его вдова, мать троихъ дѣтей, а что молодая дѣвушка сирота, которую она воспитывала, узналъ и все что пришлось вынести бѣдной семьѣ отъ грабежа англичанъ и тори. Онъ разсказалъ ей о своемъ намѣреніи отправиться въ лагерь.

— Я полагаю, сказала Ненси: — что вы тотъ солдатъ, котораго привелъ Томъ Моррисъ.

Отвѣтомъ былъ разсказъ о приключеніяхъ солдата, который будетъ приведенъ ниже. За разсказомъ послѣдовало приглашеніе остаться обѣдать, которое солдатъ принялъ, отказавшись на этотъ день отъ намѣренія захватить лошадь. Разумѣется онъ не могъ и думать о томъ, чтобы отнять у бѣдной женщины послѣднюю лошадь и былъ очень радъ, что не встрѣтилъ ее до своего знакомства съ мистрисъ Андерсонъ. Онъ не хотѣлъ присвоить себѣ лошадь, а думалъ только доѣхавъ до лагеря отпустить ее домой, но лошадь могла бы не найти дорогу, или быть захваченной торіями или менѣе честнымъ вигомъ.

Простившись со своею новою знакомой, солдатъ шелъ обратно къ Фергюзонамъ задумавшись не на шутку. Красивое лицо привѣтливой хозяйки, обрамленное свѣтлыми волосами того цвѣта, который поэты зовутъ золотымъ, мерещилось ему во все время его ходьбы; мужественное терпѣніе съ какимъ она переносила лишенія, ея борьба съ нищетой и бѣдствіями не выходили у него изъ головы. Участь ея была схожа съ его участью. Оба были одиноки, бѣдны и могли разсчитывать только на свою пару здоровыхъ работящихъ рукъ. И когда солдатъ подумалъ о мужествѣ,

которое она выказала, ему стало стыдно вспомнить, какъ онъ наканунѣ залѣзъ въ стогъ сѣна отъ красныхъ мундировъ. И эту ночь солдатъ спалъ очень мало обдумывая новое намѣреніе. Утромъ маленькая Лиззи пришла къ Фергюзонамъ, чтобы обмолотить мѣшокъ зерна. Онъ помогъ ей и, всыпавъ обмолоченное зерно въ мѣшокъ, взвалилъ его на лошадь и предложилъ свезти на мельницу и доставить мистрисъ Андерсонъ. Но маленькая Лиззи не рѣшилась такъ скоро довѣриться незнакомому человѣку, тѣмъ болѣе, что она помнила, какъ онъ разсказывалъ наканунѣ, что хотѣлъ раздобыться лошадью и отказала говоря, что должна сама исполнить приказаніе тетки. Солдатъ остался недоволенъ ея отказомъ, онъ искалъ приличнаго предлога, чтобы снова быть у молодой вдовы, и лишившись его рѣшился отправиться, разсчитывая на счастливую судьбу и гостепріимство хозяйки.

Вскорѣ онъ былъ своимъ въ домѣ вдовы. Мистрисъ Андерсонъ слышала много о немъ отъ Тома Марриса. И когда наконецъ солдатъ рискнулъ спросить.

— Что же, мистрисъ Ненси, вы имѣете хорошее мнѣніе о товарищѣ Тома Морриса?

Мистрисъ Ненси откровенно отвѣчала:

— Хорошее; мой дорогой покойный Уили умеръ смертью солдата.

— И вы вышли бы замужъ за солдата.

— Я еще не думала объ этомъ. Но если я когда либо выйду за мужъ... то я думаю... я не выйду низакого, какъ за солдата.

Преданіе не передаетъ дальнѣйшихъ объясненій между солдатомъ и вдовой, но положительно извѣстно, что дня черезъ три или четыре послѣ этого разговора, товарищъ Тома Морриса пошелъ къ Фергюзонамъ просить лошадь на цѣлый день, и затѣмъ онъ и Ненси Андерсонъ верхомъ на своей каурой кобылѣ отправились по дорогѣ къ плантаціи стараго судьи Джона Гэстона. Послѣ короткой рѣчи

судья объявилъ ихъ мужемъ и женой и получилъ законную плату одного доллара, составлявшаго весь капиталъ, которымъ владѣлъ мужъ.

Внезапное превращеніе мистрисъ Уильямъ Андерсонъ въ мистрисъ Дэніель Гринъ произвело не малый скандалъ въ сосѣдствѣ и повело къ пересудамъ и сплетнямъ между ея друзьями и знакомыми, которые воображали, что имѣютъ неоспоримое право контролировать каждый шагъ молодой вдовы. Не нашлось ни одной души; которая сказала бы, что она сдѣлала приличную партію. Она была хотя обнищавшая но фермерша, онъ былъ солдатъ безъ гроша за душей. Но всего болѣе возмущало ихъ то, что она рѣшилась обойтись безъ всякихъ формальностей, предписанныхъ обычаемъ и церковью, требовавшихъ чтобы пасторъ окликалъ ее и жениха въ церкви три субботнихъ дня; — и безъ самого церковнаго обряда. Эти добрыя души не принимали въ разсчетъ, что въ эти дни скорби и запустѣнія не было болѣе молитвенныхъ митинговъ въ церкви, да и не могло быть, потому что ихъ церковь была сожжена, а самъ пасторъ ушелъ съ партизанскимъ отрядамъ. Ненси не обращала ни малѣйшаго вниманія на эти толки старыхъ ханжей; она считала, что въ дѣлѣ лично касающемся ея, она была лучшимъ судьей и понимала, что обстоятельства могутъ требовать образа дѣйствій, который въ обыкновенное время показался бы неприличнымъ ей самой. Бракъ ея былъ совершенъ вполнѣ сообразно съ американскими законами. На упреки за поспѣшность брака съ человѣкомъ, котораго едва знала, она отвѣчала что въ пять дней знакомства они съумѣли узнать другъ друга лучше, чѣмъ узнали бы въ другое время въ продолженіи годовъ сватовства. Оба знали, что они сдѣлали въ это время. Оба были испытаны въ «горнилѣ бѣдствій революціи и вышли чисты какъ золото.»

Дэніель Гринъ тоже вынесъ на свою долю довольно страданій и горя. Онъ родился въ Нью-Джерсеѣ въ 1752 г.

Родители его были бѣдны, и не могли посылать его въ школу; но способный и понятливый мальчикъ, благодаря своей смѣтливости и отличной памяти учился самоучкой. Когда ему было шесть лѣтъ онъ выучился наизусть всѣ поговорки и изреченія изъ «Бѣднаго Ричарда», сборника для народнаго чтенія, слушая какъ другіе читали вслухъ; потомъ когда ему указали эти изреченія въ книгѣ, онъ самъ добился того что сталъ читать; а затѣмъ выучиться писать было уже легко. Когда онъ подросъ и былъ въ силахъ работать, онъ нанялся въ работники чтобы помогать отцу кормить семью. При началѣ войны онъ отправился въ Филадельфію и поступилъ матросомъ на корабль капитана Бидля. Записываясь на службу онъ предупредилъ капитана, что оставилъ дома неконченную работу и что ему до отправленія корабля нуженъ будетъ отпускъ, чтобы устроить дѣла. Отпускъ былъ обѣщанъ и не смотря на то, когда онъ пришелъ проситься домой, ему отказали въ отпускѣ на томъ основаніи, что уже отпущено нѣсколько женатыхъ матросъ, которымъ нельзя отказать. Онъ четыре раза просилъ отпуска и ему постоянно отказывали, потому что Андреа Доріа, корабль Бидля, готовился къ походу. Послѣ четвертаго отказа Дэніель съ однимъ изъ товарищей ушелъ безъ отпуска въ Нью-Джерсей, покончилъ дѣла и вернулся въ Филадельфію. При входѣ въ городъ оба матроса встрѣтили знакомаго, который имъ сказалъ, что они были объявлены дезертерами и что еслибы онъ былъ способенъ на подлое дѣло то могъ бы зашибить десять фунтовъ, задержавъ ихъ и представивъ въ команду. Объявленія прибитыя на всѣхъ углахъ подтвердили справедливость словъ знакомаго. Гринъ не разъ говорилъ потомъ, что еслибы знакомый сдѣлалъ попытку арестовать ихъ онъ убилъ бы его и себя; потому что и онъ и товарищъ готовы были скорѣе погибнуть чѣмъ быть пойманными и наказанными какъ дезертеры. Они обдумали что дѣлать, прокрались въ казарму, гдѣ оставили свои ружьи и послали товарища объ-

явить капитану Бидлю объ ихъ возвращенiи и просить его съѣхать къ нимъ на берегъ. На другое утро унтеръ офицеръ съ солдатами пришелъ арестовать ихъ. Оба матроса стояли съ взведенными курками мушкетовъ и когда солдаты подошли ближе, Гринъ крикнулъ имъ чтобы они остановились такимъ голосомъ, что они повиновались, видя что онъ готовъ на все. Унтеръ сказалъ что капитанъ прислалъ за нимъ, Гринъ отвѣчалъ что просилъ капитана придти и не уйдетъ изъ казармъ, ни съ кѣмъ кромѣ капитана. Унтеръ приказалъ схватить Грина съ товарищемъ, курки щелкнули, и раздался приказъ «съ глазъ долой», который солдаты и исполнили со всевозможной поспѣшностью. Нѣсколько часовъ спустя явился Бидль и Гринъ съ товарищемъ вышли ему на встрѣчу и отдали честь. Капитанъ отвѣтилъ имъ и спросилъ, какъ они смѣли такъ обойтись съ караульными. Гринъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло, напомнилъ о забытомъ обѣщанiи и сказалъ, что онъ вернулся служить отечеству.

— Ты будешь оправданъ, храбрый товарищъ, сказалъ капитанъ, и взявъ обоихъ матросовъ за-руки прошелъ съ ними черезъ весь городъ къ доку, у котораго стоялъ корабль.

Когда они вошли на палубу вся команда узнавшая отъ унтеръ-офицера объ ихъ возвращенiи и сопротивленiи при арестѣ, собралась наверхъ и несводила съ нихъ глазъ, ожидая что будетъ. Многiе думали, что ихъ присудятъ къ смерти или по крайней мѣрѣ къ жестокому наказанiю розгами. Когда матросы по сигналу встали въ шеренги, оба бѣглеца заняли свои мѣста и отвѣчали на перекличку. Капитанъ вышелъ на верхъ и объяснивъ командѣ все какъ было, прибавилъ.

— Они не дезертеры. Я самъ былъ виноватъ. Я оправдываю ихъ. А вы серъ, продолжалъ онъ обращаясь къ унтеръ-офицеру; — вмѣстѣ съ караульными должны извинить что они сдѣлали. Лихiе молодцы, доведенныя до отчаянiя, могутъ сдѣлать отчаянное дѣло, и вы сдѣлали бы тоже са-

мое на ихъ мѣстѣ. Забудемъ это и пусть съ этой минуты, каждый дѣлаетъ свое дѣло.

Гуманность и справедливость капитана спасли Грина и въ тоже время, внушивъ уваженіе командѣ, поддержали дисциплину, которую поколебало бы упорство въ несправедливости и жестокое наказаніе за ослушаніе вызванное ею же.

Въ послѣдствіи Гринъ перешелъ на Рэндольфъ, который выдержавъ въ открытомъ морѣ сильный штормъ, зашелъ въ Чарльстонскую гавань поставить новую мачту. Мачта черезъ нѣсколько дней была разбита ударомъ молніи, и этотъ случай былъ принятъ суевѣрнымъ морякомъ за несчастное предзнаменованіе, которое мучило его до того, что онъ отправился на берегъ и нашелъ солдата желавшаго поступить въ морскую службу. Онъ помѣнялся съ солдатомъ патентами и поступилъ въ пѣхоту революціонной арміи. Случай подтвердилъ предчувствіе Грина. Солдатъ заступившій его мѣсто не возвращался болѣе изъ похода, что было въ тѣ смутныя времена очень обыкновеннымъ явленіемъ. Гринъ храбро дрался со своимъ полкомъ и былъ взятъ въ плѣнъ 12 мая 1780 г. Его отправили на корабль, обращенный въ тюрьму для плѣнныхъ, и заставили быть гребцомъ на шлюпкѣ, которая привозила воду съ берега. Въ мартѣ слѣдущаго года, по причинѣ сильнаго морскаго прилива, пришлось проплыть далеко вверхъ по рѣкѣ Куперъ за прѣсной водой: на лодкѣ было семь плѣнныхъ и два англійскихъ солдата. Плѣнные не пропустили удобнаго случая. Внезапнымъ дружнымъ натискомъ они сшибли съ ногъ караульныхъ, отняли ружья и убѣжали. Послѣ нѣсколькихъ дней труднаго бѣгства по лѣсамъ, болотамъ, они добрались до плантаціи мистрисъ Пинкней, жены генерала Пинкнея и дочери мистрисъ Моттъ. Одинокая ограбленная женщина, которую роялисты оставили при четырехъ голыхъ стѣнахъ, сама питалась только тѣмъ, что ей добывали охотой негры, раздѣлила что было съ бѣглецами, и

помогла имъ добраться до Бёкгеда, послѣ названнаго фортомъ Мотте. Мистрисъ Моттъ спрятала бѣглецовъ въ службахъ фермы, откуда они могли выходить только ночью, потому что на негровъ нельзя было положиться. Она сама по ночамъ вмѣстѣ съ одной молодой дѣвушкой носила имъ пищу. Гринъ вспоминая объ этомъ говорилъ.

— Эти дамы были нарядны и образованы, мы были оборванные, грязные, простые солдаты; и несмотря на то онѣ обращались съ нами какъ съ равными и постоянно давали намъ чувствовать, что цѣнятъ какъ мы служили нашей землѣ. Онѣ утѣшали насъ, говорили что не все погибло какъ грозили британцы, когда хотѣли заставить насъ измѣнить присягѣ. «Да, говорила молодая дѣвушка, Шотландцы и Ирландцы Честера, Ланкастера и Іорка отказались брать охранные листы и составили отряды милиціи. Они дали много сраженій, и хотя ихъ иногда разбивали, но они снова сбирались и били непріятеля, пока васъ держали взаперти на вашемъ понтонѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, Сёмтеръ переплылъ рѣку недалеко отъ насъ со своей дивизіей. Вотъ каковы ваши земляки». Товарищи мои улыбались, а больше всѣхъ Томъ Моррисъ, который былъ честерецъ. Потомъ обратившись ко мнѣ съ самой милой улыбкой она сказала: «Гринъ вы въ хорошемъ обществѣ», и прибавила, что генералъ Гринъ разбилъ непріятеля при Гильфордѣ.

Молодая дѣвушка предложила перевести черезъ рѣку бѣглецовъ, которые могли ожидать каждую минуту, что будутъ выданы неграми или захвачены непріятелемъ, владѣвшимъ фортомъ. Она возвращалась домой и къ ночи распорядилась чтобы нѣсколько лодокъ были заготовлены къ ночи съ вѣрными неграми. Бѣглецы были перевезены и скрыты на противуположномъ берегу у насмотрщика работъ. Гринъ предложилъ въ уплату за свое содержаніе единственный долларъ уцѣлѣвшій у него во-время бѣгства, который, разумѣется, не былъ принятъ, и послужилъ пла-

той за совершеніе акта его гражданскаго брака. Черезъ два дня послѣ того онъ и Томъ Моррисъ нашли безопасный пріютъ у Изабеллы Фергюзонъ.

Затѣмъ дальнѣйшая жизнь Дэніеля и Ненси представляетъ повтореніе того же, что молодыя читательницы уже знаютъ изъ прежнихъ очерковъ. Тѣ же партизанскіе набѣги съ его стороны, тоже мужество, терпѣніе съ ея стороны и тоже сознаніе своего долга къ отечеству въ обоихъ.

Эстеръ Уакеръ.

Эстеръ Уакеръ была дочерью упомянутаго въ послѣднемъ очеркѣ судьи Гэстона, который вмѣстѣ съ своими братьями игралъ видную роль въ партизанской войнѣ. Двумъ поколѣніямъ семейства Гэстоновъ одному за другимъ пришлось быть бѣглецами въ мрачную эпоху религіозныхъ преслѣдованій. Дѣдъ ихъ былъ французъ и тогда фамилія ихъ выговаривалась Гастонъ; онъ припужденъ былъ бѣжать изъ Франціи, когда въ угоду ханжи и фанатички Мэнтенонъ заханжившій Людовикъ XIV отмѣнивъ Нантскій эдиктъ, обезпечившій протестантамъ свободу исповѣданія, заставилъ тысячи своихъ подданныхъ искать въ чужихъ земляхъ свободу молиться и вѣрить какъ ихъ учила совѣсть. Сынъ его во-время гоненій поднятыхъ въ Англіи противъ пуританъ, бѣжалъ въ колоніи. Внуку пришлось возстать уже не за одну религіозную свободу, но за независимость страны, пріютившей отца.

При началѣ войны за независимость Гэстонъ жилъ по образу библейскихъ патріарховъ, окруженный многочисленнымъ поколѣніемъ дѣтей и внучатъ. Онъ былъ извѣстенъ во всемъ округѣ, подъ именемъ судьи Гэстона и былъ однимъ изъ королевскихъ оцѣнщиковъ земли, заслужившихъ общее довѣріе за вѣрность плановъ и добросовѣстность оцѣнки. Когда независимость колоній была провозглашена, онъ принялъ сторону колоній и выказалъ неутомимую дѣ-

ятельность, собирая отряды партизанъ, воодушевляя всѣхъ стоять мужественно за свои прява, посылая всѣхъ своихъ девятерыхъ сыновей въ ряды милиціонеровъ. Въ самое мрачное время войны, когда южная Каролина была объявлена англійской завоеванной провинціей, и народъ потерявъ надежду шелъ брать охранные листы на поддапство, судья Гэстонъ со своими сыновьями и племянниками, устроилъ тайный совѣтъ для принятія необходимыхъ мѣръ къ спасенію. Въ то время, когда они разсуждали о томъ что имъ дѣлать послѣ пораженія при Монксъ-Корнерѣ, лазутчикъ привезъ извѣстіе, что Тарльтонъ со своей кавалеріей захватилъ полковника Бёрфорда при церкви Уоксау и отказавъ въ пощадѣ, перерѣзалъ весь отрядъ. Немногіе уцѣлѣвшіе, страшно изуродованные были перенесены въ церковь Уоксау. При этомъ извѣстіи молодые люди вскочили и поклялись умеретъ или отмстить безчеловѣчному врагу. Они тотчасъ отправились въ походъ и сдержали свою клятву. Въ преданіяхъ Честера сохранилась цѣлая одиссея объ ихъ подвигахъ.

Сестра ихъ Эстеръ Гэстонъ оказалась достойной братьевъ. Ей было въ то время едва восемнадцать лѣтъ, но она была дочерью здоровой сильной расы и наслѣдовала энергію и мужество отца. Она немедля отправилась въ церковь въ Уоксау ходить за раненными. Замужная сестра ея Марта, съ восьмилѣтнимъ сыномъ, послѣдовала ея примѣру.. Въ церкви ожидало ихъ потрясающее зрѣлище. На полу лежали изувѣченные американцы; болѣе сутокъ они были брошены здѣсь, истекали кровью, сочившейся изъ ранъ заткнутыхъ на скорую руку травой и листьями, въ предсмертномъ бреду умоляя о каплѣ воды. Всѣ мущины были въ отрядахъ партизановъ, оставшіеся, не смѣли подать имъ ни малѣйшей помощи изъ страха англичанъ. Женщины явились ангелами спасенія. День и ночь ходили онѣ неутомимо за раненными, перевязывая раны, приготовляя имъ пищу, а когда потрясенные нервы требовали отдыха, онѣ

шли на сосѣднія фермы и плантаціи сбирать необходимое для раненыхъ бѣлье, корпію, припасы, рискуя попасть въ руки англичанъ и торіевъ.

Въ это время англичане принимали мѣры чтобы упрочить за собой завоеванную колонію, укрѣпили Роки-Моунтъ, разослали прокламаціи, требовавшія чтобы всѣ жители собрались на старое поле, гдѣ теперь стоитъ Бекгэмвиль, чтобы внести свои имена въ списки подданныхъ короля Георга. Разославъ прокламаціи, полковникъ Гаузманъ, комендантъ Роки-Моунтъ, съ отрядомъ солдатъ отправился къ дому стараго судьи Гэстона. Старикъ встрѣтилъ его у порога и пригласилъ его войти. Гаузманъ требовалъ, чтобы судья употребилъ свое признанное всѣми вліяніе на то, чтобы усмирить страну и избавить населеніе и себя въ томъ числѣ отъ бѣдствій войны. Старикъ не смутясь этой скрытой угрозой вмѣсто отвѣта съ негодованіемъ упрекалъ его въ безчеловѣчной рѣзнѣ. Гаузманъ видя безполезность своихъ словъ вышелъ изъ дома, но тотчасъ вернувшись далъ старику совѣтъ обдумать свое рѣшеніе и подтвердилъ строгій приказъ на завтра быть съ сыновьями и родствєнниками на мѣстѣ сбора на старомъ полѣ. Онъ услышалъ лаконическій отвѣтъ, никогда.

Когда Гаузманъ уѣхалъ, старикъ принялъ мѣры болѣе дѣйствительныя нежели пассивное сопротивленіе. Онъ разославъ гонцовъ во всѣ стороны съ призывомъ вигамъ собраться ночью у его дома. Въ полночь отрядъ отчаянныхъ смѣльчаковъ и мѣткихъ стрѣлковъ, собрался на дворѣ его дома. Всѣ они были въ охотничьихъ курткахъ и мокасинахъ*), въ войлочныхъ шляпахъ или шапкахъ изъ оленьихъ кожъ, съ сумками изъ выдры, большимъ ножомъ за поясомъ, которымъ положили на мѣстѣ не одного дикаго звѣря, и неизмѣннымъ товарищемъ ружьемъ, незнающимъ что значитъ дать промахъ. Судья вышелъ, неся большую бу-

*) Обувь индѣйцевъ, шитая изъ кожъ.

тыль въ ящикѣ. Онъ сказалъ нѣсколько словъ, выпилъ съ начальниками отряда за успѣхъ и отпустилъ ихъ на старое поле. Они пришли и залегли въ кусты. Когда утромъ пришли англичане и тори, они внезапно напали на нихъ, и такъ отплатили за Бёрфордскую рѣзню, что у большей части собравшагося народа припала охота брать текціонные листы, какъ говоритъ очевидецъ событія, Джозефъ Гэстонъ, напечатавшій описаніе этого событія въ газетахъ 1836 г. Это былъ первый ударъ нанесенный врагу для освобожденія Южной Каролины.

Тотчасъ послѣ битвы судья Гэстонъ получилъ черезъ гонца извѣстіе о ея счастливомъ исходѣ, и благоразумно разсудилъ, что ему лучше скрыться на-время отъ мести непріятеля; простившись съ дѣтьми и внуками, онъ взялъ съ собой младшаго сына Джозефа и уѣхалъ на дальнюю плантацію къ роднымъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ церковь Уоксау, гдѣ его дочери Эстеръ и Марта ходили за ранеными, чтобы передать имъ счастливую новость, что его «молодцы» поработали, чтобы отплатить врагу за этихъ бѣдняковъ. Женщины отвѣтили радостнымъ кликомъ, къ которому примѣшались слабые голоса раненыхъ. Старикъ передавъ имъ счастливую вѣсть поѣхалъ далѣе, а сынъ его вернулся къ своему отряду когда отецъ былъ внѣ преслѣдованія.

Разбитый Гаузманъ, пославъ громкія и нескончаемыя проклятія старому судьѣ, приказалъ захватить его живымъ или мертвымъ. Онъ хотѣлъ осудить на смерть восьмидесятилѣтняго старика, преступленіе котораго состояло въ томъ, что онъ былъ вѣрный сынъ своей родины и привелъ на ея защиту девятерехъ сыновей. На разсвѣтѣ двадцать или тридцать красныхъ мундировъ шли по дорогѣ къ дому судьи, съ угрозами и проклятіями, что не оставятъ камня на камнѣ. Жена его съ маленькой внучкой, узнавъ заранѣе о приближеніи непріятеля спрятались въ ближнюю рощу и могли видѣть, какъ красные мундиры бѣгали въ ярости по дому

и двору. Мистрисъ Гэстонъ обхвативъ руки внучки, молилась горячо, чтобы Богъ избавилъ ихъ отъ врага. Въ своемъ увлеченіи она молилась такъ громко, что одно занятіе грабежемъ помѣшало солдатамъ услышать ея голосъ. Домъ былъ ограбленъ, и солдаты не найдя судьи выместили свою ярость на его старомъ креслѣ, изрубивъ его въ щепки.

Вслѣдъ за побѣдой на старомъ полѣ, побѣда при Моблейскомъ митингъ-гаузѣ, какъ называли пуритане свои церкви, нанесла второй и страшный ударъ владычеству англичанъ въ Южной Каролинѣ. Страшный Гекъ былъ убитъ, и генералъ Семтеръ могъ обратить свои силы на окрестности Роки-Моунта. На ночь 30 іюля, американскіе войска проходили мимо дома судьи Гестона. Эстеръ давно знала объ этомъ черезъ своего жениха Александра Уакера. Къ утру она приготовивъ все необходимое для того, чтобы подать помошь раненымъ, осѣдлала свою лошадь и отправилась вслѣдъ за войскомъ, заѣхавъ по дорогѣ за невѣсткой своей, женой брата Джона. Обѣ женщины быстро скакали къ Роки-Моунту. Онѣ могли накопецъ разслышать выстрѣлы. Когда онѣ были на разстояніи нѣсколько сотень ярдовъ отъ мѣста сраженія, онѣ увидѣли двухъ солдатъ, бѣжавшихъ оттуда съ блѣдными лицами, которые скорѣе были приличны мертвецамъ, чѣмъ защиниткамъ независимости отечества. Эстеръ остановила бѣглецовъ, стыдила ихъ за ихъ трусость и уговаривала вернуться исполнить свой долгъ. Они остановились въ нерѣшимости. Тогда Эстеръ вскричала: «дайте намъ ваши ружья и мы встанемъ вмѣсто васъ». Пристыженные солдаты не колебались болѣе. Они вернулись на сраженіе вмѣстѣ съ женщинами.

Эстеръ и Дженъ Гэстонъ не оставались праздными зрительницами сраженія. Онѣ уносили раненыхъ съ поля битвы, перевязывали раны подъ градомъ свиставшихъ пуль. Носили воду солдатамъ и порохъ, когда его не стало хватать, въ концѣ сраженія. Оно продолжалось долго. Англичанѣ упорно отстрѣливались изъ своего блокгауза. Американцы атаковали

его бѣшенымъ натискомъ. Въ блокгаузѣ лежали связанные по рукамъ и ногамъ плѣнники, пасторъ Мартинъ и Томасъ Уакеръ, взятые въ первой битвѣ, которую дали виги вслѣдъ за проповѣдью Мартина, уже извѣстною нашимъ читателямъ. Капитанъ виговъ былъ убитъ. Стрѣлки виговъ, скрывшись въ кустарникѣ или на деревьяхъ въ густыхъ вѣтвяхъ били черезъ всѣ отверстія блокгауза. Англичане, которые отважились выходить, чтобы отвѣчать на огонь, были убиты или ранены черезъ нѣсколько минутъ. Блокгаузъ былъ защищенъ толстой деревянной стѣной изъ крѣпкаго дуба и генералъ Сёмтеръ обѣщалъ четыре тысячи долларовъ тому, кто сожжетъ стѣну. Виги пытались зажечь бросая горячіе пучки прутьевъ съ ближнихъ скалъ на крыши домовъ стоявшихъ близь стѣны; но это не помогло, вѣтеръ относилъ пламя въ другую сторону. Тогда придумали другое средство, завалить пространство между скалой и стѣной валежникомъ. За это дѣло съ помощью женщинъ и нѣскольких солдатъ, взялся хромой Джо Миллеръ, извѣстный тѣмъ, что онъ ни разу во все продолженіе войны не спустилъ курка не воскликнувъ «да направитъ Господь пулю сію». Но судьба на этотъ разъ неблагопріятствовала американцамъ. Полился сильный дождь и загасилъ запылавшій валежникъ. Наступила ночь и Сёмтеръ велѣлъ бить отбой, оставивъ Роки-Моунтъ на этотъ разъ въ рукахъ непріятеля и Мартина плѣнникомъ. Впрочемъ Мартинъ скоро освободился и дожилъ до девяноста лѣтъ; онъ имѣлъ счастье видѣть отплытіе побѣжденныхъ англичанъ и при этомъ выказалъ себя болѣе хорошимъ патріотомъ, чѣмъ приличнымъ проповѣдникомъ воскликнувъ: «Британцы посѣли на корабли и пусть чортъ плыветъ съ ними»!

Типичная личность Мартина заставила забыть нашихъ героинь. Онѣ возвратились вмѣстѣ съ отступающимъ войскомъ подъ проливнымъ дождемъ и были дома на разсвѣтѣ, проработавъ двадцатъ четыре часа, безъ малѣйшаго отдыха,

едва урвавъ нѣсколько минутъ для подкрѣпленія силъ пищею. Невольно скажешь, читая описаніе такихъ подвиговъ, въ которыхъ выказалось столько физической и нравственной силы.

«Да были женщины въ то время
Могучее, лихое племя....

Эстеръ и ея сестрѣ съ невѣсткамъ не пришлось долго отдыхать. На слѣдующей недѣлѣ было новое сраженіе при Генгингъ-Стонѣ (Нависшей скалѣ) и молодыя женщины были снова до разсвѣта на своемъ мѣстѣ, въ церкви Уоксоу, обращенной въ госпиталь. Онѣ нашли силы забыть о горѣ, постигшемъ ихъ семейство. Три брата Гэстона были убиты въ этомъ сраженіи; младшій, Джозефъ, опасно раненъ; и равно и двоюродный братъ ихъ, любимый народный герой партизанской войны, Джонъ-Макъ-Клюръ. Къ довершенію несчастія пришло извѣстіе, что другой братъ, Александръ, умеръ отъ оспы, свирѣпствовавшей въ лагерѣ Сёмтэра. Онѣ подавили свою печаль и съ привычной энергіей и заботливостью ходили за ранеными; утѣшая умирающихъ надеждой на близкое торжество свободы, ободряя выздоравливающихъ снова идти биться за нее. Любимый человѣкъ Эстеръ былъ тоже въ числѣ воиновъ независимости и къ ея печали о смерти братьевъ присоединилась тревога за него, но она никогда ни словомъ не выдала своей тревоги, не просила его беречь себя для нея. Она казалась была вся отдавшись уходу о раненыхъ и вскорѣ подъ руководствомъ своего двоюроднаго брата доктора Джемса Нокса вскорѣ пріобрѣла замѣчательную ловкость въ этой профессіи. Она все время оставалась въ Уоксауской церкви, пока та была госпиталемъ и послѣ вслѣдъ за ранеными переѣхала въ Чэрлотъ.

Эстеръ оказалась достойной дочерью своей матери: когда семидесятилѣтняя старуха узнала о потерѣ четырехъ сыновей, она сказала просто: «Это страшная потеря, но они не могли умереть за лучшее дѣло.»

Старый судья Гэстонъ вскорѣ разсудилъ что малодушно прятаться отъ врага, спасая немногіе остававшіеся ему годы жизни, и вернулся домой. Онъ постоянно носилъ ружьё и пистолеты за поясомъ готовы дорого продать жизнь. Но вскорѣ побѣды американцевъ заставили англичанъ отступить, а его партизанскій отрядъ навелъ такой ужасъ на тори, что тѣ оставили старика въ покоѣ удовольствовавшись тѣмъ что срубили дубъ на дорогѣ отъ его фермы къ Рокимоунту, на которомъ было вырѣзано его имя.

Женихъ Эстеръ Александръ Уакеръ отличился въ отрядѣ графа Пулавскаго, и часто потомъ вспоминалъ какъ этотъ герой, разъѣзжая по рядамъ на своемъ черномъ конѣ и снявъ шляпу повторялъ войскамъ на своемъ ломаномъ англійскомъ языкѣ: «Я жалѣю о вашей странѣ.» Онъ женился на Эстеръ по окончаніи войны.

Послѣ дѣятельной жизни во время войны, Эстеръ не могла удовлетворяться исключительно заботами о хозяйствѣ. Она продолжала употреблять на пользу общества медицинскія познанія пріобрѣтенныя въ Уаксоуской церкви. Но она не удовольствовалась этими познаніями и основательно изучила медицину подъ руководствомъ искуснаго доктора Макъ-Кри, который жилъ у ней въ домѣ. Вскорѣ она пріобрѣла репутацію извѣстной докторши, слѣдуетъ сказать, потому что говорятъ же у насъ: генеральша, секретарша. Больные со всего округа шли къ ней за помощью, женщинъ и слабыхъ, которые не въ силахъ были выносить ѣзду, приносили на носилкахъ. Она оставляла ихъ у себя, въ домѣ была постоянно отведена комната для больныхъ.

У Эстэръ не было дѣтей и она постоянно брала на воспитаніе сиротъ, воспитывала изъ нихъ работящихъ честныхъ женщинъ и выдавала за мужъ за хорошихъ людей. Въ то время обычай и законы открывали женщинамъ мало путей полезной дѣятельности и Эстеръ дѣлала что могла. Своей обширной докторской практикой она была обязана тому что жила въ мало населенной мѣстности гдѣ не

было докторовъ. Мистрисъ Уакеръ умерла на пятидесятомъ году отъ болѣзни сердца. Она была высока ростомъ, полна и несмотря что подъ старость ужасно растолстѣла, была необыкновенно дѣятельна и подвижна. Она и днемъ и ночью была готова еще не задолго до смерти скакать верхомъ по первому требованію больнаго. Въ молодости она не была красавицей, но лице ея привлекало выраженіемъ доброты, смѣшанной съ энергіей, которое оно сохранило до самой смерти.

Эстеръ Уакеръ была далеко не единственной женщиной въ Америкѣ, которая въ то время изучала медицину. Мери Эльмендорфъ членъ Нью-Іорскаго общества женщинъ для помощи раненыхъ, и успѣшно, не смотря на недостатокъ средствъ изучила медицину для того чтобы въ округѣ Кингстомъ, гдѣ жила замѣнить доктора отправлявшагося въ армію.

Елизабета, Гресъ и Речель Мартинъ.

Время осады Аугусты и Кембриджа было ознаменовано многими подвигами народнаго мужества и самоотверженія, которые сохранились и въ исторіи и газетахъ и въ преданіяхъ южной Королины. Семейство Мартинъ изъ округа Найнти Сиксъ поставило семерыхъ защитниковъ для дѣла свободы. Мать и жены посылали мужей и сыновей и не ограничившись этой жертвой, самой тяжелой, которую приходится приносить женщинѣ, принимали участіе въ партизанской войнѣ, какъ курьеры, доставляли свѣдѣніе и припасы отрядамъ, укрывали лазутчиковъ и даже не разъ служили дѣлу свободы какъ солдаты. Слѣдующій случай служитъ доказательствомъ ихъ мужества.

Жены двухъ старшихъ братьевъ оставаясь дома съ свекровью однѣ, когда мужья отправились въ отрядъ. Разъ поздно вечеромъ имъ дали знать что изъ лагеря англійскихъ войскъ, стоявшихъ не далеко отъ Найнти Сиксъ, отправлялся ночью въ главную армію курьеръ съ важными

депешами и въ сопровожденіи только двухъ солдатъ. Грэсъ и Речель Мартинъ задумали завладѣть депешами хотя бы это стоило имъ жизни. Онѣ надѣли платья мужей, запаслись оружіемъ и спрятались въ кусты у дороги, по которой долженъ былъ проѣзжать курьеръ. Было уже поздно и имъ пришлось ждать очень не долго. Вдали послышался топотъ лошадей. Онѣ въ волненіи ожидали приближенія непріятельскаго курьера. Темнота ночи, пустынность лѣса отдаленность отъ жилища—все усиливало тревогу и страхъ. Топотъ раздался ближе, рѣшительная минута наступала. Между черными рядами деревъ, которые росли вдоль дороги показались три черныя фигуры верхами. Переодѣтыя женщины съ дикимъ крикомъ выскочили изъ-за кустовъ и приставивъ пистолеты къ груди курьера и солдата потребовали выдачи депешъ и ихъ собственной сдачи въ плѣнъ. Захваченные въ расплохъ непріятели, думая что имѣли дѣло съ отрядомъ виговъ, выдали депеши. Героини отпустили плѣнныхъ своихъ и тотчасъ кинувшись въ кусты ближней тропинкой добрались до дома, унося съ собой драгоцѣнную добычу. Тотчасъ же надежный посланный былъ отправленъ съ депешами къ генералу Грину.

Преданіе прибавило интересную развязку къ этому происшествію. Отпущенные на слово плѣнные, видя что имъ не для чего ѣхать далѣе, вернулись въ свой лагерь. На обратномъ пути они остановились у фермы мистрисъ Мартинъ отдохнуть и напиться. Мистрисъ Мартинъ приготовляя имъ ночлегъ спросила отчего они такъ скоро воротались, не успѣвъ отъѣхать и за полъ мили отъ дома. Они отвѣчали, что были захвачены въ расплохъ двумя бунтовщиками и думали что имѣли дѣло съ сильнымъ отрядомъ. Мистрисъ Мартинъ и невѣстки ея посмѣялись надъ ихъ трусостью.

— Было ли у васъ оружіе? спросили онѣ.

Отпущенные плѣнники отвѣчали утвердительно, но прибавили что нападеніе было такъ внезапно и они не успѣли

выхватить пистолетъ изъ за пояса. Героини опасаясь мщенія, не смотря на все свое желаніе еще болѣе унизить врага, промолчали о томъ, что «бунтовщиками» захватившими депеши были онѣ сами. И курьеръ съ солдатами уѣхалъ на другое утро, не подозрѣвая что были взяты въ плѣнъ тѣми самыми женщинами, которыя оказали имъ гостепріимство.

Свекровь ихъ Елизавета Мартинъ была уроженка Виргиніи и послѣ замужества своего съ Авраамомъ Мартиномъ поселилась въ округѣ Найнти Синсъ, т. е. девяносто шестомъ, названнымъ такъ по счету поселеній на границѣ южной Каролины и земель индѣйцевъ. Округъ этотъ называется теперь Эджефильдъ, т. е. окрайнымъ полемъ отъ слова edge край и field поле; потому что въ то время онъ былъ пограничной полосой колоніи. При началѣ войны Найнти Синсъ былъ изъ первыхъ округовъ выставившихъ отряды противъ вторгнувшихся британцевъ и ихъ свирѣпыхъ союзниковъ индѣйцевъ. У мистрисъ Мартинъ было девять сыновей, семеро изъ нихъ были уже способны носить оружіе. Это были храбрые молодые люди, выросшіе подъ вліяніемъ матери, привыкшей мужественно переносить опасности, которымъ подвергались отъ близости индѣйскихъ племенъ жители пограничныхъ округовъ. Когда они сказали ей о своемъ намѣреніи поступить въ отряды партизанъ, мать патріотка ободрила ихъ словами:

— Ступайте дѣти, сражайтесь за отечество: сражайтесь до смерти, если такъ надо; но не дайте врагу опозорить ваше отечество. Еслибъ я была мущиной я пошла бы вмѣстѣ съ вами.

Разъ нѣсколько англійскихъ офицеровъ объѣзжая линіи войскъ, заѣхали отдохнуть на ферму. Одинъ изъ нихъ спросилъ сколько у ней было дѣтей.

— Девять человѣкъ, отвѣчала она и на вопросъ гдѣ же они всѣ.

— Семеро моихъ сыновей на службѣ отечества.

— Ну, замѣтилъ насмѣшливо офицеръ: — у васъ таки ихъ порядочно.

— Нѣтъ сэръ, отвѣчала она какъ римская матрона. Теперь я желала бы имѣть ихъ пятьдесять.

Внукъ ея Вашингтонъ Уэдъ, сынъ единственный овдовѣвшей дочери, мужъ которой былъ убитъ при осадѣ Квебека, разсказывалъ слѣдующую черту изъ жизни своей бабушки, глубоко врѣзавшуюся въ его память, когда онъ былъ еще семи-лѣтнимъ ребенкомъ. Дѣло было во время осады Чарльстона. Мальчикъ живо помнилъ до самой глубокой старости, какъ онъ вечеромъ съ бабушкой и тетками, женами ея трехъ сыновей гулялъ по лужайкѣ передъ домомъ. Подулъ легкій вѣтеръ съ востока и донесъ до нихъ явственно гулъ дальней сильной пальбы. Онѣ знали что пальба шла около Чарльстона; трое сыновей бабушки, мужья его тетокъ были въ американскомъ войскѣ. Гулъ раздавался все громче. Мистрисъ Мартинъ остановилась въ страшномъ волненіи. Невѣстки ея блѣдныя стояли возлѣ дрожа всѣмъ тѣломъ. Онѣ стояли нѣсколько минутъ въ невыразимой тревогѣ не имѣя силъ сказать ни слова; каждый гремѣвшій залпъ могъ быть смертнымъ ударомъ дорогимъ людямъ. Наконецъ старая мать, поднявъ глаза и руки къ небу воскликнула:

— Благодарю Бога, они сыновья республики.

Какое сильное и благотворное впечатлѣніе должна была произвести эти слова на умъ ребенка.

Изъ семи братьевъ, шестеро уцѣлѣли въ опасностяхъ и долго пережели мрачную и кровавую эпоху войны за независимость. Одинъ старшій Уильямъ, капитанъ артиллеріи, отличившійся при осадѣ Саванны и Чарльстона былъ убитъ при осадѣ Аугусты въ ту минуту какъ онъ поставилъ свои орудія на выгодную позицію. Разсказываютъ, что одинъ англійскій офицеръ проѣзжая черезъ фортъ Найнти Синсъ, бывшій тогда въ рукахъ англичанъ, чтобы удовлетворить своей ненависти противъ виговъ, поспѣшилъ принести ма-

тери извѣстіе о смерти ея сына. Войдя на ферму, онъ спросилъ мистрисъ Мартинъ не было ли у ней сына при осадѣ Аугусты и на утвердительный отвѣтъ ея объявилъ:

— Такъ это его мозгъ я видѣлъ разбрызганный на полѣ сраженія.

Но извергъ обманулся въ своей надеждѣ порадоваться отчаянію матери. Какъ ни былъ жестокъ нанесенный ударъ, какъ ни велика была ея скорьбъ о потерѣ, которую ей объявили такъ безчеловѣчно, старая мать, не смотря на внезапность удара, не выказала женской слабости. Выслушавъ страшное извѣстіе, она отвѣчала какъ достойная дочь Америки.

— Онъ не могъ умереть за лучшее дѣла.

Офицеръ ошибшійся въ своемъ разсчетѣ выказалъ такую явную досаду, что воспоминаніе о ней и до сихъ поръ сохраняется въ семейныхъ преданіяхъ.

Одна изъ героинь захватившихъ депеши, жила еще въ то время, когда мистрисъ Эллетъ писала свои мемуары, т. е. около 1848 года, ей тогда уже было около восьмидесяти шести лѣтъ: слѣдовательно ей было не болѣе семнадцати когда она пошла на свой подвигъ.

Этотъ случай захвата непріятельскихъ депешъ женщинами не единственный. Въ исторіи Гротона составленной Бётлеромъ приводится въ доказательства геройства и патріотизма женщинъ подобный же подвигъ женщинъ Массачусетса. Если читательницы по любопытствуютъ прочесть исторію Гротона, то это любопытство останется безплоднымъ. Гротонъ округъ штата Массачусетса. Послѣ освобожденія колоній американцы справедливо гордясь выдержанной борьбой, написали множество исторій объ этой славной эпохѣ. Не только каждый штатъ, но почти что каждый округъ, принимавшій дѣятельное участіе въ войнѣ, бывшій сценой военныхъ событій, имѣлъ свою исторію; но и достать эти исторіи невозможно, да и чтеніе ихъ не можетъ имѣть особеннаго значенія, потому что эти исторіи преиму-

щественно сборники мелкихъ историческихъ подробностей, имѣющихъ цѣну для однихъ американцевъ.

«Мы не можемъ умолчать о геройствѣ и патріотизмѣ женщинъ въ эти времена, которые были тяжелымъ искусомъ даже для мужества мущинъ», говоритъ историкъ Гротона.

Когда полковникъ Прескотъ составивъ изъ гротонскихъ виговъ отрядъ, прозванный отрядомъ людей мгновенія, minute men, за быстроту съ какою они появлялись то спереди, то съ тылу, то съ фланговъ англійской арміи, шелъ преслѣдовать непріятели, мистрисъ Девидъ Райтъ изъ Пеппереля и мистрисъ Джобъ Шэттёкъ изъ Гротона собрали сосѣднихъ женщинъ, одѣтыхъ въ платья мужей и вооруженныхъ мушкетами, пистолетами, вилами, ножами и другимъ оружіемъ, какое могли найти и сторожили мостъ черезъ рѣку Нешуа между Пеппережемъ и Гротономъ, который называется теперь Джюэтовскимъ мостомъ. Женщины выбрали мистрисъ Райтъ предводительницей и поклялись, что ни одинъ врагъ не переступитъ черезъ мостъ. Слухи носились что непріятельская армія приближалась, истребляя все на своемъ пути, что отряды тори не щадили ни женщинъ, ни дѣтей. Вскорѣ показался верховой, одинъ изъ жителей сосѣдняго округа, подозрѣваемый въ сношеніяхъ съ непріятелемъ. По командѣ сержанта Райта, его немедля арестовали, сняли съ лошади, обыскали и нашли предательскія депеши въ сапогахъ. Его задержали плѣннымъ, а депеши были отправлены къ Оливеру Прескотту, сквайру Гротона, а имъ препровождены въ комитетъ общественной безопасности.

Авторъ исторіи Гротона пропустилъ одну подробность этого ареста, которую сообщилъ мистрисъ Эллетъ знаменитый историкъ потомокъ сквайра. Взятый въ плѣнъ офицеръ былъ изъ числа свѣтскихъ любезниковъ и опытенъ въ искусствѣ нравиться женщинамъ; онъ употребилъ въ отношеніи амазонокъ взявшихъ его въ плѣнъ все искусство, съ которымъ кружилъ головы свѣтскимъ красавицамъ,

но напрасно. Онѣ остались неумолимы и препроводили его въ отрядъ партизановъ.

Катерина Стиль.

Въ наше время рѣдко случается встрѣтить или слышать о героиняхъ закала Катерины Стиль. Только въ первобытной странѣ, посреди лишеній и опасностей могло развиться подобное геройство, чуждое всякаго честолюбія и тщеславія, такое присутствіе духа вмѣстѣ съ такой простотой, терпѣніемъ, непоколебимой энергіей и самоотверженіемъ, какіе выказала Катерина Стиль. «Патріотизмъ женщинъ этой славной эпохи былъ часто чище патріотизма мущинъ», говоритъ біографъ генерала Грина. И совершенно справедливо. Женщины, отдавая свое имѣніе, свою жизнь, жизнь дорогихъ людей, не могли разсчитать ни на награды, ни на славу. Чувство воодушевлявшее ихъ было чисто отъ примѣси малѣйшихъ своекорыстныхъ разсчетовъ. Катерина Стиль наиболѣе выдавшійся типъ цѣлой массы женщинъ, которыя жили и работали для свободы какъ она, неоцѣненныя своимъ вѣкомъ, неизвѣстныя въ лѣтописяхъ отечества, не сознававшія даже сами своихъ заслугъ. Память объ этихъ мужественныхъ матронахъ почти изчезла, и только изрѣдка въ немногихъ мѣстностяхъ сохраняется о нихъ преданіе, по которымъ мы можемъ судить о матеряхъ вскормившихъ дѣтство великаго народа.

Героиня этого очерка Катерина Фишеръ родилась въ Пенсильваніи и въ двадцать лѣтъ вышла замужъ за Томаса Стиля. Оба принадлежали къ расѣ пенсильванскихъ ирландцевъ, которые поселились въ Каролинѣ въ половинѣ восемнадцатаго столѣнія. Выходя замужъ Катерина готовилась къ переселенію. Она была веселая, живая, остроумная дѣвушка, умѣвшая находить во всемъ смѣшную сторону. Ея пылкая романическая головка жаждала приключеній и она съ восторгомъ готовилась къ трудностямъ и

опасностямъ жизни піонеровъ на пустынныхъ границахъ Южной Каролины. Молодая пара поселилась въ 1765 году на верхней, или какъ тогда говорили, крайней границѣ штата. Колонисты выбрали дикую и пустынную мѣстность. Единственное знакомое семейство ихъ, Дональды жили на восточной сторонѣ рѣки Катаубы, названной такъ по имени индѣйскаго племени кочевавшаго на берегахъ ея. Катаубы были мирнымъ племенемъ и жили въ большой пріязни съ поселенцами. Дональдъ, пользуясь ихъ защитой, нажилъ хорошее состояніе земледѣліемъ и выростилъ многочисленное семейство; дочери его и сыновья женившись жили съ семьями около его фермы. Новые пришельцы, отдохнувъ у Дональдовъ, отправились далѣе и выбрали себѣ участокъ земли близь Рыбнаго ручья Fishing Creen, на разстояніи одной мили отъ Катаубы. Здѣсь вскорѣ пришлось молодой женѣ испытать что жизнь піонеровъ полная приключеній и опасностей далеко не такъ очароватеьна, какъ то казалось ея романической головкѣ. Но энергическая молодая женщина не упала духомъ отъ первыхъ трудностей и лишеній; она весело и бодро встрѣчала ихъ и умѣла даже находить съ нихъ неисчерпаемый запасъ остротъ и шутокъ. Она работала неутомимо и въ полѣ и въ лѣсахъ; въ короткое время выучилась владѣть ружьемъ и даже сдѣлалась отличнымъ стрѣлкомъ.

Молодые поселенцы не долго жили одни. Два потока эмигрантовъ нахлынули изъ Чарльстона и съ морскаго берега съ одной стороны, изъ Пенсильваніи и Виргиніи съ другой, и въ нѣсколько лѣтъ пустынная мѣстность заселилась. Джонъ Гэстонъ, уже знакомый читателямъ судья Гэстонъ, поселился за мимо отъ Фишингъ Крика къ западу. Другія семьи поставили свои поселки между фермами Стилей и Гэстоновъ. Поселенцы часто видѣлись другъ съ другомъ переѣзжая черезъ ручей въ лодкѣ. Вскорѣ опасность грозившая имъ отъ враждебнаго индѣйскаго племени Че-

рокезцовъ, заставила ихъ еще чаще съѣзжаться вмѣстѣ, чтобы принимать мѣры къ общей защитѣ.

Ферма Стилей была обнесена толстыми бревенчатыми стѣнами съ бойницами и обращена въ блокгаузъ, какъ въ то время называли подобныя пограничныя крѣпостцы, въ которыя стекались всѣ поселенцы чуть грозила какая опасность со стороны индѣйцевъ. По всему округу были разсѣяны эти крѣпостцы для защиты и постоянно назывались именами владѣльцевъ напр. фортъ Стиля, фортъ Лэндсфорда, который стоялъ у впаденія ручья въ рѣку и защищалъ входъ Фишингъ Крика.

Когда мужья отправлялись отрядами преслѣдовать индѣйцевъ, или на заработки и промыслы, женщины обыкновенно забравъ дѣтей и заперевъ фермы уходили въ фортъ. Въ этихъ случаяхъ Катерина Стиль была признана начальницей женщинъ, не по праву собственницы форта, но по своему мужеству, находчивости и предпріимчивости. Ея твердость и никогда не измѣнявшая ей веселость придавали мужество самымъ робкимъ. Въ этихъ случаяхъ она была настоящей комендантшей форта и была прозвана Кэти изъ форта; она пріобрѣла надъ женщинами вліяніе, которому онѣ безпрекословно подчинились; однимъ словомъ умѣла успокоить страхъ женщинъ, которыя часто прибѣгали въ ея фортъ въ глухія темныя ночи и онѣ чувствовали себя безопасными въ ея присутствіи. Она выучила молодыхъ дѣвушекъ стрѣлять изъ ружья и пистолета. Въ то время это было необходимымъ искуствомъ для женщинъ, которымъ приходилось не разъ защищать себя, дѣтей своихъ или немощныхъ и старыхъ родителей отъ свирѣпыхъ индѣйцевъ Кэти изъ форма въ короткое время сформировала отрядъ стрѣлковъ, которые были въ состояніи выдержать осаду индѣйцевъ и не подпустить ихъ жечь стѣны блокгауза. По цѣлымъ недѣлямъ жили женщины въ фортѣ Стиля ежедневно готовясь выдержать нападеніе, не смѣя выйти изъ форта даже для того чтобы отправиться на молитвенные

митинги въ церковь Уоксау, которая была впослѣдстіи сценой стольких страданій и состраданія женщинъ.

Преданія объ этой эпохѣ жизни колонистовъ сохранили много случаевъ женской неустрашимости. Разъ поздно ночью возвращавшійся охотникъ принесъ извѣстіе что отрядъ индѣйцевъ идетъ на ферму Бирда, стараго колониста женатаго на молодой женщинѣ. Мистрисъ Бирдъ отдала ребенка мужу и взявъ ружье пошла возлѣ, готовая спустить курокъ при встрѣчѣ перваго индѣйца. Молодая дѣвушка, жившая у нея отстала. Она вернулась чтобы спасти хоть что нибудь отъ грабежа индѣйцевъ. Мистрисъ Бирдъ вернулась за ней и потащила за собой, не смотря на ея просьбы позволить унести хоть голубое платье.

— Хороша ты будешь выряженная въ голубое платье и скальпированная, сказала она.

Они дошли до форта Стиля, и неустрашимая женщина все время не переставала ни минуты быть готовой къ защитѣ. Въ другой разъ когда вся община была собравшись въ Уоксауской церкви пришло извѣстіе, что идутъ индѣйцы. Бѣжать въ форты было далеко. Женщины и дѣти попрятались въ лѣса и болота, не надежная защита, потому что индѣйцы, когда не боялись преслѣдованія, умѣли превосходно отыскивать слѣдъ скрывшихся. Часто женщины съ дѣтьми по цѣлымъ суткамъ лежали безъ пищи въ кустарникахъ болотъ, рискуя схватить смертельную лихорадку, или быть ужаленными ядовитыми змѣями и ящерицами, обитателями болота. Часто онѣ залѣзали въ мялки сахарнаго тростника и сидѣли по цѣлымъ ночамъ перегнувшись и скорчившись въ самомъ не естественномъ положеніи въ своемъ узкомъ убѣжищѣ, и иногда въ то время когда онѣ готовились быть матерями.

Мистрисъ Бирдъ разсказывала слѣдующій случай изъ своей жизни: — Разъ пришлось такъ, что я допустила въ душѣ нечестивое желаніе, чтобы мои дѣти умерли. Я пролежала цѣлую ночь въ густомъ сахарномъ тростникѣ и

держала все время у груди обоихъ дѣтей и старшаго двухъ годоваго и груднаго, чтобы они не плакали. Я дрожала отъ мысли, что они закричатъ и индѣйцы услыхавъ крикъ отыщутъ насъ. Утромъ чуть разсвѣло, я увидѣла въ нѣскольких шагахъ отъ меня огромную гремучую змѣю.

Другая женщина изъ окрестностей форта Стиля выказала еще больше мужества и вынесла несравненно болѣе мистрисъ Бирдъ. Ее звали мистрисъ Макъ-Кенни. Лѣтомъ 1761 г. шестнадцать человѣкъ индѣйцевъ Черокезцевъ со своими сква поселились на нѣсколько дней близь Фишингъ Крика для охоты и рыбной ловли во время жаркихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Уильянъ Макъ-Кенни съ братомъ отправился продавать звѣриныя шкуры въ Кэмденъ, жена Уильяма Барбара, осталась одна съ дѣтьми на фермѣ. Въ одно утро, когда она съ дѣтьми работала въ полѣ индѣйскія сква прибѣжали съ выраженіемъ живѣйшаго ужаса. Схватили ее и дѣтей втолкнули въ домъ, захлопнули дверь и стали у двери, отталкивая индѣйцевъ, которые ломились въ дверь съ дикими криками войны. Мистрисъ Макъ-Кенни въ ужасѣ ожидала смерти, но сква отстояла дверь до прихода старшины индѣйцевъ, который выхвативъ длинный ножъ прогналъ грабителей. Мистрисъ Макъ-Кенни не знала, что заставило сква защищать ея, состраданіе ли къ матери и дѣтямъ или благодарность за помощь, которую она оказывала имъ въ нуждѣ и болѣзни. Мистрисъ Макъ-Кенни пригласила къ себѣ сосѣдей на защиту до возвращенія мужа, Роберта Броуна съ женой, Джона старую Сару Фергюзонъ съ дочерью Сарой и двумя сыновьями и молодаго Микаэля Мельбёри. На другое утро она пошла доить коровъ и по счастливой случайности забыла взять съ собой на помощь дѣтей, какъ дѣлала всегда. Пока она дошла два индѣйца подползли къ ней, на рукахъ и колѣнахъ и схватили ее. Она сразу поняла весь ужасъ своего безпомощнаго положенія и чтобы не раздражать индѣйцевъ, отдалась имъ въ руки безъ малѣйшаго сопротивленія. Они пошли къ дому,

держа ее крѣпко за руки. Мистрисъ Макъ-Кенни старалась держаться въ сторонѣ отъ индѣйца который велъ ее, разсчитывая что Мельбёри, завидѣвъ ее тотчасъ будетъ стрѣлять съ индѣйца. Такъ и случилось. Онъ выстрѣлилъ и ранилъ державшаго ее индѣйца. Она вырвалась у него и побѣжала къ дому, но другой нагналъ ее. Въ эту минуту Джонъ Фергюзонъ отворивъ дверь чтобы впустить ее выставился неосторожно и былъ убитъ выстрѣлами индѣйцевъ. Мать его кинулась къ нему и была ранена, въ лядвею и умерла черезъ нѣсколько дней отъ этой раны. Мельбёри видя что спасеніе жизни всѣхъ зависитъ отъ быстроты, оттащилъ упавшихъ Фергюзоновъ отъ двери, задвинулъ дверь толстымъ засовомъ и приготовился къ отчаянной защитѣ. На фермѣ было всего пять ружей. Сара Фергюзонъ заряжала ихъ, а онъ поддерживалъ непрерывный огонь противъ индѣйцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ прокрались къ дому прикрытые отвѣсомъ крыши амбаровъ и сараевъ. Одинъ изъ нихъ остановился вздохнуть у сарая, гдѣ, спрятался Браунъ съ женой, которые не успѣли войти въ домъ при началѣ тревоги. Они лежали въ углу на полу; индѣецъ если бы обернулся могъ видѣть ихъ въ щели досчатой стѣны. Мистрисъ Броунъ предложила мужу взять лежавшую возлѣ нихъ саблю и воткнуть ее въ спину индѣйца; но мужъ ея былъ человѣкъ не храбраго десятка и отсовѣтывалъ ей это подъ благовиднымъ предлогомъ, сказавъ, что ежеминутно ожидая смерти, не хочетъ покинуть жизнь окровавивъ свои руки кровью себѣ подобнаго.

— Оставь меня умереть въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ, сказалъ онъ.

Жена его раздѣлявшая туже опасность была другаго мнѣнія.

— Если мнѣ суждено умереть, то я хотѣла бы прежде отправить впереди себя на тотъ свѣтъ нѣсколько краснокожихъ, сказала она. Да и мы не обречены же на вѣрную смерть. Я слышу выстрѣлы ружья Мельбёри, онъ отстоитъ

домъ. И я говорю тебѣ, что этотъ краснокожій былъ такъ запуганъ, что мы съ нимъ справились бы въ одну минуту.

Въ это время мистрисъ Макъ-Кенни, оставшаяся въ рукахъ индѣйцевъ безпрестрашно подвергала свою жизнь опасности чтобы помочь осажденнымъ друзьямъ. Она выбивала затравки у ружей, и отводила дулы, такъ что выстрѣлы пролетали мимо дома. Она дѣлала это хладнокровно, обдуманно. Она считала себя обреченною на смерть и думала только о своихъ. Наконецъ многіе изъ индѣйцевъ были переранены мѣткими выстрѣлами Мельбёри и индѣйцы рѣшились отступить, уводя съ собой, и мистрисъ Макъ-Кенни. Несчастная женщина рѣшилась сопротивляться до послѣднихъ силъ, предпочитая смерть плѣну у индѣйцевъ. Отказъ ея идти раздражилъ Черокезцовъ и одинъ изъ нихъ нанесъ ей сильный ударъ томагаукомъ. Но она не пошла. Ее протащили насильно полмили и наконецъ свалили вторымъ ударомъ. Индѣйцы ушли считая ее мертвой. Когда она пришла въ себя она увидѣла что лежала на камнѣ. Ее раздѣли до нага и скальпировали. Она сдѣлала усиліе приподняться и увидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ индѣйцевъ, которые собирали колосья кукурузы и жарили для своей трапезы. Она быстро снова опустилась и пролежала не двинувъ ни однимъ членомъ пока они не ушли. Потомъ она доползла до дому.

Всѣ сосѣди собрались въ фортѣ Стиль держать совѣтъ. Рѣшено было, жестоко наказать индѣйцевъ за такое злодѣйское нарушеніе недавно заключеннаго договора. Женщины остались въ фортѣ готовясь къ защитѣ, мущины ушли преслѣдовать индѣйцевъ. Одиннадцатилѣтній сынъ Стиля, Джонъ, будущій герой войны за независимость со слезами просилъ чтобы и его взяли съ собой. Котерина восхищенная раннимъ доказательствомъ мужества мальчика, убѣдила его остаться, говоря что опъ пуженъ для защиты форта. И маленькій герой принялъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ матери. Отрядъ колонистовъ преслѣдовалъ индѣй-

цевъ и отбилъ у нихъ семерыхъ дѣтей сосѣдняго фермера, которыхъ они похитили, убивъ мать и отца ихъ. Но колонисты сочли неблагоразумнымъ далѣе преслѣдовать врага, увидѣвъ что на другомъ берегу рѣки толпа Черокезцовъ шла къ нему на подмогу. Въ этой стычкѣ индѣецъ скальпировавшій мистрисъ Макъ-Кенни былъ убитъ, и скальпъ ея былъ отнятъ у него. Мистрисъ Макъ-Кенни жила долго послѣ своего скальпированія, но раны ея не зажили вполнѣ и открывались по временамъ. Впрочемъ это не помѣшало ей ни мало вести туже дѣятельную рабочую жизнь и имѣть послѣ того нѣсколькихъ здоровыхъ дѣтей. Это была сильная здоровая и физически и нравственно раса женщинъ.

По мужеству выказанному этими женщинами можно судить о мужествѣ и энергіи той, вліяніе которой онѣ признали надъ собой. Часто въ это опасное время Кэти изъ форта оставляла свой безопасный фортъ и отправлялась одна верхомъ за девяносто миль навѣстить друзей, которые нуждались въ ея помощи. Ей приходилось проѣзжать по пустынной мѣстности черезъ землю дружественнаго индѣйскаго племени Катаубы, на которой часто бродили шайки враждебныхъ Черокезовъ, но она безстрашно ѣхала даже по ночамъ разсчитывая на быстроту своей вѣрной лошади и на мѣткость своего ружья. Иногда спѣша домой, она проѣзжала эти девяносто миль безъ продолжительнаго роздыха, остановясь только на нѣсколько минутъ чтобы напоить и накормить лошадь.

Въ 1763 г. Томасъ Стиль съ двумя сосѣдями отправился къ индѣйцамъ для мѣновой торговли. Онъ былъ въ отсутствіи болѣе года; заѣзжалъ далеко на западъ отъ Мисиссипи и, взявъ тамъ индѣйскіе челноки, спустился до Нью Орлеана. На обратномъ пути они были ограблены шайкой индѣйцевъ; имъ удалось спасти жизнь и голодные нагіе они вернулись назадъ до французскихъ колоній. Одинъ изъ нихъ Уайнъ, бывшій прежде кузнецомъ, заработалъ на одежду и на дорогу и они снова пустились въ путь черезъ

густые лѣса, въ которыхъ еще въ первый разъ ступала человѣческая нога. Рано по утру Стилъ отсталъ нѣсколько отъ своихъ товарищей, вдали раздался выстрѣлъ и онъ не возвращался болѣе, товарищи долго искали его но напрасно. Заключивъ что онъ убитъ выстрѣломъ и что тѣло его унесено или скрыто въ чащѣ лѣса, они вернулись домой и принесли печальное извѣстіе Кети изъ форта.

Кети осталась вдовой съ тремя дочерьми и двумя сыновьями. Она воспитываза ихъ въ строгихъ правилахъ пуританской религіи, учила ихъ и словами и примѣромъ быть полезными людьми, способными работать неутомимо не для однихъ себя, но и для блага общины. Энергія, мужество и чувство долга, которыя она внушила дѣтямъ принесли плоды въ тѣ годы, когда на долю Кети и ея дѣтей выпали испытанія еще суровѣе и тяжелѣе этихъ, которыя они выносила до сихъ поръ. Кети, во всю свою жизнь сохранила свое вліяніе на дѣтей, и неудивительно что женщина умѣвшая пріобрѣсть вліяніе надъ цѣлой общиной, умѣла сохранить его и надъ дѣтьми, которые съ первымъ нробужденіемъ сознанія были въ ея рукахъ, и были связаны съ ней глубокой любовью и привычкой годовъ. Когда дѣти ея выросли Кети раздѣлила между ними имѣніе поровну, что было неслыханнымъ нововведеніемъ въ общинѣ, потому что въ то время англійскій законъ о первородствѣ былъ во всей силѣ въ колоніяхъ; и это произвольное распоряженіе имѣніемъ хотя и вполнѣ законное съ точки зрѣнія справедливости, было незаконнымъ по формѣ. По закону старшій сынъ долженъ былъ наслѣдовать все имѣніе, а младшимъ дѣтямъ выдавались болѣе или менѣе значительныя суммы скопленныя родителями изъ доходовъ. Старшій сынъ ея и любимецъ Джонъ безпрекословно подчинился распоряженію матери, не смотря на то что онъ изъ богатаго землевладѣльца какимъ бы онъ могъ быть, — потому что земли около форта Стиля благодаря трудолюбію и распорядительности Кети сдѣлались богатой плантаціей, — превращало

его въ зажиточнаго но далеко не богатаго фермера. Онъ удовольствовался выдѣленнымъ ему участкомъ земли, хотя могъ бы протестовать противъ незаконнаго раздѣла. Но онъ былъ достойнымъ сыномъ своей матери и выросъ въ идеяхъ равенства и свободы. Какъ старшій изъ дѣтей онъ хорошо помнилъ годы лишеній и тяжелаго труда которыя она вынесла, мужество съ какимъ она встрѣчала опасности, къ которымъ пріучала и его, не смотря что въ эти минуты сердце ея сжималось отъ страха за него.

Когда ребенокъ сталъ юношей отношенія матери къ сыну приняли другой характеръ. Вспыхнула война за независимость, Кети приняла горячее участіе, какое только могла принять женщина. Она дѣятельно распространяла идеи свободы, помогала снаряжать отряды. Сынъ ея сдѣлался капитаномъ партизанскаго отряда и за свои смѣлыя нападенія былъ прозванъ историками войны за независимость Мюратомъ юга. Онъ совѣтовался съ матерью о каждой предпринимаемой имъ мѣрѣ, и люди незнавшіе ихъ, которымъ бы удалось услышать ихъ разговоры, невидя говорившихъ подумали бы непремѣнно, что это говоритъ не мать съ сыномъ, а двое молодыхъ и свѣдущихъ людей разсуждаютъ объ общественныхъ дѣлахъ. Такъ горячо и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и дѣльно умѣла Кети изъ форта принимать въ нихъ участіе. Она постоянно посылала кого изъ дѣтей или работниковъ за газетами къ старому судьѣ Гэстону, жившему черезъ ручей, и часто сама отправлялась къ нему обсуждать какія мѣры принять чтобы на свою долю работать для свободы отечества.

Сынъ ея отличался во всѣхъ сраженіяхъ. Онъ былъ въ числѣ виговъ собравшихся ночью у дома судьи Гэстона и принесшихъ клятву не класть оружія пока хоть одинъ непріятель останется въ колоніяхъ. Онъ при осадѣ Саванны, принялъ участіе въ знаменитой аттакѣ американскихъ войскъ подъ начальствомъ графа Пулавскаго и послѣ со своимъ отрядомъ держалъ съ тревогѣ британскую армію осаждав-

шую Чарльстонъ. Кети съ восторгомъ слушала извѣстіе о томъ что ея первенецъ выказалъ мужество, которое она передала ему, и оказался ея достойнымъ ученикомъ.

Въ то утро, когда собравшіеся у судьи Гэстона виги послѣ клятвы пошли напасть на собравшихся на Старомъ полѣ британцевъ и торіевъ, Катерина Стиль позвала младшаго сына, юношу лѣтъ восемнадцати, единственнаго изъ дѣтей оставшихся при ней, потому что она давно уже выдали дочерей замужъ, и сказала чтобы и онъ шелъ съ братомъ.

— Ты долженъ идти и сражаться за отечество Джонъ, сказала она. — Я не хочу чтобы сказали что сыновья стараго судьи Гэстона сдѣлали болѣе для свободы отечества нежели сыновья вдовы Стиль.

— Это было торжественное утро, говорилъ потомъ Джонъ Стиль матери. — Многіе изъ виговъ приставшихъ къ намъ ушли считая безумной попыткой нападеніе нашей горсти людей на сотенные отряды британцевъ. Но мы дали страшную клятву передъ Богомъ и наша рѣшимость, какъ законы мидянъ и персовъ, была неизмѣнна. Мы шли далѣе, къ намъ пристали еще восемь виговъ съ Песочной рѣки (Sand River) которые шли къ намъ всю ночь. Солнце вышло изъ за тучи и освѣтило насъ яркимъ лучемъ. И у насъ стало свѣтло на сердцѣ, мы чувствовали что мы и наши люди — вѣрные люди.

Когда армія Сёмтера стоявшая лагеремъ на берегахъ Фишингъ-Крика и Катаубы была захвачена въ расплохъ и перерѣзана непріятелемъ, генералъ Семтеръ и бумаги, его были спасены Стилемъ и его матерью. Никто не ожидалъ нападенія, лагерь былъ огражденъ ручьемъ и рѣкой съ двухъ сторонъ, съ другихъ двухъ лѣсомъ и болотами, на дорогахъ стояли сильные отряды. Генералъ Сёмтеръ снявъ мундиръ и сапоги спалъ въ своей палаткѣ, когда англійскіе войска, которыхъ провели измѣнники и драгуны Тарльтона ворвались въ лагерь и начали топтать и колоть спящихъ. Джонъ Стиль былъ изъ немногихъ не

потерявшихся отъ внезапнаго нападенія; первою мыслью его было спасеніе генерала. Онъ кинулся въ палатку вынесъ его еще соннаго черезъ заднее отверстіе и вмѣстѣ съ нимъ небольшой чемоданъ, въ которомъ Семтеръ держалъ свои бумаги. Онъ посадилъ генерала на лошадь, сдалъ чемоданъ другому. Его храбрые кавалеристы уже собрались около него и подъ ихъ прикрытіемъ Сёмтеръ поскакалъ осыпанный градомъ пуль. Англичане видя что главная добыча ускользаетъ отъ нихъ кинулись преслѣдовать, но едва они приближались на разстояніи выстрѣла, онъ приказывалъ своимъ партизанамъ повернуть лошадей. Драгуны переднихъ рядовъ падали съ лошадей, сраженные мѣткими выстрѣлами и испуганныя лошади безъ сѣдоковъ мчались къ лагерю; американцы ловили ихъ, садились и нападали сзади на драгуновъ, которые наконецъ были принуждены прекратить преслѣдованіе. Стиль проводивъ Сёмтера до половины дороги въ Чарлотъ вернулся чтобы собирать уцѣлѣвшіе остатки войска и отыскать чемоданъ съ бумагами, который былъ потерянъ солдатомъ въ лѣсу. Каждый кустикъ въ лѣсу былъ знакомъ Стилю, но онъ не нашелъ чемодана и узналъ что онъ былъ поднятъ сосѣднимъ тори, не подозрѣвавшимъ всей важности своей находки. Стиль тотчасъ добылъ чемоданъ, который не успѣли еще открыть и поѣхалъ къ матери. На дорогѣ онъ встрѣтилъ женщину изъ сосѣдней фермы и сказалъ ей чтобы она передала мужу и сосѣдямъ приказаніе генерала Сёмтера идти въ Чарлотъ, прибавивъ чтобы всѣ охотники собирались на завтра на ферму Ниля, откуда онъ отправится съ своимъ отрядомъ Стиль не подозрѣвалъ что мужъ этой женщины послѣ гибели арміи Сёмтера перешелъ на сторону англичанъ. Жена передала извѣстіе мужу, который отправился собирать торіевъ для нападенія на ферму Ниля, а Стиль не подозрѣвая измѣны поѣхалъ къ матери.

Катерина Стиль выслушавъ извѣстіе о гибели арміи не пришла въ отчаяніе, но сказала: — Мы не смотря но все одержимъ верхъ потому что мы правы; — и это сознаніе

дало ей мужество переносить всѣ бѣдствія войны и печаль о пораженіи своихъ согражданъ.

Рано на другое утро мать и сынъ ѣхали верхами къ фермѣ Ниля. Катеринѣ было въ то время пятьдесятъ пять лѣтъ. Она бодро ѣхали рядомъ съ сыномъ гордясь его неустрашимостью, гордясь его честной службой, гордясь и его вліяніемъ на округъ и собой за то что выростила такого славнаго сына и гражданина. Она съ восхищеніемъ смотрѣла какъ со всѣхъ сторонъ верхами виги собирались къ фермѣ Ниля по призыву сына; и ни одно корыстное чувство не примѣшивалось къ ея честной гордости. Она никогда не желала сыну ни отличій, ни почестей, она знала что какъ волонтеръ и партизанъ ему не дождаться высокаго поста въ регулярной арміи, вообще мало цѣнившей службу партизановъ, которую оцѣнили гораздо болѣе англійскіе историки войны за независимость, очень часто упоминавшіе о вредѣ, который наносили партизаны британскимъ войскамъ.

Мистрисъ Стиль прибыла съ сыномъ къ Нилямъ и застала мистрисъ Нили съ дочерьми въ приготовленіяхъ завтрака для отряда. Лошади отряда паслись на лугу, а двѣ дочери Нили стояли сторожа у маисоваго поля на случай неожиданнаго нападенія непріятеля. Одинъ изъ виговъ отряда вышелъ сѣдлать свою лошадь и увидѣлъ приближавшійся на всѣхъ рысяхъ отрядъ торіевъ, онъ побѣжалъ предупредить капитана, но оступившись полетѣлъ въ глубокую яму вырытую для склада овощей. Это спасло его отъ выстрѣловъ, которые послали ему тори. Испуганныя дѣвушки кинулись со всѣхъ ногъ на ферму крича: тори, тори.

Въ это время мистрисъ Стиль разчесывала волосы сына. У него были длинные густые волосы, черные какъ воронье крыло, которыми мать любовалась. Онъ заплеталъ ихъ въ косу по обычаю того времени. Но въ послѣднее время ему было некогда заняться своей косой, и она имѣла очень неопрятный сваленный видъ. Мистрисъ Стиль не мало гордилась красатой сына, который напоминалъ ее собственную,

въ годы молодости и воспользовалась первой минутой отдыха чтобы привести въ порядокъ его прическу. Заслышавъ перестрѣлку, мать и сынъ вскочили, и вбѣжавшія дочери Нили сказали что два отряда конныхъ тори мчатся съ двухъ сторонъ къ фермѣ. Нельзя было терять ни минуты. Но солдаты, не смотря на свою испытанную храбрость были деморализованы недавней внезапной рѣзней Сёмтерскаго лагеря; они растерялись отъ вторичнаго внезапнаго нападенія и не двигались съ мѣста. Даже самъ Джонъ Стиль смутился на одно мгновеніе. Мистрисъ Стиль одна сохранила полное присутствіе духа.

— Сражайтесь, закричала она солдатамъ.

Но видя общее замѣшательство она крикнула имъ.

— Бѣгите; затѣмъ обратясь къ сыну сказала чтобы онъ взялъ чемоданъ съ бумагами и сѣдлалъ лошадь, пока она пойдетъ спускать для него перекладины плетня. Все это произошло въ одно мгновеніе.

Опомнившійся Джонъ Стиль захватилъ чемоданъ, въ одинъ мигъ былъ въ сѣдлѣ и пришпоривъ своего вѣрнаго скакуна мчался черезъ огородъ къ плетню; мать не успѣла еще опустить перекладинъ, онъ далъ снова шпоры и очутился на другой сторонѣ. За нимъ поскакали партизане его, для которыхъ мистрисъ Стиль успѣла опустить перекладины. Нѣкоторые изъ виговъ замѣшкались, еще не оправясь отъ переполоха и поплатились за то жизнью. Подоспѣвшіе тори застрѣлили ихъ и, падая съ лошадьми, они придавили собой мистрисъ Стиль. Капитанъ скакалъ по узкой просѣкѣ въ лѣсу, осыпанный градомъ пуль, но пули не столько были опасны ему сколько его развѣвающіеся длинные волосы, которые чуть не приготовили ему гибель Авессалома. Вскорѣ онъ былъ внѣ выстрѣловъ. Въ своей отчаянной скачкѣ онъ поклялся что если избѣгнетъ этой участи, то принесетъ въ жертву счастливой судьбѣ свои длинные волоса.

Въ это время мать его долго лежала безъ чувствъ при-

давленная тяжестью упавшихъ на нее убитыхъ виговъ Джона Андерсона, мужа знакомый уже читателямъ Ненси и Джемса Барбера брата Изабеллы Фергюзонъ. Очнувшись наконецъ она съ неимовѣрными усиліями высвободилась изъ подъ давившихъ ея труповъ и приподнялась на колѣняхъ, обрызганная кровью, съ прострѣленнымъ во многихъ мѣстахъ платьемъ. Первою мыслью ея было—Джонъ и бумаги. Услыхавъ что все спасено, она съ кликомъ восторга благодарила Бога, и увидя что она осталась невредима, тотчасъ пошла помогать раненымъ.

Между тѣмъ тори доведенные до бѣшенства неуспѣхомъ ихъ экспедиціи и приписывая свою неудачу помощи мистрисъ Стиль, оставивъ безполезное преслѣдованіе вдругъ повернули къ ея дому, они сожгли его до тла, поломали и уничтожили все принадлежавшее ей, потоптали поля и угнали скотъ. Эта злобная месть была доказательствомъ что они признавали всѣ важность ея вліянія и услугъ партіи виговъ.

Въ ноябрѣ капитанъ Стиль вернулся въ свой округъ и съ помощью своего отряда усмирилъ его, организовалъ милицію, предалъ суду нѣсколькихъ тори обвиненныхъ въ убійствѣ, изгналъ самыхъ непримиримыхъ изъ округа и простилъ менѣе виновныхъ, обѣщавшихъ покориться. Время требовало такихъ крутыхъ мѣръ. Въ колоніяхъ начинали съ разногласія, которыя едва не погубили зараждавшееся государство, и нужна была твердая рука, которая не дрогнувъ смогла бы владѣть острымъ оружіемъ. Стиль не-предпринималъ ничего не посовѣтовавшись съ матерью, и все что онъ дѣлалъ было сдѣлано съ ея одобренія.

Капитанъ Стиль въ 1781 году женился на дочери, уже знакомой мистрисъ Бирдъ, Маргаритѣ и Эстеръ Гэстонъ съ женихомъ Александромъ Уокеромъ были шаферомъ и подружились на свадьбѣ. Когда у него спрашивали зачѣмъ онъ неотложилъ своей свадьбы до мира, онъ шутливо отвѣчалъ что сдѣлалъ это единственно для того чтобы угодить

невѣстѣ, что же касалось его самаго, то ему пришлось имѣть неудовольствіе тотчасъ же отправиться въ армію. Онъ оставался на службѣ до самаго отплытія англичанъ и видѣлъ какъ непріятель сѣлъ на корабли и снялся съ якоря для отплытія съ свою сторону.

По заключеніи мира онъ вернулся на старую плантацію, которая не была уже старой, потому что ее пришлось отстроить заново. Онъ зажилъ счастливымъ семьяниномъ вмѣстѣ съ старой матерью, совершенно довольный своимъ состояніемъ, обработывая доставшійся ему участокъ земли и чуждый ненасытной страсти обогощенія, которая составляетъ отличительную черту, а иногда и пятно нравовъ его согражданъ. Въ частной жизни Джонъ Стиль отличался кротостью и миролюбіемъ, такъ что люди видѣвшіе его въ первый разъ ни за что не повѣрили бы что этотъ добродушный весельчакъ, бывшій постоянно миротворцемъ во всѣхъ ссорахъ, могъ быть страшный капитанъ Стиль, который наводилъ такой ужасъ на торіевъ.

По заключеніи мира мистрисъ Стиль ждало другое дѣло. Нужно было залечивать раны нанесенные отечеству междоусобной войной, примирять враждующія партіи, между которыми стоялъ кровавый призракъ убитыхъ жертвъ. Она дѣятельно вмѣстѣ съ сыномъ работала для дѣла мира, помогала обнищавшимъ не разбирая партій, увѣщевала примиряться, доказывая и безплодность и безчеловѣчность вражды и не жалѣла ни трудовъ ни жертвъ чтобы облегчить бѣдствія, оставленные междоусобной войной въ наслѣдство мира. И не задолгло до смерти она съ гордой радостью увидѣла какъ изъ округа растерзаннаго враждой, раздорами и неустройствомъ образовался мирный благоустроенный округъ. Ей приходилось для этой цѣли выдерживать борьбу и съ собственнымъ семействомъ. Младшій сынъ ея Томасъ и зятья не походили на капитана Стиля и готовы были воспользоваться своимъ торжествомъ, чтобы вымѣстить на побѣжденной партіи все что имъ пришлось

самимъ вынести отъ нея. Одно вліяніе любимой и уважаемой матери могло удержать ихъ отъ выходокъ злобной мести. Въ борьбѣ съ ними мистрисъ Стиль пришлось выказать другой родъ энергіи и мужества, которыя къ несчастію рѣдко бываютъ удѣломъ женщинъ. Женщины вообще способны подчиняться людямъ дорогимъ ихъ сердцу и рѣдко имѣютъ мужество открыто осуждать ихъ образъ дѣйствія, если онъ вреденъ для общества, другое дѣло, если этотъ образъ дѣйствія оказывается вреднымъ для дорогихъ людей самихъ. Внука ея мистрисъ Джонъ Томсонъ, дочь капитана Стиля разсказывала мистрисъ Эллетъ, что ни она и ни кто изъ дѣтей и внуковъ не слыхалъ никогда ни отъ бабки ни отъ отца кто изъ сосѣдей былъ вигомъ или тори во время войны за независимость. По заключеніи мира не могло быть ни виговъ ни тори, были свободные граждане Америки.

Мистрисъ Стиль умерла въ 1785 г. сохранивъ до послѣднихъ минутъ свою бодрость, веселость и шутливость, за которыя ея прозвали остроумной Кети изъ форта, она умерла въ старомъ фортѣ, который отстаивала бывало, на той землѣ, которую расчищала своими руками.

Мери Макъ-Клюръ.

Мери Макъ-Клюръ была матерью знаменитаго на югѣ капитана Макъ-Клюра, про котораго опытные воины говорили, что онъ былъ храбрымъ изъ храбрыхъ, и который не смотря на свою короткую карьеру, онъ былъ убитъ въ самый разгаръ войны, оставилъ по себѣ прочную память въ южной Каролинѣ. Онъ былъ обязанъ всѣмъ чѣмъ онъ былъ своей матери.

Мистрисъ Макъ-Клюръ была сестрой Джона Гэстона. Она родилась въ южной Каролинѣ на плодоносныхъ земляхъ Рыбнаго ручья за восемь миль отъ Честера, и двое изъ ея внуковъ живутъ тамъ же на своихъ плантаціяхъ и теперь, т. е. въ то время когда мистрисъ Эллетъ писала свои мемуары въ

1848 г. Мистрисъ Макъ-Клюръ принадлежала къ первымъ поселенцамъ пустынной мѣстности и въ первые годы много терпѣла отъ нападеній враждебныхъ Черокезцовъ. Много дней и ночей провела она въ фортахъ приготовляясь къ защитѣ и за свое мужество при стычкахъ съ индѣйцами была прозвана Черокезкой героиней.

При началѣ войны за независимость она была уже немолодой женщиной матерью семерыхъ взрослыхъ дѣтей, и лѣтъ пятнадцать или двадцать вдовой. Она сама воспитала дѣтей и приготовила изъ нихъ мужественныхъ гражданъ умѣвшихъ честно исполнять свой долгъ. Мистрисъ Макъ-Клюръ принимала горячее участіе въ общественныхъ дѣлахъ и не жалѣла ни трудовъ ни усилій чтобы служить освобожденію отечества. Двое сторожиловъ говорили мистрисъ Эллеты «что Мери дѣлала все что могла, убѣждала каждаго вооружаться, послала сыновей и зятьевъ, и сосѣдей». Она умѣла убѣждать съ такой силой и краснорѣчіемъ что посвидѣтельству ея современниковъ не было ни одного человѣка незнавшаго къ какой партіи пристать, котораго бы она не послала въ лагерь виговъ. Однимъ словомъ старая Макъ-Клюръ была въ своемъ округѣ то, что называется на языкѣ политики первой *агитаторшей* слѣдуетъ сказать, какъ бы это ни звучали странно для уха непривычнаго слышать это слово съ женскимъ окончаніемъ. Вліянію женщинъ этого и сосѣднихъ округовъ обязана Америка что мущины такъ дружно вооружились за независимость. Когда они жили въ лагерѣ, женщины составили рабочую общину для обработыванія полей, заготовляли запасы и посылали въ лагерь; готовили одежду, и даже военные снаряды, лили пули и дѣлали порохъ. Мистрисъ Макъ-Клюръ съ дочерьми завѣдывала всѣми работами. Она вмѣстѣ съ братомъ старымъ судьею Гэстономъ устроила экспедицію виговъ чтобы захватить англичанъ на Старомъ полѣ, о которой говорилось въ очеркѣ подъ заглавіемъ Эстеръ Уакеръ. Сынъ ея Гёгъ былъ тогда изувѣченъ на всю жизнь. Джонъ, командовавшій

отрядомъ отличился. Этотъ первый успѣхъ партіи виговъ послѣ длиннаго ряда неудачъ имѣлъ волшебное дѣйствіе. Онъ поднялъ упавшій духъ американцевъ. Множество колонистовъ приставшихъ къ роялистамъ перешли къ вигамъ. Послѣ этого успѣха во всей Королинѣ пронесся призывъ къ оружію. Всѣ кузнецы округовъ заработали надъ ржавыми саблями, пиками, плугами, которые обращали въ оружіе. Женщины отдавали оловянную посуду, которая передавалась изъ рода въ родъ въ приданое какъ драгоцѣнность; отдавали все что было металлическаго въ домѣ на пули, и остались съ глиняной и деревянной посудой. Каждый день новые охотники шли въ лагерь американцевъ. Тори рѣшились нанести рѣшительный ударъ. Капитанъ Флойдъ, начальникъ тори сдѣлалъ донесеніе англійскому военачальнику, стоявшему лагеремъ у Скалистой горы (Rocky Mount) и капитанъ Гёкъ былъ отряженъ съ сильнымъ отрядомъ чтобы очистить это «гнѣздо шершней», какъ звали англичане и тори округи гдѣ встрѣчали сильное сопротивленіе. Отряды красныхъ мундировъ въ нѣсколько экспедицій опустошили большую часть сосѣднихъ округовъ жгли фермы, топтали жатвы и угоняли скотъ дерзко ругаясь надъ пресвитеріанской религіей, которой держалась большая часть колонистовъ. Они жгли библіи, старые псалтыри и сборники гимновъ, съ проклятіями повторяя, что теперь вигамъ неоткуда будетъ вычитывать то что дѣлало ихъ такими отверженными бунтовщиками. Непріятель былъ правъ приписывая отчаянное сопротивленіе, которое онъ встрѣчалъ во многомъ религіозному духу колонистовъ. Религія просвитеріанцевъ, методистовъ, квакеровъ и другихъ сектъ, на которыя распалось пуританство, основанная на свободномъ толкованіи библіи благопріятствовала развитію духа независимости, которымъ сама была порождена. Библейскіе примѣры сопротивленія тираномъ вдохновляли религіозныхъ колонистовъ на борьбу. Тори же происходили большею частью отъ кавалеровъ, партизановъ Карла I и были по-

томками распущенныхъ, развращенныхъ роскошью, праздностью и придворной жизнью аристократовъ. Вражда между вигами и тори была враждой двухъ противуположныхъ началъ, глубоко ненавистныхъ одно другому. И потому сраженія обѣихъ партій отличались всею безпощадностью междуусобной войны, тогда какъ сраженія виговъ съ англичанами имѣли характеръ войны съ вторгнувшемся изъ чужой земли непріятелемъ. Права войны соблюдались свято, и со стороны американцевъ не было ни коварныхъ нарушеній перемирія, ни предательства, ни рѣзни сдавшагося непріятеля. Англичане считали себя вправѣ поступать иначе: они смотрѣли на американцевъ какъ на бунтовщиковъ, и плѣнниковъ часто ждала веревка.

Во вторую экспедицію капитанъ Гёкъ зашелъ на ферму Макъ-Клюровъ. Джона, будущаго героя Rocky Mount'а не было дома, Джемсъ, одинъ изъ младшихъ сыновей Мери-Макъ-Клюръ и зять ея Недъ-Мартинъ только что вернулись изъ лагера Сёмтера. Когда англичане подошли, они вмѣстѣ съ матерью лили пули изъ оловянныхъ блюдъ, которыя были такъ много лѣтъ гордостью хозяйки. Они были такъ заняты своимъ дѣламъ что не замѣтили какъ непріятель свернулъ на дорогу къ ихъ дому. Джемсъ Макъ-Клюръ не понималъ какъ можно видѣть непріятеля не пославъ ему пулю. Первымъ порывомъ его было послать ему цѣлый залпъ но Недъ-Мартинъ замѣтилъ что непріятель силенъ. Джемсъ возразилъ: «мы успѣемъ перебить много изъ нихъ, пока они не подойдутъ, потомъ уйдемъ въ верхній этажъ и оттуда перебьемъ еще», говорилъ пылкій юноша, но по совѣту зятя и матери этотъ безумный планъ былъ оставленъ. Джемсъ залѣзъ за стѣну новой постройки и легъ на доску перекинутую между балками, но его вскорѣ нашли и увели во дворъ, гдѣ находился его зять связанный по рукамъ и ногамъ. Англичане обыскали молодыхъ людей — карманы набитые только что отлитыми пулями были уликой ихъ враждебныхъ замысловъ противъ королевской ар-

міи. Пока Джемса вязали, онъ сказалъ что если бы Недъ послушался его, то они были бы избавлены отъ позора быть взятыми не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Смѣлость сдѣлала его положеніе еще болѣе отчаяннымъ, ихъ судили и произнесли приговоръ что завтра на восходѣ солнца Джемсъ Макъ-Клюръ, Недъ-Мартинъ и полковникъ Моффетъ, взятый прежде въ плѣнъ, осуждены на смерть черезъ повѣшеніе за то что ихъ поймали съ пулями отлитыми для защиты отечества.

Старая мать видѣла какъ привязали ея сына. Она знала что ей нечего разсчитывать на состраданіе непріятеля. Не смотря на свой ужасъ и муку она ни словамъ не пыталась умолить непріятеля. Когда молодые люди были, отведены подъ конвоемъ. Гёкъ обратясь къ матери сказалъ грубо:

— Вы видите теперь, сударыня, что значитъ противиться королю. Гдѣ ваши другіе сыновья Джонъ и Гёкъ. Я бы очень радъ былъ видѣть ихъ въ обществѣ Джема вашего который смѣетъ говорить что если бы не Недъ-Мартинъ, то онъ ни за что не былъ бы связанъ. Мы повѣсимъ вашего сына, сударыня, это его приговоръ. Гдѣ Джонъ и Гёгъ. Говорите гдѣ они. Эй солдатъ, искать ихъ вездѣ. Они вѣрно запрятались гдѣ нибудь, подлые трусы.

— Это ложь! воскликнула въ негодованіи старая мать, окинувъ звѣрскаго капитана взглядомъ полнымъ презрѣнія: Вы очень хорошо знаете, серъ, что вы бы не посмѣли помѣряться съ нимъ лицомъ къ лицу. Будь Джонъ здѣсь, вы бы не смѣли этого сказать мнѣ.

— Да будь онъ проклятъ! закрычалъ Гёкъ:—Говорите гдѣ я могу встрѣтить его.

— Ступайте въ лагерь генерала Сёмтера, отвѣчала гордо матрона:—Тамъ вы встрѣтите его.

Разсматривая вещи находившіяся въ комнатѣ, Гёкъ взялъ двѣ книги лежавшія на столѣ.

— Это что за книга.

— Утѣшитель огорченнаго.

— Хорошее заглавіе, проклятые бунтовщики будутъ скоро нуждаться въ утѣшителяхъ.

— Это хорошая книга, серъ, отвѣчала мистрисъ Макъ-Клюръ.

— А это что за книга.

— Наша семейная библія.

— Вы читаете ее? съ усмѣшкой спросилъ Гёкъ.

— Да серъ.

— Такъ въ этихъ книгахъ вы вычитываете то что дѣлаетъ васъ такими проклятыми бунтовщиками закричалъ въ бѣшенствѣ Гёкъ, и бросилъ обѣ книги въ огонь.

Мистрисъ Макъ-Клюръ кинулась выхватить ихъ изъ огня, онъ пытался удержать ее, но она боролась съ нимъ и наконецъ ей удалось спасти свою драгоцѣнность изъ пламени. Уголъ переплета былъ обожженъ, и библія долго хранилась въ семействѣ какъ памятникъ этой эпохи.

Гёкъ въ злобѣ что мистрисъ Макъ-Клюръ выхватила книгу изъ пламени ударилъ ее плашмя саблей. Но это не испугало гордую матрону и она выпрямившись во весь ростъ сказала:

— Серъ, этотъ ударъ будетъ стоить вамъ дорого.

Солдаты подожгли новый домъ, который еще не былъ отстроенъ; мистрисъ Макъ-Клюръ удалось загасить огонь. Но это не спасло дома. Непріятель принялся отдирать доски. У мистрисъ Макъ-Клюръ были спрятаны въ щели нѣсколько золотыхъ гиней завернутыхъ въ сукно. Когда доски полетѣли она кинулась въ толпу солдатъ и когда сукно выпало она притворно споткнулась и упала закрывъ собой сукно, съ гинеями, которыя лежа ловко спрятала въ карманъ. Въ это время солдаты разрушали все что могли, и захватывали все что могло имъ пригодиться. Мѣшки гвоздей были припасены для постройки, они взяли ихъ и разсыпали по полю, когда уходили уводя Джемса Макъ-Клюра и Неда Мартина.

Едва скрылся непріятель, какъ мистрисъ Макъ-Клюръ отправила дочь Мери въ лагерь Сёмтера увѣдомить войско о грабежѣ и плѣнѣ сына и зятя. Мери пришла въ лагерь вечеромъ пѣшкомъ, всѣ лошади были захвачены непріятелемъ. Она спѣшила выбиваясь изъ силъ; отъ каждаго шага зависѣла жизнь брата и соотечественниковъ. Джонъ Макъ-Клюръ и Джонъ Брэттонъ вызвались отбить плѣнныхъ и въ полночь не большой отрядъ виговъ выступилъ съ нѣсколькими десятками конницы и преслѣдуя враговъ по слѣдамъ настигъ ихъ на фермѣ Уильямсона. Виги слѣзли съ лошадей и прокравшись между кустарниками доползли до фермы. Джонъ Макъ-Клюръ перескочилъ черезъ изгородь. Стало свѣтать и братъ его Джемсъ узналъ его, но когда поставленный непріятелемъ часовой окликнулъ, онъ отвѣчалъ:—Ваши. Тори, забили зорю и непріятель сталъ собираться въ ряды; въ эту минуту раздались выстрѣлы ружья Макъ-Клюра. Джемсъ связанный по рукамъ и ногамъ крикнулъ другимъ плѣннымъ чтобы они бѣжали изъ амбара, потому что легко могли быть убиты своими, обстрѣливавшими амбаръ. Плѣнные были освобождены. Джонъ далеко преслѣдовалъ бѣгущихъ, Гёкъ и Фергюзонъ были убиты, и Джонъ съ торжествомъ отвелъ къ матери возвращеннаго сына.

Не долго пришлось мистрисъ Макъ-Клюръ радоваться на подвиги сына. Онъ былъ раненъ въ сраженіи при Скалистой горѣ, гдѣ онъ выдержалъ со своимъ отрядомъ первый огонь и за свое геройство былъ прославленъ въ народной пѣснѣ.

Said Sumpter—'Goodmen must be lost
At yonder point I see
Mac-Clure replied—'That is the post
For Rocky Creek and me.

(Сказалъ Сёмтеръ. Я вижу добрые молодцы погибнутъ на томъ мѣстѣ. Макъ-Клюръ отвѣчалъ. Я пойду и отстою Роки Крикъ).

Градъ пуль осыпалъ смѣльчака. Одна ранила его на вылетъ въ бедро, но забивъ рану ватой, онъ снова всталъ впереди своего отряда и упалъ пробитый нѣсколькими пулями. Его отвезли въ Уоксаускую церковь, куда вслѣдъ за нимъ пріѣхала старая мать ходить за раненымъ. Онъ умеръ вскорѣ и его мужество было причиной его смерти. Услыхавъ о пораженіи генерала Гетса при Кэмденѣ онъ всталъ чтобы снова ѣхать въ войско, не смотря на запрещеніе доктора, и его раны раскрылись отъ волненія и напряженія. Съ нимъ сдѣлалось внутреннее кровотеченіе отъ котораго онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ. Англичане въ это время штурмовали Чарлотъ, куда онъ былъ перевезенъ, и американцы спѣшили выѣзжать изъ города, который рѣшено было отдать непріятелю. Хотѣли похоронить героя безъ гроба, приготовленіе котораго задержало бы отступленіе; но мистрисъ Макъ-Клюръ не согласилась. Когда всѣ выѣхали, она осталась одна съ немногими друзьями, не хотѣвшими покинуть ее и похоронила сына со всѣми обрядами требуемыми ея религіей. На могилѣ она въ вдохновенной рѣчи обрекала непріятеля на гибель и сказала: «что слуги сатаны, скованы какъ и ихъ повелитель и могутъ идти насколько имъ позволитъ цѣпь».

Мистрисъ Макъ-Клюръ не смотря на свои преклонныя лѣта, ей было около семидесяти пяти лѣтъ, не разъ служила американскимъ войскамъ эмиссаромъ. Когда англичане овладѣли Чарльстономъ она отправилась туда подъ предлогомъ навѣстить больнаго сына, доктора Уильяма Макъ-Клюра, для того чтобы вызнать силы непріятеля. Она проѣхала около четырехъ сотъ миль туда и обратно, одна верхомъ; это было самое мрачное время революціи. Американскіе войска терпѣли пораженіе за пораженіемъ, уныніе распространялось и въ войскѣ и въ членахъ конгресса. Но мистрисъ Макъ-Клюръ не теряла мужества. Она знала духъ независимости одушевлявшій ея братьевъ; она знала что война ихъ была правой войной за право вѣрить по совѣсти

и управляться по своимъ законамъ, и что столѣтія сопротивленія не сломятъ мужества поселенцевъ Катаубы. Она сама готова была принести всѣ жертвы, вынести всѣ мученія для того чтобы видѣть совершенія слова Господня, которое обѣщало торжество ея соотечественникамъ. По себѣ она судила и другихъ и ея религіозный энтузіазмъ далъ ей силу перенесть всѣ ужасы, которые она видѣла въ Чарльстонѣ. Она ходила по тюрьмамъ, видѣла какъ тысячи гибли отъ дурной пищи и звѣрскаго обращенія; видѣла какъ злобный непріятель нещадилъ ни женщинъ ни дѣтей. Она неустрашимо грозила ему близкой гибелью и по ея выраженію «дразнила льва въ его логовищѣ». Ея вдохновенныя рѣчи поддержали упадавшихъ духомъ влили новое мужество въ сердца колеблющихся. Она передала утѣшительное извѣстіе объ поголовномъ возстаніи сосѣднихъ вигистскихъ округовъ. Сынъ свелъ ее съ нѣкоторыми вожаками партіи виговъ, которые тайно жили въ Чарльстонѣ и она, получивъ разныя порученія, вернулась въ октябрѣ домой, гдѣ ее встрѣтила радостная вѣсть о побѣдѣ при Королевской горѣ: King's Mountain.

Въ началѣ 1781 г. одна радостная вѣсть за другою доказывали мистрисъ Макъ-Клюръ, что она не даромъ работала по мѣрѣ силъ для освобожденія отечества. Лишенія, которыя она переносила безропотно болѣе двухъ лѣтъ, смѣнились довольствомъ. Виги сосѣднихъ округовъ завладѣвъ фортами оставленными непріятелемъ, отбили у него значительное количество съѣстныхъ припасовъ. Они послали часть запасовъ въ Іоркскій округъ, гдѣ жила наша героиня, чтобы раздать тѣмъ семьямъ, которыя довели себя до нищеты для того чтобы помочь войскамъ Америки. Мистрисъ Макъ-Клюръ пришлось часто отправляться съ мѣшками въ фортъ за провизіей. Разъ она отправилась съ одной сосѣдкой Мери Джонстонъ за своимъ гарнцомъ соли. Проѣзжая мимо фермы Уильянсоновъ она сказала.

— Посмотри Мери, вотъ могила Гёка, который уда-

рилъ меня тогда такъ сильно. Я была бы готова, какъ я ни стара, плясать на его могилѣ. Но это грѣшно. Мы не должны радоваться гибели врага. Господь справедливъ и отмстилъ за своихъ.

Ей было тогда семьдесятъ пять лѣтъ, но ей нельзя было дать и сорока. Она въ молодости считалась одной изъ первыхъ красавицъ и въ старости сохранила еще слѣды былой красоты, и стройность и живость движеній. Она дожила до 1800 года, пользуясь общимъ уваженіемъ и какъ мать храбраго капитана и какъ женщина работавшая на равнѣ съ сыномъ для свободы отечества.

Дженъ Томасъ.

Мистрисъ Томасъ тоже принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя не жалѣли ни усилій, ни жертвъ, чтобы служить общему дѣлу на сколько позволяли ихъ силы. Она родилась въ графствѣ Честерскомъ и въ 1740 г. вышла замужъ за Джона Томаса, выходца изъ Валлиса, а лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ замужества переѣхала въ Южную Каролину. Въ 1772 г. они поселились въ округѣ, который называется Спартанбургомъ.

За нѣсколько лѣтъ до начала войны, мужъ ея былъ судьей въ общинѣ и капитаномъ милиціи, но отказался отъ обѣихъ должностей, до начала войны. Когда война вспыхнула его выбрали въ командиры Спартанскаго полка, и онъ командовалъ имъ до сдачи Чарльстона. Англійскіе войска завладѣли Южной Каролиной, тори подъ начальствомъ капитана Флетчера опустошали округъ. Для виговъ настало тяжелое время, о которомъ пѣлось въ народной пѣснѣ сложенной тогда:

Carolina South and North
Was fill'd with pain and woe

The tories took their neighbour's worth
And away a wig must go.

(Сѣверная и Южная Каролина были полны горемъ и бѣдой. Тори забрали все добро сосѣдей и погнали виговъ прочь).

Виги толпами бѣжали въ Сѣверную Каролину. Полковникъ Томасъ былъ тогда старъ; прежнее мужество измѣнило ему, и онъ противъ воли жены взялъ ненавистные вигамъ «tection letters» на равнѣ съ многими сосѣдями; но это униженіе было совершенно безполезно. Сыновья его были въ лагерѣ виговъ. Онъ былъ вскорѣ арестованъ и отправленъ въ тюрьму форта Найнти-Сиксъ, а затѣмъ переведенъ въ Чарльстонъ, гдѣ оставался до окончанія войны.

Мистрисъ Томасъ осталась одна на своей фермѣ и не разъ выказала при нападеніи непріятеля, сказала бы я, необыкновенную смѣлость, мужество и присутствіе духа, если бы эти качества не были обыкновенными качествами американокъ того времени.

Оба сына ея тоже попались въ плѣнъ вслѣдъ за отцомъ. Дженъ Томасъ ѣздила навѣщать ихъ, и разъ случайно услышала проходя подъ окнами одного дома, какъ одна женщина партіи тори говорила другой: «Завтра въ ночь наши нападутъ на виговъ у Седерскаго ручья.»

Сердце мистрисъ Томасъ забилось тревогой за своихъ. Седерскій ручей былъ въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ ея дома. Виги стояли около него лагеремъ. Она колебалась нѣсколько минутъ. Если бы англичане узнали, что она увѣдомила виговъ, ей запретили бы посѣщать мужа и сыновей; а здоровье ихъ и даже жизнь зависѣла отъ этихъ посѣщеній. Содержаніе плѣнныхъ было ужасно. Они умирали отъ дурной пищи, отъ недостатка теплой одежды, лекарствъ, умирали даже съ голода. Большинство изъ нихъ не дожили бы до дня освобожденія, если бы женщины не при-

носили имъ все необходимое, и не ходили за ними во время болѣзни. Но она колебалась не долго, и наскоро простившись съ мужемъ и сыновьями, немедля отправилась къ Седерскому ручью. На другой день сдѣлавъ верхомъ шестьдесятъ миль она прибыла въ лагерь виговъ и передала начальнику извѣстіе. Немедля былъ собранъ военный совѣтъ, и рѣшено было оставивъ лагерь спрятаться въ лѣсу. Солдаты разложили костры, которые запылали и засѣли въ засаду. Едва были окончены приготовленія, какъ въ безмолвіи ночи послышался топотъ приближавшагося непріятеля. Тихо и осторожно приближались ряды его къ лагерю, готовясь начать свое дѣло разрушенія и смерти. Высоко пылавшіе костры были доказательствомъ, что виги въ лагерѣ, и спали не ожидая нападенія. Въ лагерѣ все было тихо, только трескъ пылавшихъ сучьевъ, да шелесть вѣтра въ густой чащѣ нарушали тишину. Нападающіе подали сигналъ и поскакали къ кострамъ. Вдругъ позади ихъ сверкнули огни и раздался залпъ ружейныхъ выстрѣловъ. Непріятель разчитывавшій внезапно напасть на виговъ, былъ самъ аттакованъ неожиданно и разбитъ въ трое слабѣйшимъ отрядомъ.

Отчаянная битва продолжалась не долго и онъ обратился въ бѣгство.

Это былъ не единственный случай, когда мистрисъ Томасъ передавала извѣстіе вигамъ о движеніи непріятеля. Служба женщинъ, какъ курьеровъ, лазутчиковъ, была явленіемъ привычнымъ, и американскіе военачальники вполнѣ довѣряли ихъ извѣстіямъ, знанію мѣстности и давали имъ не разъ важныя порученія, какъ мы видѣли уже въ примѣрѣ Емиліи Гайджеръ.

Мистрисъ Томасъ пришлось защищать съ опасностью жизни порохъ войскъ республики. Въ началѣ войны губернаторъ Рётледжъ разослалъ по сосѣднимъ начальникамъ партизанскихъ отрядовъ, запасы оружія и порохъ для защиты границъ колоній отъ индѣйцевъ. Большой запасъ

былъ въ числѣ прочихъ посланъ въ домъ капитана Томаса. Караулъ двадцатипяти человѣкъ былъ приставленъ къ пороху, и домъ былъ обложенъ дерномъ и приготовленъ на случай атаки. Полковникъ Томасъ получилъ извѣстіе, что сильный отрядъ тори готовится напасть на его домъ, чтобы захватить порохъ и считая безразсуднымъ противиться, приказалъ караулу, захвативъ сколько можно было снести оружія и пороха, спрятаться въ лѣсъ. Значительная часть запаса осталась дома. Джозія Кёльбертсонъ его зять остался съ младшимъ сыномъ Томаса съ женщинами на плантаціи. Тори подошли къ дому и послали требовать сдачи. Имъ отвѣтили угрозой открыть огонь если они не отступятъ. Тори открыли огонь противъ нижняго этажа дома, который не сдѣлалъ никакого вреда толстымъ бревенчатымъ стѣнамъ. Защитники дома—мистрисъ Томасъ съ дочерьми, сынъ ея Уильямъ еще мальчикъ и Джозія Кёльбертсонъ отвѣчали непрерывнымъ и мѣткимъ огнемъ изъ верхняго этажа, входъ въ который былъ защищенъ толстой бревенчатой дверью съ тяжелыми желѣзными болтами. Такая же дверь защищала входъ въ домъ съ улицы и тори несмотря на всѣ усилія не могли разбить ее. Мистрисъ Томасъ съ дочерьми заряжали ружья, Уильямъ и Кёльбертсонъ поддерживали огонь; они были мѣткіе стрѣлки и ни одинъ выстрѣлъ не пропадалъ даромъ. Тори, видя недѣйствительность своего огня, видя какъ одинъ за другимъ выбывали солдаты изъ ихъ рядовъ начали отступать. Упорная защита заставила ихъ предполагать, что въ верхнемъ этажѣ засѣлъ сильный отрядъ; они велѣли бить отбой, и ушли такъ скоро какъ имъ позволили раненые, которыхъ они захватили съ собой. Выждавъ нѣсколько времени и убѣдившись, что нечего бояться внезапнаго нападенія со стороны тори, мистрисъ Томасъ сошла внизъ и отворила дверь. Лужи крови стояли около дома. Кругомъ все было тихо. Она послала дать знать мужу, который вернулся со своимъ отрядомъ. Вернувшійся мужъ узнавъ, что спасеніемъ бо́льшей части запаса онъ былъ обя-

занъ героизму жены, гордился своей старой Дженъ, которая показала такой славный примѣръ молодымъ. Порохъ спасенный геройствомъ мистрисъ Томасъ послужилъ американцамъ въ сраженіяхъ при Скалистой горѣ и Нависшемъ утесѣ (Rocky Mount and Hauging Rock).

Сыновья и зятья мистрисъ Томасъ служили въ Американской арміи. Джонъ старшій сынъ смѣнивъ отца въ командованіи Спартанскимъ полкомъ и принималъ участіе во всѣхъ сраженіяхъ Сёмтера. Робертъ — второй былъ убитъ при пораженіи Робёка, Абраамъ былъ раненъ при осадѣ фор та Найнти-Сиксъ, взятъ въ плѣнъ и умеръ отъ дурнаго содержанія въ рукахъ непріятеля. Уильямъ почти ребенокъ защищалъ вмѣстѣ съ матерью порохъ республики, и послѣ ушелъ въ отрядъ партизанъ. Тори знали, какъ сильно было вліяніе мистрисъ Томасъ на сыновей и безпощадно грабили ея ферму, топтали всходившую жатву, угоняли скотъ, и въ оправданіе своихъ грабежей говорили, что у ней «семь сыновей въ арміи бунтовщиковъ.» Они считали въ томъ числѣ трехъ ея зятьевъ.

Элеонора Уильсонъ.

Женамъ и дочерямъ американцевъ Мекленбургскаго графства Сѣверной Каролины пришлось вынести болѣе другихъ женщинъ ужаса, непріятельскаго нашествія и междоусобной войны. Между ними первое мѣсто принадлежало Элеонорѣ Уильсонъ, женѣ Роберта Уильсона. Уильсоны поселились въ колоніи Стиль Крикъ въ 1760 г. Они пришли цѣлымъ кланомъ; Уильсоны были шотландскими пресвитеріанами. Воспоминаніе о гоненіяхъ вынесенныхъ ихъ отцами приготовило изъ нихъ непримиримыхъ враговъ англичанъ. Закхей Уильсонъ старшій изъ братьевъ, отъ имени всѣхъ подписалъ декларацію независимости графства Мекленбургскаго 20 мая 1775 г. Эта декларація была перепечатана во всѣхъ газетахъ Чарльстона; губернаторъ Чарль-

стона немедленно отправилъ копіи деклараціи въ метрополію, требуя сильныхъ мѣръ для подавленія движенія въ Мекленбургѣ. Элеонора Уильсонъ принимала дѣятельное, хотя разумѣется закулисное участіе въ составленіи деклараціи: она поддерживала зятя въ его намѣреніи подписать ее, и потомъ воодушевляла и мужа и его братьевъ стоять за независимость, въ то время когда въ колоніи пронесся слухъ объ угрожающихъ преслѣдованіяхъ и не было недостатка въ осторожныхъ эгоистахъ, которые, покачивая головами, осуждали братьевъ Уильсонъ, какъ безразсудныхъ выходцевъ и совѣтовали имъ беречь свои шеи. Элеонора считала подлостью и измѣной это робкое малодушіе, которое въ часъ общественныхъ бѣдствій думаетъ только о собственной безопасности и готово купить ее цѣной гибели тысячъ братьевъ и рабства отечества.

Воодушевленные патріотизмомъ жены и матери, мужъ и сыновья вступили въ войска Америки. Они дрались съ отчаяннымъ мужествомъ и были взяты въ плѣнъ при взятіи Чарльстона. Англичане, чтобы не затруднять себя множествомъ плѣнныхъ, отпустили большую часть на честное слово. Едва успѣли они дойти до дома, какъ узнали, что англійскій главнокомандующій издалъ прокламацію, которою объявлялъ Мекленбургское графство англійской провинціей, а жителей не воюющей стороной, а англійскими подданными, вслѣдствіе чего отпускъ плѣнныхъ на честное слово оказываются недѣйствительнымъ и каждый человѣкъ способный носить оружіе требовался въ англійское войско. Считая себя совершенно справедливо свободными отъ даннаго честнаго слова, они поступили по совѣту матери въ армію Сёмтера. Они отличались въ многихъ сраженіяхъ. Когда армія Сёмтера была разбита при Фишингъ-Крикѣ, они были посланы за фуражировкой и вернулись черезъ нѣсколько времени послѣ внезапнаго нападенія англичанъ. Не подозрѣвая ничего они подъѣхали къ лагерю думая отдохнуть послѣ разъѣздовъ, и были захвачены въ плѣнъ.

вмѣстѣ съ фуражемъ, связаны и въ арьергардѣ прогнаны въ Кэмденъ. Опъянѣвшіе отъ рѣзни враги грозили имъ висѣлицей какъ измѣнникамъ, но потомъ опомнились и удовольствовались бранью и ударами.

Вскорѣ послѣ того Корнваллисъ, оставивъ Раудона защищать Кэмденъ, выступилъ съ войскомъ по дорогѣ къ возставшему городу Чарлотъ, забирая запасы хлѣба и зерна на фермахъ, лежавшихъ по дорогѣ, разсылая во всѣ стороны отряды для усмиренія возставшихъ виговъ. Пылавшія фермы потоптанныя поля, разломанная домашняя утварь, ознаменовали путь англичанъ. Нашлось нѣсколько виговъ изъ самыхъ богатыхъ фамилій, которые поспѣшили въ Чарлотъ просить покровилельства у англійскаго военачальника и отдаться въ подданство англійскому королю, но этихъ измѣнниковъ приходилось не болѣе одного на сто. Разбитые виги, разсѣялись по лѣсамъ и болотамъ и повели безпощадную войну гверильясовъ съ непріятелемъ. Младшіе сыновья Элеоноры Уильсонъ, по совѣту ея собрали отряды патріотовъ Мекленбурга. Они разбили вмѣстѣ съ другими Тарльтона и Фергюзона. Это заставило Корнваллиса собрать свои отряды и отступать къ Кэмдену. Во время отступленія онъ остановился на ночь на фермѣ Уильсоновъ.

Британскій генералъ съ своимъ штабомъ и свирѣпымъ полковникомъ Тарльтономъ остановился на фермѣ, войско разбило шатры на ближнихъ лугахъ и поляхъ. Мистрисъ Уильсонъ встрѣтила непріятеля съ холоднымъ достоинствомъ. Она считала злобныя выходки, которыми такъ часто встрѣчали непріятеля другія женщины неумѣвшія сдержать своей ненависти, безплоднымъ выраженіемъ безсильной злобы. Она сознавала, что умѣла вредить непріятелю болѣе дѣйствительнымъ образомъ. Ея сдержанность обманула генерала Корнваллиса, привыкшаго къ злобнымъ взглядамъ, угрозамъ и библейскимъ проклятіямъ, которыми встрѣчали его другія вигистки, и онъ подумалъ, что она дружественно расположена къ партіи короля. Онъ любезно завелъ съ

нею разговоръ, узналъ что мужъ и сынъ вожди виговъ округа, что она сама мать, сестра и невѣстка цѣлой дюжины храбрыхъ солдатъ революціи, что мужъ ея и сынъ плѣнники въ Кэмденской тюрьмѣ. Корнваллисъ зналъ хорошо какъ было сильно вліяніе женщинъ на настроеніе общества, женщины были если не оффиціально признанной, за то признанной на дѣлѣ общественной силой. Переходъ мужа и сына Элеоноры Уильсонъ на сторону англичанъ придалъ бы ихъ партіи рѣшительный перевѣсъ въ Мекленбургскомъ графствѣ и Корнваллисъ хотѣлъ склонить ее употребить свое вліяніе какъ жены и матери на то, чтобы убѣдить мужа и сына измѣнить дѣлу независимости Америки. Онъ повелъ рѣчь издали, замѣтивъ какъ онъ глубоко сожалѣетъ, что обязанъ вести раззорительную войну, тяжесть которой падаетъ всего болѣе на тѣхъ, кто менѣе способенъ переносить ее, т. е. на женщинъ, которыя однѣ остались на плантаціяхъ обреченныхъ опустошенію. Затѣмъ прибавилъ, что зналъ многихъ очень извѣстныхъ и достойныхъ лицъ, которые, оставаясь въ душѣ вѣрными подданными его величества Георга III, были обольщены обманчивыми обѣщаніями честолюбивыхъ вождей измѣнниковъ и устрашены угрозами горсти непримиримыхъ фанатиковъ.

— Вашъ мужъ и сынъ мои плѣнники, мистрисъ Уилсонъ, заключилъ онъ свою рѣчь: — Перемѣнчивое счастье войны быть можетъ скоро отдастъ въ наши руки и другихъ вашихъ сыновей, быть можетъ всѣхъ вашихъ родныхъ. Ваши сыновья, молоды, честолюбивы и храбры. Если они захотятъ служить правому дѣлу, служить нашему могущественному и великодушному королю Георгу III, они могутъ разсчитывать на чины, титулы и богатство. Я могу поручиться, что они получатъ высшіе чины въ британской арміи, если вы захотите употребить ваше вліяніе и убѣдить ихъ оставить армію бунтовщиковъ и поднять оружіе за своего законнаго монарха. Если вы обѣщаете мнѣ упо-

требить его, то я немедля дамъ приказъ объ освобожденіи ихъ изъ плѣна.

Но и обѣщаніе избавить мужа и сына изъ плѣна, гдѣ столько американцевъ нашли свою смерть, не могло поколебать мистрисъ Уильсонъ. Она отвѣчала, что какъ ни дороги ей мужъ и сыновья, и сколько ни страдала она какъ женщина отъ ужасовъ войны, и какія бы тяжелыя испытанія ни ждали ее въ будущемъ, она не могла принять условія генерала. Она гордилась своими сыновьями и была рада сдѣлать все что было въ ея силахъ для того чтобы доставить имъ такія важныя выгоды, но въ этомъ случаѣ дѣло шло о томъ что выше и святѣе всякихъ личныхъ выгодъ. Мужъ и сыновья ея вооружились за святое дѣло независимости отечества; они работали для него и сражались цѣлыхъ пять лѣтъ, не отступая ни на минуту, не смотря на всѣ препятствія, трудности и пораженія, не измѣняя ему когда другіе бѣжали отъ борьбы и отчаявались послѣ первыхъ неудачъ, конечно теперь они не измѣнятъ ему.

— У меня семь сыновей, которые сражаются теперь или сражались съ врагами нашихъ колоній, говорила она: вчера я снарядила въ дорогу моего младшаго сына Закхея, которому всего пятнадцать лѣтъ и отправила его въ лагерь Сёмтера. И я говорю вамъ, что я скорѣе возьму вотъ этихъ дѣтей — и она указала на трехъ или четырехъ маленькихъ мальчиковъ; и пойду съ ними стать подъ знамена Семтера и показать мужу и сыновьямъ примѣръ какъ должно сражаться и если надо умирать за отечество, чѣмъ допущу, чтобы кто изъ моего семейства измѣнилъ нашему славному дѣлу.

— Что, генералъ, я вижу вы попали въ гнѣздо шершней. Пусть ее говоритъ, но когда мы вернемся въ Кэмденъ, я позабочусь о томъ, чтобы старый Робертъ Уильсонъ не ворочался болѣе домой, сказалъ свирѣпый Тарльтонъ.

На слѣдующій день партія англійскихъ лазутчиковъ

захватила Закхея, который прокравшись съ нѣсколькими товарищами къ лѣвому флангу британской арміи, надѣялся своимъ ружьемъ уменьшить число солдатъ его величества. Его привели въ авангардъ, Корнвалисъ услыхавъ имя плѣннаго, позвалъ его къ себѣ, прочиталъ ему нравоученіе и приказалъ указать дорогу войску къ Катаубѣ и лучшій бродъ черезъ нее. Когда передніе ряды вошли въ воду въ мѣстѣ указанномъ мальчикомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они очутились въ глубокой водѣ; быстрый потокъ сносилъ ихъ въ сторону и они съ трудомъ выбрались на берегъ. Полагая, что мальчикъ нарочно завелъ войско въ опасное мѣсто вмѣсто брода, Корнвалисъ выхватилъ саблю и занеся ее надъ головой его, закричалъ, что перерѣжетъ ему горло за предательство.

Закхей отвѣчалъ, что генералъ можетъ дѣлать съ нимъ что хочетъ, потому что онъ въ его рукахъ, безоруженъ и плѣнникъ.

— Но серъ, прибавилъ онъ, только трусъ способенъ нанести ударъ безоружному мальчику. Будь у меня половина вашего оружія, вашъ поступокъ былъ бы честнѣе, но за то не такъ безопасенъ для васъ.

Пораженный хладнокровнымъ мужествомъ мальчика, Корнваллисъ устыдился своей запальчивости, и сказалъ ему что онъ славный молодецъ, и что ни одинъ волосъ съ его головы не будетъ тронутъ. Вскорѣ оказалось, что бродъ былъ нѣсколько лѣвѣе и англійская армія благополучно перешла его отступая къ Уинсборо, Корнваллисъ отпустилъ Закхея домой посовѣтовавъ ему беречь мать и передать ей чтобы она не пускала своихъ мальчиковъ въ войско. Изъ Уинсборо онъ послалъ приказаніе Раудону перевести Роберта Уильсона съ сыномъ и другими важнѣйшими плѣнными изъ Кэмдена, который не могъ долго держаться противъ американцевъ, въ Чарльстонъ. На первомъ роздыхѣ плѣннымъ запертымъ на фермѣ удалось подпоить часовыхъ и бѣжать.

Мистрисъ Уильсонъ и все ея семейство были фанатичными пресвитеріянами, что видно изъ библейскихъ именъ ея сыновей. Ааронъ, Самуилъ, Закхей, Іосіа, Моисей. Ихъ было у нея одинадцать и всѣ они, т. е. тѣ, которые во время войны за независимость были способны носить оружіе, отличались неутомимой энергіей, мужествомъ и непоколебимой вѣрностью принципамъ, которые они наслѣдовали отъ матери. Робертъ одинъ изъ старшихъ сыновей былъ женатъ на Дженъ Макъ-Доуэль, которая со своею матерью Элленъ Макъ-Доуэль услыхавъ пальбу битвы при Королевской горѣ (King's Mountain) немедля отправилась туда, помогала во время сраженія солдатамъ и послѣ прожила нѣсколько дней ухаживая за ранеными. Дженъ была невѣсткой достойной своей свекрови. Разъ мародеры увели у нея съ фермы скотъ и унесли запасы хлѣба, когда мужъ ея былъ въ разъѣздахъ съ своимъ отрядомъ, она погналась за ними, забравъ по дорогѣ сосѣдей и отбила свое добро. Мужъ ея готовилъ порохъ въ погребѣ, вырытомъ въ скалѣ недалеко отъ ихъ жилища, но онъ не могъ тамъ жечь уголь, потому что дымъ выдалъ бы его. Весь запасъ угля былъ изготовленъ его женой, которая по ночамъ носила его мужу; этотъ порохъ служилъ американцамъ въ битвѣ при Королевской горѣ.

Ненси Ванъ-Альстинъ.

Очеркъ жизни Ненси Ванъ-Альстинъ даетъ понятіе о тѣхъ опасностяхъ, которыя приходилось выносить женщинамъ въ эти смутныя времена отъ дикихъ племенъ индѣйцевъ и о томъ мужествѣ, энергіи и предусмотрительности, которыя онѣ выказали тогда. Ненси была дочерью Петра и Сары Куакинбёшъ и родилась въ селеніи Кэнеджогери въ 1733 году. Отецъ ея происходилъ отъ одного изъ братьевъ Куакинбёшъ, которые эмигрировали изъ Голландіи въ колоніи въ семнадцатомъ вѣкѣ и купили большіе участки

земель, на которыхъ впослѣдствіи была выстроена большая часть Нью-Іорка. Вскорѣ новые выходцы англичане воспользовавшись ихъ плохимъ знаніемъ англійскаго языка и неумѣньемъ вести тяжебныя дѣла, юридически ограбили голландцевъ. Ихъ бумаги на владѣніе землей были признаны недѣйствительными и они были принуждены отдать обработанную ими землю людямъ, которые не имѣли на нее ни малѣйшаго права. Раззоренные братья раздѣливъ оставшіяся крохи разстались и одинъ изъ нихъ поселился въ дикой и пустынной, но живописной и плодоносной долинѣ Могауковъ, гдѣ и родилась наша героиня.

Долина эта получила свое имя отъ сосѣдства съ индѣйскимъ племенемъ Могауковъ. Отецъ Ненси занимался торговлей съ индѣйцами и постоянно разъѣзжалъ между колоніями, гдѣ забиралъ товары, и индѣйскими вигвамами, гдѣ онъ ихъ вымѣнивалъ на кожи и мѣха. Онъ умѣлъ хорошо вести свои дѣла, не походя въ этомъ случаѣ на большинство купцовъ торговавшихъ съ индѣйцами, которые скоро богатѣя прибыльной торговлей, такъ же скоро и раззорялись мотая легко достававшіяся деньги. У Петра Куанинбёша кладовыя на фермѣ были всегда полны товарами, потому что онъ постоянно наполнялъ выходившіе запасы, и индѣйцы видя что у него всегда можно получить что надо, когда кладовые другихъ купцовъ были пусты, вообразили, что онъ находится подъ особеннымъ покровительствомъ добраго духа, который посылаетъ обиліе своимъ любимцамъ, и чувствовали глубокое уваженіе къ бѣлому брату, у котораго всегда были товары для индѣйцевъ. Чтобы дать ему доказательство этого уваженія они, собравшись на сходкѣ, постановили дать ему имя Отсего и окрестить этимъ именемъ озеро. Церемонія эта была исполнена при собраніи племени Могауковъ; Куакинбешъ долженъ былъ стать на колѣни; на голову его было совершено возліяніе водки, при чемъ было произнесено его новое имя, затѣмъ

оставашаяся водка была при повтореніи того же имени вылита въ озеро.

Ненси выросла въ колоніи посреди голландцевъ, мать ея тоже была голландка и англійскій языкъ былъ для нея чуждымъ языкомъ; она ему выучилась урывками во время посѣщеній сосѣднихъ колонистовъ. Ненси не получила того что считается воспитаніемъ въ наше время; не училась бойко болтать на иностранныхъ языкахъ и бренчать модныя пѣсни на фортепьяно. Въ то время въ колоніяхъ не было не только модныхъ пансіоновъ, о чемъ разумѣется жалѣть нечего, но и школы для первоначальнаго обученія были рѣдки. Фермы находились въ большомъ разстояніи другъ отъ друга, дороги были далеко не безопасны и отъ индѣйцевъ и отъ дикихъ звѣрей. Но Ненси благодаря своему природному уму, энергіи и трудовой жизни съ первыхъ годовъ дѣтства получила то, что въ то время считалось хорошимъ воспитаніемъ для женщины. Она выучилась бѣгло читать по голландски и заучила наизусть многія библейскія изреченія. Ея здоровая натура почерпнула изъ библіи не безплодный мистицизмъ, но примѣры энергіи и мужества. И ограниченное воспитаніе Ненси дало ей то, чего не дадутъ дѣвушкамъ модные пансіоны: привычку къ труду, здоровое физическое развитіе, практическій смыслъ и энергію, благодаря которымъ она вынесла и опасности и лишенія, десятая доля которыхъ сломила бы и физическія и нравственныя силы барышень приготовленныхъ модными пансіонами только для гостиныхъ.

Голландскіе колонисты вели очень мирную и однообразную жизнь и жили замкнутымъ кружкомъ, чуждаясь другихъ народностей. Они не говорили по англійски, недовѣрчиво относились къ янки; и только долгое знакомство могло осилить это предубѣжденіе. Образъ жизни былъ простъ до патріархальности, они крѣпко держались обычаевъ предковъ и не любили нововведеній. Народности съ такими китайскими нравами всегда враждебно относятся къ дру-

гимъ; но ненависть ихъ къ янкамъ имѣла и законное основаніе. Янки не разъ обманывали простодушныхъ голландцевъ незнакомыхъ съ судейскимъ крючкотворствомъ. Въ сношеніяхъ между собой голландцы отличались миролюбіемъ и строгой честностью; честнаго слова было довольно и всѣ сдѣлки заключались, какъ встарину у славянъ, однимъ рукобитьемъ.

Женщины были домовитыя хозяйки, «сидѣли дома, читали библію и носили карманы,» говоритъ одинъ писатель въ своихъ запискахъ о голландскихъ колоніяхъ. Мисъ Куанинбёшъ выдвинулась изъ толпы своей красотой, замѣчательнымъ голосомъ, умственнымъ превосходствомъ. Она имѣла на всѣхъ, съ кѣмъ сходилась сильное вліяніе,- естественное слѣдствіе сильнаго характера. Сверхъ того Ненси славилась какъ искусная рукодѣльница и выиграла призы за вязанье, пряжу и тканье; знаніе этихъ ремеслъ было необходимо въ то время, потому что вся одежда колонистовъ какъ мущинъ такъ и женщинъ изготовлялась руками женщинъ.

Восемнадцати лѣтъ Ненси вышла за мужъ за Мартина Д. Ванъ-Альстина, потомка старыхъ голландскихъ переселенцевъ, поселившихся въ долинѣ Могаукъ. Молодая пара послѣ свадьбы переѣхала на ферму Ванъ-Альстинъ и прожила тамъ болѣе тридцати лѣтъ. Здѣсь пришлось Ненси вынести много опасностей отъ индѣйцевъ. Долина Могаукъ, уже густо заселенная во время революціи, была однимъ изъ самыхъ богатыхъ и плодоносныхъ округовъ колоній. Она была открыта со стороны индѣйскихъ земель и богатой добычей привлекала грабительскія шайки дикихъ племенъ и не менѣе дикихъ бѣглыхъ, которые скрывались и разбойничали въ лѣсахъ Канады. Ни одинъ округъ не потерпѣлъ такое опустошеніе во время войны за независимость какъ долина Могауковъ. Мѣсяцъ не проходилъ въ продолженіи семи лѣтъ, чтобы та или другая деревня, та или другая плантація не были раззорены безпощаднымъ

непріятелемъ. Поселенцевъ около голландской колоніи, какъ наиболѣе близкой къ границѣ было мало; они пускались въ дорогу не иначе, какъ небольшими отрядами, потому что одинокому путешественнику неизбѣжно грозила смерть отъ пули или стрѣлы, пущенной изъ за скалы или куста. Мистеру Ванъ-Альстину пришлось часто уѣзжать изъ дома и въ домѣ оставались только женщины и дѣти съ старымъ слугой, который до смерти боялся индѣйцевъ и не могъ оказать никакой помощи въ случаѣ нападенія. Ненси привыкшая еще дома у отца имѣть дѣла съ индѣйцами, знала ихъ языкъ, обычаи, умѣла обращаться съ ними и тѣмъ не разъ спасла свое семейство отъ опасности. Домъ ея былъ постоянно открытъ для дружественныхъ индѣйцевъ, не смотря на то что этимъ она иногда возбуждала жадность дикихъ, но это было единственное средство, хотя отчасти обезопасить себя отъ ихъ нападеній.

Въ 1780 году индѣйцы озлобленные пожаромъ своихъ деревень, сожженныхъ американцами, преслѣдовавшими тори напали на долину Могауковъ. Брэнтъ съ отрядами тори и индѣйцевъ напалъ на беззащитныя плантаціи, грабя, убивая и опустошая все что встрѣчалось ему на пути; осенью серъ Джонъ Джонсонъ опустошилъ сѣверный берегъ рѣки и въ Могаукской колоніи осталось только нѣсколько небольшихъ нераззоренныхъ фермъ, въ которыя сбѣгались искать защиты испуганныя семейства колонистовъ и которыхъ ждало тоже раззореніе при первой экспедиціи непріятеля.

Колонія, гдѣ жила Ненси, долго оставалась скрытою отъ непріятельскихъ отрядовъ густыми лѣсами и отдаленностью, и колонисты каждый день вставали на восходѣ солнца съ тяжелой мыслью что заходящіе лучи его освѣтятъ пылающія развалины ихъ жилищъ. Въ одинъ день поздней осенью бѣглецы изъ сосѣдней колоніи принесли извѣстіе, что непріятель близко. Большая часть мущинъ были въ войскѣ, оставались больные слабые, а изъ здоровыхъ далеко не

герои. Всѣ жители колоніи были въ ужасѣ и не зная что дѣлать, теряли драгоцѣнное время въ вопляхъ, жалобахъ и безтолковой сумятицѣ. Мистрисъ Ванъ-Альстинъ, одна не потеряла присутствія духа. Она созвала сосѣдей, успокоила ихъ и совѣтовала немедля сдѣлать распоряженія для переѣзда на островъ, принадлежавшій ея мужу и находившійся близь противуположнаго берега рѣки Она расчитывала, что грабители обремененные добычей не захотятъ переѣзжать черезъ рѣку и сверхъ того увидѣвъ, что часть домашней утвари перевезена, они могли подумать что колонисты ушли далеко.

Черезъ нѣсколько часовъ, семьи колонистовъ были перевезены на островъ, захвативъ самыя необходимыя вещи. Мистрисъ Ванъ-Альстинъ наблюдала за порядкомъ, оставаясь послѣдней въ колоніи и не смотря на повторявшіяся вновь прибывавшими бѣглецами вѣсти о приближеніи непріятеля, переѣхала на островъ когда всѣ семьи колонистовъ были туда перевезены. Такъ капитанъ корабля послѣднимъ оставляетъ гибнущее судно, когда всѣ пассажиры и команда уже свезены съ него. И только благодаря своему самоотверженію ей удалось сохранить при переправѣ необходимый порядокъ, примѣръ ея удержалъ многихъ которые съ испугу готовы были разомъ кинуться въ лодку и тѣмъ потопить ее и отнять единственное средство спасенія. Переѣхавъ, она съ помощью другихъ женщинъ вытащила лодку на берегъ и спрятала ее между кустарниками.

Едва успѣли колонисты спрятаться сами въ кустахъ, какъ они услыхали военные крики индѣйцевъ и увидѣли сквозь вѣтви индѣйцевъ на противуположномъ берегу. Прошло нѣсколько минутъ тревожнаго ожиданія и ихъ родные дома, выстроенные собственными руками или руками отцовъ, поля орошенныя ихъ трудовымъ потомъ — запылали. Когда дикіе дошли до дома Ванъ-Альстина, они тоже хотѣли поджечь и его, но вождь ихъ остановилъ замѣтивъ, что серъ Джонъ можетъ быть не доволенъ этимъ,

потому что онъ былъ знакомъ съ хозяиномъ дома до начала войны.

— Оставимъ старому волку его берлогу, сказалъ онъ и домъ уцѣлѣлъ.

Съ острова можно было явственно различать говоръ индѣйцевъ, которые вскорѣ ушли; но колонисты считали неблагоразумнымъ выходить изъ своего убѣжища въ продолженіи еще нѣсколькихъ дней, потому что въ продолженіи ихъ по всѣмъ направленіемъ видны были столбы дыма и зарево пожаровъ, свидѣтельствовавшихъ что дѣло разрушенія не было еще окончено въ колоніи. Раззоренныя семейства колонистовъ остались жить у мистрисъ Ванъ-Альстинъ пока не сдѣлалось возможнымъ снова выстроить дома по удаленіи непріятеля.

Только что возстановившееся спокойствіе было снова нарушено. Трое колонистовъ изъ Кэнеджогари, измѣнившіе вигамъ вернулись въ колонію какъ шпіоны англичанъ. Ихъ узнали и схватяли. Расправа была не долга, двое были застрѣлены, а одинъ, смѣлый предпріимчивый малый по имени Генри-Горръ, былъ повѣшенъ въ огородѣ Ванъ Альстиновъ. Родственники ихъ въ Канадѣ встревоженные ихъ долгимъ отсутствіемъ, послали индѣйцевъ разузнать о нихъ, и случилось какъ нарочно что индѣйцы пришли въ колонію, въ день казни Генри Горра, которую они видѣли съ сосѣдняго холма. Они немедля вернулись передать извѣстіе о казни родственникамъ и друзьямъ Горра и отрядъ тоже былъ отправленъ подъ начальствомъ Брэнта отмстить смерть шпіоновъ. Онъ жегъ и грабилъ, только что отстроенные дома съ крикомъ «Ага, Генри Горръ». Они дошли до плантаціи Ванъ-Альстина, гдѣ еще не знали ничего о приближеніи непріятеля и слѣдовательно не было принято никакихъ мѣръ для защиты. Мистрисъ Ванъ-Альстинъ знала лично Брэнта и потому никто изъ ея семейства, состоявшаго изъ старой свекрови, одиннадцати человѣкъ дѣтей и двухъ негровъ, не былъ ни убитъ, ни раненъ, ни захва-

ченъ въ плѣнъ. Индѣйцы внезапно ворвались въ домъ и грабили и уничтожали все, что попадалось имъ подъ руку. Старинная посуда и другія вещи, которыми мистрисъ Ванъ-Альстинъ дорожила какъ памятью Голландіи были разбиты въ дребезги, и полъ былъ усыпанъ черепками и обломками. Мистрисъ Ванъ-Альстинъ надѣялась, что ея зеркало уцѣлѣетъ, потому что они прошли мимо него, но надежда ея была обманута, и двое индѣйцевъ снявъ его со стѣны положили на полъ и выведя изъ конюшни жеребенка провели его по стеклу. Подушки и перины, которыхъ они не могли унести съ собой были распороты мѣшки унесены, а перья высыпаны и затоптаны въ грязь. Одинъ индѣецъ сдернулъ башмаки съ ногъ старой бабушки и сорвавъ блестящія пряжки, швырнулъ башмаки ей въ лицо; другой сорвалъ съ плеча ея шаль, грозя убить за сопротивленіе. Старшая дочь мистрисъ Ванъ-Альстинъ выказала суетность, которая была преступна для пуританки; видя что юноша индѣецъ взялъ корзину, въ которой лежала ея новая шляпа и чепчикъ, привезенные ей отцомъ изъ Филадельфіи, они кинулась отнимать и послѣ нѣсколькихъ минутъ борьбы ей удалось сбить съ ногъ индѣйца, запнувшагося за валявшіеся по полу черепки. Напрасно мать кричала ей чтобы она отдала свои наряды, страсть къ нарядамъ тоже имѣла свою героиню. Схвативъ свою драгоцѣнность, она зарыла ее далеко въ кучу пакли и сама спряталась за нее. Индѣйцы собравшіеся кучкой около боровшихся забили въ ладоши, когда сбитый съ ногъ юноша поднялся и кричали: «храбрая дѣвушка»; въ то время какъ онъ пристыженный прокрадывался изъ ихъ рядовъ. Ярость снова смѣнила ихъ веселое настроеніе и они разбили всѣ горшки съ молокомъ, перебили окна во всемъ домѣ и наконецъ обѣщаніемъ оставить ему его платье и дать часть добычи, подкупили одного изъ негровъ показать гдѣ спрятаны платья всего семейства. Мистрисъ Ванъ-Альстинъ только, что заготовила зимнее платье для всего семейства и запрятала его въ пустые

боченки. Негръ указалъ, индѣйцы забрали все. Мистрисъ Ванъ-Альстинъ упрекнула негра въ его измѣнѣ и сказала что онъ вмѣсто награды будетъ наказанъ индѣйцами. Предсказаніе ея сбылось, потому что они уходя связали его и сваливъ на телегу увезли плѣнникомъ, говоря, что онъ ничего лучшаго не заслуживаетъ за измѣну.

Посѣщеніе индѣйцевъ оставило за собой нищету. Запасы хлѣба были увезены и семейство питалось еще недозрѣвшимъ зерномъ, которое поджаривали, или варили въ молокѣ. Семейство нуждалась въ одеждѣ. Мистрисъ Ванъ-Альстинъ собирала волокна молочаевъ, мѣшала ихъ со льномъ и насучивъ пряжу ткала полотно для семьи. Но этого было далеко недостаточно для наступающихъ холодовъ. Поселенцы страшно терпѣли отъ холода, не имѣя ни постелей, ни шерстяныхъ платьевъ, ни стеколъ у оконъ. Этой бѣдѣ нельзя было помочь никакимъ трудомъ, потому что вся окрестность была раззорена и ни сукна, ни стеколъ невозможно было достать ни за какія деньги. Къ довершенію бѣдствія лучшія лошади были уведены индѣйцами. Ненси Ванъ-Альстинъ предложила мужу и сосѣдямъ составить отрядъ и напасть на индѣйскую крѣпостцу, находившуюся недалеко отъ ихъ поселенія, въ которую индѣйцы увезли награбленныя вещи. Но мысль нападенія на хорошо защищенную крѣпостцу была скоро оставлена. Холодъ усилился и страданія семейства сдѣлались невыносимы. Ненси опасаясь что здоровье мужа и дѣтей будетъ совершенно разстроено, рѣшилась сама отправиться къ индѣйцамъ и вернуть хотя часть награбленныхъ вещей. Мужъ и дѣти напрасно старались отговорить ее, но она не слушала ихъ убѣжденій и отправилась въ индѣйскую крѣпостцу съ старшимъ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ шестнадцати.

Заложивъ единственную оставленную имъ чахлую лошаденку въ сани, она поѣхала по глубокому снѣгу. Дороги были непроходимы. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ часовъ труднаго пути, въ продолженіи котораго пришлось не разъ

вытаскивать увязшіе въ снѣгу сани, она дотащилась до крѣпостцы ихъ на счастье и застала тамъ только одну старую индѣйскую сквау, потому что всѣ индѣйцы отправились на охоту. Мистрисъ Ванъ-Альстинъ пошла въ самую большую хижину, гдѣ, какъ она полагала, должны быть спрятаны ея вещи. Старая сквау оставленная стеречь селеніе вышла ей на встрѣчу и спросили, что ей надо. Она просила чего нибудь поѣсть. Сквау сначала не хотѣла дать, но когда Ненси сказала, что она никогда не отпускала индѣйца голоднымъ изъ своего дома, то сквау угрюмо начала готовить завтракъ. Ненси увидѣла свою кухонную посуду, свой чайникъ. Когда сквау ушла за водой мистрисъ Ванъ-Альстинъ стала искать въ хижинѣ и найдя многія изъ своихъ вещей, передала ихъ сыну чтобы онъ снесъ въ сани. Сквау вернулась и спросила кто приказалъ брать вещи. Ненси отвѣчала что это ея вещи и видя, что женщина хотѣла отнять ихъ силой, достала изъ бумажника письмо и показавъ сквау сказала, что это письмо отъ Янки Петера, колониста имѣвшаго большое вліяніе на индѣйцевъ, и что онъ приказывалъ немедля отдать ей ея собственность. Благодаря этой хитрости она получила свои вещи. Потомъ она потребовала чтобы ей показали хлѣвъ, гдѣ стояли уведенныя у нея лошади. Сквау отказала. Но Ненси пошла въ сосѣдній хлѣвъ и увидѣла своихъ лошадей хорошо выкормленныхъ, и выхоленныхъ, потому что индѣйцы вообще умѣли хорошо ходить за скотиной. Животныя узнали свою хозяйку и привѣтствовали ее радостнымъ ржаніемъ. Она приказала сыну перерѣзать ихъ поводья и они почувствовавъ себя на свободѣ галопомъ помчались къ дому. . . . .

Мать и сынъ поспѣшили, отправиться домой опасаясь погони. Они вернулись домой поздно ночью и не смыкали глазъ всю остальную часть ея не смотря на усталость, ожидая нападенія. Вскорѣ на разсвѣтѣ они увидѣли индѣйцевъ приближавшихся въ военномъ порядкѣ, окрашен-

ныхъ военными красками. Они шли потрясая томагауками ружьями и приблизившись къ дому издали свой пронзительный воинственный кличь.

Мистеръ Ванъ-Альстинъ хотѣлъ все отдать имъ, но не устрашимая жена его не согласилась и рѣшилась по крайней мѣрѣ испробовать хоть какія нибудь средства удержать свою собственность. Она просила мужа не показываться, потому что индѣйцы немедля напали бы на него. Индѣйцы пошли прямо къ конюшнѣ. Она вышла на встрѣчу, сопровождаемая до дверей плачущими дѣтьми и прислугой, умолявшихъ ее не подвергать жизнь свою опасности.

— Что вамъ надо? спросила она смѣло индѣйцевъ, подходя къ нимъ.

— Нашихъ лошадей, отвѣчали они.

— Неправда, лошади мои, вы ихъ отняли у насъ не имѣя на то никакого права. Мы вернули ихъ и не отдадимъ вамъ. Начальникъ индѣйцевъ подошелъ съ угрожающимъ видомъ къ двери хлѣва. Ненси загородила дверь повторяя, что ни за что не отдастъ животныхъ, которыхъ сама выростила. Онъ оттолкнулъ ее отъ двери и схватилъ за совъ, но она вырвала его. Тогда индѣецъ сталъ грозить ей ружьемъ, но она не двинулась съ мѣста и раскрывъ платокъ приказала ему стрѣлять, если смѣетъ. Быть можетъ индѣецъ испугался мести своихъ одноплеменниковъ союзниковъ американцевъ, или былъ пораженъ мужествомъ Ненси, но онъ остановился и послѣ нѣсколькихъ секундъ колебаній, опустилъ ружье пробормотавъ на своемъ языкѣ что злой духъ должно быть помогаетъ ей и ушелъ къ своимъ товарищамъ говоря, что она храбрая женщина и ее не надо трогать. Они отвѣчали ему крикомъ одобренія и ушли съ фермы. По дорогѣ они зашли въ домъ полковника Фрейя и разсказавъ про мужество Ненси прибавили, что это мужество спасло бѣлую женщину и ея имущество, и что еслибы въ Могаукской долинѣ было пятьде-

сять такихъ храбрыхъ женщинъ какъ жена Большаго дерева, какъ они звали Ванъ-Альстина, то они никогда не нарушили бы миръ.

Уваженіе, которое мужество Неиси внушило индѣйцамъ имѣло очень выгодныя для нея послѣдствіи. Весною отрядъ канадскихъ индѣйцевъ, отправился снова въ долину Могауковъ на фуражировку для англійскихъ войскъ. Имъ было запрещено забирать плѣнныхъ, но они захватывали всѣхъ колонистовъ которыхъ встрѣчали, убивая тѣхъ, которые сопротивлялись. Одинъ изъ братьевъ Ненси былъ взятъ въ плѣнъ. Его привязали къ столбу обложили хворостомъ и готовились уже зажечь его, когда одинъ изъ стариковъ племени, который не былъ на совѣтѣ присудившемъ плѣнника къ сожженію, узналъ его и убѣдилъ оставить ему жизнь, поручившись за него. Плѣнника отвязали, заставили благодарить по очереди каждаго изъ индѣйцевъ, что онъ исполнилъ и потомъ пошелъ за индѣйцами, хотя ему не разъ впродолженіи дня представлялся случай убѣжать, но онъ не хотѣлъ заставить своего спасителя отвѣчать за себя. Вскорѣ послѣ того индѣйцы напали на нѣсколькихъ дѣтей игравшихъ въ полѣ, забрали ихъ, положивъ ударомъ томагаука на мѣстѣ одного молодаго человѣка, который бросился къ нимъ на помощь. Двое изъ дѣтей принадлежали Ненси Ванъ-Альстинъ, имъ было всего отъ восьми до шести лѣтъ отъ роду. Дикіе перешли черезъ Сѣскеганну, быструю рѣку, которая своимъ ревомъ напугала малютокъ. Три недѣли странствовали бѣдныя дѣти вмѣстѣ съ своими похитителями, выносили голодъ и холодъ Канадскихъ ночей, которыя проводили на открытомъ воздухѣ и прибыли въ Канаду въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ деревнѣ индѣйцевъ дѣти должны были по варварскому обычаю ихъ пройти сквозь строй. Мальчики индѣйцы были разставлены въ два ряда съ палками и палицами что бить бѣдныхъ дѣтей, когда они будутъ пробѣгать между рядами. Старшій былъ страшно избитъ, но онъ бѣжалъ на сколько

хватало силъ между рядами мѣтко опускавшихся на его спину палокъ, и пробѣжалъ не споткнувшись ни разу, несчастіе, которое грозило бы ему неизбѣжной смертью, потому что на споткнувшагося удары сыпались съ удвоенной силой пока не сбивали его съ ногъ, и часто бѣдная жертва оставалась на мѣстѣ бездыханная. Когда вывели младшаго, блѣднаго, изнуреннаго болѣзнью, дрожавшаго отъ страха, одна изъ сквау, помня услуги, которыя Ненси не разъ оказывала имъ сжалилась надъ нимъ и сказала, что пройдетъ сквозь строй вмѣсто него, но когда ей это не позволили, она выпросила позволенія принести его на рукахъ. Она завернула его плотно въ толстое одѣяло, крѣпко обхватила руками и быстро пробѣжала между рядовъ маленькихъ палачей. Ребенокъ отдѣлался только не многими но довольно чувствительными ударами. Вслѣдъ за тѣмъ дѣтей вымыли, одѣли по приказанію начальчика племяни и накормили ужиномъ. Дядя ихъ, услыхалъ что въ селеніе привели дѣтей бѣлыхъ изъ Могаукской долины выпросилъ позволеніе ихъ видѣть. Молютки крѣпко спали послѣ вынесенныхъ мученій и тревогъ, но проснулись услыхавъ родной голосъ и радостно закричали: «Дядя Куакинбёшъ, дядя Куакинбёшъ». На слѣдующую ночь при размѣнѣ плѣнныхъ они были возвращены матери. Они вернулись домой здоровые и веселые. Послѣ пытки сквозь строя, индѣйцы, обращались съ ними хорошо и дядя Куакинбёшъ заботил-, о нихъ.

Въ 1785 г. мистеръ Ванъ-Альстинъ переѣхалъ съ семействомъ на берега Сёскеганны, гдѣ онъ купилъ большой участокъ земли еще до начала войны. Домъ выстроенный на участкѣ былъ сожженъ индѣйцами во время войны, пришлось строить повый. Когда Ванъ-Альстинъ, перебрались на новую ферму то вмѣстѣ съ ними было всего три семейства бѣлыхъ на берегахъ Сёскеганны, и три фермы ихъ были окружены деревнями индѣйцевъ. Здѣсь пришлось Ненси не разъ выказать свое мужество и знаніе характера

и привычекъ индѣйцевъ. Нѣкоторые случаи изъ ея жизни даютъ понятіе о томъ какова была жизнь этихъ неустрашимыхъ піонеровъ, которые съ топоромъ въ одной рукѣ и ружьемъ въ другой, разчищали дремучіе лѣса Америки и клали основаніе будущимъ многолюднымъ и цвѣтущимъ городамъ, которыми она теперь гордится.

Разъ индѣецъ, котораго Ванъ-Альстинъ чѣмъ то обидѣлъ пришелъ на ферму съ намѣреніемъ отмстить. Ванъ-Альстинъ былъ съ работниками въ полѣ, дома оставалась одна жена съ дѣтьми, Ненси по лицу индѣйца догадалась за чѣмъ онъ пришелъ, но спокойно спросила что ему надо.

— Я хочу показать Большому дереву кто изъ насъ лучшій человѣкъ, отвѣчалъ индѣецъ указывая на ружье.

Ненси знала что еслибы мужъ ея пришелъ въ эту минуту, то онъ былъ бы жертвой индѣйца. Она начала издалека съ индѣйцемъ разговоръ о вещахъ, которые интересовали его, хвалила его одежду, оружіе и просила позволеніе осмотрѣть его ружье. Она долго разсматривала его и занявъ индѣйца какой то бездѣлкой ловко плеснула воды въ стволъ. Она отдала ему ружье и смѣнивъ тонъ непринужденной болтовни на торжественный начала говорить индѣйцу о великомъ духѣ, который изливаетъ свои милости на всѣхъ людей и налагаетъ на нихъ обязанность быть добрыми другъ къ другу. Она съ удивительнымъ тактомъ успѣла смягчить индѣйца и, когда мужъ ея вернулся, то онъ охотно протянулъ врагу руку на примиреніе и дружбу. Индѣецъ согласился принять отъ нихъ угощеніе и на прощаньи сказалъ, что ружье было дано ему однимъ изъ сосѣдей Ванъ-Альстиновъ, который хотѣлъ у нихъ оттянуть участокъ земли и имѣлъ на нихъ злобу вслѣдствіе неудачи. Для доказательства справедливости своихъ словъ индѣецъ предложилъ сходить съ нимъ вмѣстѣ уличить сосѣда. Мистрисъ Ванъ Альстинъ пошла съ индѣйцемъ, не смотря на то, что вечеръ наступилъ и ей пришлось идти съ нимъ одной, пустыннымъ и темнымъ лѣсомъ. У сосѣда

она заставила индѣйца повторить то, что онъ ей сказалъ и немногими словами пристыдила и тронула сосѣда, такъ что онъ сдѣлался съ тѣхъ поръ однимъ изъ ихъ лучшихъ друзей. Такимъ образомъ она своею осторожностью и умомъ спасла не только жизнь мужа но и всего семейства, потому что, какъ она узнала впослѣдствіи кучка индѣйцевъ была спрятавшись въ кустахъ чтобы броситься на помощь товарищу, въ случаѣ опасности грозившей ему. Въ другой разъ одинъ молодой индѣецъ зашелъ къ нимъ на ферму и спросилъ складной ножъ. Когда ему подали ножъ, онъ безъ дальнихъ церемоній подошелъ къ столу, взялъ хлѣбъ и отрѣзалъ себѣ нѣсколько ломтей. Одинъ изъ сыновей Ненси держалъ въ рукѣ ремень изъ оленьей кожи, разсердившись на дерзость индѣйца онъ ударилъ его. Индѣецъ выбѣжалъ изъ дома съ громкимъ военнымъ крикомъ. Ненси услыхавъ крики вошла въ домъ узнать, что случилось и сказала что, зная нравы индѣйцевъ, она очень огорчена тѣмъ что случилось. Ея опасенія вскорѣ подтвердилось приближеніемъ отряда индѣйцевъ подъ предводительствомъ брата прибитаго мальчика. Братъ вошелъ одинъ и потребовалъ выдачи мальчика, который прибилъ юношу индѣйца.

— Что надо этому чертовскому индѣйцу? спросилъ съ досадой мистеръ Ванъ-Альстинъ, удивленный неожиданнымъ приходомъ индѣйца.

Индѣецъ по голосу и выраженію лица его догадавшись, что слова относились къ нему и не могли быть ничуть лестны для него, издалъ пронзительный крикъ и прицѣлился ружьемъ въ грудь Ванъ-Альстина. Жена его кинулась между нимъ и индѣйцемъ и успѣла оттолкнуть ружье кверху, такъ что пуля попала въ стѣну; потомъ она вытолкнула за дверь не успѣвшаго опомниться индѣйца и задвинула дверь засовомъ. Индѣецъ былъ въ бѣшенствѣ, но она наконецъ убѣдила его хладнокровно обсудить съ него дѣло и спросила стоитъ ли изъ за ссоры двухъ мальчиковъ нарушать

ихъ дружбу. Индѣецъ смягчился и наконецъ принялъ приглашеніе зайти и покончить ссору миромъ.

— У васъ нѣтъ рома, сказалъ онъ, потому что индѣйцы переняли отъ европейцевъ обычай запивать ссоры водкой или ромомъ, который въ Америкѣ замѣняетъ часто водку.

— У насъ есть за то чай, отвѣчала Ненси Ванъ-Альстинъ. Тогда начальникъ вошелъ и вслѣдъ за нимъ всѣ индѣйцы были приглашены въ домъ. Начальникъ сказалъ рѣчь въ честь бѣлой сквау, и вслѣдъ за рѣчью былъ поданъ чай. Индѣйцы отпили изъ своихъ чашекъ и выливъ остатки въ небольшую дыру, вырытую въ золѣ очага, торжественно объявили что вражда ихъ погребена на вѣки.

Мистрисъ Эллетъ говоритъ что Ненси пользуясь своимъ знаніемъ индѣйскаго языка начала пропаганду евангелія между индѣйскими племенами и превозноситъ успѣхъ ея миссіонерской дѣятельности; но отзывы путешественниковъ и американскихъ писателей заставляютъ отнестись критически къ этимъ восхваленіямъ, потому что рѣдкіе племена такъ держатся за свою религію, повѣрья и обычаи какъ краснокожіе; и они теперь вымираютъ не высказывая ни малѣйшаго желанія ни способности принять европейскую цивилизацію.

Ненси Ванъ-Альстинъ не принадлежала къ числу героинь патріотокъ: раса, языкъ американцевъ были ей чужды и интересы ея новаго отечества не могли ей сдѣлаться на столько дороги чтобы заставить ее работать для нихъ наравнѣ съ другими женщинами Америки. Энергія и мужество выказанные ею имѣли цѣль не шире интересовъ ея семьи или сосѣдства. Но важно то, что она и въ этомъ узкомъ кругу умѣла выказать энергію и мужество; они были ручательствомъ, что при другомъ образованіи и при иначе сложившихся обстоятельствахъ, она съумѣла бы выказать ихъ и для болѣе широкихъ цѣлей. Кто съумѣлъ быть вѣ-

ренъ въ маломъ, способенъ бить поставленъ и надъ большимъ.

Сара Бёкананъ.

Собственно говоря Сара Бёкананъ не принадлежитъ къ героинямъ американской революціи, потому что въ эту славную эпоху она была еще ребенкомъ, но къ героинямъ первыхъ годовъ американской республики. Она родилась въ 1773 году въ той части Америки, которая зовется теперь восточнымъ Тенесси, а въ то время представляла еще зачаточные поселки будущихъ селеній и городовъ богатаго и многолюднаго штата.

Прослѣдить постепенное развитіе колоніи изъ зачаточнаго поселка въ могущественный штатъ представляетъ интересную задачу для историка, но онѣ не по силамъ смиреннаго хроникёра. Онъ удовольствуется тѣмъ, что сообщитъ читателю, что въ 1772 году нѣсколько предпріимчивыхъ и энергическихъ колонистовъ изъ Виргиніи и Сѣверной Каролины, обольщенные разсказами охотниковъ и торговцевъ звѣриными шкурами о прекрасныхъ плодоносныхъ долинахъ и богатыхъ рыбою извилистыхъ рѣкахъ по ту сторону Аллеганскихъ горъ, переселились въ долину рѣки Уотауга, называемой нынче рѣкою Гольстонъ. Одинъ изъ этихъ піонеровъ, капитанъ Джорджъ Ридлей былъ отцомъ Сары Бёкананъ, которая родилась въ наскоро сложенномъ изъ толстыхъ неотесанныхъ бревенъ блокгаузѣ служившемъ вмѣстѣ и жилищемъ и крѣпостью, какъ всѣ дома піонеровъ. Сара была первой дочерью будущаго штата Тенесси, или, по крайней мѣрѣ, одной изъ первыхъ, родившихся на его землѣ. Она росла среди безпрестанныхъ стычекъ жителей Уотауги съ сосѣдними индѣйцами и рано свыклась съ опасностями.

Въ 1779 году многіе американцы снарядили экспедицію для заселенія пустынныхъ земель далѣе на западъ; положено было основать колонію къ западу отъ Кумберланд-

скихъ горъ въ долинѣ рѣки Кумберландъ. Два отряда американскихъ войскъ вышли изъ Уатауги въ серединѣ декабря, первый повелъ сухопутную экспедицію плотниковъ, землекоповъ, которая должна была перейдя черезъ горы остановиться въ мѣстности извѣстной въ то время подъ названіемъ Большаго соленаго ручья, а въ настоящее подъ именемъ округа Нэшвиль, и построить фортъ, дома и разчистить поля; второй защищалъ флотилію изъ плотовъ, которая перевозила стариковъ, женщинъ и дѣтей вмѣстѣ съ багажемъ и скотомъ піонеровъ на мѣсто новой колоніи. Флотилія должна была спуститься по теченію Гольстонъ-Ривера, свернуть въ рѣку Тенесси и потомъ внизъ по теченію ея спуститься черезъ узкій приходъ ея въ горахъ до долины. Пѣшеходная экспедиція должна была встрѣтить флотилію за большимъ колѣномъ Тенесси и довести ее до мѣста назначенія въ долинѣ Кумберландъ. Къ этой экспедиціи принадлежалъ отецъ Сары Бѣкананъ.

Плаваніе по Уотаугѣ и Тенесси было опасно; по берегамъ жили враждебные племена воинственныхъ Черокезцовъ и Криковъ. Къ безпрестаннымъ нападеніямъ индѣйцевъ, которые въ ущельяхъ, гдѣ съуживалась рѣка стрѣляли въ путешественниковъ беззащитныхъ въ своихъ открытыхъ лодкахъ и плотахъ, или нападали на нихъ въ своихъ челнокахъ, присоединялись опасности плаванія по быстрой и извилистой рѣкѣ, усѣянной порогами, подводными камнями и водоворотами, которые грозили поглотить легкія суда и плоты въ своей мутной кипѣвшей пѣнѣ. Болѣзни и страданія отъ ранъ нанесенныхъ индѣйцами увеличивали ужасы пути. Маленькая Сара была свидѣтельницей этихъ опасностей. Къ довершенію бѣдствія они не нашли ожидаемаго отряда піонеровъ на условленномъ мѣстѣ. Прождавъ напрасно нѣсколько дней въ такой мѣстности ожидая ежеминутно нападенія, они рѣшились спуститься далѣе до устья Тенесси и достигнуть Большаго Соленаго ручья под-

нявшись вверхъ по рѣкѣ Кумберландъ, впадавшей въ Тенесси близь ея устья.

Женщины высказали во многихъ случаяхъ мужество и энергію, но описаніе этихъ случаевъ не входитъ въ планъ этого очерка.

Наконецъ черезъ четыре мѣсяца опаснаго плаванія флотилія достигла мѣстности, гдѣ теперь стоитъ Нэшвиль. Здѣсь они нашли пѣшеходную экспедицію, которая опоздавъ на мѣсто встрѣчи, прибыла за нѣсколько недѣль до нихъ. Трогательна была встрѣча поселенцевъ, радость была смѣшена съ горестью. Не одинъ отецъ, братъ, мужъ, сынъ не одна мать, жена, сестра, или дочь обнимая кого изъ своихъ дорогихъ сердцу людей, напрасно искали глазами другаго въ толпѣ и узнавали, что они были зарыты въ пустынѣ или опущены въ волны Тенесси или Кумберланда.

Индѣйскіе племена Черокезцовъ, Криковъ и Шауніевъ смотрѣли враждебно на пришельцевъ захватившихъ ихъ земли и повели съ ними кровопролитную войну, продолжавшуюся слишкомъ пятнадцать лѣтъ. Ни одна исторія колоніи не отмѣчена столькими кровавыми страницами какъ исторія Нэшвиля. Каждый мущина колоніи былъ солдатомъ, который долженъ былъ защищать свою жизнь и блокгаузъ пріютившій его семью. Колонія находилась постоянно въ осадномъ положеніи до начала девятнадцатаго столѣтія.

Разумѣется при такихъ обстоятельствахъ въ колоніяхъ не могла развиться цивилизованная жизнь съ ея удобствами и удовольствіями, нравы и обычаи ихъ не могли отличиться свѣтской утонченностью. Они жили въ небольшихъ фортахъ, которые могли помѣстить не болѣе шести, семи семействъ, и ходили съ ружьями за плечемъ обработывать небольшіе участки земли, чтобы было чѣмъ прокормиться. Разчищать большіе участки было опасно, потому что тогда пришлось бы удаляться отъ форта. Книгъ, школъ, академій *), присут-

*) Такъ зовутъ американцы высшія училища

ственныхъ мѣстъ, разумѣется не было въ колоніи. Трудъ и опасность были единственными учителями, а суровая необходимость единственнымъ законодателемъ и судьей колонистовъ. Капитанъ Ридлей поставилъ вблизи Нэшвиля небольшой фортъ, который управлялся военными законами. Около этого форта возникли другіе. Колонисты составляли отряды по семействамъ въ родѣ шотландскихъ клановъ и запирались въ крѣпостяхъ. Сообщенія между крѣпостями были рѣдки; дорога была усѣяна засадами индейцевъ и нужно было далеко не дюжинное мужество чтобы пуститься въ такую дорогу въ небольшомъ обществѣ, даже за двѣ или три мили отъ форта.

Сара была живая молодая дѣвушка, любила общество, и чаще другихъ рисковала выѣзжать за стѣны отцовскаго форта. Разъ она возвращалась съ одной родственницей Сусанной Эверстъ изъ сосѣдняго форта. Молодыя дѣвушки безконечно болтали не подозрѣвая опасности. Было поздно вечеромъ и онѣ ѣхали верхомъ по просѣкѣ въ густомъ лѣсу. Миссъ Эверстъ ѣхала впередъ. Вдругъ она остановила лошадь.

— Взгляни Сара, вскричала она въ ужасѣ.—Вотъ краснокожіе.

Въ сто ярдахъ впереди, отрядъ индѣйцевъ съ ружьями заграждалъ имъ дорогу. Некогда было раздумывать о томъ что дѣлать; ворочаться назадъ въ фортъ изъ котораго онѣ ѣхали было невозможно. До форта было болѣе полутора мили и индѣйцы могли перерѣзать имъ дорогу. Единственной надеждой на спасеніе было достигнуть своего блокгауза, отъ котораго онѣ были отдѣлены четырьмя или пятью стами ярдовъ. Быстрѣе мысли Сара шепнула своей подругѣ чтобы та дѣлала все, что она сдѣлаетъ; потомъ сѣла по мужски верхомъ, Сусанна сдѣлала тоже, и обѣ дѣвушки пустили лошадей во весь опоръ на встрѣчу индѣйцамъ Махая въ воздухѣ шляпами, неслись онѣ на непріятеля съ дикими изступленными криками.

— Долой съ дороги, проклятые краснокожіе.

Онѣ такъ хорошо разыграли свою роль, что индѣйцы не замѣтившіе ихъ за поворотомъ тропинки приняли ихъ за передовыхъ коннаго отряда колонистовъ, которые хотѣли оттаковать ихъ и кинулись въ разсыпную съ дороги, спасать свою жизнь:—тоже сдѣлали Сара и Сусанна. Прежде чѣмъ дикіе успѣли опомниться отъ нечаянности, Сара и Сусанна были уже въ безопасности за стѣнами своего форта, дрожа какъ испуганныя лани только что избѣгнувшія опасности. За этотъ случай равно какъ и за многіе другіе того же рода, Сара была прозвана быстрой наѣздницей форта Ридлей.

Вскорѣ послѣ этого счастливаго избавленія, Сара вышла замужъ за храбраго маіора Бёканана, который прославился въ стычкахъ съ индѣйцами и былъ грозою дикихъ племенъ и гордостью долины Кумберланда. Онъ объяснился въ любви со своей невѣстой очень оригинально: одѣтый съ головы до ногъ въ оленьи кожи, съ ружьемъ за плечомъ и пороховницей у пояса, выступая въ экспедицію противъ краснокожихъ, онъ цо дорогѣ зашелъ на фортъ Ридлей спросить Сару согласна ли она раздѣлить съ нимъ командованіе форта Бёкананъ, находившагося въ двухъ миляхъ на востокъ отъ форта Ридлея. Сара согласилась. Ей было всего восемнадцать лѣтъ, Бёканану далеко за тридцать, но разница лѣтъ не помѣшала имъ жить счастливо вмѣстѣ.

Сара не успѣла еще освоиться со своимъ новымъ домомъ, какъ отецъ ея мужа былъ застрѣленъ индѣйцами въ самыхъ воротахъ форта. Вскорѣ послѣ того зять ея Самуилъ Бёканакъ жившій вмѣстѣ съ ними, отправившись на работу въ поле наткнулся на кучку индѣйцевъ, которые отрѣзали ему дорогу къ дому; единственнымъ средствомъ спасенія оставалось добѣжавъ до обрыва высотой двадцати пяти или тридцати футовъ, повисшаго надъ берегамъ мельничнаго ручья, спрыгнуть внизъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, но падая вывихнулъ себѣ колѣно и не могъ встать. Индѣйцы

спустились къ нему убили и скальпировали его на разстоянiи ружейнаго выстрѣла отъ форта. Эти кровавыя сцены, повторявшiяся у порога собственнаго дома, могли убить энергiю не одной женщины, но мистрисъ Бёкананъ казалось каждая тревога каждая опасность, придавала новыя силы.

Разъ когда мужъ ея вмѣстѣ съ мущинами форта ушелъ на работы, два знаменитыхъ конокрада забрались въ фортъ и потребовали чтобы имъ выдали двухъ лучшихъ лошадей маiора. Зная что они готовы на все, даже убiйство, мистрисъ Бёкананъ притворилась, что уступаетъ ихъ требованiямъ и пошла съ ними къ конюшнѣ, для того чтобы вывести ихъ изъ дома, откуда ея крики не могли бы быть услышаны. Но подойдя къ дверямъ конюшни она вытащила изъ подъ передника большой охотничiй ножъ съ угрозами приказала имъ уходить. Не ожидая такого сопротивленiя они не рѣшились употребить насилiе, потому что она криками могла бы собрать всѣхъ женщинъ форта и видя что не смотря на ихъ угрозы она твердо стояла на своемъ постѣ, они ушли съ проклятiями безъ лошадей.

Въ 1792 г. населенiе восточнаго Тенесси увеличилось до десяти тысячь душъ, а Кумберландской долины до семи. Генералъ Вашингтонъ бывшiй тогда президентомъ Соединенныхъ Штатовъ созвалъ въ Филадельфiю всѣхъ индѣйскихъ начальниковъ племенъ, чтобы заключить прочный миръ между поселенцами Тенесси и краснокожими лѣсовъ. Послѣ двѣнадцати-лѣтней не прерывной рѣзни миръ былъ заключенъ, вооруженные отряды распущены и колонисты зажили безъ малѣйшихъ опасенiй. Только не многiе изъ старожиловъ хорошо знавшiе коварный характеръ индѣйцевъ считали безумiемъ всеобщее обезоруженiе. Пока колонисты съ семействами выбирались на свои фермы изъ фортовъ, въ которыхъ тѣснились столько лѣтъ, индѣйцы собирались отрядами за тридцать миль отъ форта Бёкананъ. Маiоръ Бёкананъ принадлежалъ къ числу немно-

гихъ считавшихъ безразсуднымъ распущеніе отрядовъ, но онъ не могъ измѣнить распоряженій губернатора штата Блаунти. Фортъ Бёкананъ находился въ четырехъ миляхъ къ востоку отъ Нэшвиля на концѣ Мельничнаго ручья и былъ передовымъ постомъ поселенцевъ на границѣ индѣйскихъ земель и потому ему первому грозило нападеніе. Въ фортѣ Бёкананъ жило около двѣнадцати человѣкъ мущинъ. Не имѣя права задерживать расходившихся колонистовъ, онъ уговорилъ остаться шестерыхъ молодыхъ людей, на которыхъ онъ могъ положиться, впрочемъ неговоря имъ ни слова о причинѣ заставлявшей его удерживать ихъ:—онъ зналъ что при малѣйшемъ намекѣ на опасность его маленькій гарнизонъ, состоявшій считая и его самого изъ девятнадцати человѣкъ, кромѣ женщинъ и негровъ, на которыхъ нельзя было положиться, разбѣжался бы по болѣе отдаленнымъ и лучше прикрытымъ крѣпостцамъ. Одной женѣ повѣрилъ онъ свои опасенія, потому что зналъ ея мужество и разсчитывалъ на ея помощь. Они вмѣстѣ привели оружіе въ порядокъ приготовили порохъ и пули, укрѣпили двери и стѣны и спокойно ожидали угрожавшее нападеніе.

Въ воскресенье ночью около двѣнадцати часовъ, освѣщенный яснымъ свѣтомъ луны, отрядъ Шауни, индѣйскаго племени подъ начальствомъ Уотта, одного изъ начальниковъ поклявшихся въ вѣчномъ мирѣ, молча подкравшись обложилъ со всѣхъ сторонъ фортъ. Чтобы войти въ фортъ индѣйцы употребили слѣдующую хитрость. Они стали пугать лошадей и скотъ чтобы загнать ихъ въ крѣпость, разсчитывая ворваться въ отворенныя ворота. Перепуганныя животныя съ ревомъ и ржаніемъ бѣшено понеслись къ форту, но крѣпко спавшій гарнизонъ не услыхалъ ихъ приближенія. Сторожъ Джонъ Мак-Крори, увидѣвъ индѣйцевъ уже когда они были на разстояніи ярдовъ пятидесяти отъ стѣнъ форта, выстрѣлилъ въ нихъ. Черезъ нѣсколько минутъ залпъ ружей, дикіе крики индѣйцевъ и стукъ топоровъ ихъ о ворота далъ знать девятнадцати мущинамъ и сами

женщинамъ гарнизона, что военная гроза неожиданно нагрянувъ, готова обрушиться на ихъ обреченныя гибели головы.

Полусонный гарнизонъ, поднятый нечеловѣческимъ ревомъ индѣйцевъ, въ первыя минуты незналъ что дѣлать: первымъ порывомъ многихъ было отворить ворота и сдаться. Одна женщина забравъ своихъ пятерыхъ дѣтей кинулась къ воротамъ. Мистрисъ Бекананъ остановила ее за плечо и спросила куда она идетъ.

— Сдаться съ дѣтьми индѣйцамъ, отвѣчала она не помня себя отъ ужаса.—Если я не сдамся они перерѣжутъ всѣхъ насъ.

— Останьтесь, сказала мистрисъ Бекананъ:—мы будемъ сражаться и умремъ вмѣстѣ.

Одинъ старикъ, который повидимому еще не очнулся отъ сна и стоялъ оцѣпенѣлый отъ ужаса, проговорилъ жалобно.

— О они перерѣжутъ насъ всѣхъ.

— Идите и деритись съ ними! вскричала мистрисъ Бекананъ.

— На вашемъ мѣстѣ я бы постыдилась лежать здѣсь въ углу, когда другіе дерутся. Лучше честно умереть чѣмъ жить со стыдомъ.

Между тѣмъ маіоръ Бекананъ собралъ своихъ людей за стѣнами блокгауза, чтобы встрѣтить индѣйцевъ огнемъ съ флангу, и открылъ непрерывный огонь на ихъ колонну. Но это ни мало не остановило индѣйцевъ. Вслѣдъ за упавшими рядами непріятеля прибывали новые къ воротамъ. Чаще и сильнѣе падали удары топора на ворота. Нѣкоторые изъ индѣйцевъ пробовали влѣзть на толстыя брусья стѣнъ, но безуспѣшно. Наконецъ видя что тяжелые ворота не уступали всѣмъ усиліямъ ихъ, индѣйцы обратили свои силы на блокгаузъ и стали стрѣлять въ отверстія для ружей. Случалось иногда что обѣ стороны стрѣляли въ одно и тоже время въ тоже отверстіе.

Маіоръ Бёкананъ хотѣлъ заставить индѣйцевъ полагать что гарнизонъ форта силенъ и для этой цѣли приказывалъ людямъ не прекращать огня ни на минуту. Вдругъ по горсти защитниковъ пронесся страшный шопотъ: «Все пропало. Пули вышли».

Но у защитниковъ были ангелы хранители. Не успѣлъ еще смолкнуть шопотъ, какъ мистрисъ Бёкананъ появилась съ передникомъ полнымъ пуль, которыя она и Ненси Мёльгеринъ сестра ея мужа, вылили во время сраженія изъ блюдъ и ложекъ. Она обдѣлила людей пулями и сверхъ того порядочной порціей водки, которую принесла въ жестяномъ кувшинѣ. Она отлила болѣе трехъ сотъ пуль и снова ушла на эту работу.

Отстрѣливавшіеся смѣльчаки въ это время подсмѣивались надъ индѣйцами. Чтобы ободрить себя и показать непріятелю что ихъ положеніе вовсе не отчаянное они кричали осаждавшимъ индѣйцамъ.

— Стрѣляйте же пулями, вы сквау. Чтожъ вы не кладете пороху въ ваши ружья.

Уоттсъ и нѣкоторые изъ индѣйцевъ понимали по англійски и отвѣтили имъ вызовомъ выйти и сразиться съ ними въ открытомъ полѣ. Мистрисъ Бёкананъ принимала тоже участіе въ этихъ шуткахъ. Въ это время она замѣтила большой мушкетонъ стоявшій въ углу и до котораго никто не дотрогивался, она передала его одному ирландцу по имени о'Конноръ и, какъ видно по его собственному разсказу, далеко не изъ храбрыхъ.

— Вотъ она дала мнѣ фузею съ широкимъ дуломъ, и приказала мнѣ стрѣлять въ этихъ проклятыхъ созданій, разсказывалъ этотъ защитникъ по неволѣ: — и Джимми о'Конноръ взялъ фузею, и онъ подергалъ за курокъ и изъ дула выстрѣлило, и такъ Джимми сдѣлалъ четыре или пять разъ, и она заряжала ружье, и каждый разъ, ваша честь, какъ только фузея стрѣляла, Джимми о'Конноръ прятался подъ кровать.

Но и фузея съ широкимъ дуломъ сослужила свою службу благодаря находчивости Сары Бёкананъ и храбрый защитникъ тоже пригодился. Неровный бой продолжался долго. Но наконецъ индѣйцы видя что почти всѣ вожди ихъ были переранены и убѣдившись, что они имѣли дѣло съ сильнымъ гарнизономъ, отступили по утру, унося своихъ раненыхъ. Хвастливый Шауни убитый стоялъ прислонясь къ воротамъ, которые напрасно старался разбить. Предводители ихъ, сынъ Бѣлой Совы и Юнекетъ, или убійца бѣлыхъ людей, были смертельно ранены, и кровожадный Джонъ Уоттсъ, такъ вѣроломно нарушившій миръ, съ простреленными ногами былъ унесенъ на носилкахъ.

Во все продолженіе сраженія Сара Бёкананъ помогала защитникамъ и словами и дѣломъ. Спасеніе всѣхъ зависѣло отъ дѣятельности каждаго изъ немногочисленныхъ защитниковъ отряда. Она знала что если имъ удастся продержаться нѣсколько часовъ, то къ нимъ подоспѣетъ помощь изъ сосѣднихъ фортовъ. Но подоспѣвшая помощь не нашла уже непріятеля. Лишившись своихъ вождей индѣйцы отступали въ безпорядкѣ. Такъ кончилось это нашествіе на долину Кумберландъ; и новорожденный штатъ Тенесси былъ обязанъ своимъ избавленіемъ мужеству двухъ женщинъ столько же сколько и героизму мущинъ форта. Слухъ объ участіи Сары Бёкананъ въ геройской защитѣ форта пронесся по всей республикѣ и молодая жена маіора была провозглашена героиней запада. Мало по малу въ этотъ слухъ вкралось преувеличеніе и вскорѣ Сара переставала узнавать себя въ разсказахъ объ осадѣ форта Бёканана, которые передавались ей. Изъ мужественной женщины сдѣлали какую-то кровожадную амазонку и отвратительную фурію, которая не останавливалась ни передъ какими ужасами и находила наслажденіе проливать кровь. Но Сара, не смотря на то что выросла среди грубой солдатчины, съ умѣла сохранить человѣчность и сострадательность и постоянно старалась смягчать грубость окружавшей ее жизни. Сара оскорблялась этими пре-

увеличенными слухами, которые распускали про нее болтливые старухи старики и, когда ее просили разсказать о ея участіи въ защитѣ форта, разсказывала о немъ безъ малѣйшаго самохвальства какъ о вещи самой обыкновенной.

Сара не получила никакого образованія и вышедши замужъ не умѣла читать; но она подъ руководствомъ мужа въ короткое время пополнила недостатокъ воспитанія. Сара выросла въ то время, когда въ колоніи не было церквей и потому она не принадлежала ни къ одной изъ многочисленныхъ церквей, на которыя дѣлится религіозная Америка. Но она воспитывала дѣтей своихъ въ практическомъ пониманіи религіи.

Мистрисъ Эллетъ заканчиваетъ свой очеркъ жизни Сары Бѣкананъ слѣдующимъ стихотвореніемъ.

Oh Pilgrim Mothers! few the lyres
Your praises to prolong;
Though fame embalms the pilgrim sires
And trumpets them in song:
Yet ye were to these hearts of oak
The secret of their might;
Ye nervecl the arm that hurled the stroke
In labor or in fight.
Oh! Pilgrim Mathers though ye lie
Perchance in graves unkuowu
A memory that connot die
Hath claimed you for its own.

О, матери поселенцевъ. Немногія лиры прославили васъ похвалами, хотя слава въ громкихъ пѣсняхъ повторила подвиги отцовъ. Но вы придали силу этимъ крѣпкимъ сердцамъ. Вы придали мощъ рукѣ направлявшей ударъ въ работѣ или битвѣ.

О матери поселенцевъ, вы лежите въ безвѣстныхъ могилахъ, но неувядающая память сохранила ваши имена.

Маргарита Арнольдъ.

Уваженіе народа и благодарное воспоминаніе потомства было удѣломъ женщинъ Америки, которыя умѣли работать для освобожденія отечества и приносить въ жертву свое счастіе и свои привязанности; за то презрѣніе и отверженіе было удѣломъ тѣхъ, которыя въ эту тяжелую годину бѣдствій умѣли служить только своимъ личнымъ выгодамъ. Этихъ женщинъ было немного. Между ними народная ненависть отвела первое мѣсто женѣ измѣнника генерала Арнольда. Дѣвическое имя ея было Маргарита Шиппенъ, она происходила по прямой линіи отъ Едварда Шиппена перваго мера Филадельфіи. Онъ былъ изгнанъ изъ Бостона за то что былъ квакеромъ во время преслѣдованій этой секты въ началѣ XVIII столѣтія; переѣхавъ въ Филадельфію, онъ нажилъ большое состояніе и, забывъ суровые догматы своей религіи, отличался роскошнымъ образомъ жизни. Онъ былъ большимъ человѣкомъ въ городѣ говоритъ преданіе; у него былъ самый большой домъ и самая большая карета въ Филадельфіи. Его домъ назывался не иначе какъ домомъ губернатора и большимъ домомъ Шиппена, и великолѣпнымъ домомъ съ загороднымъ садомъ, до того величина его и роскошь поражала колонистовъ. Домъ былъ построенъ на возвышенности, и изъ сада открывался видъ города; высокія сосны поднимались темной стѣной за домомъ, а фасадъ его выходилъ на зеленую лужайку, съ которой видѣлись берега Делауоры—и Джарсея. Куртины были покрыты тюльпанами, розами и лиліями, богатыя оранжереи полны рѣдкихъ фруктовъ и тропическихъ растеній. Это княжеская вилла перешла по наслѣдству къ отцу Маргариты, который былъ впослѣдствіи главнымъ судьей въ Пенсильваніи. Онъ принадлежалъ къ числу аристократовъ, которые въ началѣ войны объявили себя врагами независимости. Дочери его были воспитаны въ ненависти къ принципамъ независимости, которые подрывали блестящее положеніе ихъ отца.

Маргарита, младшая изъ дочерей Шиппена, была молоденькой восьмнадцатилѣтней красавицей, смотрѣвшей на жизнь какъ на вѣчный праздникъ. Она была въ числѣ красавицъ, за красоту которыхъ рыцари сражались на маскарадномъ турнирѣ устроенномъ Бёргойнемъ подъ именемъ Mischianza. Рыцарь сражавшійся въ честь ея красоты выбралъ себѣ гербомъ лавровый листъ съ девизомъ «Неизмѣнный». Этотъ девизъ не совсѣмъ шелъ къ молодой и вѣтреной красавицѣ, которая вскорѣ не смотря на разность убѣжденій, согласилась быть женой генерала войскъ республика Арнольда, который въ то время считался однимъ изъ вѣрнѣйшихъ защитниковъ независимости колоній. Молодая дѣвушка привыкла къ блеску и роскоши—чинъ Арнольда, его высокій постъ въ арміи, блестящій мундиръ и свита вскружили ей голову и не ей одной, но и родителямъ ея; сохранилось еще до сихъ поръ письмо, въ которомъ они писали. «Мы замѣтили что генералъ Арнольдъ ведетъ упорную осаду противъ нашей Пегги (уменьшеніе Маргариты) онъ прекрасный джентльменъ. Эти слова доказывали что родители замѣтили только красивую наружность и блестящее положеніе въ свѣтѣ молодаго генерала; до его характера, правилъ и убѣжденій имъ небыло никакого дѣла.

Когда Арнольдъ измѣнилъ отечеству отчасти изъ мести за полученный по службѣ выговоръ, отчасти за золото и герцогскую корону, обѣщанную Англіей, на мистрисъ Арнольдъ обрушилось негодованіе общества и ненависть народа. Писатели представляли ее безчестной прелестницей, которая употребила обаяніе своей красоты чтобы склонить мужа къ измѣнѣ; второй леди Макбетъ, готовой пролить рѣки крови за герцогскую корону; эти клеветы повторилъ и Ботта въ своей исторіи войны за независимость. Но нѣтъ никакого основанія предполагать не только чтобы она подстрекала мужа къ измѣнѣ, но даже что она знала о ней. Только одно письмо Арнольда къ ней, когда она была еще невѣстой его, писанное въ лагерѣ при Рэритенъ въ 1776 г.

не задолго до ихъ свадьбы полно оскорбительныхъ намековъ на президента и совѣтъ Пенсильваніи, въ которыхъ высказывалась досада Арнольда за полученный выговоръ; но это выраженіе непріязненныхъ чувствъ еще не доказательство, что онъ повѣрилъ ей и свои безчестные замыслы, которыхъ никто не подозрѣвалъ и которые какъ громомъ поразили и войско и колоніи. Такой глубокій политикъ и искусный интриганъ какъ Арнольдъ не повѣрилъ бы такую важную и опасную тайну вѣтреной молодой женщинѣ, не привычной владѣть собой, избалованной красавицѣ, которая видѣла въ жизни цѣпь праздниковъ и поклоненій. Женитьба Арнольда на миссъ Шиппенъ поставила его въ тѣсныя отношенія съ врагами республики и усилила подозрѣніе, которое начинали имѣть люди хорошо знавшіе его. Но если вѣтреность и пустота Маргариты Арнольдъ снимаетъ съ нее обвиненіе что она была злымъ геніемъ мужа, внушившимъ ему измѣну за то онѣ доказываютъ, что она не была и добрымъ. Привыкшая къ роскоши и мотовству она еще болѣе подстрекала склонностѣ Арнольда къ расточительности, которая была для него сильнымъ побужденіемъ къ измѣнѣ. Какъ пустая свѣтская вертушка она не могла имѣть благодѣтельнаго вліянія на мужа. Вотъ какъ отзывается о ней одинъ изъ біографовъ ея мужа. «У домашняго очага Арнольда не было ангела хранителя, который спасъ бы его отъ искусителя и направилъ его на честный путь. Отвергая безусловно на основаніи вѣрныхъ соображеній о ея характерѣ, тяготившее надъ ней обвиненіе въ томъ что жена Арнольда была причиной его преступленія, мы должны признать что ни въ ея характерѣ, ни въ ея связяхъ не могло быть никакого благотворнаго вліянія, которое пересилило бы темныя побужденія къ измѣнѣ. Она была молода, беззаботна и легкомысленна; любила пышность, поклоненіе и роскошь; она была совершенно неспособна къ суровому долгу и жизни лишеній и труда ожидающей жену бѣднаго человѣка. Какъ дочь роялиста она умѣла только оплакивать

утрату власти и почестей, въ которыхъ выросла и съ наслажденіемъ вспоминать о первыхъ годахъ молодости, проведенныхъ въ домѣ отца ея, когда офицеры высшихъ чиновъ были ея поклонниками. У Арнольда не было совѣтницы, которая учила бы его подражать суровымъ добродѣтелямъ республики и ободряла бы его неуклонно идти тернистымъ путемъ патріота. Арнольдъ палъ и хотя мы увѣрены что жена его не указала ему путь паденія, но мы равно увѣрены и въ томъ что она не сказала ни слова, не сдѣлала ни знака чтобы удержать его отъ паденія».

Мистрисъ Арнольдъ была безсознательной участницей измѣны. Маіоръ англійской службы Андре, черезъ котораго шли переговоры съ Арнольдомъ объ измѣнѣ, вошелъ въ сношеніе съ нимъ черезъ его жену. Маіоръ Андре былъ короткимъ знакомымъ отца мистрисъ Арнольдъ, въ то время когда Филадельфія была занята арміей генерала Гоу; въ 1779 году, онъ писалъ ей изъ Нью-Іорка напоминая прежнее знакомство и предлагая ей свои услуги, для доставки ей контробандой разныхъ предметовъ по дамскому туалету, которыхъ мистрисъ Арнольдъ была давно лишена суровымъ патріотизмомъ американокъ. Онъ шутливо прибавлялъ, что не забылъ еще уроковъ Mischianza и вполнѣ способенъ исполнить удовлетворительно ея комиссіи. Это письмо было перехвачено и показалось въ высшей степени подозрительнымъ совѣту Пенсильваніи, тѣмъ болѣе, что современи разлуки любезнаго маіора съ кружкомъ красавицъ Mischianza которому онъ выражалъ такое пламенное обожаніе, прошло болѣе года; въ продолженіе этого времени, обожатель нимало не думалъ выразить свои чувства; странный тонъ письма усилилъ подозрѣніе совѣта, который въ предложеніи услугъ для доставленія красавицамъ каркаса для шиньоновъ и чепцовъ, иголокъ, газа и прочихъ принадлежностей туалета, увидѣлъ условный языкъ измѣны. Но это еще не доказательство что мистрисъ Арнольдъ принимала участіе въ измѣнѣ, которая совершилась черезъ годъ послѣ

отсылки Андре письма къ мистрисъ Арнольдъ. Вѣроятно что это письмо было написано маіоромъ Андре, съ цѣлью завязать сношенія съ Арнольдомъ, но жена его могла не знать ничего о намѣреніи маіора. Преступныя сношенія Арнольда съ Андре подъ вымышленными именами были начаты въ мартѣ или апрѣлѣ, и вѣроятно Андре выбралъ этотъ способъ чтобы дать знать Арнольду о своемъ настоящемъ имени и чинѣ, не навлекая на себя позрѣній въ случаѣ пропажи письма. Но Андре плохо зналъ подозрительность совѣтовъ колоній.

Условія измѣны были заключены и время исполненія заговора наступало. За два дни до предполагаемой поѣздки Вашингтона по всѣмъ дивизіямъ арміи до Гертфорда, мистрисъ Арнольдъ пріѣхала въ Уестъ Пойнтъ, гдѣ стояла дивизія ея мужа. Она привезла съ собой ребенка, разсчитывая остаться тамъ во время зимней стоянки. На дорогѣ она встрѣтила Вашингтона, который ѣхалъ со своимъ штабомъ въ баржахъ къ главной квартирѣ. Изъ Филекселя, сосѣдняго мѣстечка на берегу рѣки, Вашингтонъ послалъ увѣдомить о своемъ прибытіи въ Уестъ Пойнтъ для смотра войскамъ. По окончаніи смотра, Вашингтонъ повернулъ свою лошадь на дорогу къ рѣкѣ, но Лафайетъ напомнилъ ему, что мистрисъ Арнольдъ ждетъ его къ завтраку по обѣщанію данному на дорогѣ, на что Вашингтонъ шутя отвѣчалъ:

— Ахъ молодежь, вы всѣ влюблены въ мистрисъ Арнольдъ. Поѣзжайте завтракать къ ней и не ждите меня.

Мистрисъ Арнольдъ завтракала съ мужемъ и адъютантами поджидая Вашингтона и его офицеровъ, когда курьеръ привезъ письмо, въ которомъ Арнольда увѣдомляли о плѣнѣ Андре и захватѣ его бумагъ. Арнольдъ всталъ изъ за стола, ушелъ въ комнату жены, позвалъ ее и въ короткихъ словахъ объяснилъ ей и все дѣло и необходимость немедленнаго бѣгства въ непріятельскую армію. По всѣмъ вѣроятностямъ, Маргарита въ первый разъ узнала объ из-

мѣнѣ мужа. Извѣстіе это такъ потрясло ее, что когда Арнольдъ вышелъ изъ комнаты, она упала на полъ безъ чувствъ.

Пріѣхавшіе гости нашли ее въ состояніи близкомъ къ помѣшательству. Одинъ изъ офицеровъ Арнольда полковникъ Гамильтонъ такъ описывалъ ея свиданіе съ нимъ на другой день, когда онъ пришелъ проститься съ нею. «Когда генералъ пришелъ къ ней, она упрекала его за участіе въ заговорѣ, который погубитъ ея ребенка, она рыдала, и въ изступленномъ бреду оплакивала горькую участь ребенка. Она плакала и надъ мужемъ. Любовь жены, матери и полнѣйшая невинность высказывались въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи.»

Гамильтонъ вмѣстѣ съ многими офицерами знавшими хорошо мистрисъ Арнольдъ утверждаетъ, что она въ первый разъ узнала объ измѣнѣ мужа, когда онъ объявилъ ей о необходимости покинуть американскій лагерь.

Но общественное мнѣніе Америки осудило мистрисъ Арнольдъ. Народъ привыкъ видѣть что всѣ женщины работали на сколько хватало силъ для свободы отечества и съ негодованіемъ осуждалъ ее уже за то, что она была не способна работать вмѣстѣ съ ними. Газеты того времени полны яростныхъ нападокъ на Маргариту Арнольдъ, ее звали Іезавелью, приравнивали къ всѣмъ женщинамъ библіи извѣстнымъ своими злодѣйствами. Мистрисъ Арнольдъ изъ Уестъ Пойнта поѣхала въ Филадельфію къ отцу. Вашингтонъ Ирвингъ въ своей біографіи Вашингтона говоритъ что она была такъ возмущена измѣной мужа что не хотѣла ѣхать къ нему. Но трудно повѣрить чтобы пустая свѣтская барыня была способна испытать чувство оскорбленной гражданки. Въ такомъ случаѣ она не осталась бы праздной свидѣтельницей борьбы и бѣдствій народа, но наравнѣ съ другими дочерьми Америки употребила бы всѣ усилія чтобы облегчить ихъ. Всего вѣроятнѣе что для тщеславной женщины была нестерпима мысль дѣлить жизнь

человѣка лишеннаго почестей, которыя такъ плѣнили ее, и заклейменнаго позорнымъ именемъ измѣнника. Но члены совѣта Пенсильваніи не позволили ей остаться въ Филадельфіи; бумаги мужа ея были схвачены, переписка съ Андре обнародована и вмѣстѣ съ нею и записка Андре съ предложеніемъ доставить ей наряды контрабандой. По приказанію исполнительнаго комитета мистрисъ Арнольдъ должна была оставить Филадельфію и штатъ Пенсильваніи и не возвращаться во все продолженіе войны. Она отправилась въ Нью-Іоркъ къ мужу.

Ея путешествіе въ Нью-Іоркъ служитъ доказательствомъ того уваженія, которымъ пользовалась въ Америкѣ женщина еще въ то время. Въ какой странѣ женщина, на которой тяготѣло бы подозрѣніе въ измѣнѣ, могла проѣхать одна безъ провожатыхъ не только во время народныхъ волненій, но даже и въ мирное время. Секретарь французскаго посольства М. де Марбуа въ своихъ запискахъ упоминаетъ что, когда народъ съ яростью волочилъ по грязи изображеніе Арнольда къ костру, сожженіе откладывалось до будущаго дня, если мистрисъ Арнольдъ приходилось останавливаться въ той деревнѣ, гдѣ готовилась казнь. Въ другой разъ, когда она переѣзжала улицу, по которой волочили изображеніе ея мужа, народъ скрылъ его отъ нея, крики ярости и негодованія стихли и народъ въ глубокомъ молчаніи далъ ей проѣхать, сочувствуя печали и стыду, которые она должна была чувствовать въ эти тяжелыя для нея мгновенія. Мистрисъ Эллетъ видитъ въ этомъ доказательство, что народъ не раздѣлялъ подозрѣній ни членовъ пенсильванскаго совѣта, ни американской прессы.

Въ то время когда жена измѣнника Бенедикта Арнольда со стыдомъ, скрываясь отъ всѣхъ взоровъ, ѣхала къ мужу, граждане Филадельфіи съ почестями, выражавшими имъ глубокое уваженіе, благодарность и печаль объ утратѣ хоронили женщину, которая принесла свое здоровье и жизнь на службу отечеству — это была Эстеръ-Ридъ. Не-

вольно задумаешься глубоко надъ страшнымъ контрастомъ въ жизни обѣихъ женщинъ. Мистрисъ Арнольдъ была царицей блестящаго круга, первымъ лицомъ провинціальной аристократіи; Эстеръ Ридъ скромной работницей въ семьѣ и обществѣ. Одна ввела мужа въ надутый кругъ, который заразилъ его своими предразсудками и разжегъ его вражду съ Ридомъ, главнымъ судьею и президентомъ штата. Другая до послѣдней минуты работала для его дѣла. Одна растравляла недовольство мужа, понуждала его стремиться къ роскоши, почестямъ, другая въ это время угасала истощивъ послѣднія силы на службу великому дѣлу. Патріотка Филадельфіи умерла, окруженная благословеніями оставивъ собою честный примѣръ молодому поколѣнію. Жена бѣглеца и измѣнника умерла въ изгнаніи, нося всюду съ собой позорное клеймо измѣны. Такова судьба тѣхъ, которые измѣняютъ общественному дѣлу и долгу гражданина!

Елизабета Фергюзонъ.

Другая женщина, на которой лежало въ то время обвиненіе въ измѣнѣ и подкупѣ была не свѣтская красавица, но женщина серьезнаго характера съ честными стремленіями и одна изъ замѣчательныхъ писательницъ того времени, ее звали Елизабета Фергюзонъ. Она была дочерью Томаса Греема, одного изъ знаменитѣйшихъ докторовъ Филадельфіи, который одно время занималъ должность сборщика въ гавани. Мать ея Анна Кейтъ была дочерью сера Уильяма Кейта губернатора Пенсильваніи.

Елизабета выросла въ аристократическомъ кругу, но она не заразилась ни его узкими предразсудками, ни его пустотой и пошлостью. Этимъ она обязана исключительно своей прекрасной и образованной матери. Отецъ ея выстроилъ великолѣпный домъ съ цвѣтниками, паркомъ, фруктовыми садами и оранжереями. Садъ этотъ составлялъ рѣд-

кое исключеніе изо всѣхъ садовъ аристократовъ. Онъ былъ во всякое время открытъ для народа. Молодежь города особенно любила этотъ садъ, потому что привѣтливая хозяйка всегда предлагала ей угощаться вишнями съ прекрасныхъ вишневыхъ деревъ, которые росли рядами по сторонамъ аллей, и перваго мая молодыя дѣвушки получали букеты цвѣтовъ и вѣнки изъ цвѣтниковъ греемскаго сада.

Домъ мистера Греема былъ столько же привлекателенъ для общества Филадельфіи, какъ и садъ для народа, и радушнымъ гостепріимствомъ, и талантами и умомъ младшей дочери Елизабеты. Самое избранное общество въ смыслѣ ума, талантовъ и образованія собирались у Греемовъ и молоденькая Елизабета была центромъ литературнаго кружка.

Елизабета родилась въ 1739 году, и рано начала отличаться талантомъ къ поэзіи. Она развила его чтеніемъ и занятіями. Чтобы доставить ей возможность заниматься и самимъ отдохнуть отъ шума свѣта, родители ея уѣзжали каждое лѣто въ свое имѣніе Греемъ паркъ, въ графствѣ Монгомери въ двадцати миляхъ отъ Филадельфіи. Тамъ она начала и кончила свой переводъ Телемака англійскими стихами и рукопись этого перевода и теперь хранится въ библіотекѣ Филадельфіи. Этотъ выборъ доказывалъ серьезный складъ ума молодой дѣвушки и наклонность къ вопросамъ политики. Телемакъ въ то время былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній французской литературы. Елизабета начала этотъ переводъ для того чтобы заглушить тоску обманутой любви. Но это средство не оказалось дѣйствительнымъ и доктора предписали ей перемѣну климата и мѣстности. Отецъ послалъ ее въ Европу. Мать ея, здоровье которой слабѣло день ото дня, очень желала чтобы дочь уѣхала по скорѣе; причина этого желанія, какъ она ни странна для нашего времени, казалась вполнѣ понятною въ то время. Она была религіозной фанатичкой и ожидая со дня на день смерти, чувствовала что присутствіе дочери мѣшало ей сосредоточить всѣ свои помышленія и любовь

на небесныхъ предметахъ. Она настояла на скоромъ отъѣздѣ дочери, которая не хотѣла оставить мать въ такомъ отчаянномъ положеніи, но должна была повиноваться.

Мистрисъ Греемъ умерла во время отсутствія дочери оставивъ ей два письма съ совѣтами о предстоявшихъ ей обязанностяхъ хозяйки, жены, и матери семейства. Елизабета прожила годъ въ Англіи подъ покровительствомъ достопочтеннаго доктора богословія Ричарда Петерса, который ввелъ ее высшее общество. Но она предпочитала ему литературный кругъ, гдѣ она своими талантами обращала общее вниманіе, и въ томъ числѣ даже вниманіе англійскаго короля.

По возвращеніи въ Филадельфію она заняла мѣсто матери въ опустѣломъ домѣ отца, занималась хозяйствомъ и пріемомъ гостей. Она продолжала съ большими успѣхами заниматься литературой и болѣе чѣмъ когда либо была душей литературнаго круга. Ея острота, блестящій умъ, начитанность, живое воображеніе и тонкій вкусъ привлекали всѣхъ кто только разъ видѣлъ ее.

На одномъ изъ своихъ вечеровъ, она познакомилась съ Гюгомъ Генри Фергюзономъ, молодымъ джентльменомъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Шотландіи чтобы поискать стастья въ Америкѣ. Молодой человѣкъ и не молодая уже дѣвушка, Елизабетѣ было тогда около тридцати лѣтъ, понравились другъ другу съ перваго взгляда; сходство вкусовъ, привычекъ, одинаковая любовь къ литературѣ и тихой уединенной жизни, быстро скрѣпили начинавшуюся привязанность, Они помолвились и вскорѣ обвѣнчались не смотря на то что Фергюзонъ былъ десятью годами моложе Елизабеты Греемъ. Вскорѣ послѣ ея замужества докторъ Греемъ умеръ, завѣщавъ дочери имѣніе въ графствѣ Монгомери, гдѣ она жила со дня свадьбы.

Счастіе, которое мистрисъ Фергюзонъ надѣялась найти въ своемъ уединеніи и занятіяхъ литературой съ любимымъ человѣкомъ продолжалось не долго. Несогласія существовав-

шія нѣсколько лѣтъ между Великобританіей и колоніями, разрѣшились войной за независимость. Мистеру Фергюзону пришлось выбирать между двумя партіями и онъ выбралъ согласно съ предразсудками, которыя онъ наслѣдовалъ отъ своихъ знатныхъ предковъ. Онъ присталъ къ партіи тори. Съ этого времени онъ разстался съ женой, причина ихъ развода, который не былъ совершенъ офиціально, неизвѣстна. Вѣроятно ихъ развела и разница лѣтъ и участіе Фергюзона въ войнѣ, на которую жена его смотрѣла съ ужасомъ.

Вскорѣ послѣ развода съ мужемъ, мистрисъ Фергюзонъ своимъ вмѣшательствомъ въ политическія дѣла навлекла на себя общественное неудовольствіе. Когда англичане завладѣли Филадельфіей она взялась доставить Вашингтону отъ епископа Дюше письмо, въ которомъ епископъ увѣщевалъ главнокомандующаго прекратить кровопролитіе. Вашингтонъ былъ очень разсерженъ письмомъ и выразилъ свое неудовольствіе мистрисъ Фергюзонъ за ея вмѣшательство и за сношенія съ епископомъ, требуя чтобы ни то ни другое не повторялось болѣе.

Спустя нѣсколько времени послѣ исторіи письма, она снова пріѣхала въ Филадельфію съ пассомъ отъ главнокомандующаго чтобы проститься съ мужемъ. Она остановилась въ домѣ стараго пріятеля своего, Чарльса Стедмана въ которомъ была отведена квартира для губернатора Джонстона, одного изъ коммиссіонеровъ, посланныхъ англійскимъ парламентомъ чтобы разобрать несогласія между метрополіей и колоніями. Мистрисъ Фергюзонъ видѣлась всего три раза съ губернаторомъ; въ первые два у нихъ шелъ разговоръ о бѣдствіяхъ начавшейся войны; губернаторъ осуждая возстаніе и такъ горячо стоялъ за интересы американцевъ, что мистрисъ Фергюзонъ сочла его искреннимъ другомъ своихъ согражданъ. Въ третій разъ онъ сказалъ, что такъ какъ ему не дадутъ пропуска въ американскій лагерь, то онъ желалъ бы найти вѣрное лицо, которое бы взяло

на себя роль посредника чтобы предложить мѣры для прекращенія кровопролитія; тѣмъ болѣе что ожесточеніе народа сулило упорную и продолжительную войну. Мистрисъ Фергюзонъ нѣсколько разъ потворила ему свое убѣжденіе, что народъ не удовлетворится ничѣмъ, кромѣ совершенной независимости отъ метрополіи.

— Я увѣрена, были ея слова въ послѣдній разговоръ:— что народъ не приметъ никакихъ условій, онъ хочетъ полной независимости.

Губернаторъ Джонстонъ тогда повелъ разговоръ о генералѣ Ридѣ, и выразилъ сильное желаніе привлечь его на сторону англичанъ. Джонстонъ просилъ мистрисъ Фергюзонъ, если она увидитъ Рида передать ему, что если онъ согласно съ своей совѣстью и взглядами на положеніе дѣлъ захочетъ употребить свое вліяніе чтобы уладить всѣ несогласія, то онъ получитъ десять тысячъ гиней и важный постъ при правительствѣ. Джонстонъ ручался въ томъ своимъ честнымъ словомъ.

Мистрисъ Фергюзонъ возразила что это предложеніе оскорбитъ Рида, который не способенъ продать себя; Джюнстонъ убѣждалъ ее что это не продажа, а награда правительства за услугу оказанную и народу и ему, и потому каждый честный человѣкъ можетъ принять ее. Но мистрисъ Фергюзонъ стояла на своемъ что если Ридъ найдетъ что благо народа потребуетъ отречанія отъ независимости, то онъ сдѣлаетъ безъ всякой платы или награды, а если онъ будетъ держаться противнаго мнѣнія, то никакія награды въ мірѣ не заставлять его подать голосъ противъ независимости. Джюнстонъ не хотѣлъ согласиться съ нею.

Дня черезъ два послѣ этого разговора мистрисъ Фергюзонъ послала на главную квартиру вѣрнаго человѣка съ запиской, въ которой просила генерала Рида назначить ей часъ когда она могла видѣть его проѣздомъ въ Леннестеръ, куда отправлялась по дѣламъ, и мѣсто гдѣ бы они могли переговорить, но въ сторонѣ отъ лагеря, чтобы ей не при-

шлось проѣзжать его. Она прибавляла что дѣло, о которомъ ей нужно переговорить, опасно передавать бумагѣ.

Письмо было получено Ридомъ по прибытіи въ Филадальфію, три дня спустя послѣ выступленія изъ нея англійскихъ войскъ. Ридъ передалъ на словахъ посланному, что онъ въ тотъ же вечеръ зайдетъ къ мистрисъ Фергюзонъ. Когда Ридъ пришелъ, она передала ему слова Джонстона о необходимости остановить кровопролитіе и вмѣстѣ съ тѣмъ его высокое мнѣніе о вліяніи Рида и предложеніе правительства. Когда она упомянула объ обѣщанной наградѣ, Ридъ не далъ ей договорить.

— Меня не стоитъ подкупать, отвѣчалъ онъ съ негодованіемъ, и у короля Великобританіи не хватитъ сокровищъ чтобы купить меня, каковъ я есть.

Генералъ Ридъ передалъ конгрессу и словесное и письменное предложеніе Джонстона, послѣднее онъ получилъ еще въ лагерѣ при Велей-Форджъ. При этомъ Ридъ скрылъ имя женщины, взявшей на себя передать эти предложенія чтобы не возбудить противъ нея народъ. Однакожъ все узналось; извѣстіе о подкупѣ было со всѣми подробностями напечатано въ газетахъ, и не смотря на то что Ридъ скрылъ ея имя, общественное подозрѣніе указало прямо на мистрисъ Фергюзонъ. Въ резолюціи исполнительнаго комитета Пенсильваніи было такъ сказано объ этомъ дѣлѣ: «Попытка подкупить черезъ посредство жены лоялиста одного изъ членовъ конгресса, чтобы онъ подалъ голосъ за соединеніе колоній съ метрополіей, оказала неизмѣримую услугу тѣмъ что вернула колеблющихси и нерѣшительныхъ изъ виговъ къ ихъ дому гражданъ. Извѣстіе о подкупѣ и честный отвѣтъ на него переходятъ изъ устъ въ уста; изъ той минуты какъ оно обнародовано виги завладѣли, могуществомъ и властью, а тори утратили ихъ на всегда. Исполнительный комитетъ опубликовалъ имя мистрисъ Фергюзонъ. Конгресъ издалъ прокламацію, въ которой строго порицалъ дерзкую и безсовѣстную попытку подкупа и объявлялъ что

считаетъ несовмѣстнымъ съ честью своихъ членовъ имѣть какія либо сношенія съ упомянутымъ губернаторомъ Джонстономъ.

Мистрисъ Фергюзонъ была сильно встревожена и глубоко огорчена непріятными послѣдствіями ея вмѣшательства. Получивъ въ Греемъ-Паркѣ номеръ издаваемой Тоуномъ газеты Вечерняя почта (Townes Evening Post) за 20 Іюня 1778 года, въ которомъ было напечатано описаніе ея участія въ подкупѣ въ самыхъ оскорбительныхъ для нея выраженіяхъ, она тотчасъ написала Риду горько жалуясь, что газеты выставили ее подкупленнымъ агентомъ комиссіонеровъ.

«Откровенно говорю вамъ, какъ мнѣ больно что публика считаетъ меня подкупленной рабой комиссіонеровъ, несмотря, на все мое вполнѣ безукористное участіе въ этомъ дѣлѣ. Но теперь поздно изгладить его. Въ какой степени обвиненіе обрушившееся на меня можетъ повредить моему имѣнію въ наше время волненій и смутъ,—неизвѣстно, но это для меня, далеко не главная причина огорченія, а вы меня знаете на столько, что повѣрите мнѣ».

Есть всѣ данныя предполагать, что мистрисъ Фергюзонъ дѣйствовала въ этомъ случаѣ совершенно безкорыстно, не ожидая себѣ ни малѣйшихъ выгодъ, и подъ вліяніемъ искренняго, хотя ошибочнаго желанія блага отечеству. Ея воспитаніе, родственныя связи съ тори, все заставляло ее видѣть спасеніе колоній въ союзѣ съ метрополіей и для достиженія этой цѣли она готова была даже принять участіе въ грязномъ дѣлѣ подкупа. Другой причиной заставившей ея принять въ немъ участіе—было ея отвращеніе къ кровопролитію. Мистрисъ Фергюзонъ была женщина впечатлительная до болѣзненности, нервная и слабая—натура вполнѣ женственная. Она не могла безъ слезъ видѣть даже страданій животныхъ. Ужасы междоусобной войны потрясали ее глубоко; она обливалась горькими слезами читая въ газетахъ реляціи сраженій Она весьма естественно съ

радостью воспользовалась первымъ случаемъ, который обѣщалъ ей положить конецъ бѣдствіямъ народа. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ самоотверженіемъ съ которымъ она облегчала бѣдствія народа. Она ходила по коттеджамъ, разнося одежду и пищу семействамъ виговъ ушедшихъ въ лагерь, ходила за больными, готовила имъ лекарства. Когда генералъ Гау занималъ Филадельфію она послала туда значительный запасъ полотна, которое сама выткала на рубашки американскимъ плѣнникамъ взятымъ при Джерманстаунѣ. Женщины помогавшія плѣннымъ подвергались въ то время большимъ непріятностямъ, но ни что не останавливало мистрисъ Фергюзонъ. Одинъ купецъ изъ виговъ обанкрутился вслѣдствіе торговаго кризиса и былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ терпѣлъ страшную нужду; она послала ему кровать и нѣсколько разъ навѣщала его и дала ему двадцать долларовъ, не смотря на то что сама очень нуждалась въ то время, потому что доходы съ Грэемъ-Парка уменьшились до самой ничтожной суммы. Это былъ далеко не единственный случай ея благотворительности.

Дѣло съ подкупомъ имѣло еще другія послѣдствія, и не ограничилось одной Америкой. Губернаторъ Джонстонъ, вернувшись изъ Англіи напечаталъ письмо въ Ривингтонской газетѣ, въ которомъ опровергалъ резолюцію конгресса какъ бездоказательную клевету и въ своей рѣчи въ нижней палатѣ снова повторилъ, что донесеніе Рида о подкупѣ было клеветой и ложью. Едва опроверженіе Джонстона дошло до Америки, какъ мистрисъ Фергюзонъ изъ чувства справедливости напечатала въ газетахъ подробный отчетъ объ этомъ дѣлѣ, который подтвердила клятвой. Гласность, которую она придала этому дѣлу окончательно снимаетъ съ нее подозрѣніе въ томъ, что корысть побудила ее принять участіе въ подкупѣ; въ такомъ случаѣ она вмѣсто того чтобы опровергать заявленіе Джонстона, старалась бы всѣми силами подтвердить его.

«Въ числѣ многихъ оскорбительныхъ подозрѣній, кото-

рыя падали на меня», писала она: «ни одно не оскорбило меня такъ глубоко какъ-то, что я приняла участіе въ этомъ дѣлѣ, разсчитывая на чинъ, или высокій постъ, обѣщанные мистеромъ Джонстомъ для особы, которая была мнѣ всего дороже въ мірѣ. Я не скажу болѣе ни слова на этотъ счетъ, но предоставлю каждому человѣку съ здравымъ смысломъ рѣшить, могла ли бы я такъ открыто и смѣло обличить ложь сказанную мистеромъ Джонстономъ въ нижней палатѣ, если бы дѣйствовала по тѣмъ побужденіямъ, которыя мнѣ приписывались. Такой поступокъ съ моей стороны закрылъ на всегда для меня всѣ пути къ милостямъ англійскаго двора, даже если бы я когда либо на нихъ разсчитывала, чего, какъ я торжественно утверждаю, не было никогда. Если это заявленіе попадется когда либо на глаза губернатору Джонстону, я не могу сказать заранѣе какъ онъ взглянетъ на него. Быть можетъ что множество мыслей, которыя смѣнились въ мозгу политика въ продолженіе немногихъ мѣсяцевъ, протекшихъ послѣ нашей встрѣчи, вытѣснили изъ его памяти все дѣло. Если это такъ, то какъ бы ничтожной и презрѣнной я ни казалась ему, въ Англіи найдутся, я знаю два или три человѣка, которые скажутъ ему въ глаза, не смотря на все его значеніе и силу, что я никогда не приложила бы руку къ лжесвидѣтельству».

Но искренность этого заявленія не была оцѣнена по достоинству. Народъ упорно продолжалъ видѣть въ ней подкупленную аристократку, которая хотѣла содѣйствовать его порабощенію. Въ минуты борьбы народъ не любитъ слабыхъ, даже если бы они проливали слезы о его бѣдствіяхъ. Америкѣ нужны были въ то время не женщины умѣвшія проливать надъ нимъ слезы, но женщины умѣвшія безъ содроганія смотрѣть на льющуюся кровь братьевъ и черезъ нее разглядѣть будущее величіе отечества. Только долго спустя по заключеніи мира, когда утихла вражда

партій было снято и съ мистрисъ Фергюзонъ, такъ оскорблявшее ее обвиненіе въ подкупѣ.

Мистрисъ Фергюзонъ дожила до шестидесяти одного года, занимаясь поэзіей и литературой. Стихотворенія ея отличались болѣе огнемъ и силой чѣмъ мелодіей; а прозаическія сочиненія обличали талантъ и серьезное знаніе. У ней не было дѣтей и она взяла на воспитаніе сына и дочь сестры, которая передала ихъ ей на смертномъ одрѣ. Конецъ жизни ея былъ печаленъ. Племянница вышла замужъ и уѣхала далеко, а племянникъ поступилъ лейтенантомъ въ англійскую армію, и мистрисъ Фергюзонъ осталась одинокой. Сверхъ того уменьшеніе ея денежныхъ средствъ истощенныхъ ея филантропіей, не позволило ей по прежнему благодѣтельствовать бѣднымъ. Она бодро переносила лишеніе привычекъ комфовта и не позволяла себѣ считать это лишеніе несчастіемъ, не смотря на то что оно такъ чувствительно въ ея лѣта; но она лишилась дѣятельности придававшей смыслъ ея жизни. Она до конца оставалась вѣрна тѣмъ понятіямъ, въ которыхъ была воспитана и постоянно чувствовала себя чужой среди общества республиканцевъ, смѣнившихъ прежнихъ роялистовъ. Филантропія была единственной связью ея съ обществомъ и когда эта связь порвалась, ей осталось только печально и безцѣльно доживать свой вѣкъ.

Маргарита Монкрифъ.

Жизнь Маргариты Монкрифъ можетъ служить печальнымъ примѣромъ. Маргарита выказала замѣчательную неустрашимость служа шпіономъ для англійской арміи. Ея жизнь, полная приключеній послужила канвой для романа В. Л. Стона подъ заглавіемъ «Языкъ цвѣтовъ», напоминавшимъ какъ она хитро сняла планъ американскаго форта и скрыла его, нарисовавъ на немъ букетъ цвѣтовъ. Впро-

чемъ жизнь миссъ Монкрифъ вовсе не нуждались въ вымыслахъ фантазіи романиста, чтобы заинтересовать молодыхъ читательницъ.

Миссъ Монкрифъ происходила отъ древней аристократической фамиліи и росла въ богатствѣ. Отецъ ея отличался самой фанатической преданностью къ королю, и миссъ Монкрифъ въ запискахъ о своей жизни такъ говоритъ объ отцѣ «Изъ преданности къ королю онъ готовъ забыть свой долгъ къ отечеству».

Отецъ ея былъ три раза женатъ. Отъ первой жены замѣчательной красавицы, умершей въ первые года замужества, онъ имѣлъ дочь и сына; по смерти матери дѣти прожили нѣсколько времени въ домѣ генерала Геджа, пріятеля ихъ отца и потомъ были отвезены черезъ атлантическій Океанъ въ Дублинъ. Маленькую Маргариту отдали въ пансіонъ и она до восьми лѣтъ прожила вдали отъ отца. Когда ей минуло восемь отецъ вернулся изъ Америки въ Дублинъ со своимъ полкомъ. Онъ былъ тогда женатъ во второй разъ. Вскорѣ онъ опять отправился въ Америку и послалъ за Маргаритой и ея братомъ. Они поселились въ Нью-Іоркѣ; сынъ былъ отданъ въ коллегію, дочь воспитывалась подъ надзоромъ гувернанки. Мачиха вскорѣ умерла и черезъ полгода у Маргариты была другая—милая добрая женщина, образецъ семейныхъ добродѣтелей, но и она вскорѣ умерла, оставивъ ребенка, котораго вмѣстѣ съ Маргаритой отдали на попеченіе брата умершей, мистера Джей.

Переходя изъ рукъ въ руки, Маргарита не могла получить прочнаго воспитанія; это имѣло на живую, пылкую натуру, которую нужно было сдерживать и направлять, очень вредное вліяніе; пріучило ее къ перемѣнамъ, заставило скучать однообразіемъ жизни и искать приключеній. Недовольство жизнью—признакъ или натуры выдающейся изъ разряда обыкновенныхъ, или очень пустой и мелкой натуры, смотря потому, что возбуждаетъ его. Женщина, которая скучаетъ однообразіемъ жизни, потому что ей

нужны романическія приключенія — пустая мечтательница, которая неспособна ничего сдѣлать путнаго: если она скучаетъ оттого, что въ этой жизни нѣтъ простора ея силамъ, оттого что ей нужна цѣль жизни, работа, то она не остановится на этомъ недовольствѣ и послѣ, быть можетъ, нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ найдетъ себѣ дѣло и будетъ полезной работницей. Скука миссъ Монкрифъ, на которую она ссылается происходила именно отъ однообразія жизни; положимъ нельзя строго отнестись къ молодой дѣвушкѣ, если она скучаетъ отъ недостатка развлеченій; но то было время когда другія дѣвушки сами добровольно отказывались отъ всякихъ развлеченій и работали неутомимо. Была и другая причина недовольства Маргариты; она дочь тори, жила среди виговъ; ей приходилось часто слышать не совсѣмъ лестныя замѣчаніе о людяхъ, которые за деньги и чины продавали колоніи: и она писала въ своихъ запискахъ, «что выносила жестокія преслѣдованія за то, что отецъ ея служилъ королю.» Но о томъ какого рода были эти преслѣдованія, не упоминаетъ ни слова.

Отецъ ея былъ въ Бостонѣ при началѣ войны, и отправилъ ее въ Елизабетъ-Таунъ, колонію Нью Джерсей въ семейство американскаго полковника, это было при началѣ войны; дружескія связи между людьми противуположныхъ лагерей не были еще окончательно порваны и житье дочери тори въ семействѣ виговъ не могло возбудить подозрѣнія. Но и послѣ, когда началась война и ожесточенная вражда раздѣлила обѣ партіи, миссъ Монкрифъ почти постоянно оставалась въ кругу республиканцевъ, подъ предлогомъ родственныхъ связей, потому что родня обѣихъ ея мачихъ принадлежала къ этой партіи. Она оставалась, чтобы удобнѣе исполнять взятое на себя ремесло шпіона.

Изъ Нью Джерсея семейство полковника переѣхало съ нею изъ Элизабетъ-Тоуна въ деревню, когда генералъ Гау съ войскомъ подошелъ къ Стетенъ-Эйланду. Однообразіе и ти-

шина деревенской жизни до того надоѣли Маргаритѣ, что она воспользовавшись воскреснымъ утромъ, когда все семейство было въ церкви, бѣжала въ Элизабетъ-Тоунъ. Она проскакала верхомъ нѣсколько десятковъ миль и пріѣхала къ мистрисъ де Гардтъ, которая ласкала ее, когда она была еще дѣвочкой, но съ которой она не видѣлась нѣсколько лѣтъ. Но ей не пришлось долго оставаться въ этомъ убѣжище.

«Въ одинъ жаркій лѣтній день», пишетъ она въ своихъ запискахъ, «я гуляла въ саду моей покровительницы, какъ вдругъ на меня напалъ отрядъ стрѣлковъ, только что вернувшихся изъ Пенсильваніи, которые приставили штыки къ моей груди и едва не убили меня; къ счастію одинъ изъ нихъ сжалился надъ молодостью; было что то въ моемъ лицѣ, что заставило его отказаться отъ своего злодѣйскаго замысла.»

Мисъ Монкрифъ, постоянно въ своихъ запискахъ выставляетъ себя жертвой за роялизмъ отца; хотя не совсѣмъ вѣроятно, чтобы отрядъ солдатъ республики пришелъ убить молодую дѣвушку, которая находилась подъ покровительствомъ республиканскаго семейства, за то только, что она дочь тори, когда жена измѣнника Арнольда, одна проѣзжала сотни миль, не подвергаясь ни малѣйшему оскорбленію. Испуганная грозившей ей опасностью, она обратилась съ просьбой о покровительствѣ къ Уильяму Ливингстону губернатору Нью Джерсея, брату ея первой мачихи; но онъ принялъ ее очень грубо, какъ она увѣряетъ въ своихъ запискахъ. Отецъ ея былъ въ то време на Стетенъ-Эйландѣ съ лордомъ Перси.

«Одна, безъ друзей и покровителей, я не знала, что дѣлать, и наконецъ написала генералу Пётнему письмо о своемъ положеніи; онъ не медля отвѣчалъ мнѣ радушнымъ приглашеніемъ пріѣхать къ нему, увѣряя меня, что онъ искренно уважалъ моего отца и былъ его врагомъ, только на полѣ битвы; но что въ частныхъ сношеніяхъ, онъ по

прежнему готовъ оказать ему или его семейству всѣ услуги, которыя отъ него зависятъ.» Странно, что дѣвушка не боявшаяся одна скакать десятки миль, потому что она соскучилась въ деревнѣ, не отправлялась въ лагерь къ отцу, тѣмъ болѣе что въ этомъ лагерѣ были многія женщины, жены англійскихъ офицеровъ, а также пріѣхавшія съ нѣмецкими союзными войсками, и многія жены гессенскихъ генераловъ и офицеровъ.

Черезъ день послѣ своего отвѣта Пѣтнемъ послалъ за молодой дѣвушкой одного изъ своихъ адъютантовъ полковника Уебба, который долженъ былъ проводить Маргариту въ Нью-Іоркъ. Маргарита такъ описывала свою жизнь въ Нью-Іоркѣ: «Когда я прибыла въ Брадуей къ дому генера Петнема, жена его съ дочерьми встрѣтили меня съ выраженіями живѣйшей нѣжности, и на слѣдующій день меня отрекомендовали генералу Вашингтону и его женѣ, которые старались оказывать мнѣ всевозможное вниманіе. Но это утомляло меня, потому что мнѣ рѣдко приходилось быть одной, и я пользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы убѣжать на верхнею галерею дома, *) откуда я могла видѣть въ зрительную трубу нашъ флотъ и армію на Стетенъ-Эйландѣ, это было моимъ величайшимъ наслажденіемъ. Развлеченія мои были очень невелики. Добрая мистрисъ Петнемъ засадила меня съ дочерьми прясть ленъ на рубашки американскимъ солдатамъ. Въ Америкѣ никому не позволяютъ предаваться праздности. Я шила рубашки и для генерала Петнема, который несмотря на то, что далеко не такой muscadin **) какъ наши щеголи Сен-Джемской улицы, одинъ изъ лучшихъ людей въ мірѣ; сердце его полно благородныхъ чувствъ, которыя невольно внушаютъ почтеніе и удивленіе каждому кто его знаетъ.

«Разъ послѣ обѣда предложили тостъ за конгрессъ

---

*) Въ Нью-Іоркѣ въ то время у многихъ домовъ были плоскіе крыши съ галереей и бесѣдкой.

**) *Muscadin*, названіе французскихъ щеголей того времени.

Генералъ Вашингтонъ посмотрѣлъ на меня внимательно и сказалъ саркастично.»

— Миссъ Монкрифъ, чтожь это вы не пьете ваше вино?

Сконфуженная этимъ замѣчаніемъ, я не знала сначала, что дѣлять, но черезъ минуту въ невольномъ порывѣ подняла рюмку и обратясь къ американскому главкомандующему, сказала:

— Генералъ Гоу—вотъ мой тостъ!

Моя смѣлость раздражила все общество, и оно строго осудило мени, особенно генералъ Вашингтонъ; мой добрый генералъ Петнемъ вступился за меня и увѣрялъ, что я не имѣла ни малѣйшаго намѣренія оскорбить.

— Къ тому же, заключилъ онъ:—все что скажетъ или сдѣлаетъ такое милое дитя можетъ только позабавить, а никакъ ни оскорбитъ васъ.

Но Вашингтонъ былъ за живо затронутъ ея словами и отвѣчалъ.

— Хорошо миссъ Монкрифъ, я прощу вамъ вашу смѣлость съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы пили за мое здоровье или генерала Петнема, въ первый разъ, что вы будете обѣдать у генерала Гоу, на томъ берегу.

Если вѣрить запискамъ мисъ Монкрифъ, то ей было въ это время не болѣе четырнадцати лѣтъ; этотъ разговоръ происходилъ къ 1776 году, а въ слѣдующемъ году она вышла замужъ пятнадцати лѣтъ, какъ она утверждаетъ; и потому странно какъ нельзя болѣе, чтобы Вашингтонъ могъ бы быть заживо затронутъ словами четырнадцатилѣтней дѣвушки, да и вообще предложеніемъ выпить за здоровье непріятельскаго генерала.

«Слова Вашингтона, пишетъ она далѣе; подали мнѣ надежду, что я скоро увижу отца и я обѣщала генералу исполнить все, что онъ хотѣлъ, если онъ мнѣ позволитъ вернуться къ отцу. Вскорѣ послѣ этого происшествія съ Стетенъ-Эйланда прибылъ парламентеръ съ бѣлымъ флагомъ и письмомъ отъ генерала Монкрифа, который про-

силъ отпустить меня къ нему, потому что онъ считалъ меня плѣнницей.»

Вашингтонъ отказалъ исполнить просьбу полковника Монкрифа, и Маргарита приписывала этотъ отказъ желанію оставить ее заложницей, чтобы удержать отца отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ войскъ республики. Но біографъ полковника Бёрра, одного изъ героевъ войны за независимость, приводитъ другую причину какъ задержанія такъ и высылки миссъ Монкрифъ изъ Нью-Іорка.

Бёрръ жилъ въ семействѣ Петнема, въ одно время съ миссъ Манкрифъ и имѣлъ полную возможность наблюдать ея характеръ. Онъ увидѣлъ, что несмотря на ея вѣтренность и сумасбродныя выходки, она обладала замѣчательнымъ тактомъ, смѣтливостью и быстрымъ умомъ. Наблюденія привели его къ заключенію, что несмотря на ея молодость, она какъ нельзя болѣе способна къ роли шпіона и по всему вѣроятію исполняетъ ее благодаря довѣренности Петнема и его семейства. Онъ передалъ свои подозрѣнія Петнему и посовѣтовалъ перевести какъ ее можно скорѣе куда нибудь изъ Нью-Іорка; вслѣдствіе совѣта Берра ее отправили въ Кингсбриджъ, гдѣ командовалъ полковникъ Миффлинъ.

«Здѣсь, писала она:—меня встрѣтили съ величайшимъ радушіемъ и жена генерала была прелестная, талантливая женщина и квакерша. Здѣсь же сердце мое получило первое глубокое впечатлѣніе.» Человѣкъ, который произвелъ это впечатлѣніе на миссъ Монкрифъ былъ, какъ утверждаетъ мистрисъ Эллетъ, тотъ самый полковникъ Берръ, который заподозрилъ ее въ шпіонствѣ, хотя миссъ Монкрифъ ни разу въ запискахъ не упоминаетъ имени человѣка, который внушилъ ей непреодолимую любовь. Мисъ Монкрифъ утверждаетъ, что они обмѣнялись клятвами въ любви и она передала въ письмѣ генералу Петнему о его предложеніи, заявляя въ тоже время свою неизмѣнную рѣшимость принять его. Если увѣреніе мистрисъ Эллетъ, что избранникомъ

мисъ Монкрифъ былъ полковникъ Берръ, то любовь эта не дѣлаетъ чести ни тому ни другому. Шпіонство, въ которомъ Берръ подозрѣвалъ мисъ Монкрифъ, доказывало или ея фанатическую преданность ненавистнымъ ему принципамъ, или ея продажность; и если въ первомъ отношеніи она не лишалась права на его уваженіе, то во всякомъ случаѣ, это было плохимъ ручательствомъ будущаго счастія супруговъ. Со стороны мисъ Монкрифъ любовь къ человѣку, убѣжденія и дѣятельность котораго она не могла раздѣлять, была только увлеченіемъ, которое не приноситъ чести женщинѣ. Петнемъ въ отвѣтъ просилъ ее вспомнить о томъ, какъ ненавистны отцу ея политическія убѣжденія избранника ея сердца, который «не поколеблется для спасенія своего отечества обагрить свою шпагу въ крови ея отца, еслибы встрѣтится съ нимъ на полѣ сраженія.»

«Генералъ Петнемъ послѣ моего извѣщенія, говоритъ она далѣе въ своихъ запискахъ:» сталъ очень сдержанно обращаться со мной, когда пріѣзжалъ съ Кингсбриджъ по дѣламъ. Онъ постоянно слѣдилъ за мной глазами; но онъ не пересталъ принимать участіе во мнѣ и постоянно хлопоталъ въ конгрессѣ о моемъ отпускѣ.»

Наконецъ благодаря ему я получила позволеніе уѣхать на Стетенъ Эйландъ. Чтобы проводить меня съ вниманіемъ, которое требовало и мое званіе и мой полъ, мнѣ изготовили баржу конгресса съ двѣнадцатью гребцами и генералъ американской арміи со свитой былъ назначенъ провожать меня черезъ Нью-Іоркскую губу. Погода была очень бурная и я была облита волнами, которыя заливали баржу. Когда мы подъѣхали на разстояніе голоса къ англійскому кораблю «Орелъ», который принадлежалъ арміи лорда Гоу, намъ выслали съ корабля на встрѣчу шлюбку съ парламентерскимъ флагомъ. Офицеръ посланный съ флагомъ былъ лейтенантъ Броунъ. Сопровождавшій меня генералъ Ноксъ сказалъ, что онъ имѣетъ приказаніе доставить меня на главную квартиру, но лейтенантъ Броунъ отвѣчалъ на то.

— Это невозможно; ни одинъ человѣкъ изъ непріятельской арміи не долженъ смѣть приближаться къ англійской арміи за линію англійскихъ кораблей. Но, прибавилъ онъ:— если мисъ Монкрифъ захочетъ отдаться подъ мою защиту, то я провожу ее въ англійскій лагерь.

Я согласилась и перешла въ его шлюбку. Мы сначала причалили къ Орлу, и мистеръ Броунъ, отпросившись у начальства проводилъ меня въ англійскій лагерь. Когда въ главной квартирѣ доложили мое имя, главнокомандующій послалъ полковника Шериффа просить меня отъ имени сэра Уильяма Гоу къ обѣду, я разумѣется приняла приглашеніе. Я не могу передать чувствъ волновавшихъ меня, когда я вошла въ обѣденную залу. Переходъ былъ такъ быстръ. Къ счастію мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ женой маіора Монтрезоръ, которая знала меня еще ребенкомъ. Я по немногу оправилась; но когда меня согласно военному этикету просили предложить тостъ, я предложила здоровье генерала Петнема.

— Вы не должны предлагать здѣсь эти тосты, сказалъ мнѣ вполголоса полковникъ Шериффъ.

Но серъ Уильямъ Гоу любезно отвѣчалъ. — Отчего же нѣтъ, если онъ избранникъ сердца мисъ Монкрифъ, я охотно выпью за его здоровье.

Это поставило меня въ очень неловкое положеніе, я хотѣла быть за тысячи миль отсюда и чтобы обратить вниманіе общества на другой предметъ кромѣ моей сконфуженной особы, я передала генералу Гоу письмо, которое мнѣ далъ къ нему генералъ Петнемъ.

Послѣ обѣда генералъ Гоу сказалъ мнѣ, что мой отецъ въ арміи лорда Перси и любезно предложилъ мнѣ свою коляску, чтобы довезти меня къ отцу, прибавивъ еще любезнѣе, что среди такого множества кавалеровъ молодая леди не можетъ не найти чичисбея, чтобы проводить ее.

Я попросила полковника Стала, котораго знала съ дѣтства оказать эту услугу, онъ охотно согласился. Лордъ

Перси жилъ въ девяти миляхъ, отъ главной квартиры, и когда мы пріѣхали отецъ мой гулялъ съ нимъ по лужайкѣ передъ домомъ».

Лордъ Перси тотчасъ приказалъ пригововить комнату для миссъ Монкрифъ и она оставалась въ арміи все время пока англичане стояли у Стетенъ Эйланда. Маіоръ Монкрифъ былъ очень любимъ англійскими начальниками, лордъ Корнвалисъ въ знакъ дружбы усыновилъ его сына и передалъ тому свое имя. Благодаря успѣхамъ англичанъ въ первые годы войны маіоръ Монкрифъ снова вступилъ во владѣніе своимъ домомъ и имѣніемъ въ Нью-Іоркѣ. Монкрифъ поселился съ дочерью въ своемъ домѣ и пригласилъ для дочери вдову англійскаго генералъ-казначея, потому что ему самому приходилось часто бывать въ отсутствіи. Миссъ Монкрифъ пользовалась не смотря на приставленную дуэнью полной свободой; она ѣздила гостить къ знакомымъ въ ихъ имѣнія и часто бывала у одной пожилой женщины мистрисъ Вудъ, жены американца и вига, но которая какъ англичанка, была въ дружескихъ связяхъ съ тори. Въ одно изъ ея гощеній у мистрисъ Вудъ съ миссъ Монкрифъ случилось происшествіе, о которомъ она не упоминаетъ ни слова въ своихъ запискахъ, что въ высшей степени странно, потому что записки ея были писаны съ цѣлью возбудить сочувствіе англійскаго двора и общества къ своиму несчастному положенію, и описаніе ея ареста и плѣна за услуги оказанныя королевской арміи было бы какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Подробности объ этомъ арестѣ были переданы автору мемуаровъ, сокращенный переводъ которыхъ представленъ молодымъ читательницамъ, одной дамой слышавшей обо всемъ отъ одной родственницы мистрисъ Вудъ, гостившей у ней въ одно время съ миссъ Монкрифъ и бывшей свидѣтельницей и открытія ея шпіонства и ареста. Сверхъ того этотъ разсказъ подтверждается отъ слова до

слова письмомъ одного англійскаго офицера Вотъ какъ разсказывала эта дама.

Мисъ Монкрифъ часто посѣщала свою родственницу мистрисъ Вудъ и каждый разъ вслѣдъ за ней собиралось у мистрисъ Вудъ многочисленное общество поклонниковъ молодой красавицы. Мисъ Монкрифъ, по отзывамъ людей знавшихъ ее была прелестнѣйшимъ созданіемъ. Ея темныя лоснящіеся волосы падали густыми кудрями на стройныя плечи, взглядъ ея темныхъ глазъ имѣлъ чарующуюся силу, она была ослѣпительно бѣла съ яркимъ румянцемъ на щекахъ. Она была отличной музыкантшей, пѣла и играла на арфѣ; рисовала и писала масляными красками съ замѣчательнымъ талантомъ. Въ то время мисъ Монкрифъ казалась чудомъ совершенства между американками, воспитаніе которыхъ ограничивалось преимущественно чтеніемъ библіи, хозяйствомъ и рукодѣльемъ. Что же касается возраста миссъ Монкрифъ то въ этомъ показанія свидѣтелей расходятся съ ея записками; если вѣрить запискамъ то ей въ то время едва ли минуло пятнадцать, а дама знавшая ее утверждала что ей было навѣрно двадцать. Если миссъ Монкрифъ въ своихъ запискахъ не пожертвовала истиной ради женской слабости скрывать лѣта, то слѣдуетъ заключить, что она была и физически и умственно развита не по лѣтамъ. Молодая красавица любила блестѣть въ обществѣ и обращала на себя вниманіе роскошнымъ туалетомъ; сундуки нарядовъ, которые она привозила съ собой не могли уставиться въ ея комнатѣ, не смотря на то что ей отводилась одна изъ самыхъ просторныхъ комнатъ. «Ея платья годились бы для королейской дочери», говорили непривыкшія къ роскоши американки, но ихъ братья и сыновья прибавляли что ея красота затмѣваетъ и эти наряды.

Миссъ Монкрифъ какъ большинство женщинъ того времени какъ англичанокъ, такъ и американокъ была отличной наѣздницей и каждый день дѣлала дальнія прогулки *верхомъ* часто въ сопровожденіи двѣнадцати-лѣтняго сына

мистрисъ Вудъ. Она безстрашно управлялась съ самой горячей лошадью и не уступала любимому спорстмену на скачкѣ. Платье, которое она носила въ своихъ прогулкахъ верхомъ дало богатую пищу къ пересудамъ всѣмъ сосѣднимъ кумушкамъ. Она носила синее суконное платье, съ длинной узкой юбкой; кофта скроенная въ формѣ сертука съ фалдами плотно обтягивала ея талію и была выложена по швамъ золотымъ шнуркомъ. Кофта раскрывалась спереди и выказывала замшевый жилетъ съ гладкими золотыми пуговицами; длинный выемъ жилета въ свою очередь выказывалъ бѣлую рубашку, съ сплоенными фрезами и бѣлый батистовой платокъ повязанный галстукомъ. Къ довершенію скандальнаго костюма миссъ Монкрифъ носила треугольную бѣлую войлочную шляпу съ отогнутыми полями и маленькимъ султаномъ. Много обвиненій посыпалось на хорошенькую головку миссъ Монкрифъ за такое неуваженіе къ общественному мнѣнію и за ея мужское платье, но она продолжала разъѣзжать въ своей амозонкѣ; она любила обращать на себя вниманіе.

У мистрисъ Вудъ собиралось многочисленное общество; съ пріѣздомъ миссъ Монкрифъ гостиныя и залы ея просторнаго дома были буквально биткомъ набиты посѣтителями. Въ числѣ ихъ было много американскихъ офицеровъ пріѣзжавшихъ изъ лагеря, которымъ миссъ Монкрифъ особенно старалась нравиться. Она искусно скрывала свои политическія убѣжденія, съ жаромъ принимала во всѣхъ разговорахъ сторону виговъ и выказывала самое непритворное негодованіе противъ англичанъ, которыхъ звала «притѣснителями отечества». Молодые офицеры были вдвойнѣ очарованы и красотой и патріотизмомъ молодой дѣвушки; они довѣрчиво говорили съ нею о положеніи дѣлъ, средствахъ страны, настроеніи войска и конгресса, о планахъ военачальниковъ и предполагаемыхъ движеніяхъ войска чтобы обойти непріятеля. Миссъ Монкрифъ съ необыкновенною ловкостью успѣла то шутками, то подразниваньемъ, то

серьезнымъ и торжественнымъ тономъ своихъ вопросовъ заставлять ихъ высказываться. Молодые люди не воображали что часто въ тотъ же день все, что они говорили было извѣстно непріятелю.

Разъ утромъ миссъ Монкрифъ отправилась верхомъ одна, что она дѣлала очень часто. Она отъѣхала не далеко какъ вдругъ ея лошадь, испугавшись лая собаки выбѣжавшей изъ ближней фермы, кинулась въ сторону и сбросила ее. Миссъ Монкрифъ падая ударилась такъ сильно о землю, что лишилась чувствъ. На фермѣ не было мущинъ; женщины выбѣжали къ ней на помощь, подняли снесли въ комнату и положили на кровать. Одна изъ нихъ растегнула ей жилетъ чтобы дать ей вздохнуть свободнѣе, изъ подъ жилета выпало письмо, которое подняли и положили на столъ, она начала нѣсколько приходить въ себя когда работникъ фермы вернулся съ поля, узнавъ о случившемся несчастіи. Когда къ ней вернулось сознаніе миссъ Монкрифъ первымъ дѣломъ схватилась за жилетъ и увидя разстегнутыя полы вскочила въ ужасѣ.

— Кто разстегнулъ мой жилетъ? Гдѣ письмо? О, я погибла, погибла! вскричала она въ страшномъ волненіи.

Одна изъ женщинъ взяла письмо и протягивала уже руку къ ней, когда работникъ, которому испугъ миссъ Монкрифъ показался подозрительнымъ, кинулся на письмо и схвативъ его взглянулъ на адресъ. Письмо было адресовано въ Нью-Іоркъ. Онъ спряталъ письмо въ карманъ. Напрасно миссъ Монкрифъ съ слезами умоляла его отдать письмо; ея просьбы и слезы только сильнѣе укрѣпляли работника въ намѣреніи представить письмо начальству. Миссъ Монкрифъ не оставалось ничего болѣе, какъ по скорѣе одѣться и скакать къ дому мистрисъ Вудъ. Она отдѣлалась только сильнымъ обморокомъ. Примчавшись къ своей родственницѣ, она тотчасъ начала укладываться чтобы немедля ѣхать въ Нью-Іоркъ. Но сборы ея не были еще и въ половину окончены, какъ подозрительное письмо было уже въ

рукахъ начальства и офицеръ съ отрядомъ конныхъ солдатъ былъ посланъ арестовать ее. Офицеръ объявилъ миссъ Монкрифъ, что она его плѣнница и ее повезли подъ конвоемъ черезъ рѣку въ ближайшую гостинницу, гдѣ ей отвели комнату и приставили караулъ.

Перехваченное письмо должно было передать въ Нью-Іоркъ извѣстіе о предполагаемомъ движеніи американской арміи. Наряженное слѣдствіе открыло, что молодая дѣвушка постоянно передавала свѣдѣнія подобнаго рода, которые ей неосторожно сообщали влюбленные молодые офицеры. Миссъ Монкрифъ обыкновенно скрывала письмо подъ жилетомъ и потомъ во время своихъ прогулокъ верхомъ прятала ихъ въ условленное мѣсто на дорогѣ. Спрятанный въ кустахъ посланный бралъ письмо и относилъ его другому агенту, который жилъ на берегу рѣки и доставлялъ его до мѣста назначенія. Такъ показалъ на слѣдствіи самъ посланный въ добровольномъ признаніи. Онъ былъ человѣкъ семейный и, услыхавъ объ арестѣ миссъ Монкрифъ и боясь наказанія, счелъ за лучшее отдаться въ руки американцевъ въ надеждѣ помилованія за свое показаніе противъ молодой дѣвушки шпіонки. Его продержали въ тюрмѣ во время слѣдствія и потомъ отпустили.

Всѣ вещи миссъ Монкрифъ были пересмотрѣны и въ ея сундукахъ съ нарядами были найдены многія бумаги съ отчетомъ объ американской арміи, и въ томъ числѣ планъ американской крѣпости, сверхъ котораго былъ нарисованъ букетъ цвѣтовъ. Англійскіе офицеры просили американцевъ пощадить мисъ Монкрифъ. Американцы не имѣли намѣренія жестоко поступить съ молодой дѣвушкой, у которой были сильныя связи какъ и въ партіи тори такъ и виговъ. Оставить ее безъ наказанія было тоже невозможно, потому что оскорбленный народъ требовалъ примѣра, военно-уголовные законы не примѣнялись къ женщинѣ. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія американскіе военачальники оттягивали судъ надъ мисъ Монкрифъ чтобы

дать остыть народному негодованію, и наконецъ порѣшили принявъ во вниманіе ея молодость отдать ее отцу. Преступленіе, за которое мущину ждала въ то время висѣлица было прощено женщинѣ. Отрядъ солдатъ проводилъ миссъ Монкрифъ до англійскихъ аванпостовъ и сдалъ ее англійскому офицеру, который взялся проводить ее къ отцу. Миссъ Монкрифъ только лишилась права переступать за линію американскихъ войскъ.

Пресса того времени всего только одинъ разъ упоминаемъ объ обвиненіи въ шпіонствѣ и арестѣ миссъ Монкрифъ; и то только газета тори, что вполнѣ понятно, потому что начальники американскихъ войскъ, арестовавшіе миссъ Монкрифъ и желавшіе спасти ее, весьма естественно не захотѣли придать гласность ея дѣлу. Въ Universal Magazine было напечатано письмо одного тори, въ которомъ было сказано между прочимъ:

«Безъ сомнѣнія уже извѣстно дома (т. е. въ Англіи), что дочь иля сестра маіора британскихъ піонеровъ Монкрифа была арестована бунтовщиками. Ее держатъ подъ арестомъ въ домѣ нѣкоего Элькинса на берегу Гудсоновой рѣки, близь мѣстечка Пикс-гилля. По полученнымъ свѣдѣніямъ съ ней обращаются съ должнымъ уваженіемъ, но не позволяютъ выходить изъ дома иначе какъ въ сопровожденіи одного изъ тюремщиковъ. Нелѣпое обвиненіе по которому она задержана не заслуживаетъ даже одной минуты изслѣдованія; однако мы слышали, что Ньюманъ лейтенантъ арміи бунтовщиковъ, воторый былъ замѣшанъ въ обвиненіи, получилъ отставку и былъ отправленъ домой».

Шпіонство миссъ Монкрифъ названо справедливо преступленіемъ. Оставя въ сторонѣ вопросъ о томъ что она служила партія угнетавшей колоніи, взглянемъ на дѣло исключительно съ ея личной точки зрѣнія. Изъ очерка ея жизни видно, что она дѣйствовала вовсе не подъ вліяніемъ преданности своей партіи и принципамъ лоялизма, въ которыхъ выросла, но изъ любви къ приключеніямъ;

еслибы эти принципы были сильны въ ней на столько чтобы быть двигателями ея чувствъ и поступковъ, то такой человѣкъ какъ полковникъ Бёрръ, герой войны за независимость не могъ произвести на нее неизгладимое впечатлѣніе и внушить ей «непреодолимую рѣшимость быть его женой». А что это «неизгладимое впечатлѣніе» не было съ ея стороны уловкой какъ ея кокетничанье съ другими американскими офицерами, доказываютъ ея мемуары; она писала ихъ какъ мы выше видѣли, съ цѣлью разжалобить англійскій дворъ и общество къ своимъ несчастіямъ, и разумѣется не стала бы взводить на себя поклепъ въ любви къ врагу англійскаго короля.

Жизнь миссъ Монкрифъ въ Нью-Іоркѣ по возвращеніи изъ подъ ареста была рядомъ побѣдъ и праздниковъ. У ней были толпы поклонниковъ, но она не думала выходить ни за одного изъ нихъ, всего менѣе за того человѣка, который вскорѣ сдѣлался ея мужемъ. Мистеръ Когленъ, ирландскій офицеръ, влюбился въ миссъ Монкрифъ увидѣвъ ее на балѣ, вкрался въ довѣренность отца и бѣдная дѣвушка не могла противиться ни просьбамъ и увѣщаніямъ брата, ни приказаніямъ отца. Она пыталась было обратиться къ великодушію жениха и просила его отказаться отъ ея руки, но напрасно.

«Я не могла устоять противъ этихъ несчастныхъ вліяній, писала она въ своихъ мемуарахъ: «и была обвѣнчана съ мистеромъ Джономъ Когленомъ въ Нью-Іоркѣ, 28 февраля 1777 года, по разрѣшенію данному сэромъ Уильямъ Трайономъ, который былъ тогда гражданскимъ губернаторомъ».

Эта безхарактерность миссъ Монкрифъ доказываетъ что она вовсе не годилась въ героини, героизмъ не можетъ быть безъ крупной нравственной силы. Дѣвушка, которая соглашается быть женой человѣка на столько безнравственнаго и низкаго, что онъ способенъ насильно жениться пользуясь деспотизмомъ отца, такая дѣвушка не только не

можетъ быть героиней, но и честной женщиной. Никакія силы въ мірѣ не заставили бы героиню Америки отдаться человѣку, котораго она бы не уважала и не любила; религіозную дѣвушку произнести ложную клятву передъ алтаремъ Бога. Бракъ заключенный при такихъ условіяхъ естественно не могъ быть счастливъ. Кумушки того времени, бывшія на свадьбѣ предрекли несчастіе молодымъ супругамъ, потому что пасторъ, исполнявшій надъ мистеромъ Когленъ и миссъ Монкрифъ обрядъ бракосочетанія, занемогъ вскорѣ по окончаніи церемоніи и умеръ черезъ три дня, и когда молодые зажили не дружно, онѣ съ сожалѣніемъ смѣшаннымъ съ торжествомъ вспоминали о своемъ предсказаніи.

Мисъ Монкрифъ весьма естественно не могла скрывать свое отвращеніе къ человѣку насильно овладѣвшему ею; онъ мстилъ ей за то грубымъ обхожденіемъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ замужества своего мисъ Монкрифъ воспользовалась отъѣздомъ мужа съ полкомъ въ Филадельфію, чтобы остаться съ отцомъ въ Нью-Іоркѣ; но въ слѣдующемъ году ей пришлось разстаться съ друзьями и родственниками и ѣхать вслѣдъ за мужемъ черезъ далекій океанъ въ Ирландію. Они поселились въ Коркѣ. Съ этого времени записки мистрисъ Когленъ говорятъ только о возмутительныхъ сценахъ и тяжелыхъ нравственныхъ страданіяхъ, не сдерживаемыхъ болѣе присутствіемъ родныхъ и друзей. Когленъ обращался съ женой съ отвратительнымъ не вниманіемъ и грубостью; молодая женщина не могла выносить долѣе свое униженіе и убѣжала отъ него. Она ушла пѣшкомъ, одна и безъ гроша. Безпомощное положеніе, нищета, отчаяніе толкнула ее въ пропасть порока, откуда благодаря фарисейской жестокости общества, для женщины нѣтъ выхода.

Она повела безпорядочную жизнь и съ 1780 до 1795 года, надѣлала своими скандальными приключеніями много шума въ придворныхъ и фешіонебельныхъ кружкахъ Ан-

гліи. Она жила то въ роскоши, бросая горстями золото на малѣйшую прихоть, то въ страшной нищетѣ, часто не имѣя ни куска хлѣба ни пары башмаковъ; нося въ глубинѣ души во всѣхъ перемѣнахъ своей пестрой жизни, гложущее чувство своего позора, которое она не могла заглушить ни чѣмъ. Отецъ, который выдавъ ее насильно былъ самъ виной ея паденія, отрекся отъ нея; онъ поселился въ Нью-Іоркѣ, никогда не упоминалъ имени дочери, и вскорѣ умеръ. Братъ помогалъ ей, выручалъ ее изъ бѣды, уплачивая ея долги; двѣ сестры матери тоже помогали ей, но это было недостаточно. Она написала свои записки въ надеждѣ возбудить жалость двора и общества. Но надежда эта была обманута. Она пробѣдствовала до глубокой старости и умерла въ нищетѣ, покинутая всѣми, оставя собой печальный примѣръ того, какъ безполезны бываютъ и замѣчательныя способности, если онѣ не опираются на строгіе принципы: независимости, собственнаго достоинства и труда, которые одни могутъ дать женщинѣ силу устоять въ часъ искушенія и не позволитъ чужой волѣ изломать свою жизнь.

Впрочемъ авторъ мемуаровъ совершенно напрасно причисляетъ миссъ Монкрифъ къ героинямъ лагеря враждебнаго Америкѣ. Отвозить тайкомъ письма, играть роль шпіона въ лагерѣ враговъ поступокъ безъ сомнѣнія смѣлый, но до героизма далеко, и миссъ Монкрифъ когда перехватили ея письмо не только не выказала геройства, но выдала себя по недостатку твердости и самообладанія. Сравните ее съ Дайсей Лэнгстонъ или Емиліей Гейджеръ и вы увидите, кто изъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ имѣетъ право на громкое имя героини.

АНЕКДОТЫ.

Въ концѣ мемуаровъ мистрисъ Эллетъ помѣщенъ цѣлый отдѣлъ подъ заглавіемъ: «анекдоты», изъ которыхъ мы выбираемъ наиболѣе интересные для молодыхъ читательницъ

Армія Пётнэма была обязана своимъ спасеніемъ женщинѣ; объ этомъ упоминаетъ Вашингтонъ Ирвингъ въ своей біографіи Вашингтона и Ботта въ своей исторіи войны за независимость. Генералъ-маіоръ Пётнэмъ, очиститъ Нью-Іоркъ пошелъ въ обходъ дорогой вдоль рѣки чтобы не встрѣтиться съ англійскими войсками вступавшими въ городъ съ двухъ сторонъ. Эта дорога, пересѣкалась другой, которая должна была привести его прямо къ главной американской арміи. Не далеко отъ мѣста, гдѣ скрещивались дороги, находилось имѣніе Гренджъ, принадлежавшее мистрисъ Мёррей, которая была ревностная республиканка, или какъ тогда говорили патріотка, не смотря на то что мужъ ея былъ тори. Вскорѣ послѣ прохода Пётнэма мимо Гренджа, на туже дорогу вышла съ другой стороны сильная дивизія англичанъ и гессенцевъ, которая неизбѣжно встрѣтилась бы съ Пётнэмомъ, прежде нежели тотъ успѣлъ бы дойти до перекрестка дороги, по которой отступила американская армія. Не зная, что непріятель такъ близко впереди, англійское войско остановилось на роздыхъ у Гренджа. Мистрисъ Мёррей на этотъ разъ встрѣтила непріятеля угощеніемъ, какъ встрѣчала войска республики; пригласила офицеровъ къ себѣ, поставила вина, завтракъ и задержала ихъ любезностью цѣлыхъ два часа. Губерна-

торъ Тріонъ, бывшій тоже въ числѣ непріятеля занимавшаго Нью-Іоркъ, все время подтрунивалъ надъ бѣгствомъ, какъ онъ называлъ отступленіе американцевъ. Мистрисъ Мёррей выслушивала шутки съ отлично съигранной веселостью, не выдавъ ни чѣмъ своей тревоги. Когда англичане выступили въ походъ, Пётнэмъ былъ уже далеко за перекресткомъ дороги къ главной арміи.

Тоже сдѣлала другая женщина съ отрядомъ кавалеріи. Лазутчики виговъ привезли извѣстіе, что полковникъ Тарльтонъ идетъ форсированнымъ маршемъ въ Чарльстонъ захватить всѣхъ членовъ суда, который тогда собрался на зимнюю сессію. Нѣкоторые изъ членовъ были въ гостяхъ на плантаціи полковника виговъ Джона Уакера, находившейся не далеко отъ Чарльстона. Извѣстіе пришло поздно, и вслѣдъ за посланнымъ появились и англійскіе солдаты съ торіями у воротъ дома. Тарльтонъ арестовалъ двухъ членовъ суда, остальные успѣли убѣжать, благодаря помощи мистрисъ Уакеръ. Тарльтонъ потребовалъ обѣда для голодныхъ солдатъ. Мистрисъ Уакеръ нарочно мѣшкала приготовленіями ссылаясь на трудность найти съѣстные припасы для такого множества людей въ раззоренной странѣ. Наконецъ обѣдъ былъ изготовленъ, и мистрисъ Уакеръ пригласила къ обѣду и Тарльтона съ офицерами и торіями и такъ долго задержала его угощеніемъ и любезностью, что бѣжавшіе члены суда успѣли достигнуть Чарльстона и припрятать бумаги.

Въ это время неизвѣстности, когда будущее могущественной республики лежало на вѣсахъ судьбы, дѣятельность женщинъ значила много. Армія Вашингтона, спасенная разъ женщиной, Лидіей Дэррэ, едва не была погублена въ другой разъ женщиной. Жена Джона Репэльджъ жила въ своемъ деревенскомъ домѣ на Лонгъ-Эйландѣ близь Брукской переправы Brook Ferry. Джонъ Репэльджъ былъ

роялистъ и она вполнѣ раздѣляла убѣжденія мужа. Въ 1776 году она продолжала пить запрещенный чай. Нѣсколько подпившихъ милиціонеровъ - виговъ стали стрѣлять въ окна, въ то время когда она сидѣла за чайнымъ столомъ, Они были наказаны начальствомъ, но мистрисъ Репэльджъ не удовлетворилась наказаніемъ найдя его слишкомъ легкимъ. Когда Вашингтонъ, стоявшій въ эту зиму лагеремъ на Лонгъ Эйландѣ, сталъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ готовиться съ величайшей таинственностью къ своему знаменитому ночному отступленію, мистрисъ Репэльджъ, изъ оконъ дома которой видно была Brook Ferry, догадалась въ чемъ дѣло, увидѣвъ множество лодокъ на рѣкѣ и повозокъ на обоихъ берегахъ, и въ отмщеніе за полученное оскорбленіе, отправила своего негра къ англійскому главнокомандующему съ увѣдомленіемъ о предполагаемомъ отступленіи. Негръ, къ счастью, попался въ руки часоваго гессенца, который, не понявъ ни слова изъ того, что онъ говорилъ, продержалъ его до утра. Онъ прибылъ въ главную квартиру англійской арміи, когда американская армія съ обозомъ и артиллеріей успѣла уже переправиться благополучно черезъ рѣку.

Историки войны за независимость и біографы Вашингтона говорятъ, что если бы англичане напали на него во время этой ночной переправы, то легко могли бы уничтожить всю армію. «Отъ такой счастливой случайности зависѣла судьба зарождавшейся республики», говоритъ мистрисъ Эллетъ. Но судьба народовъ не въ рукахъ войска, она въ ихъ собственныхъ рукахъ. Пораженіе, даже уничтоженіе арміи Вашингтона не могло бы погубить зарождавшуюся республику, когда весь народъ не исключая и женщинъ единодушно стоялъ за нее. Пораженіе арміи Вашингтона могло только отсрочить ея рожденіе на неопредѣленное время; и мистрисъ Репельджъ едва не была причиной перетянувшей въ противную сторону колебавшіеся вѣсы.

Общественная казна форта Форти была спасена находчивостью молодой дѣвушкой. Казна эта была очень не велика и заключалась въ небольшомъ кошелѣ полномъ долларовъ. Когда полковникъ Денизонъ командовавшій фортомъ былъ принужденъ сдать его англійскому полковнику Бётлеру, мисъ Беннетъ съ одной подругой спрятались на дерновой скалѣ на гласисѣ и слышали переговоры обоихъ полковниковъ и условія капитуляціи, которыя были подписаны немедля. Денизонъ упрекалъ Бётлера за допущенный имъ грабежъ индѣйцевъ, тотъ оправдывался невозможностью дисциплинировать ихъ дикія шайки. Еще упреки и извиненія не были окончены, какъ индѣйцы ворвались въ фортъ. Одинъ изъ нихъ сорвалъ шляпу съ головы Денизона, другой потребовалъ его сертукъ. Денизонъ видя занесенный надъ головой тамогаукъ былъ принужденъ уступить. Въ карманѣ сертука лежала казна форта. Чтобы спасти ее, онъ сдѣлалъ видъ что не можетъ сдернуть сертукъ и подошелъ къ молодымъ дѣвушкамъ съ просьбой оказать ему эту услугу. Молоденькая подруга мисъ Беннетъ догадалась въ чемъ дѣло, и помогая Денизону снять сертукъ, ловко спрятала кошель подъ свой передникъ.

Жена Джона Мериля въ графствѣ Нельсонъ въ Кентукки выказала героизмъ, который можно было бы назвать необыкновеннымъ, если бы онъ былъ выказанъ другой женщиной а не американкой. Объ этомъ упоминаютъ многіе американскіе авторы: Дрекъ въ своей книгѣ объ индѣйцахъ, Макъ Клёнгъ въ своихъ очеркахъ западной жизни.

Индѣйцы напали ночью на ферму Мерриля. Испуганный лаемъ собакъ онъ отворилъ дверь; раздалось нѣсколько выстрѣловъ и Мериль раненый упалъ на порогѣ. Жена его амазонка по силѣ и неустрашимости оттащила его и заперла дверь. Затѣмъ схвативъ топоръ встала у двери. Индѣйцы ломились и вскорѣ сдѣлали значительный проломъ въ двери дубинами. Она ранила и убила четверыхъ, которые

пытались ворваться въ домъ черезъ сдѣланный проломъ. Тогда индѣйцы влѣзли на крышу чтобы спуститься черезъ трубу. Въ каминѣ тлѣло нѣсколько угольевъ, она схватила перину и бросила ее въ каминъ. Перина вспыхнула. Двое индѣйцевъ спускавшихся черезъ трубу, полузадохшись отъ дыма и огня, свалились на полъ; она убила ихъ и ранила еще въ щеку послѣдняго индѣйца разбивавшаго дверь. Онъ убѣжалъ съ громкими криками; и послѣ разсказывалъ своимъ соплеменникамъ о необыкновенной силѣ и свирѣпости «бѣлой сквау съ длиннымъ ножемъ».

Експиріенсъ Бозертъ, жена фермера юго-западной части графства Гринъ въ Пенсильваніи выказала мужество и силу равную мистрисъ Мерили. Въ 1779 году въ ея домѣ собралось три семейства сосѣдей. Сильный характеръ Експиріенсъ невольно внушалъ всѣмъ довѣріе и бодрость, и женщины и дѣти чувствовали себя безопаснѣе въ ея присутствіи.

Въ одно утро дѣти, сбиравшіе траву въ полѣ для скота, который кормили теперь въ хлѣвахъ, прибѣжали въ испугѣ крича что на ферму идутъ краснокожіе. Одинъ изъ бывшихъ на фермѣ мущинъ виговъ пошелъ запереть дверь, былъ раненъ выстрѣломъ, упалъ и индѣецъ черезъ него ворвался въ комнату, и напалъ на другаго вига, который повалилъ его на постель и лежа на немъ требовалъ ножа. Ненаходя ножа мистрисъ Бозертъ схватила топоръ и убила индѣйца. Другой индѣецъ вошелъ въ комнату и застрѣлилъ вига, который еще не успѣлъ освободиться отъ трупа убитаго индѣйца. Мистрисъ Бозертъ нанесла и ему нѣсколько ударовъ топоромъ. Индѣецъ упалъ, но поднялъ крикъ и остальные индѣйцы убивавшіе дѣтей на дворѣ, побѣжали къ нему на помощь. Мистрисъ Бозертъ убила перваго, который показался въ дверяхъ; другой индѣецъ поднялъ раненаго, а мистрисъ Бозертъ съ помощью перваго вига, который нѣсколько оправился отъ раны заперла дверь и задерживала *осаждающихъ* пока неподоспѣла помощь.

Опасности, которыя выносили женщины вмѣсто того чтобы внушать имъ эгоистическій страхъ за свое спасеніе, развивали въ нихъ самоотверженіе и готовность стоять крѣпко другъ за друга. Нѣсколько молодыхъ женщинъ дергали ленъ на полѣ за небольшимъ фортомъ, стоявшимъ на берегу Зеленой рѣки, Green River. Онѣ ушли на дальній конецъ поля, и спѣшили докончить работу, потому что смеркалось. Къ нимъ на помощь пришли двѣ женщины, одна пожилая, другая молодая съ груднымъ ребенкомъ. Изъ сосѣдней рощи выбѣжали индѣйцы и кинулись на женщинъ. Тѣ побѣжали, индѣйцы преслѣдовали ихъ стрѣляя на бѣгу изъ ружей. Пожилая женщина вспомнила что молодая, слабая женщина небольшаго роста, не могла скоро бѣжать съ ребенкомъ на рукахъ, остановилась подождать ее и въ виду стрѣлявшихъ индѣйцевъ, которые оглушали своимъ дикимъ воинственнымъ крикомъ, выхватила ребенка изъ рукъ едва державшейся на ногахъ матери и побѣжала съ нимъ до форта. Пока она хватала ребенка она получила два выстрѣла, но къ счастью оба не сдѣлали ей вреда, пуля прострѣлила юбку, а стрѣла пронзила ей рукавъ.

Дѣвочка тринадцати лѣтъ выказала еще большее мужество. Англичане захватили плантацію мистера Джибса, положеніе которой на холмѣ и на берегу рѣки было особенно удобно для укрѣпленія. Начальство Чарльстона отправило двѣ галеры съ пушками чтобы выгнать англичанъ. Галеры ночью остановились противъ плантаціи и открыли сильный огонь противъ англійскаго лагеря, разбитаго на плантаціи. Американскіе войска получили строгое приказаніе не обстрѣливать домъ, чтобы не убить или ранить мистера Джибса или кого изъ его семейства. Всѣ Джибсы были ревностными вигами, но мистеръ Джибсъ не зналъ ничего объ этомъ приказаніи, потому что былъ отрѣзанъ отъ всякихъ сообщеній съ американцами англійскимъ лаге-

ремъ. Какъ только американцы открыли огонь, опасаясь несчастнаго случая, онъ посовѣтовалъ женѣ забрать дѣтей и уйти въ бесопасное отъ выстрѣловъ мѣсто. Лошади Джибсовъ были захвачены англичанами. Мистрисъ Джибсъ взяла дѣтей и пошла подъ проливнымъ дождемъ пѣшкомъ на сосѣднюю плантацію. Ей пришлось проходить подъ непрерывнымъ огнемъ американцевъ, которые щадя домъ стрѣляли по тому направленію, по которому ей нужно было идти. Пули и картечь свистѣли около нихъ, срѣзая вѣтви деревъ и кустарниковъ, ударяясь въ толстые стволы вѣковыхъ деревьевъ, врывались въ землю у ихъ ногъ. Каждый шагъ грозилъ смертью. Они шли скорыми шагами и быстро пройдя мимо, были наконецъ внѣ выстрѣловъ. Надорогѣ стояли хижины негровъ, работниковъ плантаціи. Они зашли отдохнуть. Мистрисъ Джибсъ продрогшая отъ ночнаго холода, насквозь пробитая дождемъ упала въ изнеможеніи, ее завернули въ одѣяла и положили на постель.

Бѣглецы вздохнули свободнѣе и нѣсколько оправившись отъ испуга, начали считать всѣ ли цѣлы. Оказалось что недоставало маленькаго мальчика Джона Фенвика. Ребенка забыли въ суматохѣ. Фенвикъ былъ гость, а въ эту минуту каждый думалъ только о своихъ. Слуги, которыхъ посылали за нимъ отказывались идти, и мистеръ Джибсъ не имѣлъ права послать ихъ навѣрную смерть. Гулъ пальбы явственно доносился до хижины и ночная тишина смѣняла раскаты залповъ только на мгновеніе. Ночь была темна, дождь лилъ потоками. Мысль о покинутомъ ребенкѣ мучила неотступно Джибсовъ. Что было дѣлать.

Мери Анна, старшая дочь мистрисъ Джибсъ, вызвалась идти домой и принести ребенка. Мистрисъ Джибсъ, которая терзалась раскаяніемъ за свою непростительную забывчивость, не сочла себя въ правѣ помѣшать исполненію великодушнаго намѣренія. Она отпустила дочь. Тринадцатилѣтняя дѣвочка пустилась бѣжать изъ всѣхъ силъ подъ выстрѣлами американцевъ и добѣжала до дома, который былъ все еще

въ рукахъ англичанъ. Къ дому былъ приставленъ часовой, который долго не впускалъ ее несмотря на ея мольбы. Наконецъ онъ сжалился надъ ея слезами и пропустилъ ее. Она стрѣлой пролетѣла по всѣмъ комнатамъ дома, повторяя имя Джона, и наконецъ къ величайшей радости, когда уже отчаявалась найти его, думая что онъ скрылся куда нибудь, услышала его голосъ въ третьемъ этажѣ. Поднявъ ребенка она побѣжала обратно, подъ тѣмъ же градомъ выстрѣловъ, которые неразъ взрывали землю около ея ногъ. Счастливая судьба охраняла дѣвочку и она принесла съ торжествомъ мальчика къ своимъ родителямъ, ожидавшимъ ее въ невыразимой тревогѣ.

Самоотверженіе Анны Маріи не пропало даромъ, этотъ мальчикъ былъ впослѣдствіи генералъ Фенвикъ, отличавшійся какъ на военномъ такъ и на гражданскомъ поприщѣ.

Въ хроникахъ войны за независимость встрѣчаются много случаевъ, которые могли бы послужить канвой для романовъ, которые англичане называютъ sensation novels, т. е. романовъ приключеній бьющихъ на эффектъ.

Въ штатѣ Кентукки при Blue Lick springs, самыхъ фешіонебельныхъ водахъ того времени, было дано сраженіе, которое одѣло почти все Кентукки въ трауръ. Одинъ изъ фермеровъ, повѣсивъ ружье на плечо, заткнувъ ножъ за поясъ ушелъ въ ряды виговъ. Жена его осталась одна съ маленькой дочерью и хромымъ негромъ. Онъ ушелъ съ болѣе спокойнымъ сердцемъ чѣмъ многіе изъ сосѣдей, потому что жена его была, по тогдашнему выраженію, молодцомъ и умѣла постоять за себя.

Она доказала это не разъ среди опасностей грозившихъ каждый день въ это кровавое время, и особенно въ одномъ случаѣ выказала героизмъ, который надолго остался въ памяти у всѣхъ старожиловъ ихъ селенія. Она была въ полѣ, когда индѣйцы кинулись на нее съ своими страшными

томагауками, но она успѣла убѣжать отъ нихъ. Одинъ индѣецъ только ворвался въ слѣдъ за ней и схватился съ старымъ негромъ. Хромой старикъ былъ сбитъ съ ногъ и лежалъ безъ чувствъ; не давъ индѣйцу высвободиться изъ подъ негра, молодая женщина, успѣвшая во время схватки запереть дверь засовомъ, напала на индѣйца; они боролись нѣсколько секундъ, и видя что онъ уже освобождаетъ свою руку съ ножомъ, придавленную негромъ, она крикнула дочери чтобы та подала ей изъ подъ кровати топоръ и раскроила голову индѣйцу.

Мужъ ея былъ взятъ въ плѣнъ въ сраженіи при Блюликскихъ водахъ и долженъ былъ вмѣстѣ съ прочими плѣнными пройти сквозь страшный индѣйскій строй, въ которомъ томагауки замѣняли военные шпицрутены. По какому то необъяснимо капризу индѣйцевъ онъ остался живъ, получивъ нѣсколько легкихъ ранъ и пробылъ въ плѣну болѣе года. Жена считала его умершимъ, потому что всѣ плѣнные были убиты. Она оплакала его, но время сдѣлало свое и она стала покойнѣе къ концу года. Одинъ изъ сосѣдей сталъ свататься за нее, она и слышать не хотѣла о новомъ бракѣ. Не смотря на положительное извѣстіе о рѣзнѣ всѣхъ плѣнныхъ, ей по временамъ казалось что мужъ ея долженъ быть живъ. Родные и сосѣди смѣялись надъ ея фантазіями старая мать настаивала вмѣстѣ съ родными чтобы она вышла замужъ, потому что въ эти опасныя времена положеніе женщины безъ защитника было ужасно. Грозившій зимой голодъ и страхъ за участь дочери, которую она не знала чѣмъ прокормить, говорили сильнѣе убѣжденій матери и родныхъ она согласилась, но самая мысль объ этомъ бракѣ была такъ тяжела для нея, что она нѣсколько разъ откладывала день свадьбы, назначенный по убѣжденіямъ родныхъ, которые тоже со своей стороны были рады сложить съ своихъ плечь и отвѣтственность за молодую женщину и заботу о ней. Наконецъ неотступныя настоянія родныхъ заставили

ее назначить рѣшительный день и дать слово, что не отложитъ его болѣе.

На разсвѣтѣ назначеннаго дня, она проснулась послѣ короткаго и взволнованнаго сна, который сомкнулъ ея глаза на нѣсколько минутъ и услышала ружейный выстрѣлъ недалеко отъ своей хижины. Задрожавъ всѣмъ тѣломъ отъ знакомаго звука, она кинулась изъ комнаты, «какъ освобожденная лань», по ея собственному выраженію, съ радостнымъ крикомъ: — Это ружье Джона, отворила дверь и упала на руки мужа.

Уцѣлѣвшій почти чудомъ, онъ бѣжалъ изъ плѣна и вернулся какъ нельзя болѣе кстати. Черезъ девять лѣтъ онъ былъ убитъ при пораженіи Сен-Клера и вдова его черезъ годъ вышла за стараго жениха.

Женщины Америки умѣли при встрѣчѣ съ непріятелемъ поддерживать свое достоинство гражданокъ. Не смотря на всѣ угрозы и опасности онѣ отказывались принимать участіе въ торжествѣ враговъ. Газеты того времени нѣсколько разъ повторяли разсказъ о смѣломъ сопротивленіи мистрисъ Томасъ Гейуардъ приказанію англійскихъ военачальниковъ. Англичане отдали приказъ освѣтить всѣ окна дома Чарльстона въ честь своей побѣды при Гильфордѣ. Одинъ домъ занятый мистрисъ Гейуардъ смотрѣлъ темнымъ пятномъ среди залитыхъ огнями домовъ. Посланный къ ней офицеръ спросилъ о причинѣ такого неуваженія воли начальства.

— Неужели вы ожидаете, что я стану радоваться вашей побѣдѣ, тѣмъ болѣе, что мужъ мой плѣнникъ при Сенъ-Аугустинѣ! отвѣчала она.

Офицеръ повторилъ требованіе освѣтить окно.

— Не одна свѣча, сказала она, не будетъ поставлена по моему приказанію.

Офицеръ отвѣчалъ на это угрозой, что домъ ея будетъ разрушенъ до полуночи, но мистрисъ Гейуардъ была непоколебима.

Когда на слѣдующій годъ праздновали годовщину этой битвы и былъ снова отданъ приказъ освѣтить всѣ окна, мистрисъ Гейуардъ снова отказалась повиноваться. Толпа пьяной черни подкупленной торіями стала швырять картечи и каменья въ окна дома. Сестра ея лежавшая давно въ огоніи, умерла при дикихъ крикахъ толпы, звонѣ битыхъ оконъ и трескѣ ломавшейся мебели. Начальникъ города прислалъ офицера съ извиненіемъ и предложеніемъ вознаградить ее за убытки и исправить домъ на счетъ англичанъ. Мистрисъ Гейуардъ поблагодарила но отказала, отозвавшись что непріятельскія власти не могутъ вознаградить ее за оскорбленіе, которое не должны бы были допустить.

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305

